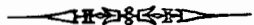

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

IX

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Т о м IX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1954

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
проф. С. Б. БЕРНШТЕЙН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение внутренних законов развития языка возможно лишь на основе углубленного исследования истории отдельных языков, их грамматического строя и основного словарного фонда.

Славянские языки восходят к общему предку, к общеславянскому „языку-основе“. Элементы современных славянских языков были заложены в глубокой древности, первые же памятники славянской письменности появились сравнительно поздно (лишь в конце I тысячелетия н. э.). До этого периода славянские языки развивались в течение очень длительного времени. В результате ряда законов (например, закона утраты закрытых слогов) они претерпели многие существенные изменения в звуковом и грамматическом строе. В связи с развитием общества возникали и утрачивались слова, изменялось значение многих слов, развивался и обогащался основной словарный фонд. Изучение дописьменного периода истории славянских языков представляет собою важнейшую задачу современной науки. Решается она с помощью сравнительно-исторического изучения родственных славянских (а также и других индоевропейских) языков.

Большое значение для изучения древнейшего периода в истории славянских языков имеет старославянский язык. Научное изучение этого языка, начатое свыше ста лет назад, дало возможность обнаружить ряд законов общеславянского „языка-основы“, установить многие важные факты и процессы. Большой вклад в дело изучения старославянского языка сделали русские слависты (А. Х. Востоков, П. С. Билярский, И. И. Срезневский, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, В. Н. Щепкин, А. М. Селищев и др.).

Несмотря на значительное число исследований, посвященных старославянскому языку, многие вопросы до сих пор остаются неизученными. В первую очередь это относится к синтаксису старославянского языка и его словарному составу. Именно поэтому эти проблемы находятся в центре внимания советских исследователей.

В IX томе „Ученых записок“ Института славяноведения напечатаны исследования по старославянскому языку. Отдельным вопросом старославянского синтаксиса посвящены исследования Е. Т. Черкасовой и В. В. Бородич. Е. Т. Черкасова в работе „Причинные союзы и их значения в старославянском языке“ всесторонне исследует важный синтаксический вопрос. В. В. Бородич посвятила свою работу „К вопросу о видовых отношениях старославянского глагола“, представляющую собой главу из законченного исследования, важнейшей проблеме грамматического строя старославянского языка.

Большое значение в настоящее время приобретает изучение старославянской лексики. Этой теме посвящены два исследования: А. С. Львова

„Из наблюдений над лексикой старославянских памятников“ и К. И. Ходовой „Из наблюдений над лексикой древнерусского списка „Жития Нифонта“ 1219 г.“. В обоих исследованиях содержится большой материал, характеризующий взаимоотношения словарного состава старославянского и русского языков.

Изучение основного словарного фонда старославянского языка имеет первостепенное значение для решения вопросов этногенеза славян, для понимания древнейших судеб славянства.

Значительное место в трудах советских лингвистов в последние годы заняли вопросы словообразования, хотя в этом направлении предстоит еще большая работа. Это в первую очередь относится к сравнительно-историческому изучению славянского словообразования. До сих пор вопросам словообразования сравнительной грамматики славянских языков уделяется очень мало внимания, а это, в свою очередь, задерживает изучение древнейшего словарного фонда славянских языков, славянской этимологии. В данном томе мы публикуем статью Р. М. Цейтлин „Об основных значениях приименной приставки **па-** в славянских языках“.

Статья Е. В. Немченко „Именные формы действительных причастий в древнейших памятниках чешского языка“ представляет собой главу из кандидатской диссертации, посвященной истории именных причастий действительного залога в чешском языке.

Е. Т. Черкасова

ПРИЧИННЫЕ СОЮЗЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЯ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Наша статья посвящена исследованию категории причинных союзов. На материале старославянского языка выявляются значения причинных союзов¹ и на материалах других славянских языков (преимущественно восточнославянских) прослеживаются качественные изменения, которые они претерпели в ходе исторического развития этих языков.

Сохранившиеся памятники старославянского языка являются переводами с греческих оригиналов. В связи с этим при изучении этих памятников нельзя обойти вопрос о соотношении славянских и греческих текстов. Ряд исследователей, исходя из сличения славянских текстов с греческими, отмечает некоторые характерные черты славянских переводов евангелия. Грюненталь пишет: „Славянский перевод евангельских текстов не согласуется ни с определенной рукописью, ни с определенной группой рукописей...“². „Можно указать много примеров, которые свидетельствуют о вольностях перевода Евангелия..., но, с другой стороны, там, где славянский перевод совпадает с греческим подлинником, можно найти места, которые переведены чисто механически и не соответствуют характеру славянской речи. Это устанавливается путем сравнения со всей совокупностью славянских языков“³. По наблюдениям Вондрака, Саввина книга, Ассеманиево и Остромирово евангелия более близки к греческому тексту, тогда как Мариинское и Зографское дают менее древний текст и сами восходят к различным источникам⁴. Отмечая, что Вондрак не приводит примеров, подтверждающих это положение, Грюненталь пишет: „...можно считать бесспорным, что М. часто представляет иные различия сравнительно с различиями Z, причем первое восходит по преимуществу к Константиновской (Лукиановской), а последнее к западной редакции“⁵. Востоков, подводя греческий текст к Остромирову еванге-

¹ Значения причинных союзов устанавливаются нами на материалах следующих памятников старославянского языка: Мариинское евангелие (тексты евангелистов Матфея и Иоанна), Синайская псалтырь, Супрасльская рукопись, Glagolita Clošć.

² O. Grunenthal. Übersetzungstechnik der altkirchenslavischen Evangelienübersetzung. — „Arch. für slav. Phil.“, т. XXXI, ч. 3. Berlin, 1910, стр. 326. Ту же „свободу первых переводчиков, их разумное внимание к требованиям славянского языка“ отмечает и Г. А. Воскресенский („Характеристические черты четырех редакций славянского перевода евангелия от Марка“. — „Чтения в Об-ве ист. и древн. росс.“, т. I. 1896, стр. 1861).

³ Ук. соч., т. XXXII, ч. 4, стр. 47—48.

⁴ Ук. соч., т. XXXI, ч. 3, стр. 321.

⁵ Там же.

лию, писал: „Из разных вариантов греческого текста выбирал я те, которые более соответствовали словенскому переводу; почему и греческий текст, внесенный в сию книгу, не есть общепринятый, а особенный, приуроченный к переводу“¹. В отношении перевода Супрасльской рукописи и Синайской псалтыри отмечалось, что эти переводы „и переводы славянских евангелий настолько резко отличались один от другого, что лучше было бы не ставить в один ряд Евангелие и Псалтырь по языку перевода“².

Исследователю старославянского языка необходимо поэтому исходить из сличений с греческим текстом, учитывая некоторые своеобразные отклонения и опасность отнесения того, что всецело относилось к греческому языку, на долю славянского языка.

Для сравнения славянских евангельских текстов с греческими нами были взяты тексты *Novum Testamentum* Тишендорфа³. Но, учитывая, что варианты, приведенные Тишендорфом, далеко не достаточны (что уже было отмечено Грюненталем⁴), мы используем также и те варианты, которые приведены Востоковым в Остромировом евангелии.

Для Синайской псалтыри используем варианты, приведенные в словоуказателе С. Северьянова⁵.

* * *

В соответствии с частицами греческого оригинала в обследованных нами памятниках старославянского языка встречаем разнообразные по своему происхождению слова, употреблявшиеся в старославянском языке в качестве причинных союзов.

Список этих служебных слов даем по их этимологическому составу, приводя их значение по этимологическим словарям.

1. Служебные слова не местоименного происхождения.

- А. *Бо* — древнейшая⁶ первообразная частица (ст.-сл. *бо* — „потому что“; др.-русск. *бо*, укр. *бо* — „потому что“; серб.-хорв. *бо*; ст.-чешск. *bo*; польск. *bo*)⁷.
- Б. *И-бо* — союз, производный от *бо* (союз *и+бо*) (ст.-сл. *и-бо* — „потому что“; др.-русск. *и-бо* из ц.-сл.)⁸.
- В. *Не-бо* — союз, производный от *бо* (отрицание *не+бо*) (др.-русск. *не-бо*, *не-бо-нь*⁹, *не-бо-но*¹⁰; чешск. *ne-bo-n* — „потому что“¹¹; чешск. *ne-bo*, *ne-b* Бернекер дает в соответствии с немецким 'oder', Преображенский — в соответствии с русским *ибо*, *потому что*).

¹ Остромирово евангелие 1056—1057 г. Изд. А. Востокова, СПб., 1843. Предисловие, стр. 7.

² F. Jagić. Stanislaus Sloński. Die Übertragung der griechischen Nebensatzkonstruktionen in den albulgarischen Sprachdenkmälern. — „Arch. für slav. Phil.“, т. XXXII, Berlin, 1910, стр. 253. (Принятое сокр.: F. Jagić. Stanislaus Sloński).

³ *Novum testamentum graece...* K. Tischendorf. Lipsiae, 1859 (основной текст этого издания в дальнейшем обозначаем буквами NTG).

⁴ Ук. соч., т. XXXI, ч. 3, стр. 326.

⁵ Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI в. Изд. ОРЯС Росс. Ак. наук. Пг., 1922. Подготовил к печати С. Северьянов. (Принятое сокр.: Северьянов. Словоуказатель).

⁶ Эта частица в рукописном „Этимологическом словаре“ Г. А. Ильинского приводится в значении „так как“.

⁷ E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908—1913.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, вып. 1—14. М., 1910—1916.

¹¹ Berneker. Ук. соч.

Г. *Оу-бо* — союз, производный от *бо* (ст.-сл. *у-бо* — „итак“, „следовательно“ (*оув, ђѣ*)¹.

Д. *И-де* (**ьде*) — наречие места, имевшее очень ограниченное употребление в значении причинного союза (ст.-сл. *иде, ижде* — „где“, „потому что“; *иде-же, ижде-же* — „где“; ст.-чешск. *do-nid, do-nid-ž, do-ni-ž, do-ni-zd* — „так долго, как“; в.-луж. *dó-ni-ž, do-ni-ž, dój-ž* — „так долго, как“)².

II. Причинные союзы, восходящие к формам первоначальных относительных местоимений.

Предложные выражения в качестве причинных союзов.

А. *За-не* — союз производный; генетическая связь его с относительным местоимением очевидна: это застывшая форма вин. п. ед. ч. местоимения ср. р. *ю* в соединении с предлогом *за* (*за не, за-не-же*)³. Носовой звук в *за-не* отвлечен от предлога по аналогии со случаями, где носовые от предлога перешли к местоимению (ср. *вѣп-ьъ > вѣп'ь*) (ст.-сл. *за-не* — „потому что“; др.-русск. *за-не*)⁴.

За-не-же — союз *за-не*, усиленный частицей *же* (ст.-сл. *за-не-же* — „потому что“, др.-русск. *за-не-же*)⁵.

Б. *По-не* — союз, состоящий из застывшей формы вин. п. ед. ч. местоимения ср. р. *ю* и предлога *по*. Носовой звук в *по-не* такого же происхождения, как и в *за-не* (ст.-сл. *по-не*; др.-русск. *по-не* — „потому что“)⁶.

По-не-же — союз *по-не*, усиленный частицей *же* (ст.-сл. *по-не-же* — „потому что“; др.-русск. *по-не-же* — „потому что“; укр. *по-не-же* — „потому что“; чешск. *pro-ně-ž(-to)* — „почему“; ц.-сл. *по-не-ва-же* (ѣѣ ѡѣ); др.-русск. *по-не-ва-(же)*; др.-серб.-хорв. *по-не-ва-ре*; чешск. *po-ně-vád-ž (poňadž, poňěž, ponež)* — „в то время, как“, „потому что“; польск. *po-nie-wa-ż* — „потому что“ из чешского)⁷.

В. Окаменелые падежи местоимений в качестве причинных союзов.

1. *Имь-же* — застывшая форма твор. п. ед. ч. местоимения ср. р. *ю* + частица *же*, получившая в ст.-сл. значение причинного союза (ст.-сл. *имь-же* — „потому что“, конкурирующее с *по-не-же*; др.-русск. *имъ-же* — „потому что“; в соединениях: ст.-сл. *имь-же* — *тѣмь-же*, ст.-чешск. *jím-ž — tiem-ž*, польск. *im — tym* — „потому что“, „поскольку постольку“ (*quo — eo*)⁸.

2. *Ю-же* — застывшая форма вин. п. ед. ч. местоимения ср. р. *ю* + частица *же*, получившая в ст.-сл. значение причинного союза (ст.-сл. *ю-же*; др.-русск. *еже, оже* — „что“, „чтобы“; укр. *оже, ож* — „что“, „чтобы“, „потому что“; серб.-хорв. *jěre, jěr (re из же)* — „что“, „потому что“; ст.-слов. *ār (из *(j)er)* — „что“, „потому что“; ст.-чешск. *ež* — „что“; ст.-польск. *eže, ež* — „что“; возможно, и н.-луж. *až (из *ež)*⁹.

III. Причинные союзы, восходящие к местоименным наречиям.

1. *Ю-гда* — по основному значению союз временной, имевший ограниченное употребление в качестве причинного (ст.-сл. *ѣда, юда, югда* — „когда“, „если“; ст.-чешск. *jeda* (др.-инд. *yadā*) — „когда“, „если“;

¹ Verneker. Ук. соч.

² Там же.

³ F. Miklosich. Vergleichende Syntax der slavischen Sprachen. „Vergleichende Grammatik der slav. Sprachen“, т. IV. Wien, 1868—1874, стр. 259.

⁴ Verneker. Ук. соч.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

- др.-русс. (из ц.-сл.) *ѣда* (ѣда в Остр. ев.); серб.-хорв. (из ц.-сл.) *ѣда*, *ѣда*; серб.-хорв. *ѣда*, *јѣда*, вопросительная и желательная частица; слов. *јѣда* — „ли“¹).
2. *Њ-льма* — наречие из *-ль*, *-ли*, *-лѣ*, имевшее ограниченное употребление в значении причинного союза (ст.-сл. *ѡль*, *ѡли*, *ѡльма* — „сколько“; др.-русс. *елѣ* (диал. *ельма*) — „как“, „сколько“; серб.-хорв. *јѣл* — „почему“, „потому что“; ст.-чешск. *jeli*, *jeli-ž(e)* — „когда“; ст.-польск. *jele* — „сколько“²).
3. *Ѓко*, *ѣко*, *ако* — от местоименной основы *ја*³ (ст.-сл. *ѣко* и *ѣче* — „как“, „как бы“; укр. *яко* — „как“, „когда“, „равно“; серб.-хорв. *јѣко(-т)* — „только“, „как только“; чешск. *јѣко*, *јѣк*, *јѣк-ž* — „как“, „когда“, „так что“; польск. *јѣко*, *јѣк* — „как“; в.-луж. *јѣко* — „как“; н.-луж. диал. *јѣко* — „как“⁴).
- Ѓко-же* (*ѣко-же*) — союз *ѣко*, усиленный частицей *же*.
4. *Какъ* — от местоименной основы *ка*⁵ (*кѣ*⁶); суфф. *-ко* (как видно, из *си-кѣ* — „такой“) ⁷ (др.-русс. *како* и *какъ*; сл. *как*; болг. *какъ* — „как“; чешск. *како* — „как“; чешск.-польск. *как*⁸; ст.-сл. *какъ*; в.-луж. *kajki*, н.-луж. *kaki*)⁹.
5. *Коль* — от местоименной основы *ко*¹⁰ (*кѣ*¹¹); суфф. *-ли*. „Вондрак (Sl. gr., I, 482) считает окаменевшим падежом, именно *коль* в ед. ч.; *коли*, вероятно, М. (locat.) по склон. на *-i* (укр. *колы*; белорусск. *коли* (=когда); др.-русс. *коли* (=когда); ст.-сл. *коли*..., *коль*; слов. *koli*; болг. ... *колко* (=сколько); сербск. *колико* (=сколько); чешск. *kolik*, *koliko*; польск. *kilka*, *kilku*)“¹².

І. ПРИЧИННЫЕ СОЮЗЫ НЕ МЕСТОИМЕННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

А. СЛУЖЕБНОЕ СЛОВО *бо* И ЕГО ЗНАЧЕНИЯ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

В обследованных нами памятниках старославянского языка для выражения причинных отношений самым употребительным служебным словом было *бо*. Наиболее часты в сравнении с другими причинными союзами случаи употребления *бо* в евангельских текстах и в Супрасльской рукописи; менее — в Синайской псалтыри.

В большинстве случаев в евангельских текстах *бо* употреблено в соответствии с *γάρ* греческого оригинала. Отсутствующее в тексте NTG *γάρ* (Мф. VI, 31; VII, 12; XIX, 12; XX, 16; Ио. IV, 9; V, 4; VI, 6; XIII, 10) находим в вариантах, приведенных Востоковым в Остромировом евангелии; в одном случае (Мф. XI, 10) отсутствующее *γάρ* находим в вариантах, приведенных и Востоковым и Тишендорфом. Во всех этих

¹ Verneker. Ук. соч.

² Там же.

³ Преображенский. Ук. соч.

⁴ Verneker. Ук. соч.

⁵ Преображенский. Ук. соч.

⁶ F. Miklosich. Ethymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

⁷ Преображенский. Ук. соч.

⁸ Там же.

⁹ F. Miklosich. Ук. соч.

¹⁰ Преображенский. Ук. соч.

¹¹ F. Miklosich. Ук. соч.

¹² Преображенский. Ук. соч.

случаях *бо* употреблено в значении причинного союза. В одном случае (Мф. XXIV, 45) в NTG имеем $\gamma\acute{\alpha}\rho$, а в вариантах, приведенных Востоковым, $\xi\upsilon$, и как раз в этом случае *бо* не имеет причинного значения.

Бласс, рассматривая греческ. $\gamma\acute{\alpha}\rho$ как частицу, употреблявшуюся в значении причинного союза, отмечает, что эта частица „самая употребительная в NTG (у Ио. встречается реже в евангельском тексте, чаще — в его посланиях)“¹. Бласс указывает, что $\gamma\acute{\alpha}\rho$ употреблялась и в других значениях: „в значении усилительной частицы, близкой по смыслу к *же* (Мф. XXVII, 23), в значении обоснования невысказанного отрицания (Лк. XXII, 27 переводится: *потому что, кто...*) или для обоснования высказанного или невысказанного порицания (Мф. IX, 5; XXIII, 17; Ио. IX, 30); употреблялась эта частица и в ответах для усиления, замены выпущенного *да, действительно*“².

Многозначность греческ. $\gamma\acute{\alpha}\rho$ отмечает и Е. В. Барсов: „Греческое $\gamma\acute{\alpha}\rho$, сложное из $\gamma\acute{\epsilon}$ и $\acute{\alpha}\rho\alpha$, $\acute{\alpha}\rho$, коему отвечает славянское *бо*, в памятниках весьма разнообразилось по своему значению, отвечая своим стихиям, из которых сложилось, то частице $\gamma\acute{\epsilon}$, то $\acute{\alpha}\rho$.

1) Чаще всего имея причинное значение, союз $\gamma\acute{\alpha}\rho$ нередко, однако, ставился в предложениях, относящихся непосредственно к предыдущему, как только дальнейшее его развитие и разъяснение. Он таким образом заменял собою другие частицы, специально служившие для подобной связи предложений.

2) Поэтому в разночтениях греческих текстов в подобных случаях вместо $\gamma\acute{\alpha}\rho$ нередко являются $\omicron\upsilon\upsilon$, $\delta\acute{\epsilon}$...

3) Поэтому же... в некоторых разночтениях $\gamma\acute{\alpha}\rho$ совсем выкидывалось, без замены другими частицами, где связь предложений видна была сама собою и от того нисколько не страдала. В списк. Еп. Порфирия, 1144 г. $\gamma\acute{\alpha}\rho$ $\acute{\alpha}\nu$; в разночтениях Рейнекия $\gamma\acute{\alpha}\rho$ опущено (Мф. XIII, 12)³.

В обследованных нами памятниках старославянского языка единичны случаи, в которых славянское *бо* употреблено не в соответствии с греческ. $\gamma\acute{\alpha}\rho$, а в соответствии с другими греческими частицами. Славянское *бо* в соответствии с греческ. $\omicron\upsilon\upsilon$ в евангельских текстах встречается шесть раз: Мф. V, 21; V, 22 (эти случаи, повидимому, могут быть отнесены за счет „вольностей перевода“, о которых говорил Грюненталь: славянское *бо* в соответствии с греческ. $\omicron\upsilon\upsilon$, как правило, имеет причинное значение, здесь же *бо* употреблено не в причинном значении); Мф. IX, 24 (у Востокова $\gamma\acute{\alpha}\rho$); X, 35; Ио. III, 19 (у Востокова $\gamma\acute{\alpha}\rho$); X, 26 (у Востокова $\omicron\upsilon\upsilon$, которому соответствует славянское *ико*).

Славянское *бо* в соответствии с греческ. $\delta\acute{\epsilon}$ встречаем в обследованных нами памятниках старославянского языка два раза: Мф. V, 19 и XVIII, 4; в обоих случаях *бо* не имеет причинного значения.

Славянское *бо* в соответствии с греческ. $\delta\acute{\epsilon}$ в евангельских текстах встречается восемь раз: Мф. V, 37; IX, 16; XXIV, 37; XXV, 3; XXVI, 41; XXVIII, 3; Ио. VI, 51; XI, 57. Во всех этих случаях *бо* не имеет причинного значения.

В трех случаях (Мф. VII, 22; XX, 28; XXVI, 41) *бо* допускается противно греческому оригиналу (в NTG и вариантах нет частицы). В этих случаях *бо* употреблено в значении причинного союза.

¹ Fr. Blaß. Grammatik des neutestamentlichen Griechisch. Göttingen, 1921, стр. 259.

² Там же.

³ Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. III. М., 1890, стр. 27—28. (Привятое сокр.: Барсов. Сл. о п. Иг.).

В Син. пс. славянское *бо* употреблено в соответствии с греческ. γάρ¹.
В Gl. Слос. — в соответствии с греческ. ἐπειδή, γάρ (*enim*).

Предложение с *бо* всегда постпозитивно. В порядке слов причинного предложения *бо* занимает место, типичное для частицы: „после первого слова в предложении... Если же предложение начинается частичным словом, относящимся к первому в предложении полному слову, то *бо* отступает дальше и стоит после этого полного слова“².

Рассмотрим значения служебного слова *бо*: 1) в значении причинного союза; 2) в значении не причинного союза или частицы.

1. Употребление *бо* в значении союза с четким причинным значением

1) Предложение с *бо* включает в себе указание причины факта, выраженного сказуемым объясняемого предложения (пять случаев из 155, в которых *бо* употребляется в качестве причинного союза; все эти случаи встречаем только в Мф. в повествовании и один раз в диалогической речи): „1 нападѣ на храмѣ тѣ и не паде са основана *бо* (γάρ) бѣ на камене“ (Мф. VII, 25). Этот же пример приводится Лосем³ в значении *gduž* — „потому что“. „Корабъ же бѣ по срѣдѣ морѣ вѣла са вѣнами бѣ *бо* (γάρ) противен вѣтрѣ (Мф. XIV, 24). „... нѣсть съде вѣста *бо* (γάρ) ѣкоже рече“ (Мф. XXVIII, 6).

2) Предложение с *бо* включает в себе указание причины действия (поступка) или состояния, выраженного сказуемым объясняемого предложения. Обычно *бо* в этом значении встречаем в повествовании, в единичных случаях — в диалогической речи (43 из 155 случаев употребления *бо* в качестве причинного союза): „... дивѣхѣ са народи о оучении его бѣ *бо* (γάρ) оуча ѣко власть ймѣи не ѣко кѣнижници ихъ...“ (Мф. VII, 29); „... боимъса народа вѣси *бо* (γάρ) ѣко прка имѣтъ иоана“ (Мф. XXI, 26); „... въ тѣхъ лежаше множьство болаштиихъ... анѣл *бо* (γάρ) гнѣ... съхождаше въ кѣпѣль и възмѣшташе водѣ и иже прѣвѣ вѣлажаше по възмѣштенни водѣ съдравъ бывааше“ (Ио. V, 4); „... нѣ вы не вѣроуоуте нѣсте *бо* (ὅτι) отъ овецъ моихъ...“ (Ио. X, 26); „... Петръ... енендитомъ прѣпоѣса са бѣ *бо* (γάρ) нагъ“ (Ио. XXI, 7); „... о мрътѣ вѣ пилате молѣ на дрѣвѣ висашти нѣсть *бо* семоу отьда на земли ни друга... нѣ самъ ѣдиномоу ѣдиночадѣ въ вѣсемъ мирѣ богъ и ин никтоже“ (Супр. р., л. 94, стр. 455); „... чесо ради оубо не можеша ѡ йѡсифе не могѣ рече чисти книги *бо* сѣтъ печатѣлѣны“ (Супр. р., л. 6, стр. 247); „Оустрѣшиша са... дивѣша са... й вѣстрепеташа... тоу *бо* тѣгда съсѣче хс въ оужасѣ главы сильныхъ...“ (Супр. р., л. 99 об., стр. 266).

К рассмотренным случаям близки такие, где причинное предложение относится к второстепенному члену объясняемого предложения, зависящему от сказуемого. В этих случаях предложение с *бо* относится к сказуемому через зависящий от него второстепенный член. С такой оговоркой подобные случаи мы относим в эту же рубрику⁴: „не о вѣсѣхъ

¹ Северьянов. Словоуказатель.

² Там же.

³ J. Łoś. Gramatyka starosłowiańska. Lwów—Warszawa—Kraków, 1922, стр. 218. (Принятое сокр.: Łoś. Gram. starosł.).

⁴ Эта оговорка относится ко всем оттенкам значения причинного союза *бо* и других причинных союзов.

вась глѣ азъ бо (γάρ) вѣмъ ѣже избѣрахъ...“ (Ио. XIII, 18); „и хождаше по сихъ исъ въ галилеи не хотѣше бо (γάρ) въ ѿдеи ходити...“ (Ио. VII, 1); „юже не мѣного глѣ съ вами градеть бо (γάρ) се[го] мира кънасъ и въ мнѣ не имать ничесоже...“ (Ио. XIV, 30); „вѣса и къ аннѣ прѣвѣ бѣ бо (γάρ) тѣсть канѣфъ“ (Ио. XVIII, 13).

То же замечание применимо и к случаям, где подчеркивается предложение, зависимое от сказуемого объясняемого предложения: „и молѣше и да снидеть и исцѣлить сна его бѣ бо (γάρ) оумираѣ...“ (Ио. IV, 47); „исцѣлѣвы же не вѣдѣше кто есть исъ бо (γάρ) оуклони са народу сѣштю на мѣстѣ“ (Ио. V, 13).

3) Предложение с *бо* заключает в себе указание причины побуждения к совершению действия, выраженного сказуемым объясняемого предложения; *бо* в этом значении наиболее употребительно в поучениях и молитвенных обращениях, меньше — в риторической речи и в единичных случаях — в диалогической речи; чаще встречается у Мф. и в Син. пс., реже — в Супр. р., в Gl. Clos. (58 из 155 случаев употребления *бо* в качестве причинного союза: Мф. — 29, Ио. — четыре, Син. пс. — 12, Супр. р. — 13).

а) Предложение с *бо* относится к сказуемому объясняемого предложения, выраженному формой повелительного наклонения (большинство случаев): „внемлѣте же отъ члвкъ прѣдадатъ бо (γάρ) вы на сонѣмы 1... оубиѣтъ вы...“ (Мф. X, 17); „... вы же не нарицаите са равѣи единъ бо (γάρ) есть вашъ оучитель хъ вси же вы братрѣ есте“ (Мф. XXIII, 8); „... бѣдите и молитѣ са да не внидете въ напасть дхъ бо (в NTG нет частицы) бѣдръ а плѣть немощна“ (Мф. XXVI, 41); „... възврати ножъ свои въ свое мѣсто вси бо (γάρ) приемшеи ножъ ножемъ погыбиѣтъ“ (Мф. XXVI, 52); „... гла еи исъ не прикаси са мнѣ не оу бо (γάρ) възидъ къ отцю моему...“ (Ио. XX, 17); „ощѣсти грѣхъ мой велеи бо (γάρ) есть“ (Син. пс. XXIV, 11); „врагъ моихъ ради избави мѣ... Ты бо (γάρ) съвѣси поношение мое...“ (Син. пс. LXVIII, 20); „... изведѣше же ѣ биѣште глаголаахъ вѣлѣзъ въ храмъ жъри повелѣ бо воѣвода или жърѣше избыи ти или не жърѣше злѣ оумрѣти“ (Супр. р., л. 10 об., стр. 20); „иринеи рече не жърѣ твори ѣже хоштеши оувѣси бо ѣко силѣ христовѣ добые все сътрѣпѣ“ (Супр. р., л. 9, стр. 253); „даждъ ми сего страннааго каѣ бо ти польза отъ тѣла страннааго сего“ (Супр. р., л. 93 об., стр. 454).

В эту рубрику не включаем случай: „гла имъ пилать поимѣте вы и пропнѣте. Азъ бо (γάρ) не обрѣтаѣ въ немъ вины“ (Ио. XIX, 6). Несмотря на наличие глагола в форме повелительного наклонения в качестве сказуемого объясняемого предложения, побуждение к совершению действия в нем отсутствует.

б) Предложение с *бо* относится к сказуемому объясняемого предложения, выраженному при помощи сочетания формы будущего времени и союза *да* (единичные случаи): „да не бѣдетъ въ тебѣ бѣ новъ не поклонши сѣ боу тоуждемоу азъ бо есмь гѣ бѣ твои“ (Син. пс. LXXX, 11); „... нѣ да с нимъ снидемъ... нѣ да подвигнемъ са ... градет бо истыи чловѣколюбѣць“ (Супр. р., л. 96 об., стр. 406).

4) Предложение с *бо* заключает в себе указание причины должествования, возможности, невозможности, необходимости или

неизбежности совершения действия, выраженного сказуемым объясняемого предложения (14 из 155 случаев употребления *бо* в качестве причинного союза: Мф. — пять, Ио. — семь, Син. пс. — два). Случаи употребления *бо* в этом значении встречаем преимущественно в нагорных проповедях Христа (в местах, носящих не только характер поучения, но и включающих элемент пророчества, предсказания, предостережения); в Син. пс. — в молитвенных обращениях. В повествовании и в прямой речи такие случаи единичны.

а) Предложение с *бо* относится к сказуемому объясняемого предложения, выраженному глаголом в форме простого будущего времени: „...аште дѣва отъ васъ съвѣштаате на земи о всѣкои вешти еѣже... просите бѣдетъ има отъ отца моего иже есть нѣбсхъ идеже *бо* (γάρ) есте дѣва ли трѣе събрани въ има мое тоу есмь по срѣдѣ ихъ“ (Мф. XVIII, 19—20; предложение с *бо* в данном случае включает указание причины неизбежности (обязательности) совершения действия, выраженного сказуемым определяемого предложения „бѣдетъ“); „вси вы съблазните сѧ о мнѣ въ сѣнь ношть писано *бо* (γάρ) есть поражѣ пастырь и разидѣтъ сѧ овца стада“ (Мф. XXVI, 31; обоснование неизбежности совершения действия „съблазните сѧ“); „... дхъ истинъны наставитъ вы на всѣкъ истинъ не о себѣ *бо* (γάρ) глати иматъ нѣ елико аще оуслышитъ глати иматъ“ (Ио. XVI, 13; обоснование неизбежности (обязательности) совершения действия „наставитъ“); „(бог)... аще възлача не повѣмъ тебе моѣ *бо* (γάρ) есть вселенаа ї исполньне сѧ“ (Син. пс. XLIX, 12; обоснование недопустимости действия: „не должно, не подобает мне об этом говорить...“).

б) Предложение с *бо* относится к сказуемому объясняемого предложения, выраженному при помощи сочетания формы будущего времени и союза *да*, обычно в целевом значении (единичные случаи): „рѣша же къ нему братриѣ его прѣиди отъ сѣдѣ и идѣ въ юдеѣ до [=да] и оученици твои видатъ дѣла твоѣ ѣже твориши никтоже *бо* (γάρ) въ таинѣ ничегоже творить и щетъ самъ ѣвѣ быти“ (Ио. VII, 4; здесь предложение с *бо* объясняет, почему следует (должно), чтобы ученики видели дела Христа: ибо таков обычай, общее положение); „юдеи же понеже параскевѣи бѣ да не останѣтъ нкстѣ тѣлеса въ соботѣ бѣ *бо* (γάρ) великъ день тоѧ соботы молиша пилата да прѣбѣжѣтъ голѣни ихъ и възмѣжѣтъ ѧ“ (Ио. XIX, 31; почему недопустимо (не должно), чтобы тела распятых остались на кресте в субботу).

в) Предложение с *бо* относится к сказуемому объясняемого предложения, выраженному при помощи неопределенной формы глагола: „сѣтвориша ѣмоу ѣноуштѣ и гвоздѣа остры възносиша въ оноуштѣ и обоуша и и биѣште ѣго женѣѣхъ ѣкоже крѣви ѣго земыѣ полигати гвоздѣи *бо* възнидоша до кости ѣго“ (Супр. р., л. 9, стр. 17; почему неизбежно совершение действия „полигати“).

5) Предложение с *бо* включает в себе указание на то, почему или сообразно чему предмет есть (или не есть) то, что он есть. В этом значении употребление *бо* очень ограничено (всего два случая): „се мати моѣ и братриѣ моѣ еже *бо* (γάρ) аще творить волѣ отца моего... тѣ братрѣ мои и сест[р]а и мати есть“ (Мф. XII, 50; здесь объясняется, почему ученики Христа являются для него и матерью, и братьями, и сестрами); „... сѣ есть сѣдѣ приде *бо* (ὅτι) свѣтъ въ мирѣ“ (Ио. III, 19; сѣ в Остр. ев.: „се же ѣсть сѣдѣ ѣко (ὅτι) свѣтъ приде въ мирѣ...“ Ио. III, 19).

2. Употребление *бо* в значении союза с нечетким причинным значением

1) Предложение с *бо* заключает в себе указание на достаточность основания для постановки вопроса (мотивировка вопроса: почему я об этом спрашиваю?). Немногочисленные случаи употребления *бо* в этом значении находим чаще у Мф. и в Син. пс., преимущественно в диалогической речи (15 из 155 случаев употребления *бо* в качестве причинного союза: Мф. — девять, Ио. — один, Син. пс. — четыре, Супр. р. — один): „въ вскрѣшение оубо котораго отъ седми бѣдетъ жена. въси бо (γάρ) имѣша жъ“ (Мф. XXII, 28). Вопрос [саддукеев Христу]: „Которого из семи будет она женой?“¹. Мотивировка вопроса (почему мы об этом спрашиваем, какие у нас есть основания для постановки этого вопроса?): [мы об этом спрашиваем потому, что] „все имели ее: было у нас семь братьев; первый, женившись, умер и, не имея детей, оставил свою жену брату своему. Подобно и второй, и третий, даже до седьмого. После же всех умерла жена“². „...чео ради гыбѣль си можаше бо (γάρ) се миро продано быти на мнозѣ и дано быти нищимъ“ (Мф. XXVI, 9). Вопрос [учеников Христу]: „К чему такая трата?“³. Мотивировка вопроса: [мы об этом спрашиваем потому, что] „можно было бы продать это миро за большую цену, и дать нищим“⁴. (Речь идет о драгоценном mirre, которое возлила на голову Христа женщина в доме Симона прокаженного); „что троуждаате женѣ дѣло бо (γάρ) добро сътвори въ мнѣ“ (Мф. XXVI, 10). Вопрос [Христа ученикам]: „что смущаете женщину?“⁵. Мотивировка вопроса: [я об этом спрашиваю потому, что] „она доброе дело сделала для меня“⁶. В вопросе Христа, который является ответом на вышеприведенный вопрос учеников, заключается невысказанное порицание ученикам: почему нельзя (= не должно) порицать жену. Предложение с *бо* в этом случае является и основанием для постановки вопроса и основанием для выражения невысказанного порицания. „кого хотите отъ обою отъпоушту вамъ вараввѣ ли или иса... вѣдѣаше бо (γάρ) ѣко зависти ради прѣдаша и“ (Мф. XXVII, 18). Вопрос: „кого хотите, чтоб я отпустил вам, Варавву, или Иисуса, называемого Христом?“⁷. Мотивировка вопроса: [он об этом спрашивал потому, что] „знал, что предал его из зависти“⁸. „... како ты иудеи съи отъ мене пити просиши... не прикасаѣтъ бо (γάρ) са иудеи самарѣнехъ“ (Ио. IV, 9). Вопрос: „как ты, будучи иудей, просишь пить у меня, самарянки?“⁹. Мотивировка вопроса: [я об этом спрашиваю потому, что] „иудеи с самарянами не сообщаются“¹⁰.

2) Предложение с *бо* заключает в себе основание, определяющее правильность суждения, обычно выраженного в предшествующем предложении (почему правильно то, что я говорю?). Немногочисленные случаи употребления *бо* в этом значении встречаем в проповедях Христа (Мф., Ио.) и авторской риторике (Супр. р.) (14 из 155 случаев

1 Синод. перевод.

2 Там же.

3 Там же.

4 Там же.

5 Там же.

6 Там же.

7 Там же.

8 Там же.

9 Там же.

10 Там же.

употребления *бо* в качестве причинного союза: Мф. — четыре, Ио. — шесть, Супр. р. — четыре): „бл҃дите не вѣдѣште кѣнигѣ ни силы бж҃иѣ въ вѣскрѣшение *бо* (γάρ) ни женатѣ сѧ и ни посагажѣтъ нѣ вѣко ан҃ѣи бж҃ии ннбсе (сѧ) сѧтъ“ (Мф. XXII, 30). Положение: „заблуждаетесь, не зная писаний, ни силы божьей“¹. Основание, определяющее правильность этого положения (доказательство, почему правильно то, что я говорю): [То, что я говорю, правильно, потому что] „в воскресении ни женятся, ни выходят замуж: но пребывают, как ангелы божии на небесах“²; „нѣ не тогда есть конѣчина вѣстанеть *бо* (γάρ) ѣзкъ на ѣзкъ 1 цство на цство“ (Мф. XXIV, 7). Положение: „но это еще не конец“³. Основание: [То, что я говорю, правильно, потому что] „восстанет народ на народ, и царство на царство, и будут глады, моры и землетрясения по местам. Все же это начало болезни“⁴. (И. И. Срезневским („Материалы“) этот пример приводится в значении: „γάρ, enim, ибо“); „... азъ же имамъ свѣдѣтельство боле иоанова дѣла *бо* (γάρ) ѣже дасть мнѣ отцѣ да съврѣшѣ ѣ... свѣдѣтельствуѣтъ о мнѣ“ (Ио. V, 36). Положение: „я же имею свидетельство больше Иоаннова“⁵. Основание: [То, что я говорю, правильно, потому что] „дела, которые отец дал мне совершить, самые дела сии, мною творимые, свидетельствуют о мне, что отец послал меня“⁶; „наречениѣ бога вашего пагоубѣ вѣроуѣштиимъ к нему знаменѣютъ весь *бо* вѣроуѣй къ нему погѣибнетъ въ вѣкѣ“ (Супр. р., л. 11, стр. 21 — обращение св. Василиска к своим мучителям); „... обличаѣтъ тѧ недвижими печате господскаго погребениѧ христосова гроба ѣкоже *бо* знаменаном печатемъ дѣвствѣннымъ затвореномъ хс отъ дѣвы родисѧ тако не отврѣстомъ сѧштемъ гробнымъ печатемъ хсово порѣждение бистъ“ (Супр. р., л. 92, стр. 452; Слово Епифания о погребении тела Христа. Похвала); „... а ѣсифъ въ дрѣзновениѣ ѣже къ пилатоу похвальнѣ съ *бо* высакъ страхъ отврѣргъ дрѣзнуувъ вниде къ пилатоу просѧ тѣла ѣсоусова“ (Супр. р., л. 93 об., стр. 454; Слово Епифания о погребении тела Христа. Похвала).

3) Предложение с *бо* включает в себе обоснование предшествующего высказывания: непосредственно предшествующего предложения или всего предшествующего высказывания (мотивировка акта высказывания: почему я это говорю?). Единичные случаи употребления *бо* в этом значении встречаем только в комментариях к прямой речи у Ио. (четыре из 155 случаев употребления *бо* в качестве причинного союза): „1 вы чисти есте нѣ не вси вѣдѣшѣ *бо* (γάρ) прѣдатѣштааго и сего ради рече ѣко не вси есте чисти“ (Ио. XIII, 11). Высказывание: „и вы чисты, но не все“⁷. Обоснование акта высказывания: [он сказал это потому, что] „знал он предателя своего“⁸. Ср. еще: „нѣ сѧтъ отъ васъ едини иже не вѣроуѣтъ вѣдѣшѣ *бо* (γάρ) искони исъ кто сѧтъ невѣроуѣштеи 1 кто есть хотѧи прѣдати и“ (Ио. VI, 64); „[Иисус к самаритянке]: даждь ми пити оученици *бо* (γάρ) его ошѣли бѣахѣ въ градъ“ (Ио. IV, 8).

¹ Синод. перевод.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

3. Употребление *бо* в значении непричинного союза

12 из 172 случаев употребления служебного слова *бо*: Мф. — девять, Ио. — один, Син. пс. — два.

1) *Бо* присоединительное (в значении, близком к „и“): „никтоже *бо* (*дѣ*) приставѣтъ приставленіѣ плата не бѣлена ризѣ ветѣсѣ възьметь *бо* коньчинѣ своѣѣ отъ ризы и большы дыра бѣдетъ“ (Мф. IX, 16). Ср. в толковании Потебни: „Приходят к нему ученики Иоанновы и говорят: „Почему мы и фарисеи постимся много, а твои ученики не постятся? (След., *должно* ли ученикам Христа поститься?) На это — два ответа: а) могут ли печалиться сыны чертога брачного, ...пока с ними жених? Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься... („не время“); б) *И* („притом же“) никто заплаты из новой ткани не пришивает к старой одежде, ибо заплата отдерет (и) от старого, и выйдет еще худшая дыра“¹.

2) *Бо* противительное (в смысле, близком к „а“): „даша *бо* (*дѣ*) архиереи и фарисѣи заповѣдъ да аште кто оштѣтитъ и кѣде бѣдетъ повѣсть да имѣтъ и“ (Ио. XI, 57); „Приближалась Пасха Иудейская, и многие из всей страны пришли в Иерусалим перед Пасхою, чтобы очиститься. Тогда искали Иисуса [т. е. ждали, надеялись увидеть. — *Е. Ч.*], и, стоя в храме, говорили друг другу: как вы думаете? Не придет ли он на праздник? Первосвященники же („а“) и фарисеи дали приказание, что если кто узнает, где он будет, то объявил бы, дабы взять его“². „...Всѣкъ гнѣваѣ са на брата своѣго безоума повиненъ юсть сѣдѣ иже *бо* (*отѣ*) ретѣ братоу своѣмоу рака повиненъ юсть сънмищоу“ (Мф. V, 22; ср. далее, — V, 22: „а иже речеть боуѣ повиненъ юсть геонѣ огньѣ...“).

3а) *Бо* повествовательное (стилистическая разновидность *бо* последовательного): „анѣл *бо* гнѣ съшеде съ нбсе и пристѣпѣ отъвали камень отъ двѣреи гроба и сѣдѣше на немъ бѣ *бо* (*дѣ*) зракъ его ѣко[о] мѣнии и одѣние его бѣло ѣко снѣгъ“ (Мф. XXVIII, 2—3); ср. у Е. В. Барсова (Сл. о п. Иг., т. III, стр. 28): „*Бо* не всегда отвечает греческ. γάρ, но иногда греческому *δέ*, *autem*. Так в Мариинском евангелии XI в. читаем: бѣ *бо* (*гнѣ дѣ*) зракъ его (Мф. XXVII, 3)... Напротив, в Галицком списке: „бѣ же (*гнѣ дѣ*) зракъ ѣго...“.

б) *Бо* эпическое (стилистическая разновидность *бо* повествовательного, но более торжественное; близко по смыслу к повествовательному союзу „и вот...“): „...пять же бѣ отъ нихъ боуи и пять мѣдрѣ боуа *бо* (*дѣ*, у Востокова *гнѣ*) приемѣша свѣтильнику своѣ не възаша съ собоѣ ола“ (Мф. XXV, 3).

4) *Бо* результативное (в смысле, близком к *оубо* — „таким образом“, „итак“, „следовательно“, „посему“): „...иже *бо* (*оубѣ*) са съмѣритъ ѣко отроча се тѣ естѣ болеи въ царствии нбсѣдемъ“ (Мф. XVIII, 4). Здесь предложение с *бо*, подчеркивая внутреннюю связь со всем предшествующим изложением, является заключительным звеном этого изложения: „В то время ученики приступили к Иисусу, и сказали: кто больше в царстве небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди их. И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь, и не будете как дети, не войдете в царство небесное. *Итак*, кто умалится, как это дитя, тот и больше в царстве небесном“³).

¹ А. А. Потебня. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905, стр. 329.

² Синод. перевод.

³ Там же. Е. В. Барсов указывает, что „иногда союзом *бо* переводилось

4. Употребление *бо* в значении частицы

Встретилось пять из 172 случаев употребления служебного слова *бо*. *Бо* усилительное (в смысле, близком к усилительной частице „же“ (= „и“): „боуи и слѣпии... что *бо* (γάρ) есть боле даръ ли или олтарь свѣщаи даръ“ (Мф. XXIII, 19); „... ѿемонъ рече имъ что *бо* (γάρ) зъло сътвори“ (Мф. XXVII, 23). Ср. у Е. В. Барсова: „Даже в тех случаях, где *бо* отвечает не иным частицам, а именно греческ. γάρ, оно в разных переводах не оставалось неизменным. Так в Мариинском евангелии XI в. читаем: „Что *бо* зъло сътвори“ (τὶ γάρ — Мф. XXVII, 23). Но в других также древнейших списках γάρ передается здесь или частицей *же*, как, например, в Архангельском 1092 г. и Галицком XII в.: „что *же* (τὶ γάρ) зъло сътвори“ или частицей *оубо*: как, например, в евангелии Констант. 1383: „какое *оубо* (τὶ γάρ) зло сътвори“. В большинстве позднейших евангелий вместо *бо* стоит здесь также *оубо*“¹. „Мы вѣмъ ѿко мѡѡѡѡ гла бѣ сего же не вѣмъ отъ кѣдоу есть отъвѣшта члкъ и рече имъ о семъ *бо* (γάρ) дивно есть ѿко вы не вѣсте отъ кѣдоу есть и отъврзе очи мои“ (Ио. IX, 30). Это возражение слепорожденного, выражающее негодование, имеет смысл: „Это и [„вот“] удивительно, что вы не знаете, откуда он, а он [Христос] отверз мне очи“².

Случаи употребления *бо* в значении частицы в обследованных нами памятниках единичны и характерны для эмоциональной речи. В некоторых случаях трудно провести границу между частицей и союзом. Так, например: „азъ есмь хлѣбъ живы съшеды снбсе аште кто сънѣсть отъ хлѣба сего живъ бѣдетъ въ вѣкъ хлѣбъ *бо* (δὲ) иже азъ дамъ плоть моѡ есть“ (Ио. VI, 51). „Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который я дам, есть плоть моя, которую я отдам за жизнь мира“³. В этом примере *бо* (= „же“) можно определить как *бо* тожества, раскрывающее смысл аллегории; в этом случае мы имеем использование недифференцированного слова в синтаксической функции (союз-частица). Ср.: аналогичный случай в Супр. р., л. 8, стр. 251: „...приде боржштиимъ съ любовьжъ крѣпкъ покровъ тѣ *бо* ѡсть миръ нашъ ѡмоуже съподобимъ са насладати са вьсегда“.

* * *

В обследованных нами памятниках старославянского языка *бо* в качестве причинного союза занимает господствующую позицию. *Бо* более употребительно в стилях безыскусственного повествования и поучения (Мар. ев., Мф.; Супр. р., Мучение св. Василиска, ...Иринея), менее — в торжественном стиле (Мар. ев., Ио.; Син. пс.; Супр. р., Слово Иоанна Златоуста, Слово св. Епифания).

В абсолютном большинстве случаев *бо* выступает в роли причинного союза: в евангельских текстах 101 случай употребления *бо* из 115.

Уже в старославянском языке обнаруживается многообразие и широта значений этого служебного слова. Так, в евангельских текстах мы встре-

греческ. οὖν, ergo, itaque. Так в Галицком евангелии читаем: сам *бо* двѣдъ (αὐτὸς οὖν) (Мрк. XII, 37), тогда как в других οὖν отвечает здесь *оубо*, как, например, в Зограф. ев. XI в.: „сам *оубо* двѣдъ“. Точно так же в Карпин. ев. XIII в. οὖν переведено *бо*: „въ въскрѣшениѣ *бо* (οὖν)“ (Мрк. XII, 26), тогда как в других переводах стоит здесь *оубо*“ (Барсов. Сл. о п. Иг., т. III, стр. 28).

¹ Е. В. Барсов. Сл. о п. Иг., т. III, стр. 28.

² Синод. перевод.

³ Там же.

чаем и случаи (наиболее многочисленны, около 70%)¹, в которых *бо* употреблено в качестве союза с четким причинным значением, и случаи (немногочисленные, около 21%), в которых *бо* употреблено в качестве союза с ослабленным причинным значением, и, наконец, единичные случаи, в которых *бо* употреблено в значении непричинного союза (около 6%) или частицы (около 3%).

Употребление того или другого оттенка значения *бо* связывается с определенным жанром или стилем.

Союз *бо*, служащий для указания причины факта, встречаем только в безыскусственном повествовании или поучении у Матфея (случаи единичны, около 3%).

Союз *бо*, служащий для указания причины действия (поступка) или состояния, характерен для повествовательных стилей евангельских текстов (особенно у Иоанна) и Супр. р. (случаи употребления составляют около 23%).

Союз *бо*, служащий для указания причины побуждения к совершению действия, характерен для дидактических стилей (особенно часто встречается у Матфея, что подчеркивает исключительно дидактический характер его сочинения; реже — у Иоанна) и для высокого лирического стиля Син. пс. (случаи употребления составляют около 38%).

Союз *бо*, служащий для указания причины долженствования и т. д. совершения действия, характерен для дидактических стилей пророческого типа в евангельских текстах (случаи употребления немногочисленны, около 10%).

Единичные случаи употребления *бо* „догматического“ встречаем только у Матфея и Иоанна (около 3%).

Союз *бо*, служащий для обоснования вопроса, характерен для разных стилей диалогической речи; немногочисленные случаи употребления (около 10%) встречаются почти исключительно у Матфея.

Союз *бо*, служащий для указания основания, определяющего правильность суждения, характерен для полемических стилей (обличительных сентенций Христа в евангельских текстах, особенно часто у Иоанна; в Слове Иоанна Златоуста, Слове св. Епифания в Супр. р.). Случаи употребления немногочисленны (около 11%).

Союз *бо*, служащий для указания на обоснование предшествующего высказывания, характерен для разных стилей прямой речи; встречается главным образом у Иоанна (случаи употребления единичны, около 4%).

В значении непричинного союза *бо* встречается преимущественно в повествовательных стилях (Мар. ев., Мф., реже — Ио.; Супр. р., Мучение св. Василиска, Иринея), а в значении частицы — в разнообразных стилях эмоциональной речи (независимо от жанра).

Служебное слово *бо* было употребительно во всех славянских языках.

В древнерусском языке XI—XV вв. *бо* являлось самым употребительным служебным словом для выражения причинных отношений. В качестве союза с четким причинным значением *бо* выражало разнообразные оттенки причинных значений, которые так же, как и в старославянском языке, определялись формой и значением выражения предиката объясняемого предложения:

1) указание причины факта и причины действия (поступка) или состояния, составляющего предикат объясняемого предложения (при выражении сказуемого глаголом изъявительного наклонения и других

¹ Цифровые соотношения даются к общему количеству случаев употребления *бо* в обследованных нами памятниках ст.-сл. языка.

форм, выступающих в этом значении: слово категории состояния, присвязочное прилагательное, предикативное причастие и т. д.): „Бы̄ матежь великъ: не баше бо кнѣзѣ просла̄...“ (Новг. I, стр. 230); „...и кнѣзь ꙗ̄ ѿпӯ: недостало бо оу нихъ баше хлѣ̄бъ“ (там же, стр. 236);

2) указание причины побуждения к совершению действия, составляющего предикат объясняемого предложения (при выражении сказуемого формой повелительного наклонения и другими формами, имеющими императивное значение): „...оуне ина и боле же чтите гость..., ти бо мимоходѣчи прославѣть челоуѣка по всѣ̄мъ земля̄мъ“ (Лавр., Поуч. Влад. Моном., л. 80 об., стр. 246);

3) указание причины долженствования, возможности, невозможности совершения действия, составляющего предикат определяемого предложения (при форме выражения предиката, относящейся к сфере будущего в широком смысле слова: синтетическая форма будущего времени, условно-желательное наклонение, инфинитив с разнообразными, но не императивными функциями): „Аще ли мене не послушаете, ... оубо̄ же вы погьсть: оуста бо̄ гнѣ глаша се“ (Жит. Стеф. Пермск., л. 679 об., стр. 26);

4) указание причины того, почему или сообразно чему предмет есть то, что он есть (или почему он не есть то, что он есть). Данный оттенок причинного значения создается грамматической формой сказуемого объясняемого предложения (существительное в форме им. п.), что отграничивает эту рубрику от первой: „...нѣсмь ти ворожити, ни мести никъ, не хотѣхъ бо̄ крови твоѣѣ видѣти оу Стародуба...“ (Лавр., Письмо Влад. Моном., л. 84, стр. 254).

В качестве союза с нечетким причинным значением *бо* выражало разнообразные оттенки причинного значения в зависимости от модальности объясняемого предложения:

1) указание на достаточность основания для постановки вопроса („почему я об этом спрашиваю?“) — при вопросительной модальности объясняемого предложения: „... тако ли намъ безъ лѣпа хр̄тъ̄ цѣловати, хр̄тъ̄ бо̄ есме цѣловали, къ тобѣ...“ (Ипат., л. 127, стр. 345; речь идет о вторичной присяге, которую потребовал князь Изяслав от черниговских князей);

2) указание основания (доказательства), определяющего правильность суждения, обычно выраженного в предшествующем предложении („почему правильно то, о чем я говорю?“) — при повествовательной модальности объясняемого предложения: „Спанье есть ѿ̄ ба̄ присужено полудне ѿ̄ ть̄ бо̄ чинъ почиваетъ и звѣрь и птици и члѣвци“ (Лавр., Поуч. Влад. Моном., л. 81, стр. 287);

3) мотивировка акта высказывания („почему я это говорю?“) — при восклицательной модальности объясняемого предложения: „...i не да онаны [Михалка]: бра̄тѣ, аже того оубиете, оубиете мене переже; не вѣдаще бо̄ аже о немь злоу свѣща̄са самого ꙗ̄ти, а посадничество дати Михалкоу...“ (Новг. I, стр. 267).

В качестве не причинного союза *бо* употреблялось в значении союза присоединительного, противительного, уступительного и следствия: „кнѣзи же возворотишасѣ въ домы своӣ бахоуть бо̄ (= „и были они“) печални...“ (Ипат., л. 226, стр. 648); „...то ти, не гоуси гоготаша, ни себеди крылы въсплескаша; се бо̄ (= „а это“) погани мамаи приведе вой̄ свои на роусь“ (Задонщ., л. 125 об., стр. 26). Употреблялось *бо* в древнерусском языке и в значении усилительной и определительной

частицы: „Мы же на прѣднеѣ възвратимса на горкоую и бѣдноую пома тоѣ весны; что бо (= „что же“) реши или что гати о бывшей на на ѿ ба казни?“ (Новг. I, стр. 225); „Были вѣчи Трояни. . . были плѣци Олгови. . . Ты бо (= „тот именно“, т. е. Олег Святославич) мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли съяше“ (Сл. о п. Иг., стр. 15).

И, наконец, в памятниках древнерусской письменности засвидетельствованы и случаи употребления *бо* в значении модального слова („поистине“, „да“, „дескать“): „Се бо (= „поистине“, „и действительно“) сии прѣдбъныи. . . нашъ Феодосии, аще и тѣльмъ ѿлоучася ѿ наѣ нъ ꙗкоже самъ рече дхъмъ присно съ нами ѣсть“ (Жит. Феод., л. 65а—24; ср. в Патерике, л. 97, стр. 55: „Въ истину сии преподобный отець. . .“); „И егда сию грамотку писалъ, въ то время старецъ ко мнѣ прислалъ изъ иныя избы стрѣльца съ радостію: не кручинься бо („де“) обо мнѣ, и мнѣ-де дала языкъ пресвятая богородица, говорю-де и азъ благодатию божіею“ (Авв., Зап., л. 20, стр. 707; ср. в вариантах ДХ: „не кручинься-де и обо мнѣ. . .“; ср. параллелизм конструкций с *бо* и с *де*).

В качестве причинного союза *бо* в памятниках древнерусской письменности сохраняла свою господствующую позицию вплоть до XV в. В этот период оттенки значений *бо* являются своеобразной стилистической пометой: разные жанры и стили характеризуются предпочтительным употреблением *бо* с определенными оттенками значений; так, *бо*, присоединяющее предложение с указанием причины факта, характерно для описательных стилей (паломническая литература) и описательных пластов памятников разных жанров; *бо*, присоединяющее предложение с указанием причины действия (поступка) или состояния, — для повествовательных стилей (летописное повествование) и повествовательных пластов памятников других жанров (преимущественно житийной и паломнической литературы) и т. д.

С течением времени господствующая позиция *бо* в качестве причинного союза в древнерусском языке ослабляется. Уменьшается употребительность этого союза в причинном значении¹. Наряду с количественными происходят и большие качественные изменения в системе значений *бо*. Многозначность его растет, причинное значение ослабевает, и *бо* становится недостаточно выразительным для обозначения причинных отношений. Увеличивается употребление его в значении непричинного союза и частицы. Наряду с этим отмечаются далеко не единичные случаи немотивированного употребления *бо*, свидетельствующие о том, что этот союз перестает быть живой формой. Появляются и увеличиваются случаи, в которых *бо* отступает со своего традиционного места в порядке слов причинного предложения.

К концу XV в. в недрах деловой письменности зарождаются и к концу XVII в. получают широкое употребление новые производные причинные союзы (*потому что, оттого что, для того что, затем что*). Новые причинные союзы специализируются в качестве грамматического средства выражения причинных отношений. В результате этого сложного и длительного процесса старые причинные союзы, и прежде всего *бо*, вытесняются новыми производными причинными союзами относительного типа².

¹ В деловой письменности как ранней, так и XVI—XVII вв. случаи употребления *бо* отсутствуют.

² Подробное изложение этого вопроса см.: Е. Т. Черкасова. Служебное слово *бо* и его значения в древнерусском языке. — „Ученые записки кафедры русского языка МГПИ им. В. И. Ленина“, т. VI, вып. 2. М., 1948.

Кроме древнерусского языка, *бо* было известно как в украинском и белорусском, так и в других славянских языках.

В староукраинском языке, в известных нам случаях, служебное слово *бо*, как правило, выступает в качестве союза с четким причинным значением: „И оставили есмы войтко при сулимовѣ *бо* войтек за другую половину дал м коп“ (Ю. Р. гр. № 44, 1412)¹; „...тые иступни круповичомъ поыдавали, *бо* они ихъ извѣчные, неотхожіе“ (Акты Ю.-З. России, I, стр. 15, XV в.)²; „...земля Полоцкая, земля Витебская не была, *бо* своихъ замковъ стерегутъ“ (там же, стр. 91, XVI в.); „Король не дойшовши, отъ горъ вернулся, *бо* зима надходила“ (Лет. Сам., 180. XVII в.)³.

В современном литературном украинском языке служебное слово *бо* в качестве грамматического средства выражения причинных отношений занимает господствующее положение. В значении причинного союза *бо* занимает первое место в порядке слов причинного предложения: *Урок не відбувся, бо (тому що, через те що) учитель захворів*². Известны в украинском языке и случаи, где *бо* не имеет причинного значения; в этих случаях оно отступает на второе и более далекое место в порядке слов предложения: *А ще ж бо я на улиці не була, А ще бо и не бачила джигуна...* (Сб. Куліша. Песня)³.

В белорусском языке, как и в украинском, *бо* является самым употребительным служебным словом для выражения причинных отношений. В этом значении *бо* занимает первое место в порядке слов причинного предложения: *...нехай самъ не выежчаеъ, бо ему тамъ дамъ киемъ въ брухъ* (Акты В. А. К., т. 36, 252. Мин. XVI в.)⁴; „И посоль кнегини въ то речы съ нимъ далеса не правоваль, *бо* не мелъ поледеня ѿ кнегини“ (Лит. метр., XX, стр. 692, 1511 г.). В современном белорусском литературном языке: *Проясняецца пагода, бо вярнулася вясна* (М. Богданович)⁵. В фольклоре: *...ня цешся с чужою бяды, бо своя наедзя* (Ляцк. посл. 31. Борис)⁶. В народных говорах: *Не, я не пайду, бо в мене сарочка чорна, и черевички бачишь якие... не, не пайду, бо и часу не маю*⁷.

И в белорусском языке известны случаи употребления *бо* не в значении причинного союза; обычно в этих случаях *бо* отступает на второе и более далекое место в порядке слов предложения.

В польском языке (в современном литературном и в народных говорах) наиболее употребительным причинным союзом является *bo* (*бо*). В этом значении польское *bo* (*бо*) „обычно ставится в начале предложения, заключающего причину; исключения из этого правила редки“⁸: *...dziećci zjadły chlép i płaco, bo jem że jesse więcy chce jeść* (Мазовсье)⁹.

Употребленное не в значении причинного союза польское *bo* зани-

¹ Е. Тимченко. Историчний словник українського языка. Т. I (А—К). Харків—Київ, 1930.

² Российско-український словник. Вид. АН УССР, Київ, 1937.

³ П. П. Чубинский. Труды этнографическо-статистической экспедиции в западнорусский край, т. V. СПб., 1877, стр. 1125.

⁴ Е. Ф. Карский. Белоруссы, т. II, вып. 3. Варшава, 1912, стр. 228.

⁵ К. Гурский и Г. Шкляр. Синтаксис беларусскай мовы. Мінск, 1939, стр. 130.

⁶ Карский. Там же.

⁷ С. А. Еремин и И. А. Фалев. Русская диалектология. М.—Л., 1928, стр. 157.

⁸ S. Linde. Słownik języka polskiego, w Warszawie, 1807—1814, т. I, стр. 129.

⁹ А. М. Селищев. Славянское языкознание, т. I. М., 1941, стр. 404.

мает второе и более далекое место в порядке слов предложения: *Było to okrópne. Nie lubię, bo („ależ“) siostrzyczko, żeby mię tak szpiegowano. — Kuma ś zabożyła, bo („że“, „iż“, „jako“) płachtę ściągnie. — On bo dał za wygraną. Mnie bo („tam“) już brak cierpliwości. Głupi bo („со“, „że“) głupi, a zdrow. — Bo („albo“, „czy“) ja wiem? — Ależ bo („doprawdy“) to wariat!*¹.

Польское *bo* явилось базой для образования других союзов: причинных — ст.-польск. *bociem* (*bo + ci*), *bowiem* (*bo + wiem*), ст.-польск. и совр. польск. *abowiem*, *albowiem* (*a + li + bo + wiem*); разделительных — *abo* (*alibo*, *albo*) — *a + li + bo*².

В старочешском языке *bo* (*bo*) употреблялось в значении причинного союза: „...*kral (Jan) chtieše Lipskeho Jindřicha jieti, bo* („nam“, „enim“, „denn“) *jeho svu hanbu vynieše* (Хрон. Далимила. 108. XIV в.)³. В современном чешском языке (литературном и народных говорах) служебное слово *bo* (*bo*) утрачено. Его находим только в составе производного причинного союза *nebot* („denn“, „weil“, „enim“, „quia“)⁴ и разделительного союза с оттенком причинного значения *nebo* (франц. „ou“)⁵.

В старосербском языке *bo* было употребительно и в качестве причинного союза, и в других значениях. В значении причинного союза: *Ne mogu ustati i pošteće ti učiniti, zlo bo se ćutim*. Е. Pavić. 70. *Bižite strane suprotivne, pridovio bo nas gospodin naš* (J. Banavač, *blagosl.* 337)⁶. Здесь же находим указание на употребление в старосербском языке (XIV—XV вв.) *bo* (*bo*) в составе сложных причинных союзов: *za što bo, jere bo, budući bo*. Даничић приводит примеры употребления *bo* (*bo*) и в непричинном значении: „не остави мене владыка мои, паче *bo* („но“) раддѣтсе ѿ грѣшницѣ каюци се“. М. 5⁷.

В старосербском и в современном сербском языке *bo* могло выражать порицание после слова *aj*: *Aj bo*⁸. В современном сербском языке *bo* утрачено во всех значениях и, как указывает Меретич⁹, уже давно является архаизмом и диалектизмом. Вук и Броз¹⁰ отмечают употребление *bo* в Дубровчанах преимущественно после *za што* (*za што bo je знао*) в соответствии с тем употреблением, которое имеет в городских центрах воеводства союз *jerbo*. По указаниям Меретича и Броза, этот союз не может стоять в начале предложения, но только после первого или второго слова.

В современном болгарском языке (литературном и народных говорах) причинный союз *bo* утрачен; он заменяется преимущественно через *заштото* (ст.-сл.: не паде са, основана *bo* бѣ на камени (Мф. VII, 25); новоболг.: и не падна (рухна), *заштото* (возможно и *ќе*) беше основана

¹ Wielki słownik języka polskiego J. Karłowicza, A. A. Kryńskiego i W. Niedzwieckiego. Варшава, 1900—1907.

² T. Venni, J. Łoś, K. Nitse, J. Rozwadowski, H. Ulascyn. *Grammatyka języka polskiego*. W Krakowie, 1923, стр. 368.

³ J. Gebauer. *Historička mluvnica jazyka českého*, IV. Skladba. Vyd. Ak. ved. a znan. v Praze, 1925, стр. 678. (Принятое сокращение: Gebauer. *Hist. mluvn.*)

⁴ Там же.

⁵ A. Mazon. *Grammaire de la langue tcheque*. Paris, 1921, стр. 234.

⁶ *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Jugosl. Ak. zn. i um. Zagreb, 1880—1912. (Принятое сокращение: *Rječnik hrvatsk. ili srpsk. jezika*.)

⁷ Ђ. Даничић и Ђ. Рјечник из књижевних старина српских. У Биограду, 1863—1864.

⁸ *Rječnik hrvatsk. ili srpsk. jezika*.

⁹ Meretić. *Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnoga jezika*. Zagreb, 1931, стр. 470.

¹⁰ Вук Стефановић. *Српски рјечник*. У Бегу, 1818; F. Iveković и J. Broz. *Rječnik hrvatskoga jezika*. U Zagrebu, 1901.

на камък)¹. А. А. Дювернуа отмечает употребление *бо* в значении частицы: „Перед речением *единъ* имеет в болгарском языке (по говору Неврокопскому) то же значение, какое в языке русском получает этимологически сродная с *бо* форма „будь“, поставляемая с отрицанием *ни* после местоимений *кто, что, какой*: Тоя празникъ има си юртице на *бо* една отъ бръчины-тъ“².

Таким образом, не только в русском, но и в ряде других славянских языков *бо* утрачено во всех значениях. Сохранилось *бо*, и притом главным образом в значении союза для выражения причинных отношений в строгом смысле слова, в польском языке и, повидимому, под его влиянием в украинском и белорусском языках. В связи с этим наблюдается изменение традиционного места *бо* в этих языках: в польском, а также в украинском и белорусском к XVI—XVII вв. произошло перемещение *бо* на первое место в порядке слов причинного предложения (тогда как *бо* в значении не причинного союза или частицы обычно занимает более далекое место). Известно, что традиционное место *бо* — место типичное для эмфатической частицы; ср., например, в греческом: „Частицы, которые в исторически засвидетельствованных диалектах обозначают переход от одного предложения к другому, в более древнее время играли ту роль, что обращали внимание на отдельное слово; но так как это слово стояло в начале предложения... а вслед за ним стояла частица, то стало казаться, будто частица указывает на переход от одного предложения к другому. Так, греческ. $\delta\epsilon$ служило для подчеркивания слова... но уже в гомеровскую эпоху это же $\delta\epsilon$, как слово самостоятельное, неэнклитическое, играет главным образом роль частицы, противопоставляющей одно предложение другому“³.

Б. СОЮЗ *ибо* И ЕГО ЗНАЧЕНИЯ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Одним из наименее употребительных союзов для выражения причинных отношений в обследованных нами памятниках старославянского языка является производный от *бо* союз *ибо* (*и + бо*).

Этот союз чаще встречается в Син. пс. (22 из 36 случаев употребления *ибо*) и в единичных случаях — в других обследованных нами памятниках.

Обычно славянское *ибо* употреблено в соответствии с *καὶ γάρ* греческого оригинала. Только в одном случае (Мф. XIX, 23) встречаем славянское *ибо* в соответствии с греч. $\tau\omicron\ \delta\epsilon$ (в этом случае *ибо* употреблено в качестве не причинного союза). Предложение с *ибо* всегда постпозитивно. В порядке слов причинного предложения союз *ибо* всегда занимает первое место.

Значение *ибо* в старославянских текстах разнообразилось соответственно значению компонентов, из которых оно сложилось. Материал обследованных нами памятников старославянского языка обнаруживает, что чаще выявлялось значение первого компонента: случаи употребления *ибо* в качестве не причинного союза преобладают. Случаи употребления *ибо* в качестве союза с четким причинным значением (причина факта или причина действия и состояния) в обследованных нами памятниках отсутствуют.

¹ S. Mladenov. Geschichte der bulgarischen Sprache. Berlin und Leipzig, 1929, стр. 310.

² А. А. Дювернуа. Словарь болгарского языка. М., 1886, (т. I).

³ А. Мейер. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 375.

1. Редко встречается *ибо* и для выражения причины побуждения к совершению действия: „Нікѣтоже оубо бѣді лицемѣрѣ нѣктоже не имы зѣлобы въ оумѣ да не осѣжденѣе приметь *ибо* тогда егда прѣтъ тѣло юда въскочі въ нѣ дѣвволѣ не о тѣлесі гнѣ рода нѣ о юдѣ не рода за безочѣство“ (Gl. Слос., стр. 72).

Еще реже встречается *ибо* для выражения причины неизбежности совершения действия: „...нѣ ткѣмо рѣци слово і исцѣлѣеть отрокѣ мои. *ибо* (каі γάρ; у Ягича каі γάρ, *nam*) азѣ члѣкѣ есмѣ подѣ влакѣж имы подѣ соборѣж воинѣ і глѣж семоу иди и идетѣ“ (Мф. VIII, 9; этот же пример употребления *ибо* в качестве причинного союза приводится Вондраком (Gl. Слос., стр. 439), Срезневским, в Словаре Ак. Росс.); „...нѣ градеть година... егда истинѣни поклонѣници... поклонатѣ са отцю... *ибо* (каі γάρ) отцю тацѣхѣ иштеть...“ (Ио. IV, 23).

2. Два случая (из 33) употребления союза *ибо* для указания обоснования вопроса встречаем только в Син. пс.: „ѣще въ рѣснотѣ оубо право глѣе право сѣдите снові члѣчи: *ибо* (каі γάρ) въ срѣци незаконѣе дѣлаете на землі направѣдѣ рѣжкѣ вашѣ сѣплѣтажѣтѣ“ (Син. пс. LVII, 3).

3. Пять случаев (из 33) употребления союза *ибо* для указания основания, определяющего правильность суждения, встречается только в Син. пс. и у Мф.: „...въ истинѣ и ты отѣ нихѣ еси *ибо* (каі γάρ) и бесѣда твоѣ авѣ та творить“ (Мф. XXVI, 73; этот же пример употребления *ибо* в качестве причинного союза приводится Вондраком, Срезневским, Лосем (Gram. starosl., стр. 218); „не боу лі повинеть сѣж дша моѣ отѣ того бо спнѣе мое: *ибо* (каі γάρ) тѣ бѣ моі сплѣ моі“ (Син. пс. LXI, 6); „рѣцѣте въ ѣзыцѣхѣ ѣко вѣцѣсарі сѣа *ибо* исправи въселенѣжѣ ѣже не подвижитѣ сѣж“ (Син. пс. XCV, 10); „отѣими отѣ мене поносѣ і оуничѣжение ѣко сѣвѣдѣнеі твоѣхѣ възискахѣ *ибо* (каі γάρ) сѣдѣж кѣнѣси і на мѣ глаахѣ рабѣ же твоі глоумлѣаше сѣа въ оправѣданиѣхѣ твоѣхѣ *ибо* (каі γάρ) сѣвѣдѣниѣ твоѣ поучение мое сѣжѣ“ (Син. пс. CXVIII, 23—24).

Случаи употребления *ибо* для указания на обоснование предшествующего высказывания в обследованных нами памятниках старославянского языка отсутствуют.

Наиболее часто *ибо* употребляется в значении не причинного союза.

1. *Ибо* присоединительное (в смысле, близком к „и“): „...чашѣ мож испиета *ибо* (ѣ) и крышениемѣ имѣже азѣ крыштажѣ са крѣстита са“ (Мф. XX, 23; Ягич (в словоуказателе) определял здесь значение *ибо* как „каі γάρ, *nam*“ и заметил, что в Зографском евангелии более точно переведено это место через *оубо*); „Юнѣ быхѣ *ибо* (каі γάρ) сѣстарѣхѣ сѣа“ (Син. пс. XXXVI, 25); „землѣ потрѣсе сѣа *ибо* (каі γάρ) нбса канѣштѣ“ (Син. пс. LXVII, 9; „Земля тряслась и небо таяло“¹) „...овчате погыбѣшааго възискатѣ градеть *оубо* и сѣдашнихѣ въ тѣмѣ и въ сѣни сѣмртѣнѣ хоштеть посѣтити *ибо* плѣнника адама и плѣнѣницѣж еугѣж отѣ страстии раздрѣшитѣ“ (Супр. р., л. 96, стр. 459).

2. *Ибо* противопоставительное (в смысле, близком к „но“): „онѣ... рече нѣсть добро отати хлѣба чадомѣ и поврѣщи псомѣ она же рече еи ги *ибо* (каі γάρ, у Ягича каі γάρ, *nam*) и пси ѣдатѣ отѣ кроуницѣ падажшнихѣ сѣ трапезѣ господей своихѣ“ (Мф. XV, 27). Ср. в толковании А. А. Потемни: „Он же сказал в ответ: „Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам (Мф. XV, 23, 25—6), (т. е. „дай прежде

¹ Синод. перевод.

насытиться детям“) (Марк. VII, 25) ... Она сказала: „Так, господи, но и псы едят крохи, падающие со стола господ их“ (Мф. XV, 27)¹. „Множицеѣ брашѣ брошѣ (sic!) сѣ со мноѣ отъ юности моеѣ ꙗко (каї γάρ) не прѣмогѣ мене“ (Син. пс. СХХVIII, 2).

Миклошич („Ethym. Wörterbuch“) указывает и на употребление *ибо* в значении *каї γάρ*, *etenim* („именно“, „и действительно“ „и в самом деле“) в Супр. р., 347. 18 и в значении *каї τοї γέ*, *quamvis* („сколько бы ни—хотя“) в Gl. Clus. I, 166.

Кроме старославянского языка, *ибо* встречаем только в русском языке. В других славянских языках *ибо* неизвестно. В древнерусском языке союз *ибо* был одним из наименее употребительных союзов. В памятниках делового языка случаи употребления *ибо* отсутствуют, в памятниках литературного языка *ибо* встречаем по преимуществу в книжно-риторических стилях и в цитатном материале. В ранних памятниках древнерусского языка (XI—XV вв.) *ибо* употребляется по преимуществу в качестве союза с нечетким причинным значением, а также в качестве не причинного союза: „мртвъ ꙗсмь въ живыхъ и живъ ꙗсмь в мртвхъ: *ибо* ꙗко живъ питаюся и ꙗко мртвъ не дѣлаю“ (Кир. Тур., стр. 38); „Но постави сосуд скуделничъ под лѣпокъ капля языка моего... Яко же Давидъ рече: сладка сут словеса твоя, паче меда устомъ моимъ. *Ибо* Соломон рече: Словеса добра сладостью напояють душу...“ (Сл. Дан. Зат., стр. 23; в рукоп. имп. Публ. б-ки XVII в. — нет *ибо*; в рукоп. Копенгагенской королевской б-ки XVII в.: „и Соломон рече...“). В памятниках литературного языка XVI—XVII вв. *ибо* употребляется в тех же значениях, хотя и можно отметить единичные случаи употребления этого союза с четким причинным значением: „... и бысть симъ [изменникам.— Е. Ч.] таковой плѣнъ лучши свободнаго всяко житія, *ибо* въ жизнь богаторадостну имъ се бываше, прочимъ же скорбь на скорбь протяженіемъ дней въ потребахъ скудости“ (Врем. Тимофеева, л. 221, стр. 408; предложение с *ибо* заключает в себе обоснование правильности предшествующего высказывания — „почему правильно то, что я говорю?“); „Костянтинъ ... магистры и градцкые дѣлатели раздѣли на двое, *ибо* („и“) единой странѣ повелѣ размѣрити градские стѣны и стрѣльници, и начати градъ дѣлати, а другой странѣ повелѣ размѣрити улицы и площади на римский обычай...“ (Пов. о Царьгр., стр. 3); „Никошъ же, бывшей патріархъ, во своей чести не состоитъ патріаршестей, *ибо* оную оставилъ...“ (Дело Никона, стр. 89. Предложение с *ибо* заключает в себе указание причины факта, выраженного в предыдущей части).

Предложения с *ибо* в древнерусском языке всегда постпозитивны, в порядке слов *ибо* всегда занимает первое место. Малоупотребительное в древнерусском языке, оно выходило из употребления в XIX в., но „было обновлено советской научной книгой и публицистикой“², причем в послеволюционный период *ибо* входит в широкое употребление только в качестве причинного союза; в других значениях оно было утрачено русским литературным языком значительно раньше (к XVIII в.).

В. ПРИЧИННЫЙ СОЮЗ *небо* (*небон*, *небоно*) И ЕГО ЗНАЧЕНИЯ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Причинный союз *небо* в обследованных нами памятниках старославянского языка встречаем только один раз для указания причины

¹ А. А. Потехина. Из записок по теории словесности, стр. 331.

² А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. I. Киев., 1952, стр. 350.

побуждения к совершению действия: „... воѡвода рече. Ѥмоуже хош-теши богоу тѣхъжъ жѣри. Ѣ ізбоуди насъ. *не бо* Ѥси призванъ прѣмъждрати сѧ“ (Супр. р., л. 11, стр. 21).

Вондрак¹, приводя еще случай употребления *небо*, отмечает, что этот союз „встречается не в тексте евангелий, а, напр., в Супр. р. ... и в позднейших памятниках чаще“: „*deěši otrinā liudi svoje gospodъ? ne badi, nebonъ i azъ izrailitěninъ jestъ*“ (Супр. р. 347. 10; I Римл. II—1, Шишат.: *ibo i azъ...*).

Как указывает Миклошич (Lex.), в Супр. р. славянское *небо* употреблено в соответствии с *ou̯ γάρ, non enim*.

Пример употребления *небо* в позднейших памятниках заимствуем из словаря Алексеева 1773 г.: „*Небо* безъ ума мечъ носить. Рим. 13. 14“, т. е. „*ибо* не просто, не без причины мечём опоясан“.

Значение *небо* („*ибо* не“) не отличается от значения других причинных союзов с отрицанием *не*. Ср., например: „штете мене не ѣко (ѣти) видѣсте знамение, нъ ѣко (ѣти) ѣли хлѣбы и насытесте сѧ“ (Ио. VI, 26) — „вы ищете меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились“². Здесь причина действия, выраженного сказуемым объясняемого предложения, не отрицается: отрицание относится к какому-либо члену *причинного предложения; иначе говоря, *небо*, подобно другим причинным союзам с отрицанием, употреблялось „при переходе отрицательного суждения к положительному“³.

Кроме старославянского, союз *неbonъ* (*не бо*) был известен в древнерусском и старочешском языках. Большинство случаев употребления *неbonъ* (*не бо*) в древнерусском (преимущественно в качестве союза с четким причинным значением) приходится на XI—XV вв. В памятниках древнерусского языка XVI—XVII вв. случаи употребления этого союза (причем только в качестве союза с нечетким причинным значением) единичны. Все это свидетельствует в пользу того, что к этому времени *неbonъ* (*не бо* *но*, *не бо*) уже был архаизмом. Не случайно поэтому то, что *неbonъ* встречается в памятниках XVI—XVII вв. с архаическим строем языка. В памятниках делового языка XI—XVII вв., в фольклоре и народных говорах случаи употребления *неbonъ* отсутствуют. „... [князь] приѣхавъ и съѣде съ конѧ *ни бо* николиже ѣха на дворъ монастырьский“ (Жит. Феод., л. 40-в-26; ср. в Патерике: „*николи же бо...*“); „... ѡбнажи [Христос] предо всѣми своѧ ребра и гвоздильныѧ язвы на руку и ногу показаетъ Фомѧ. *Не бо* бѣ Фома с оучкы в первыи приходъ видѣлъ Га̄ и слышавъ Ѥго вѣскр̄ша... не вѣроваша“ (Кир. Тур., стр. 23; ср. в вариантах: „*не бѣ бо* Фома...“); „... вѣчное благородіе ему [Иоанну IV] бѣ отческое, неувядаему посланія цвѣтъ, яко утренняя стѣ солнца восходитъ заря. *Не бо* точию отъ Рюрика начало имяху о немъ, но отъ самого Августа Цесаря Римскаго..., влечахуса во своя роды, яко день днесъ...“ (Врем. Тимофеева, л. 13, стр. 270); „Бываетъ же черная кручина отъ селезени. *не бо* *но* сырище препущаетъ въ селезени, аки отъ трубы его же низсученію ятра примут“ (Лечебник⁴, стр. 92, пункт 1035).

В современном чешском языке *neboť*, *nebo* в значении причинного союза утрачено.

¹ Vondrák. Gl. Слос., стр. 439.

² Синод. перевод.

³ Барсов. Ук. соч., стр. 29.

⁴ В кн.: М. Ю. Лахтин. Старинные памятники медицинской письменности. М., 1911.

Г. СОЮЗ *оубо*

Производный от *бо* союз *оубо* в причинном значении в памятниках старославянского языка встречается редко.

Лось (Gram. starosl.) приводит пример употребления *оубо* в качестве причинного союза из Зограф. ев.: *ne uboite se, ubo mnozexъ pticъ lučъše este vy* (Мф. X, 31) (в Мар. ев. здесь также находим *оубо*).

Вондрак писал¹: „Единично *оубо* = γάρ с другими союзами, напр., аште *оубо* отъпоушате... отъпустить и вамъ отцъ вашъ небескы (Мф. VI, 14). В других случаях оно = οὖν, *igitur*“.

Кроме старославянского, единичные случаи употребления *оубо* в значении причинного союза встречаем только в древнерусской письменности: „... сщеническомъ чинѣ ... покорение... имѣи, и дховнѣю пользѣ ѿ нѣхъ внимаи тѣ *оубо* сътъ слѣги и молебники нбнаго цра имѣють дерзновение оу га просити добры^x и полезны^x дшамъ нашимъ“ (Домострой, л. 10, стр. 5). Чаше встречаются случаи употребления *оубо* в составе сложных причинных союзов *понеже оубо, занеже оубо* (см. главу об этих союзах).

Д. НАРЕЧИЕ ВРЕМЕНИ *иде* (*ижде*) В ЗНАЧЕНИИ ПРИЧИННОГО СОЮЗА

Ограниченность употребления *иде* в значении причинного союза отмечается рядом исследователей. Вондрак пишет: „*иде* несколько раз констатировано в тексте Евангелий и Псалтыри“²... Он указывает три случая в евангельских текстах и четыре случая в псалтыри: „... горе вамъ кънижъниці... *иде* есте ѣко гроби не вѣдоми, ѿти, *quia*“ (Лк. XI, 44)³. Ср. в Мар. ев.: „Горе вамъ кънижъниці... ѣко (ѿти) подобите са гробомъ повапленомъ...“ Мф. XXIII, 27); „... даждѣ ми вѣ займѣ три хлѣбы, *иде* друогъ ми приде съ пати“ (Лк. XI, 6)⁴; „како бждеть се *иде* мѣжа не знаѣа (επει)⁵“ (Лк. I, 34)⁵. В Син. пс.: „не бои сѣа егда разбогатѣеть чвкъ... *Ижде* оумираѣа не оставитъ ли вьсего...“ (XLVIII, 18)⁶. Этот же пример приводится Лосем⁷ и Слоньским⁸.

На эти же примеры ссылается Слоньский, когда пишет: „в Мар. ев. (Лк. I, 34; XI, 6) через *иде* (Зограф. *izde*) переведена частица επει, употреблявшаяся в греческом как причинная; один раз — через *иде* переведено ѿти (Лк. XI, 44). В Син. пс. через *иде* переведена греч. причинная частица ѿти (LXXXIV, 9; CI) и через *izde* (XLVIII, 18)⁹“.

В памятниках старославянского языка других случаев употребления *иде* в значении причинного союза, кроме указанных выше, не встречается. Наречие времени *иде* (*идеже*), имевшее в значении причинного союза очень ограниченное употребление в старославянском языке, в других славянских языках в этом значении отсутствует.

¹ В. Вондрак. Древнецерковнославянский синтаксис. Перевод Н. Петровского. Казань, 1915, стр. 45. (Принятое сокращение: Вондрак. Др.-церк.-слав. синт.).

² Там же, стр. 52.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Gram. starosl., стр. 217.

⁸ Stanislaus Sloňskí. Die Übertragung der griechischen Nebensatzkonstruktionen in den altbulgarischen Sprachdenkmälern. Kirchhain, 1908, стр. 38. (Принятое сокращение: Sloňskí).

⁹ Там же.

II. ПРИЧИННЫЕ СОЮЗЫ, ВОСХОДЯЩИЕ К ФОРМАМ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ, ПРЕДЛОЖНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ ПРИЧИННЫХ СОЮЗОВ

А. ПРИЧИННЫЕ СОЮЗЫ *зане*, *занеже* И ИХ ЗНАЧЕНИЯ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Причинный союз *зане* мало употребителен в обследованных нами памятниках старославянского языка.

Старославянское *зане* обычно соответствует $\delta\tau\iota$ греческого оригинала (Мф. XI, 20, 23; XIV, 5; Ио. I, 51; V, 16, 38; VIII, 45; Син. пс. X, 3; XXXVI, 1, 9, 12; LXVIII, 27; LXXVII, 22; CIV, 28); в отдельных случаях — $\delta\iota\alpha\ \tau\acute{o}$ (Мф. XIII, 5; XIII, 6), $\epsilon\pi\epsilon\acute{\iota}$ (Син. пс. XXXVII, 21); $\alpha\upsilon\tau\acute{\iota}$ (с род. п., Син. пс. CVIII, 16), $\epsilon\nu\ \tau\acute{\omega}$ ¹ (с инфинитивом, Син. пс. CIV, 12), $\epsilon\acute{\iota}\varsigma\ \tau\acute{o}$ ² (Син. пс. LXIX, 1).

Предложение с *зане* обычно постпозитивно; случаи препозиции — единичны (Ио. I, 51; Мф. XIII, 6; Син. пс. VIII, 45). В порядке слов причинного предложения *зане* всегда занимает первое место.

В большинстве случаев *зане* употреблено в качестве союза с четким причинным значением; *зане* в качестве союза с ослабленным причинным значением в обследованных нами памятниках встречаем один раз; в значении не причинного союза — тоже только один раз (Супр. р., л. 9, стр. 254).

Употребление союза *зане* для указания причины факта: „...слъньцоу же воспѣвъшю присвадѣ *зане* ($\delta\iota\alpha\ \tau\acute{o}$; Ягич: $\delta\tau\iota$, $\delta\iota\alpha\ \tau\acute{o}$, *quoniam*, *quod*) не имѣхѣ корениѣ исѣхѣ“ (Мф. XIII, 6. Этот же пример приводится И. И. Срезневским); „...ї огонь възгорѣ сѧ въ іѣковѣ... *Зане* ($\delta\tau\iota$) ѧста вѣры боу...“ (Син. пс. LXXVII, 22).

Употребление союза *зане* для указания причины действия (состояния) (17 из 28 случаев употребления союза *зане*: Мф. — два, Ио. — пять, Син. пс. — три, Gl. Слос. — семь): „...тогда начать поносити градусъ въ нихъ же быша мнѡжѣшиша силы имъ *зане* ($\delta\tau\iota$) не покааша сѧ“ (Мф. XI, 20. Этот же пример приводится Лосем³ и Слоньским⁴); „... оубоѣ сѧ народа *зане* ($\delta\tau\iota$) ѣко прка имѣхѣ и“ (Мф. XIV, 5. Этот же пример приводится Слоньским⁵); „... *зане* ($\delta\tau\iota$) рѣхъ ти ѣко видѣхъ тѧ подѣ смоковницеѣ вѣроуеши“ (Ио. I, 51. Этот же пример приводится И. И. Срезневским в значении „так как, потому что“); „... иудеи ... иска[ахѣ] его оубити *зане* ($\delta\tau\iota$) си творѣаше въ соботѣ“ (Ио. V, 16); „... *зане* ($\delta\tau\iota$) истинѣ глѣ не емете вѣры мнѣ“ (Ио. VIII, 45); „облыгаахѣ мѧ *зане* ($\epsilon\pi\epsilon\acute{\iota}$) гонѣахѣ благостынѣ“ (Син. пс. XXXVII, 21. Этот же пример приводится Слоньским (= *propter*, *quod*)⁶).

Употребление союза *зане* для указания причины побуждения к совершению действия (четыре из 28 случаев употребления союза *зане* — только в Син. пс.): „ни завиди творѣащїимъ безаконение *зане* ($\delta\tau\iota$) ѣко трѣва ѧдро исѣшѣтъ“ (Син. пс. XXXVI, 2); „не ревнуюї ѣко лѣжавновати *зане* ($\delta\tau\iota$) лѣжавноуѣщїи потрѣбѣтъ сѧ“ (Син. пс. XXXVI, 9).

¹ Sloński, стр. 61—62.

² Там же.

³ Gram. starosł., стр. 218.

⁴ Sloński, стр. 38.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 54.

Употребление союза *зане* для указания причины неизбежности совершения действия (четыре из 28 случаев употребления союза *зане*: Мф. — один, Син. пс. — три): „и ты каперьнаоумъ възнесъи сѧ до нбсе до ада сънидешѧ *зане* (ὅτι) аште въ содомѣхъ бѣ силы бывшаѣ въ тебѣ прѣбылѣи бѣ до [днѣс]нѣго днѣ“ (Мф. XI, 23; у Ягича — ὅτι, διὰ τὸ, *quia, quoniam*); „гъ же посмѣетъ сѧ емоу *зане* (ὅτι) прозъритъ вѣко придетъ день емоу“ (Син. пс. XXXVI, 13).

Слоньский приводит ряд примеров (Ps. 69. 1, 104. 12 и др.), которые показывают, что причинные значения инфинитива, выраженные в греческом языке при помощи предлога διὰ (а также εἰς и ἐν), „передаются в др. болг. придаточными причинными предложениями через *zane* (—že), *imže*...“¹.

В значении непричинного союза отмечаем только один случай употребления *зане*: „... азъ надѣхъ сѧ ꙗко мечемъ отъсѣчеши ми главѣ *зане* молѣѣ тѧ повели и то сътвори“ (Супр. р., л. 9 об., стр. 254). Здесь *зане* употреблено в смысле близком к „потому“. Ср. в „Материалах“ И. И. Срезневского: „*зане* да ꙗси ѿ нынѣ нѣмъ *idcirco eris amodo non loquens, διὰ τούτου*“ (Пат. Син. XI в., 187).

Случаи употребления причинного союза *занеже* в обследованных нами памятниках старославянского языка отсутствуют. Вондрак, отмечая, что в тексте евангелий *занеже* встречается один раз („приложъ притѣчѣ рече, *занеже* тѣ бѣ близъ има“. Лк. XIX, 11), приводит еще один пример употребления этого союза в Супр. р.: „*занеже* оубо змѣи еугѣ прѣльстиль“ (Супр. р. 482. 15—16)².

И. И. Срезневский указывает еще один пример употребления *занеже* в евангельских текстах в значении „так как“, „потому что“: „... градъ Давыдовъ иже нарицаеться Виелеемъ *зане же* бѣаше отъ домоу и отъ отъчства Двдѣ“ (διὰ) (Лк. II, 4; Остр. ев.; в Мар. ев. здесь находим *зане*).

Слоньский приводит пример употребления *zaneže* в соответствии с ἐπεὶ греческого оригинала: *i poštenije naše i udržanije duchovno badi zaneže i orqđje naše... duchovno jestъ* (Supr. 497. 12)³.

Кроме старославянского, союзы *зане*, *занеже*⁴ были известны в древнерусском и старобелорусском языках.

В древнерусском языке эти союзы были малоупотребительны и как правило выступали в качестве союзов с четким причинным значением: „... а друзии [называются] Древляне *зане* сѣдоша в лѣсѣ“ (Лавр., ПВЛ, л. 3, стр. 6; то же в Ипат. л.); „... выгнаша новгородци князя дмитриѧ ... , *зане* князь еще малъ баше“ (Новг. I, стр. 280, 1864 г.; в вариантах: *занеже*); „... долго же доумаша, *зане* ѡблицени соуть...“ (Ипат. л., 127, стр. 346); „се ти написаѣ, *зане* принуди снѣ твои“ (Лавр., Письмо Влад. Моном., л. 83 об., стр. 252); „... а противу Зустонѣя наводиша пушку большую, *зане* на томъ мѣстѣ бѣ стѣна градцкая и ниже и хуже...“ (Пов. о Царьгр., стр. 12; ср. в переводе И. И. Срезневского: „Против Юстиниана навели они большую пушку, *потому что* стена там была ветха и низка...“).

Единичны случаи употребления *зане*, *занеже* в качестве союза с нечетким причинным значением: „Доброму бо господину служа, дослу-

¹ Sloňski, стр. 61—62.

² Вондрак. Др.-церк.-слав. синт., стр. 52.

³ Sloňski, стр. 54.

⁴ Союзы *зане* и *занеже* в древнерусском не различались ни по значению, ни по стилистическому употреблению и потому рассматриваются вместе.

жится свободы, а злу господину служа, дослужится больши роботы. *Зане* князь щедръ, аки рѣка, текуща безъ бреговъ...; а князь ~~зкупъ~~, аки рѣка въ брезвѣхъ, а брезги камены...“ (Сл. Дан. Зат., стр. 20); „... безъ благодати дара Святого Духа нѣсть прощенія, ни свободы, грѣховъ, ни святыни каковыя навершенія. *Зане* послѣдуютъ заблужденію и всякой злобѣ нечистой...“ (Авв., Кн. бес., л. 49, стр. 310).

Исключительно редки случаи употребления *зане*, *занеже* в памятниках деловой письменности: „Боудеть ли головникъ ихъ вѣрви то *зане* къ нимъ прикладывають того же дѣля имъ помогати головникоу“ (Русск. Пр., л. 28, строка 58—68); „и тебѣ, брату нашему дражайшему, пригожь скорбь своя [по случаю смерти отца] положить на Бога, *занеже* то общедательной долгъ ото Адама и до сего дни“ (Пам. дипл., т. I, стр. 722. Грамота Иоанна IV, 1578 г.).

В порядке слов причинного предложения *зане*, *занеже* обычно занимает первое место, а само предложение с *зане*, *занеже* постпозитивно.

В памятниках второй половины XVII в. засвидетельствованы случаи употребления *зане* в составе сложных причинных союзов *зане убо*, *занеже бо*, *того ради зане яко*: „*Зане убо* многово разсужденія ты еси, королю, молимъ тя и воспоминаемъ посемъ...“ (Катырев, л. 22, стр. 603); „... съ тое горы Садамское море и Иерданъ видѣть и обонъ поль Иердана, *за неже бо* святая Елеонская гора висока, близъ святого града Иерусалима“ (Ходж. Ионы, стр. 19); „... страха же вашего не имамъ убоятися, ниже соблазнитися, *того ради зане яко* нами Бог“ (Отраз. писание, стр. 80).

Наблюдаются и случаи употребления *занеже* в значении относительного слова: „А отъ того мѣста по той Удоли и до села Скудельнича гробы жидовскіе древніе и нынѣшнія кладбища, *потому* словеть и Удоль плачевная, *занеже* плакаться ходять жидове на гробы каждо на свой родъ...“ (Ходж. Ионы, стр. 16).

Эти случаи свидетельствуют о том, что причинное значение *зане* становится недостаточным (его усиливает *бо*, *убо*, *яко*).

Зане, *занеже* — союзы, характерные для книжных стилей литературного языка XI—XVII вв. Книжный характер этих союзов подтверждается и полным отсутствием их употребления в народных говорах и в фольклоре. Во второй половине XVII в. *зане*, *занеже* сохраняется только в памятниках с архаическим строем языка („Повесть о Савве Грудцыне“, драмы, Дело Никона и т. д.), а также в памятниках, отражающих влияние церковной письменности. Не случайно поэтому то, что в сатирических повестях XVII в. единственный случай употребления *занеже* встречается в пародии на церковно-богослужбную письменность („Праздник кабацких ярыжек“). После XVII в. *зане* и *занеже* сохраняются только в архаизирующих стилях; к началу XIX в. они становятся архаизмами.

В современном русском языке союзы *зане* и *занеже* утрачены. Случаи употребления этих союзов писателями XIX в. стилистически мотивированы. Ср. у Пушкина: *Зане святой владыка пред царем Во храмине тогда не находилсѣ* („Борис Годунов“).

В белорусском языке, по мнению Е. Ф. Карского, „*занеже* встречается только в старинных произведениях и, вероятно, заимствовано из церковнославянских памятников: „невъможно имъ стати противоу емб *занеже бо* в него събрала^с великаа сила. 449. Вил“¹.

¹ Карский. Ук. соч., стр. 256.

По нашим наблюдениям, в памятниках белорусского языка XIV—XVI вв. *занеже* более употребительно, чем *зане*, и выступает обычно в качестве союза с четким причинным значением: „Первыхъ обычаевъ суды бывали сужены безъ часу, нижли коли по обѣдѣ опившися, суды сужены, а такъ негдѣ сильный убога премоглъ, *занеже* не подлугъ часовъ судъ бываль (Акты З. России, I, стр. 4. 1347 г.); „... а он не присягалъ, *заньжо* оточинъ дома не былъ“ (Лит. метр., т. 27, стр. 467. — Кан. XV в.); „... аз же того не свѣмъ *занже* бѣх тогды млад“ (Летописец, стр. 80, XVI в.).

В современном белорусском языке (литературном и народных говорах) эти союзы утрачены.

Б. СОЮЗЫ *понеже*, *поне* И ИХ ЗНАЧЕНИЯ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

В обследованных нами памятниках старославянского языка употребление причинного союза *понеже* очень ограничено: 11 из 314 случаев употребления причинных союзов в этих памятниках (в том числе у Мф., Ио. — шесть из 186 случаев употребления причинных союзов).

Славянское *понеже* обычно соответствует ἐπεὶ греческого оригинала: Мф. XIII, 32; XXI, 46; XXVII, 6; Ио. XIII, 29; XIX, 31; Син. пс. LXVIII, 136; LXXVII 20¹. Два раза *понеже* употреблено в соответствии с греч. ἐφ' ὅσον (Мф. XXV, 40, 45).

Предложение с *понеже* обычно постпозитивно; в трех случаях оно препозитивно (Мф. XXV, 40, 45; Ио. XIX, 31). В порядке слов причинного предложения *понеже* всегда занимает первое место.

В абсолютном большинстве случаев *понеже* употреблено в качестве союза с четким причинным значением и только в одном случае — с ослабленным причинным значением.

1) Употребление союза *понеже* для указания причины факта: „Исходишта водьнаа їзвѣсте очи мои Понеже (ἐπεὶ) не съхранихъ закона твоего (Син. пс. CXVIII, 136. Этот же пример употребления причинного союза *pon'eze* приводится Лосем²); „... не достойно есть вложить его в карванѣ *понеже* (ἐπεὶ) цѣна крове есть“ (Мф. XXVII, 6); „... двѣ жрѣтвѣ въ тѣ вечерѣ даѣште сѧ *понеже* съпасниѣ глаголѣ живимъ и мрѣтвымъ бываше иудеи же съвѣзашѣте агньца закалахѣ“ (Супр. р., л. 19, стр. 450; речь идет о пасхе еврейской и христовой, которые праздновались одновременно).

2) Употребление союза *понеже* для указания причины действия (состояния) (шесть из 11 случаев употребления союза *понеже*: Мф. — три, Ио. — два, Супр. р. — один): „... оубоѣша сѧ народа *понеже* (ἐπεὶ) ѣко пророка *имѣахѣ* и“ (Мф. XXI, 46; ср. Мф. XIV, 5: „*зане* (ὅτι) ѣко прѣка *имѣахѣ* и“; Мф. XXI, 26: „боимъ сѧ народа вси бо (γὰρ) ѣко прѣка *имѣахѣ* иоана“). Этот же пример приводится в Словаре Ак. Росс. 1806 г. и словаре Соколова 1831 г. в значении „поелику“, „потому что“, „ибо“); „... всѣ дльгѣ твои отъпоустихъ тебѣ *понеже* (ἐπεὶ) оумоли ма“ (Мф. XVIII, 32; этот же пример причинного значения *понеже* приводится И. И. Срезневским, Вондраком, стр. 480); „... едини мнѣахѣ *понеже* (ἐπεὶ) скриницѣ *имѣахѣ* иуда ѣко глѣтѣ емоу ись коупи егоже трѣбуемъ...“ (Ио. XIII, 29). Причинное значение *понеже* в данном случае

¹ Частицы ἐπεὶ, ἐπειδή, ... употреблявшиеся как причинные в греческом, переводятся в др.-болг. через *pon'eze* (Sloński, стр. 54).

² Gram. starosł., стр. 218.

бесспорно, но необычный порядок слов ослабляет это значение, приближая его по смыслу к „поскольку“.

„... аггелъ съ дѣвоѣ глаголетъ *понеже* къ женѣ глагола змиѣ“ (Супр. р., л. 4 об., стр. 244). В данном случае в союзе *понеже* не дифференцированы значения временное и причинное: „ангел был послан к деве и говорит с ней *потому*, что перед этим она была искушаема змием“; но возможно: „... и говорит с ней *после того*, как с ней говорил змиѣ“; ср. в Супр. р., л. 10, стр. 19: „... иждь се бо третїи день юсть *понеже* ничьсоже вѣкоуси“, где *понеже* употреблено в значении временного союза („с тех пор, как“).

3) Употребление союза *понеже* в значении союза с ослабленным причинным значением (один случай): „(видел) ... илкова брата господьна не ико отъ мариѣ нѣ вѣко отъ іѡсифѣ рождена *понеже* уобо жърци ико цѣломъ дрънѣ іѡсифови обржчиша мариѣ“ (Супр. р., л. 5 об., стр. 246).

Служебное слово *поне* в значении причинного союза в старославянском языке

В рецензии на книгу Слоньского Ягич отмечает, что „в евангельском тексте есть *понеже* (ἐπειδή), но ни одного примера на *поне*...“¹. Этот факт Ягич относит за счет особенностей языка переводов евангелия, который, по его мнению, резко отличается от переводов Супр. р. и Син. пс., но примеров, показывающих разницу в переводах греческих частиц через *понеже* и через *поне*, Ягич не приводит.

У Вондрака² приводится только один пример употребления *поне* в значении причинного союза: „... *поне* ты юси отъ отьца даудова“ (Супр. р. 239. 17).

В обследованных нами памятниках старославянского языка других случаев употребления *поне* в качестве причинного союза не находим. В единственном встреченном нами случае употребления *поне* этот союз употреблен в значении уступительном: „вѣдѣ та сынѣ имѣшта *понѣ* тѣхъ дѣлма пожъри“ (Супр. р., л. 9, стр. 253), т. е. „я узнал, что у тебя есть сыновья, *хотя бы* ради них принеси жертву“.

Кроме старославянского, союз *понеже* известен в древнерусском, староукраинском, старобелорусском, польском, чешском, старосербском и новом болгарском языках.

В памятниках древнерусского языка XI—XV вв. причинное *понеже* встречается редко (преимущественно в агиографических и дидактических памятниках): „Кротько стоупаниѣ имѣи ногама своима, *понеже* на мѣстѣ стѣмь стаѣши“ (Изб. Св. 1076 г., л. 253 об., стр. 0103); „... помилоута мѣ *понеже* обѣста ми са“ (Бор. Гл., л. 24-а—17); „... всачески требуетъ земля та епѣпа, *понеже* до митрополита, и до Москвы далечи соуши“ (Жит. Стеф. Пермск., л. 716 об., стр. 59); „и того ради и грамоту пермьскю [Стефан] сотвори, *понеже* зѣло желаше і велми хоташе еже шествова^т къ Перми, и оучити люди некрещеныя...“ (Жит. Стеф. Пермск., л. 659, стр. 8).

В памятниках древнерусского языка XVI—XVII вв. причинный союз *понеже* — самый употребительный после *бо* (в памятниках разнообразных жанров, преимущественно же в полемической литературе): „Царь же и царица зелною печалью объяти быша, *понеже* не имуща тог[да] ни

¹ П. Jagić. Stanislaus Sloński, стр. 253.

² Вондрак. Др.-церк.-слав. синт., стр. 52.

единого чада...“ (Ист. о Каз. ц., л. 172 об., стр. 484); „... не дѣи меня, да опочину, *понеже* утрудихся на страже моеи“ (там же, л. 129 об., стр. 424); „И благочестивый царь Ѳеодоръ о томъ не мало поскорбѣ и втайнѣ пролѣя многія слезы, а взысканія учинити не возможно, *понеже* благоюродивъ бысть...“ (Катырев, л. 3, стр. 564); „... пришелъ я отъ Ртищева зѣло печаленъ, *понеже* в дому у него съ еретиками шумѣлъ много о вѣрѣ и о законѣ“ (Авв., Жит., стр. 44); „... по нуждѣ ворьчу, *понеже* докучают“ (Авв., Зап., стр. 896); „И та Аннушка, сожалея ево, Ѳрола Скобеева, *понеже* онъ тот час вложил жалость в сердце еѣ“ (Ф. Скобеев, стр. 51).

В памятниках делового языка XI—XV вв. причинное *понеже* отсутствует, в памятниках XVI—XVII вв. — единичные случаи причинного *понеже* встречаются в торжественном стиле или в стилистических пластах, привнесенных из церковной письменности (в „Путешествии стольника П. А. Толстого“ — в торжественном стиле, при описании сюжета возвышенного характера; в „Деле патриарха Никона“ — в соборных определениях и в сказках старца Е. Славинедского), а у Котошихина („О России в царствование Алексея Михайловича“) — в обычном среднем слоге: „Сего ради, *понеже* истинное правило греческое прочтохъ, ... каюся ...“ (Дело Никона, стр. 903); „И будетъ кто подарилъ скудно [новорожденному. — Е. Ч.], а мѣсто или человекъ богатые, и о том царь бываетъ гнѣвенъ, *понеже* будто тотъ человекъ не радъ рожденію того царевича“ (Котошихин, стр. 13).

В фольклоре и народных говорах причинное *понеже* отсутствует.

Как правило, *понеже* выступает в качестве союза с четким причинным значением¹. В порядке слов причинного предложения *понеже* обычно занимает первое место. В памятниках XI—XV вв. встречаются единичные случаи постановки *понеже* на втором месте в порядке слов причинного предложения; в этих случаях *понеже* следует после противительного союза *но*. В памятниках древнерусского языка XVI—XVII вв. подобные случаи значительно увеличиваются, причем причинное *понеже* следует не только после противительного союза *но*, но также и после других союзов (соединительного *и*, противительного *а*, заключительного *убо*): „А *понеже* крестьяне зміа убиша, а орла изымаша, [значеніе] являеть, яко напоследокъ паки хрестыянство одолѣеть бесерменства...“ (Пов. о Царьгр., стр. 3); „... *и понеже* еси рожденіе изчадія ехитнова, посему тако и ядъ отрыгаеши“ (Посл. Ио. IV, л. 142 об., стр. 55); „... *убо понеже* ино есть епископство, оно же архіерейство; можетъ архіерей епископство *убо*... оставити, а архіерейство же держати...“ (Дело Никона, стр. 94); „Но *понеже* извольнѣ такъ себе смиряешь, Царь царемъ сый, нищету толику примаешь, Буди благословенный, Боже...“ (Рожд. др., стр. 357).

В единичных случаях *понеже* следует после знаменательных слов, и значение его в этих случаях неясно: „Уже кончина приходитъ и поськаемый мечъ уже готовъ бысть! Подайте ми совѣтъ благъ, да како избыти можемъ отъ немилостиваго сего кровава меча врагъ нашихъ *понеже* даже не вскипелъ во крови нашей?“ (Катырев, л. 27 об., стр. 617; обращение польского воеводы к польскому воинству, изнемогавшему от голода в осажденном городе). Возможно, что здесь

¹ Ср. у А. А. Потебни (Из зап. по русск. грамм., IV, стр. 232): „второе [*понеже*] — из *по* и *уже*, собственное значение = *по что*, ср. сербское *poшто* (= *postea quam*) ... *понеже* = так как, потому что. Как в *потому*, так и здесь „*propter hoc*“ представляется как „*post hoc*“ с явственным психологическим основанием (Лавр. л. 161. 30)...“.

автором как причинное отношение дается то, что мы дали бы как временное. И в таком случае в этом примере в *понеже* можно усмотреть значение причинного союза с временным оттенком или наоборот. Ср. еще: „... сего ради сопряташа въ мѣрѣ тогда словеса своя, яко на судѣ, паче же удержеваше ихъ богатствъ и ненасытное множества любленіе, да не врагомъ понеже в наслѣдіе корысти ихъ остануть“ (Врем. Тимофеева, л. 244, стр. 424).

Предложение с *понеже* обычно постпозитивно. Случаи препозиции предложения с *понеже* в памятниках XI—XV вв. немногочисленны. В препозитивном предложении *понеже* обычно занимает не первое место в порядке слов предложения. Однако в большинстве случаев на значении *понеже* это не отражается.

В памятниках XI—XV вв. случаи употребления *понеже* в составе сложного причинного союза (*понеже бо*) единичны. В памятниках XVI—XVII вв. подобные случаи встречаются чаще: „*Понеже убо*, сами имуще совѣсть непостоянную и крестопреступну и малого ради блистанія злата пременену, се убо и намъ совѣтуете“ (Посл. Ио. IV, л. 155, стр. 66); „... другой человекъ совади поддерживалъ того осужденного и помогаль ему на лѣстницу идтить, *понеже бо* тотъ осужденный отъ страху насилу могъ на колесо по лѣстницѣ идтить“ (Катырев, кн. II, стр. 44).

К этому же времени отмечается появление случаев употребления *понеже* в значении относительного слова: „азъ же не подбриванъ; ино и потому было меня имъ мочно узнать, *понеже* съ подъ чалмы волосы наружи“ (Проскинитарий, стр. 9); „и для того образъ тутъ не держать, *понеже* турки образъ некоторыхъ не любятъ...“ (там же, стр. 186).

В белорусском языке, по наблюдениям Е. Ф. Карского, „*понеже* известно только старинным произведениям“ и заимствовано, „вероятно, из церковнославянских оригиналов: „смеда е'смъ, *понеже* ож'гло ма солнѣце. П. П., гл. I Скор. XVI в. (Владим. 338); *Понѣже* надъ многими народы цар'твую. 'И вси Земли под'билъ еси подъ власть свою. 'А протож' николи не хотехъ обрацати ко злomu моди своеѣ превеликое. Но добротливостию и справедливостию мыслихъ... Есфирь, гл. XII ів. (Владим. 334)¹. По нашим наблюдениям, причинное *понеже* известно и в оригинальных памятниках белорусской письменности XVI—XVII вв.: „И *понеже* ... гардиналь Регинусъ, ... все то время как во Угры приде, дѣлалъ и дѣлаетъ прилѣжнѣйше у тѣхъ кралей и князей, къ которымъ легатство имѣеть: обрѣтено жъ бѣ, да токоже его власть надобьствомъ съ вашимъ... господьствомъ имѣти будетъ дѣла свои“ (Акты З. России, I, стр. 253, 1561 г.); „... Ляхи и Татары... вскорѣ наступать хотять, чтобъ насъ разрозненныхъ скорѣе одолѣли и подъ мочь свою подбили, но самъ Богъ не пощастиль замысломъ непріятельскимъ, *понеже* уже самовольды запорожскіе... разошлись“ (Акты Ю.-З. России, IV, стр. 73, 1657 г.); „... опрѣснокъ не можетъ послити сердце, *понеже* души в немъ нѣсть“ (Пам. полем. З. России, II стр. 1145. — Послание до латин).

Причинный союз *поневажъ*, по указанию Е. Ф. Карского, заимствован старобелорусским языком из польского: „В старинных произведениях нередко можно встретить и польские союзы, напр., ... *поневажъ* (*ponieważ*) Ев. 1616 г. § 6“².

¹ Карский. Ук. соч., вып. 3, стр. 256.

² Там же, вып. 2, стр. 107.

По нашим наблюдениям, этот союз встречается в белорусской письменности XVII в. сравнительно часто: „*Поневажъ* наша католицкая вѣра, ... ростеть и помножается, и никгда не уставаеть, — чому жъ, вы, которые ся называеете православными релии Греческое, отъ оное утекаете и гордитесь и вшелякимъ способомъ противитися?“ (Пам. полем. З. России, XIX, стр. 4); „А *поневажъ* не отъ Бога початокъ того начальства мѣли, для тогожъ зводителство и погоешене, которое въ собѣ и въ скорбѣ своемъ мѣли, презъ отступене показали“ (там же, стр. 100).

В староукраинском языке, по показаниям словарей, также был известен причинный союз *понеже*: „*поневажъ*, елма, и занеже, тоежъ“ (П. Берында); „*поневажъ*, *понеже*, елма, елмаже; бо-убо, зане, занеже“¹.

В польском языке „*ponieważ* — *quia* — считается заимствованным из чешского... и не без основания, так как в чешском явственно на конце **-d** = **-ž** из **-d** = **-že**; **-až** — в польском само по себе трудно объяснимо“². Причинные предложения, начинающиеся союзом *ponieważ*, могут стоять перед главным предложением и после него и не требуют соотносительного слова в главном; только в случаях, когда главное предложение следует после причинного, оно начинается обычно союзом заключительным *więc*: *Morze tylko burzyło się ponieważ przyплыw wzbierał. Sienk*³.

Этимологический состав чешского *poněvadž*, по указанию А. А. Потебни, таков: „старочешское *ponidž* — пока, *dum* — образовано из *ponie* в значении п. а. [„с тех пор, как“; „после того, как“.— *Е. У.*], приставки *д*, образующей наречия и предлоги (*ка-д*, *та-д*; *на-дъ*, *по-дъ*), и союза *же*; старочешское *poňadž* — *quia* из *ponie* в значении п. б. [„так как“, „потому что“.— *Е. Ч.*], суффикса **-ad**, (**od-on-ad**) и союза *же*; чешское *poněvadž*, *poňavadž* — *quia* — из *ponie* в значении п. б. [„так как“, „потому что“.— *Е. Ч.*] с суффиксом **-vad**, как наречия *od-ka-vad*, *do-sa-vad*, и союза *же* (*Hattala. Srovnávací, § 370, 2*)“⁴. В совр. чешск.: *věřim, poněvadž on to řekl*⁵.

В старосербском языке известно причинное *понеже*: „*понеже* и разбоиниковъ малъ гласъ испоусти, нь велию вѣроу ѡбрѣте“. М. 567 (*Monumenta serbica*)⁶. Старосербская форма *поневаге* ... из *поневаже*, так же как и форма *понеже*, в современном сербском языке утрачена.

Причинное *понеже* встречается и в древнеболгарском, и в современном болгарском языке. Совр. болг: *šte mǎlčiš i ne šte možeš da govoriš, poneže ne pověruva na dūmite mi*. — *Sim. (Bib. g: zaštoto)*⁷. Примеры употребления *понеже* в древнеболгарском см. выше.

¹ П. Житецкий. Очерк истории малорусского наречия XVII—XVIII вв., ч. I. Киев, 1889. Приложение.

² А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, вып. IV. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 232. Ср. у Миклошича (*Gramm. der slav. Sprache. т. IV, стр. 116*): „*po-nie-va-ž* из чешского“; у Лося (*Gramatyka polska, стр. 136—137*).

³ А. Krasnowolski. Systematyczna składnia języka polskiego. Kraków, 1909, стр. 247.

⁴ Потебня. Из записок по русской грамматике, вып. IV, стр. 232.

⁵ И. Шрамак. Чешская грамматика. СПб., 1868, стр. 151.

⁶ Даниѣић. Рјечник.

⁷ Младенов, стр. 270.

Кроме старославянского, *поне* известно и в древнерусском языке. Малоупотребительное вообще, в XVI—XVII вв. оно встречается почти исключительно в памятниках с архаическим строем языка (особенно часто во „Временнике Тимофеева“). Единичны случаи употребления *поне* в качестве причинного союза: „Рать Нѣметская ... пришедь къ городу, ко Псковскому, и посадь пожгоша около града... и пакы отъидоша прочь, а пакости имъ не бѣ никоея, *поне* бо не бѣ тогда въ градъ ни князя..., ни посадника“ (Новг. I, 6875 г. Акад. сп.; в Синод. сп. — зане); „...аще бо князи правдивы бывають много, то много отдается согрѣшеня земли тои, *поне* то есть глава земли“ (Лавр. Сузд., л. 129, 1177 г.; этот пример употребления *поне* приводится А. А. Потебней в значении „так как“, „потому что“)¹.

Столь же редки случаи употребления *поне* в значении не причинного союза (уступительного и временного): „А боудеть кто слѣжилой человекъ ѣдучи гдѣрвѣ слоужбѣ, ... приѣдетъ къ комѣ настанъ *поне* („хотя“) дружбѣ наряднымъ дѣломъ дла задорѣ, ив томъ межъ ими оучинитсѣ брань или бои, ... и того казнити ...“ (Улож. Ал. Мих., гл. 7, стр. 32, 81). Примеры употребления *поне* в значении временного союза („с тех пор, как“, „после того как“) заимствуем у А. А. Потебни²: „не подобашеть бо таковому сильну дому [монастырю Печерскому. — Е. Ч.] *поне* („после того“, т. е. по смерти игумена) единъ часъ безъ пастуха быти“ (Ипат. л. 126, 20); „...да аче стрый придетъ на тя Дюрги, *поне* ты ся съ людьми утвердилъ будеши, годно ти ся съ нимъ умирити“ (там же, 76, 9).

Обычное же употребление *поне* — употребление в значении частицы (уступительной и реже — усилительной):

1) „Идлаше къ брату своему и глаше въ срѣди своимъ то *поне* („хотя“) оузрю ли си лице братьца моего мншааго глѣба...“ (Бор. Гл., л. 9-с-32); „Аще не бы^с добро, а зла нѣ^с въ моемъ встаньи; аще не радуется ѿ преславнѣмъ чуде^с, *поне* („хотя“) не завидите данному мнѣ здравію“ (Кир. Тур., стр. 40); „Аще ли ѿ ап^лъ своимъ уклоняете слухи, *поне* („хотя бы“, „по крайней мере“) прркъ послушайте...“ (там же, стр. 61); „Правда же бѣ во лсти крыема, зане моя жителя сѣмя исчадія бяху вси, и не бѣ крѣпкаго во Израили, еже бы *поне* („хотя бы“) писанми обличити тѣхъ неподобное“ (Врем. Тимофеева, л. 247 об., стр. 426); „И крыяхуся тогда человекы въ дебри непроходимыя, ... и въ водѣ между кустовъ отдыхающе и плачущесе къ Содѣтелю дабы ночь сихъ [диких зверей. — Е. Ч.] обьяла и *поне* („хотя“) мало бы отдохнути на сусѣ“ (Палицын, л. 356 об., стр. 511); „...а въ благодати аще не можеша быти солнце, буди *поне* („хотя бы“) луна...“ (Авв. Кн. бес., л. 50 об., стр. 362); „Дѣло то соборное и исправит зѣло нужно. И аще архіереи исправити не радятъ, *поне* („хотя бы“) ты, христоробивый государь, ту церковь от таковыя скверны потчися очистит...“ (Авв., Зап., стр. 754).

2) „[Феодосий] оувѣщавата мтръ свою. онѣи же о томъ не хотѣши ни *понтъ* („даже“) послушати юго“ (Жит. Феод., л. 33-а-1); „Новыи же законъ послѣди пришедь, нѣ преже Х^са вѣрова и видить оуже тѣщу надежу ветхаго закона, не могуща держащихся *поне* („даже“) сп^сти“ (Кир. Тур., стр. 15).

¹ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, вып. IV, стр. 232.

² Там же.

В порядке слов предложения *поне* занимает различные места — от первого до десятого (чаще же всего — второе или третье).

Так же как и *понеже*, служебное слово *поне* в русском языке утрачено.

В. ОКАМЕНЕЛЫЕ ПАДЕЖИ МЕСТОИМЕНИЙ *имъже*, *имже*, *юже* В КАЧЕСТВЕ ПРИЧИННЫХ СОЮЗОВ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

В обследованных нами памятниках старославянского языка засвидетельствован только один случай употребления *имъже* в качестве причинного союза: „...сам же ись не въдаше себе въ вѣрѣ ихъ *имъже* (διὰ τὸ) сам вѣдѣше въсл“ (Ио. II, 24). Здесь *имъже* присоединяет предложение, заключающее в себе указание причины совершения действия. Этот же пример приводится Вондраком¹.

По наблюдениям Слоньского², *imъže* является дважды в соответствии с частицами ἐπεὶ, ἐπειδή; в этих случаях *имъже* также присоединяет предложение, заключающее в себе указание причины совершения действия: „...сего ради обискаѣште не обискана хвалимъ юго, *имже* бо своима рѣкама владыкѣ дръжавѣ въсхваля“ (Супр. р. 256, 3); „сего ради бо мы не видаште хѣ поклонѣмъ сѧ юмоу, *имже* бо онъ видѣвъ поклони сѧ“ (Супр. р. 499, 8). Характерно, что в этих случаях *имъже* выступает в составе сложного причинного союза.

В трех случаях, по наблюдениям Слоньского³, „греческий инфинитив передается в древнеболгарском через *imъže*: *imъže nosimъ ozy, ostavite nasъ*. Supr. 130. 18 (διὰ τὸ φορεῖν) (этот же пример приводится Лосем)⁴; *imъže milostiva jestъ* Supr. 226. 19 (διὰ τὸ, εὐχεται); *imъže žena jemu jesi*. Supr. 366. 6 (διὰ τὸ, ... εἶναι)“.

Один раз Слоньским⁴ отмечается славянское *imъže* на месте греческ. ὅτι: *veličaachъ se, imъže i filosofija i pravda i trъpenije liubъjachъ*. Supr. 138. 15 (этот же пример приводится Лосем)⁵.

По наблюдениям Вондрака⁶, *имъже* „особенно часто встречается в памятниках позднейшей редакции и иногда распространяется насчет *понеже*“ (то же отмечает и Бернекер: „конкурирует с *po-ne-že*“).

Кроме старославянского, *имъже* известно и в древнерусском языке. Мало употребительный вообще, этот союз встречается только в памятниках XI—XV вв. (в большинстве случаев в Изб. Св. 1073 г.). Как правило, *имъже* выступает в качестве союза с четким причинным значением: „ѿвѣдѣши же ... по Несторовѣ извѣрженіи дспѣ и пожаливъ си ... *имъже* (ὅτι) беж нѣго извѣржень бы Нестории...“ (Изб. Св. 1073 г., стр. 57); „...члвчѣ дша не *им же* (διὰ τὸ) просто ю въ тѣлеси тѣмъ же страже, нъ *имъ же* (διὰ τὸ) страстьна юсть...“ (там же, стр. 58); „... и югда ти придетъ вънезапоу напасть не *им же* (cum) ю вина нъ его же дѣла пытаи и обраштели оуправлениа...“ (там же, стр. 170); „... юдинънадесате племень на юдино плема рать имѣшѧ а *имъже* (ἐπειδὴ) юдинънадесате отъ ба отъстоупиша отъ юдиногo племени побѣдени быша ...“ (там же, стр. 173); „... не башеть бо емоу [Игорю. — Е. Ч.] лзѣ бѣжати в днь и в ношь *имъже* сторожевъ стрежаоуть его ...“ (Ипат., л. 226 об., стр. 251).

¹ Вондрак. Др.-церк.-слав. синт., стр. 50.

² Sloňski, стр. 54.

³ Там же, стр. 62.

⁴ Там же, стр. 40.

⁵ Gram. starosł., стр. 218.

⁶ Вондрак. Др.-церк.-слав. синт., стр. 50.

В порядке слов причинного предложения *имже* обычно занимает первое место, а предложение с *имже* в большинстве случаев препозитивно.

Причинное *имже* рано утрачено в древнерусском языке: самые поздние случаи его употребления датируются XV в.

В исследованных нами памятниках старославянского языка случаев употребления *ѣже* в значении причинного союза не находим.

Вондрак¹ пишет: „отдельные падежи могут застывать и становиться союзами: прежде всего, как кажется, мы имеем уже в др.-ц.-сл. одно свидетельство для *ѣже*, *quia*, *quod*, именно: *ѣ бѣша людѣ жидѣште Захаритѣ і чюждаахъ сѧ, ѣже мѣждаахъ въ цркъве, καὶ, ἐθαύμαζον ἐν τῷ χρονίζειν αὐτὸν* Зограф. ев., Мар. ев. Лк. I, 21“ ... Этот же пример приводится и Лосем²: „... удивлялись, *потому что* (*že*), медлил (*omieszkował*) в церкви...“

Кроме старославянского, *ѣже* известно в польском, чешском, сербском, староукраинском и древнерусском языках. В древнерусском языке *ѣже* (= *ѣже*) в значении причинного союза встречается в единичных случаях: „Нифонтъ тако мѣвлашѣ: недостоинѣ ѣсть сталь, *ѣже* не блѣгнѣ ѣсть ѿ великого собора, не ставленѣ...“ (Новг. I, стр. 51; этот пример приводится И. И. Срезневским в значении „так как“, „потому что“, А. А. Потемной³ в значении „так как“); „мъртвѣди... ѿ пьсь изедаеми, *ѣже* не можахоу погрѣбати...“ (там же, стр. 227; этот пример приводится И. И. Срезневским в значении „так как“, „потому что“); „... да то вы дѣти мои не тѣжка заповѣдь Бѣа, *ѣже* тѣми дѣлы гми избыти грѣховъ своихъ и царствѣвѣ не лишитисѧ...“ (Лавр., Поуч. Влад. Моном., л. 79 об., стр. 243).

III. ПРИЧИННЫЕ СОЮЗЫ, ВОСХОДЯЩИЕ К МЕСТОИМЕННЫМ НАРЕЧИЯМ

А. СОЮЗЫ *ѣко* (*ѣко*, *ако*), *ѣкоже* (*ѣкоже*)⁴ И ИХ ЗНАЧЕНИЯ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Союзы *ѣко*, *ѣкоже* были многозначны в старославянском языке; они употреблялись в значении союзов: изъяснительных (Мф. XXVII, 18), следствия (Мф. XXVII, 14), цели (Мф. XXVII, 1), причинных (см. ниже), сравнительных (Мф. XII, 40). Кроме того, *ѣко*, *ѣкоже* употреблялись в старославянском и как наречия с значением времени, сравнения, следствия и т. д.⁵

В обследованных нами памятниках старославянского языка *ѣко* имело широкое употребление в качестве причинного союза: после *бо* — это наиболее употребительное служебное слово для выражения причинных отношений⁶. Употребление *ѣкоже* было ограничено:

¹ Вондрак. Др.-церк.-слав. синт., стр. 51.

² Gram. starosl., стр. 218.

³ Из записок по русской грамматике, вып. IV, стр. 227.

⁴ Союзы *ѣко*, *ѣкоже* как однозначные рассматриваются вместе. Ср. у Корша: „Возможность существования двух однозначных форм — простой и с *же* — в одном и том же языке подтверждается такими примерами, как церк. *яко* — *якоже*, чешские *který* и *kterýž*“ (Способы относительного подчинения. М., 1877, стр. 102).

⁵ Ввиду того, что эти факты общеизвестны, мы ограничиваемся перечислением разных значений *ѣко*, *ѣкоже*, не приводя примеров.

⁶ Слоньский отмечает, что наиболее часто *яко* „употреблялось в смысле изъяснительном и причинном“ (стр. 38).

в обследованных нами евангельских текстах находим два случая употребления *ѣкоже* в качестве причинного союза, в Син. пс. — три случая.

Славянское *ѣко*, *ѣкоже* в большинстве случаев употреблено в соответствии с греческим *ὅτι*¹; только один раз причинное *ѣко* употреблено в соответствии с греческим *γάρ* (Мф. XXIII, 10); союзом *ѣкоже* один раз переведено греческ. *καθώς* (Ио. XVII, 1), три раза — *καθάπερ* (Син. пс. XXXII, 22).

Слоньский указывает, что в тех случаях, где „в греческом наблюдаются колебания в применении или пропуске релятивного *ὅτι*, в славянском переводе очень часто соответствующее ему *яко* опускается“ (Супр. р. 222, 22)². В отношении причинного *ὅτι* этого, по нашим наблюдениям, не отмечается, и у Слоньского примеры опущения причинного *яко* в подобных случаях не указаны.

Предложение с *ѣко*, *ѣкоже* обычно постпозитивно; случаи обратного порядка предложений единичны (Ио. XV, 19; XVI, 6; XIX, 42; XX, 29). В порядке слов причинного предложения *ѣко*, *ѣкоже* занимают первое место; только в двух случаях (Ио. VI, 26; XVI, 6) *ѣко* отстывает на второе место, следуя после союза *нъ*.

Во всех обследованных нами памятниках старославянского языка в абсолютном большинстве случаев *ѣко*, *ѣкоже* употреблены в качестве союзов с четким причинным значением³.

1) Употребление союзов *ѣко*, *ѣкоже* для указания причины факта (*ѣко* — восемь случаев из 101, *ѣкоже* — один из пяти случаев употребления этих союзов в причинном значении) встречаем преимущественно в монологической речи (проповеди Христа, похвалы) (Мф. — один, Ио. — шесть, Супр. р. — один): „ѣко же (*ὅτι*) отъ мира нѣсте нъ азъ избѣрахъ вы отъ мира сего ради ненавиditъ васъ миръ“ (Ио. XV, 19); „... нъ ѣко (*ὅτι*) си глахъ вамъ скръби исполнь сръдѣца ваша“ (Ио. XVI, 6); „... безм[ъ]вѣе много *ѣко* (*ὅτι*) цѣсарь съпитъ землѣ оубоѣ сѧ і оумлѣча *ѣко* (*ὅτι*) бѣ плѣтыж оусъпе“ (Gl. Слос., стр. 87, строка 760—761).

2) Употребление союза *ѣко* для указания причины действия (состояния) (61 из 101 случая употребления причинного союза *ѣко*: Мф. — 13, Ио. — 27, Син. пс. — 20, Супр. р. — один). *ѣко* в этом значении употребляется преимущественно в монологической речи (пространные ответы Христа), реже — в диалоге и повествовании: „Видѣвъ же народъи исъ милосрѣва о нихъ *ѣко* (*ὅτι*) бѣхъ сѣматени і отъврѣжени *ѣкоже* овѣца не имѣща пастырѣ“ (Мф. IX, 36); „... милосрѣоуж о народѣ *ѣко* (*ὅτι*) юже три дѣни присѣдѣтъ мнѣ і не имѣтъ чѣсо ѣсти“ (Мф. XV, 32); „... оученици рѣша емоу по что притѣчами глаголеши имъ онъ же... рече *ѣко* (*ὅτι*) вамъ дано естъ разоумѣти тайнаа цѣрствіѣ нбскааго онѣмъ же не дано естъ“ (Мф. XIII, 10—11); „Горе вамъ кнѣжнѣици... *ѣко* (*ὅτι*) подобите сѧ громѣмъ повапльномъ“ (Мф. XXIII, 27). Аналогичный пример приводится Лосем⁴: *gore vatъ... ide este ѣко grobi nevѣdomi* (Лк. XI, 44); „нъ иштете мене оубити *ѣко* (*ὅτι*) слово мое не вѣмѣштаатъ сѧ въ васъ“ (Ио. VIII, 37); „... а наемь-

¹ Ягич отмечает, что в соответствии с *ὅτι*, *quia ѣко*, „*occurret persaepe*“ (Словозаказатель к Мар. ев.).

² Słonński, стр. 41.

³ Примеры, приведенные Вондраком (Др.-церк.-слав. синт., стр. 52; Мф. II, 18; V, 3—10) и Лосем (Gram. starosł., стр. 217; Мф. V, 36), нами не использованы, так как они принадлежат не к тексту Мар. ев., а заимствованы из Дечанского четвероевангелия, рукописи болгарославянской XIII в.

⁴ Gram. starosł., стр. 218.

никъ бѣжитъ *ѣко* (ѣти) наемникъ естъ и не радить о овѣцахъ“ (Ио. X, 13); „сего ради ма отць любитъ *ѣко* (ѣти) азъ полагаѣ дшѣ моѣ да пакы примѣжъ“ (Ио. X, 17); „...егда же родить отроча къ томоу не помънитъ скръби за радость *ѣко* (ѣти) роди сѧ члвкъ въ миръ“ (Ио. XVI, 21); „...жено что плачеша сѧ гла има *ѣко* (ѣти) възвеса га моего“ (Ио. XX, 13); „...азъ же оусънѣхъ ꙗ съпахъ възстахъ *ѣко* (ѣти) гъ застѣпнѣти мѣжъ“ (Син. пс., III, 6); „...почто не пожьреша отъвѣшта глагола *ѣко* бога имамъ ꙗгоже из млада врѣсты чисти навѣкохъ“ (Супр. р., л. 9 об., стр. 252).

3) Употребление союзов *ѣко*, *ѣкоже* для присоединения предложений, заключающих в себе указание причины побуждения к совершению действия, выраженного сказуемым объясняемого предложения в форме повелительного наклонения (все случаи) (*ѣко* — 13 случаев из 101, *ѣкоже* — три из пяти случаев употребления этих союзов в причинном значении; *ѣко*: Мф. — шесть; Син. пс. — семь; *ѣкоже*: Син. пс. — три). В этом значении *ѣко* встречается (только у Мф. и в Син. пс., *ѣкоже* — только в Син. пс.) в поучениях Христа, в единичных случаях — в диалогической речи; в Син. пс. — в молитвенных обращениях: „ни нарицайте сѧ наставници *ѣко* (ѣти) наставникъ вашъ единъ естъ“ (Мф. XXIII, 10); „сего ради и вы бѣдѣте готови *ѣко* (ѣти) въ нъже не мните часъ сн чскы придетъ“ (Мф. XXIV, 44); „дадите намъ отъ оуба вашего *ѣко* (ѣти) свѣтильници наши оугасаѣтъ“ (Мф. XXV, 8); „Вънѣми гласъ молитвы моеѣ *ѣко* (ѣти) къ тебѣ помолѣ сѧ и“ (Син. пс. V, 4); „Въринѣ [моихъ враговъ] *ѣко* (ѣти) прогнѣваша тѣ гѣ“ (Син. пс. V, 11); „Помилоуи мѣ гѣ *ѣко* (ѣти) немощенъ есмъ и исцѣли мѣ гѣ *ѣко* (ѣти) съмѣшаша сѣ кости моѣ“ (Син. пс. VI, 3); „Избави мѣ *ѣко* (ѣти) нищъ ꙗ оубогъ есмъ азъ“ (Син. пс. CVIII, 22. Этот же пример приводится Лосем¹).

4) Употребление союзов *ѣко*, *ѣкоже* для присоединения предложений, заключающих в себе причину необходимости, неизбежности или долженствования совершения действия (*ѣко* — 13 случаев из 101, *ѣкоже* — один из пяти случаев употребления этих союзов в причинном значении; *ѣко*: Ио. — шесть; Син. пс. — шесть; Супр. р. — один; *ѣкоже*: Ио. — один). *ѣко*, *ѣкоже* в этом значении встречаются только в диалогической речи (поучения Христа в евангельских текстах; в риторических обращениях типа пророчества в Син. пс.).

а) Предложение с *ѣко* включает в себе указание причины неизбежности или невозможности совершения действия, выраженного сказуемым объясняемого предложения при помощи формы будущего времени простого: „аште кто ходитъ въ дъне не потъкнетъ сѧ *ѣко* (ѣти) свѣтъ мира сего видить аште ли кто ходитъ ношнѣ потъкнетъ сѧ *ѣко* (ѣти) нѣстъ свѣта о немъ“ (Ио. XI, 9—10); „...нъ си высъ сътворатъ вамъ за има мое *ѣко* (ѣти) не вѣдатъ посълавъшааго ма“ (Ио. XV, 21); „Иси сътворатъ вамъ *ѣко* (ѣти) не познаша отца ни мене (Ио. XVI, 3); „Сего ради не воскресѣтъ нечѣстиви на сѣдъ Ни грѣшници во свѣтъ праведныхъ *ѣко* (ѣти) свѣсть гъ пѣтъ праведныхъ и пѣтъ нечѣстивыхъ погыбнетъ“ (Син. пс. I, 5—6. Этот же пример употребления *ѣко* приводится в Словаре Ак. Росс. 1806 г. в значении „ибо“, „понеже“, „потому что“ (то же в Словаре церковнослав. и русск. яз. 1847 г.); у Даля — „ибо“, „понеже“, „поелику“, „так как“, „потому что“); „Изнемогѣтъ и погыбнѣтъ отъ лица твоего *ѣко* (ѣти) створишь еси сѣдъ мои

¹ Gram. starost., стр. 217.

пърѣж моѣж“ (Син. пс. IX, 4—5); „ї спеть ѣ *ѣкоже* (ѣти) оупѣваша на нь“ (Син. пс. XXXVI, 40).

б) Предложение с *ѣкоже* заключает в себе указание причины долженствования совершения действия, выраженного сказуемым объясняемого предложения при помощи сочетания формы будущего времени и союза *да* в целевом значении (один случай): „...отче приде година прослави сна своего да и снъ твои прославить тѣ *ѣкоже* (χθώς) даль емоу еси [власть] вьсѣкоѣ пѣти“ (Ио. XVII, 1—2. Этот же пример приводится И. И. Срезневским в значении „ибо“, „так как“).

В качестве союза с нечетким причинным значением *ѣко* встречается только пять раз.

Употребление союза *ѣко* для присоединения предложения, заключающего в себе обоснование вопроса (один из 101 случая употребления этого союза в причинном значении): „...по чѣто бесѣды моеѣ не разумѣате *ѣко* (ѣти) не можете слышати словесе моего“ (Ио. VIII, 43).

Употребление союза *ѣко* для присоединения предложения, заключающего в себе основание, определяющее правильность суждения (четыре из 101 случая употребления этого союза в причинном значении: Ио. — три, Супр. р. — один): „и сѣдъ мои правѣднъ естъ *ѣко* (ѣти) не иштѣ вола моеѣ нъ волаѣ посылавшааго ма отца“ (Ио. V, 30); „...іюсиψъ въ истинѣ богатъ *ѣко* вьсе съложеноѣ тѣло господне примъ въ истинѣ богатъ *ѣко* соугоубоуд осиѣ хсовѣ отъ пилата приѣтъ и богатъ *ѣко* бесценнааго бисѣра достоинъ бытъ приѣти“ (Супр. р., л. 93, стр. 453; то же в Gl. Слос. стр. 937, строка 95).

Кроме старославянского, союзы *ѣко* *ѣкоже* известны во всех славянских языках. В древнерусском языке *ѣко* (*яко*) было полисемантически: оно употреблялось и как союз, и как наречие; кроме причинного значения, союз *ѣко* (*яко*) употреблялся и в других значениях¹:

1) С помощью этого союза придаточные предложения присоединяются к главному, как дополняющие его глагольное сказуемое со значением узнавания, сообщения и пр.: „...и оуслышаша Новѣгородѣ, *ѣко* Стопѣлкъ идеть къ нимъ“ (44₃).

2) С помощью союза *ѣко* к одному предложению присоединяется другое, как предложение следствия или изъяснительное, причем оно связывается с первым предложением как с целым, а не с каким-либо отдельным его членом: „...потомъ найде дождѣ, *ѣко* не видѣхомъ іасна дни...“ (44₈).

3) Союз *ѣко* соединяет два предложения сравнительные: „...малы не до смерти обнаживъше, *ѣко* мати роділа...“ (42₇).

4) С помощью *ѣко* к главному предложению присоединяется придаточное цели: „...хота погоубити безбожнѣи сны Измаиловы... *ѣко* да ѡмьстать кровь крѣіаньску“ (192).

5) Союз *ѣко* (*яко*) выступает в значении уступительного союза („хотя“): „Хѣвы, *ѣко* великы вои держа в руку своєю“ (Бор. Гл.; гл. 73).

Примеров употребления *ѣко* в значении наречий времени, сравнения и т. д. не приводим, — они общеизвестны.

В порядке слов причинного предложения *яко* (*ѣко*) обычно занимает

¹ Значения непричинного *ѣко* (*яко*) излагаются по материалам Е. С. Истриной „Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи“. — „Изв. ОРЯС Росс. АН“, т. XXIV—XXVI. Пг., 1923, стр. 220—223) и И. И. Срезневского.

первое место. В единичных случаях оно отступает на второе место, следуя после союза *и*; во всех этих случаях *яко* (*ѣко*) сохраняет причинное значение. Причинное предложение с *яко* (*ѣко*) обычно препозитивно. В единичных случаях (обычно тогда, когда союз *яко* (*ѣко*) в порядке слов причинного предложения занимает не первое место) предложение с причинным *яко* (*ѣко*) препозитивно.

В качестве союза *ѣко* (*яко*) в большинстве случаев имеет четкое причинное значение: „... тѣмъ ѡко дша моѣ въ роукоу твою вѣноу ѡко закона твоѣго не забыхъ ѣко господеви годѣ бысть“ (Бор. Гл., л. 11-с-26); „... братиѣ се бо и оутробою всѣа вы цѣлоуоу ѣко ѣхожоу къ владце“ (Жит. Феод., л. 63-в-21); „... надъ мертвецѣа идѣте, ѣко вси мертвени ѣсмы“ (Лавр., Поуч. Влад. Моном., л. 80 об., стр. 246); „... княже мой, господине! Яви ми зракъ лица своего, ѣко гласъ твои сладокъ, и образъ твои красенъ“ (Сл. Дан. Зат., л. 280 об., стр. 14); „Взыдемъ и мы, братиѣ, нынѣ мыслено в Сионьскую горницу, ѣко тамо апѣли собращасѣ, и самъ Гѣъ Исѣъ Хѣъ затвореннымъ дверемъ, посредѣ ихъ ѡбрѣтесѣ...“ (Кир. Тур., стр. 22); „... тебе же, ѡ епѣ Степане, Перѣмскаѣ землѣ хвалить..., ѣко тобою тмы избыхомъ, ѣко тобою свѣтъ познахомъ“ (Жит. Стеф. Пермск., л. 751 об., стр. 89); „Таковыми убо словесы многими уча люди и наставляя ихъ, ѣко изначанъ бѣ до зѣла ратному дѣлу...“ (Пов. о Царьгр., стр. 12); „... и ѡчистимъ себѣ истиннымъ покааніемъ, ѣко мѣтивъ гѣ помилбеть ѡ грѣхъ, и подасть телесемъ здравіе и дшамъ спсеніе...“ (Домострой, л. 40, стр. 23); „Смотри же сего и разумѣвай, ѣко противляися власти Богу противитсѣ...“ (Посл. Ио. IV, л. 126 об., стр. 17); „Нынѣ же послѣднее невзгодіе видимъ и плачемся своихъ паденіи, ѣко враги наша у вратъ градцкихъ предстоятъ и уповая отомстити вскорѣ наносимыя отъ насъ тяжкія имъ бѣды...“ (Катырев, л. 27 об., стр. 616); „Но токмо, отче, имѣю мало на тя, ѣко держиши ученіе не по преданію отеческому и гнушаешися единоголаснаго пѣнїа“ (Авв. Зап., стр. 909).

Особо следует отметить случаи, где в *ѣко* (*яко*) сочетается причинное значение со значением качества: „ѡ бга мздѣ прїимете и жизнь вѣчнѣю наслѣдите, ѣко свершителѣ заповѣди его“ (Домострой, л. 27, стр. 16); „... [они] чести сподоблени быша [на земле], на небеси же мзду воспрїаша, ѣко истиннии страдалцы за святыя церкви...“ (Ист. о Каз. ц., л. 148, стр. 449). Переход значения причины в значение качества связывается здесь с переходом предикативного словосочетания в непредикативное (во всех этих случаях *ѣко* (*яко*) близко по смыслу к выражению „в качестве кого“, „будучи кем“).

К XVI—XVII вв. появляются случаи употребления *ѣко* (*яко*) в составе сложных причинных союзов в качестве относительного слова: „Сего бо ради разлучисѣ з братомъ своимъ, ѣко не вмѣститисѣ дорогами“ (Сказ. о Мам. поб., стр. 26); „И сего убо ради, ѣко не хотѣхъ въ дѣтсвѣ быти въ воли вашей, гоненіе нарицаете“ (Посл. Ио. IV, л. 175, стр. 100); „... того бо ради мученицы течаху, ѣко за Христа смерть изволяютъ...“ (Отраз. писание, л. 43 об., стр. 86).

Употребление *ѣко* (*яко*) в высоких стилях (в основном в цитатном материале¹), отсутствие его в памятниках делового языка, в фольклоре и народных говорах — все это свидетельствует о книжном характере этого союза.

¹ Церковно-книжный характер этого союза удачно пародируется в сатирической повести XVII в. „Праздник кабацких ярыжек“.

С течением времени *яко* (*яко*) было утрачено в русском языке. Уже в XVIII и первых десятилетиях XIX в. *яко* употреблялось только в архаичных стилях¹. У новых писателей *яко* употреблялось со специальной стилистической мотивировкой; в современном русском литературном языке этот „книжно-церковный устарелый союз имеет ироническую окраску“².

В белорусском языке (литературном и народных говорах) также известно причинное *як*: „...ни ли кòго бь я такой службы ни сослужывь, ну якъ ты ли мяне служывь, то и я ли тябе сослужу“ (Ром. VI, 377 Мстисл.)³.

Для украинского языка Бернекер указывает на *яко* в значении „wenn, wie, als...“ Вондрак⁴ и Красновольский⁵ отмечают причинное *яко*, *якоже* и в польском языке. В старопольском причинные предложения присоединялись при помощи *яко*: *A przez toć (Bog karatъ był krola), jakoć krol kazał, ci on bardzo wiele propoków pościnacъ był* Гп. 40⁶.

Примеры употребления причинного *яко* в старосербском языке приводятся Вондраком и Даничицем: „...наоучите се отъ мене, ѣко, кроткъ есмь. М. 5 (Mon. Serb.)⁷; „...облѣзи с нама, ѣко при вечерѣ юсть и прѣклонилъ се юсть оуже день“ (Симоново ев. конца XII в.; Лк. XXIV, 12.25)⁸. *Vrata ova... otvore se, jako Gospodinъ Bogъ Izraelski ulizalъ jestъ krozaъ na.* (F. Glavinić, 295⁹)⁹.

Наличие в *jakž* (ст.-чешск.) и в *jako* (совр. чешск.) причинного значения отмечается рядом исследователей: Бернекером, Вондраком, Гебауэром. Ср. пример, приведенный последним: *Bessus pak, jakžъ nerozumělъ vztáza (někoho), jenšto hřečsky uměl.* Al. VM, 4, 24 (XIV в.)¹⁰.

Древнеболгарскому *яко* (*ѣко*) в новом языке соответствует *ako* („Wenn“), но чаще, по наблюдениям Младенова, оно заменяется другими причинными союзами; ср. др.-болг.: „ни главоѣ свое ѣжкльни са, ѣко не можеша власа единого бѣла ли чрѣна сътворити“. Z. 4; новоболг.: *nito s glaváta si se kълni, zaštóto ne móžeš nito edinъ kosъм da naprávišъ bělъ ili чéren;* др.-болг.: „избави мѧ, ѣко нищъ i оубогъ есмъ азъ“ Sin. Ps. 145. Новоболг.: *izbavi me, zaštóto (áz) съм siromax i ništ.* Bib. g. (возможно и *če*: *Bože, oprosti me, če съм sláb i lix*¹¹).

Б. СЛУЖЕБНОЕ СЛОВО *како* В ЗНАЧЕНИИ СОЮЗА С ОСЛАБЛЕННЫМ ПРИЧИНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Встретилось в обследованных нами памятниках старославянского языка только один раз: „они же помышлѣхъ глѣще. како (ѣти) хлѣбъ не възасомъ“ (Мф. XVI, 7) — „ученики его забыли взять хлебов. Иисус сказал им: смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской. Они же помышляли в себе и говорили: это значит, что хлебов мы не

¹ Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Изд. 3, Киев, 1950, ств. 314.

² Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д. Н. Ушакова.

³ Карский. Ук. соч. стр. 258.

⁴ Вондрак. Др.-церк.-слав. синт., стр. 501.

⁵ Krasnowolski, стр. 246.

⁶ Там же, стр. 401.

⁷ Даничић. Рјечник.

⁸ С. Новакович. Грамматика сербского языка. СПб., 1890, стр. 161.

⁹ Мјечник hrvatsk. i srpsk. jezika.

¹⁰ Gebauer. Hist. mluvn., стр. 694.

¹¹ Mladenov, стр. 270—271.

взяли¹ („он это сказал потому, что мы хлебов не взяли...“ — *Е. Ч.*).

Этот же пример приводится Слоньским, который отмечает, что „на месте причинного *ѣти* в др.-болг. встречается ... и *како*“ (Мф. XVI, 7).

Кроме старославянского, этот союз в причинном значении был известен в древнерусском языке. В древнерусской письменности союз *како* был одним из наименее употребительных причинных союзов. Он выступал обычно в значении союза с нечетким причинным значением: „... оувы мнѣ *како* заиде свѣте мои не соущоу ми тоу...“ (Бор. Гл., л. 9-в-22, — обоснование предшествующего высказывания); „... кто не похвалить доблаго сего епѣпа, кто не оублажить твердаго сего страдалца и храбраго воина, *како* единъ браса съ врагомъ, и побѣди врага борющагоса...“ (Жит. Стеф. Пермск., л. 773 об., стр. 109, — мотивировка вопроса).

В. СЛУЖЕБНОЕ СЛОВО *коль* В ЗНАЧЕНИИ ПРИЧИННОГО СОЮЗА

Встретилось один раз в обследованных нами памятниках: „... вьнидѣте жъзкыѣи враты *ѣко* (*ѣти*) пространа врата и широко пѣть вьводди въ пагоубѣ и мнози сѣтъ вьходящи имъ *коль* (*ѣти*) жъзка врата и тѣснѣ пѣть вьводди въ животь и мало ихъ естъ иже и обрѣтажтъ“ (Мф. VII, 13—14; ср. параллелизм причинных предложений с *ѣко* и *коль*).

Об этом случае Слоньский пишет: „на месте причинного *ѣти* в др.-болг. встречается вопросительное *коль* (Мф. VII, 14)²“.

Причинное *коль* в славянских языках не засвидетельствовано.

Г. НАРЕЧИЕ ВРЕМЕНИ *егда* В ЗНАЧЕНИИ ПРИЧИННОГО СОЮЗА В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

В обследованных нами памятниках старославянского языка *егда* в значении причинного союза встречается один раз: „Воини же рѣша. боимъ са *еда* въскорѣ начьнѣ искати тебе“ (Супр. р., л. 8 об., стр. 16). Этот же пример употребления *егда* в качестве причинного союза приводится Лосем³, у которого заимствуем еще три примера: „... *boimъ se řeše, jeda kako ukradaty i učenici jeho*. Supr. 443. 13. ... *boe se, jeda koli...* *bolěznъ nanesetъ*. Supr. 516. 23. ... *ne seđi na přědъniti městě, eда kъto čьstъněi tebe bōdetъ zъvanухъ*. Lc. 14. 8. (в греч. тексте *μηποτε*, в лат. *ne*, стало быть, как бы целевое; ... но тут может быть только причинный союз: *gduž može buć kto zasniejszy wezwany*)⁴“.

В отдельных случаях *егда* имеет недифференцированное значение, в котором не разграничено выражение причинных и временных отношений: „быша слъзы моѣ мнѣ хлѣбъ день и ноць *егда* (ѣв τῷ) глаяхъ мнѣ на вьсѣкъ день кѣде естъ бгъ твои“ (Син. пс., XLI, 4 = „слезы мои были для меня хлебом и день и ночь, *когда* (возможно, и „потому что“ — *Е. Ч.*) говорили мне всякий день: „где бог твой?“)⁵; „Паки же и языкъ мой весь днь поучитъ са правдѣ твоєи *егда* (ἔτι) постыдѣтъ“

¹ Синод. перевод.

² Sloński, стр. 40.

³ Gram. starost., стр. 217.

⁴ Там же.

⁵ Синод. перевод.

сѣ и срамѣть сѣ искѡштеи зѣла мѣнѣ“ (Син. пс. LXX, 24 = „и язык мой будет возвещать правду твою, *ибо* (возможно и „когда“, „после того как“. — Е. Ч.) постыжены и посрамлены ищущие мне зла“)¹. Недифференцированное значение *егда*, в котором не разграничено выражение временных, условных и причинных отношений: „... погыбнете отъ пѣти праведна *егда* (ѣтах) възгоритъ сѣ възкорѣ бростъ его“ (Син. пс. II, 12 = „почтите сына, чтобы он не прогневался, и чтобы вам не погибнуть в пути вашем, *ибо* (возможно и „когда“, „если“. — Е. Ч.) гнев его възгорится вскоре“)².

Кроме старославянского, наречие времени *егда* в значении союза известно в сербском, чешском и древнерусском языках. В древнерусской письменности XI—XV вв. засвидетельствованы единичные случаи употребления причинного *егда* (*еда*): „Василко же Ѡпреса река: не могу ждати, *еда* буде^т рать дома“ (Лавр., ПВЛ, л. 86 об.). Позднее этот союз в причинном значении в древнерусском языке не встречается.

Д. НАРЕЧИЕ ВРЕМЕНИ *ѣльма* В ЗНАЧЕНИИ ПРИЧИННОГО СОЮЗА

Ягич³, отмечая, что в евангельских текстах *ѣльма* не встречается, а в Супр. р. встречается очень часто, приводит в числе первых примеров употребления *ѣльма* и случай, в котором оно употреблено параллельно *понеже* евангельского текста (Супр. р., л. 93, стр. 25). Об этом же свидетельствует и пример, приведенный И. И. Срезневским из Остр. ев: „Дроуже, даждь ми въ займъ три хлѣбы, *ельма* же друогъ ми приде съ пѣти, *ѣпейдѣ*, *quoniam*)“ (Лк. XI, 5)⁴. Ср. у П. Берында: „*Елма*: гды, *поневаж*, гдыж, *егда*, *иле*, *якъ* много, *зане*... *Елма* ѡбо Бъ на землю приде сирѣчь *поневаж* или *понеже*“⁵. Характерно, что в этом случае *ѣльма* находится в составе сложного причинного союза (*jelma bo*).

В памятниках старославянского языка встречается всего один случай употребления *ѣльма* в причинном значении: „Провъ рече *ѣльма* же не хоштеши повинѣти сѣ цѣсароу въ рѣкѣ възврѣженъ бѣдеши“ (Супр. р., л. 28, стр. 253). Здесь *ѣльма* имеет недифференцированное значение союза, в котором не разграничено выражение временных и причинных отношений.

Примеры, приведенные Ласем⁵ из исследованных им текстов Супр. р., более показательны: *jelma ubo tŕŕiŕiŕi sę na smrtŕb, živŕ da izgoriŕi*. Supr. 140. 20. ... *ne prosti neĉistaago komisa, jelma drŕzno na me se sŕtvoriti mi*. Supr. 231. 24. ... *Da jelma že ubo otŕvŕgoste sę svojego cęsara, prębdęte ubo necęsarujemi*. Supr. 435. 24.

Кроме старославянского, *ѣльма* было известно в польском, чешском, сербском, староукраинском и древнерусском языках. Единичные случаи употребления причинного союза *ѣльма* засвидетельствованы в древнерусской письменности только XI—XV вв. (Изб. Св. 1073 г. и Жит. Стеф. Пермск.): „...нѣ сего оубо не приа [душа. — Е. Ч.] *ѣльма* же (ѣпейдѣ) соушнѣ имать отъ ба приимъши...“ (Изб. Св. 1073 г., стр. 58);

¹ Синод. перевод.

² Там же.

³ Jagić. Stanislaus Sloński, стр. 253.

⁴ П. Берында. Лексикон словенорусский и имен толкование. Изд. 2, Киев, 1627.

⁵ Gram. starosł., стр. 218.

„... а мы быхомъ тебѣ д'лжноую честь въздали, ꙗко д'лжни соуще тебѣ, ꙗко твои есмы оучнцы, ꙗко чада твоа признаа, елмаже тѣбою Бга познахомъ и иствнѣа избыхомъ ...“ (Жит. Стеф. Пермск., л. 751, стр. 89); „Но въ Перми же не былъ [ап. Павел. — Е. Ч.]; да елмаже оубо никто же Ѡ ап'лъ не бывалъ въ Перми, того ради Пермьскаа земля осталася не крщена“ (Жит. Стеф. Пермск., л. 663, стр. 12).

Ср. у П. Берынды (Лексикон): „елма гды, поневаж, гдыж, егда, якъ много, зане, ... Елма велик еси толма смѣрися. Елма ꙗбо Бъ на землю прѣиде сирѣчь поневаж или понеже. Елма аще ꙗбо сице бы было: бо если бы так было“. Ср. в словаре П. Алексеева 1773 г.: „елма — нар. понеже, когда уже“; в Лексиконе Ф. Поликарпова: „елма — понеже, когда уже“.

* * *

Материалы обследованных нами памятников старославянского языка обнаруживают, что самыми употребительными союзами для выражения причинных отношений были *бо* и *ѣко* (*ꙗко*, *ако*). Тот факт, что у Мф. *бо* употребительнее в сравнении с *ѣко*, а у Ио., наоборот, — *ѣко* в сравнении с *бо*, объясняется особенностями языка автора первого синоптика и автора канонического евангелия: „У синоптиков... повествования носят характер чего-то бесхитростного, безыскусственного... Языку же Иоанна свойственна своего рода монотонная торжественность...“¹. В повествовательных стилях Супр. р. (Мучение св. Василиска, св. Иринея), сохраняющих библейскую простоту и безыскусственность, также преобладает *бо*; в ораторском стиле Супр. р. (Слово Иоанна Златоуста, Слово св. Епифания) и в высоком лирическом стиле Син. пс., наоборот, преобладает *ѣко*. Таким образом, *бо* характерно преимущественно для простого слога, *ѣко* — для торжественного слога.

Тот факт, что *зане* и, особенно, *ибо* наиболее употребительны в Син. пс., также указывает на типичность этих союзов для высокого стиля.

Употребление разных союзов для выражения тех или иных оттенков причинного значения связывается с определенным жанром и стилем. Для выражения причинных отношений в строгом смысле слова в обследованных нами памятниках наиболее употребительно *ѣко*, служащее для присоединения предложения, заключающего в себе указание причины действия (состояния). Менее употребительны в этом значении другие причинные союзы: *бо*, *зане*, *понеже*. Большинство случаев употребления причинных союзов в этом значении встречаем у Иоанна и в повествовательных пластах Супр. р. и Син. пс.

В значении союза, присоединяющего предложение со значением побуждения к совершению действия, наиболее употребительно *бо*: 84 случая употребления причинных союзов в этом значении. Для выражения этого оттенка значения другие причинные союзы (*ибо*, *зане*, *ѣко*) употребляются реже. Употребление причинных союзов в этом значении характерно для Матфея, сочинение которого носит „характер исключительно дидактический“², и для Син. пс. (в молитвенных обращениях, поучениях, предостережениях).

¹ С. А. Жебелев. Евангелия канонические и апокрифические. Пг., 1919, стр. 56, 65.

² Там же.

В значении союза, присоединяющего предложение с указанием модального характера причины совершения действия (необходимость, неизбежность, долженствование и т. д.), наиболее употребительны *ѣко* и *бо*: в этом значении причинные союзы встречаются преимущественно в стилях пророческих предсказаний в монологической речи (Ио., Син. пс.). Другие причинные союзы менее употребительны в этом значении.

Для стилей эмоциональной и патетической речи типично *бо*, присоединяющее предложение, заключающее в себе обоснование вопроса. Другие причинные союзы в этом значении встречаются реже.

Для стилей отвлеченных рассуждений и догматических поучений характерно *бо*, присоединяющее предложение с указанием основания, определяющего правильность суждения. Другие причинные союзы в этом значении менее употребительны.

Причинные союзы (преимущественно *бо*), служащие для указания обоснования предшествующего высказывания, встречаем в разных стилях прямой речи.

Употребление *бо* в значении не причинного союза типично для повествовательных стилей разных жанров (Мф., Ио.), *ибо* — для высокого повествовательного слога (Син. пс.).

Употребление *бо* в значении частицы типично для эмоциональной речи. При этом следует отметить, что *бо* в значении частицы употребляется преимущественно в тех случаях, где оно следует за местоимением (*кто бо...*, *что бо...*, *се бо* и т. п.).

В то же время исследованный нами материал показывает, что тот или иной оттенок значения четкого причинного союза обусловлен прямой внутренней связью причинного предложения с грамматической категорией модальности, выражаемой формами наклонения сказуемого: оттенок значения причины факта, действия (поступка) или состояния обусловлен употреблением форм изъявительного наклонения для выражения предиката объясняемого предложения; оттенок значения причины побуждения к совершению действия — употреблением повелительного наклонения и других форм, выступающих в императивной функции (условно-желательное наклонение, его описательные формы и т. п.); оттенок значения причины долженствования, возможности, невозможности, неизбежности совершения действия связан с употреблением форм, относящихся к сфере будущего в широком смысле этого слова (синтетическая форма будущего времени, условно-желательное наклонение с разнообразными, но не императивными функциями).

Оттенки значения нечеткого причинного союза обусловлены модальностью объясняемого предложения: значение обоснования вопроса („почему я об этом спрашиваю?“) связывается с вопросительной модальностью объясняемого предложения; значение основания, определяющего правильность суждения („почему правильно то, что я говорю?“), обычно выраженного в предшествующем предложении, обуславливается повествовательной модальностью объясняемого предложения; значение мотивировки акта высказывания („почему я это говорю?“) — восклицательной модальностью объясняемого предложения.

„Вольности славянских переводов“ греческого оригинала, отмеченные Грюненталем, находят подтверждение и в примерах, приведенных нами, и показывают, что авторы этих переводов уже располагали богатым запасом грамматических синонимов для выражения причинных отношений. Так, для обозначения причины действия (поступка) или состояния в одной и той же конструкции находим: *ѣко* (Мф. XXIII, 27) и *иде* (Лк. XI, 44); *бо* (Мф. XXI, 26) и *понеже* (Мф. XXI, 46); *зане*

(Ио. V, 16) и *ѣко* (Ио. V, 18). Для обозначения побуждения к совершению действия: *бо* (Мф. XXIII, 8—9) и *ѣко* (Мф. XXIII, 10); *ѣко* (Мф. VII, 13) и *коль* (там же) и т. д.¹

В сфере причинных союзов обследованных нами памятников находит отражение взаимодействие категорий причинны, времени, следствия, сравнения и условия. Ср. совмещение временного и причинного значений в союзе *понеже* (см. Супр. р.: здесь „propter hoc“ представляется как *post hoc*)². Ср. употребление в качестве причинных союзов наречий времени (*югда, иде*); ср. употребление в качестве причинных союзов *ѣко* (*ѣкоже*), которые служили и для обозначения отношений сравнения; *кълма* — для выражения количественного сравнения. Ср. употребление *зане* (Супр. р., л. 9, стр. 254) в значении союза следствия.

Причинные союзы, употреблявшиеся в памятниках старославянского языка, с течением времени претерпели значительные изменения. Прежде всего следует отметить, что количество союзов (в частности, причинных) в славянских языках сократилось. Этот процесс пытались объяснить унификацией литературных языков и отходом части союзов в диалектную лексику.

Однако материалы сравнительно-исторического изучения национальных языков* (в частности, славянских) убеждают в недостаточности такого объяснения. На материалах, например, русского языка выявляются более глубокие внутренние закономерности, обусловившие сокращение количества причинных союзов. Древнерусский язык располагал для выражения причинных отношений многочисленными служебными словами, унаследованными из общеславянского фонда. Большинство их утрачено. Ранее других служебных слов, выступавших в древнерусском языке в качестве причинных союзов, было утрачено *бо*. Это слово было семантически перегружено. Такова же была судьба другого, столь же многозначного слова *яко*. Утрачены и старые производные союзы (*зане, понеже* и др.); в древнерусскую письменность из живого народного языка проникли и с течением времени возобладали в ней новые производные составные причинные союзы, союзы относительного типа (*потому что, оттого что* и др.)³. Эти причинные союзы позднее проникли и в разные стили литературного языка.

В научной литературе уже отмечалось, что функции союзов уточнились. Материалы нашего исследования показывают, что в области значений причинных союзов наметилась определенная тенденция к специализации их в качестве грамматического средства выражения причинных отношений. Это выразилось в том, что старые причинные союзы постепенно были вытеснены такими новообразованиями, лексико-морфологическая определенность которых ограничивала круг их функций строго очерченной сферой логико-синтаксических отношений⁴.

¹ Ср. у Слоньского (стр. 38), который, отмечая частоту употребления *яко* в соответствии с причинным *ὅτι* греческ. оригинала, пишет: „взамен *яко* часто находим *зане*: Мф. XI, 20; Сив. пс. X, 3, XXXVI, 2; Супр. 411, 14—18; *понеже*: Супр. р. 295, 11; 372, 30; *иде*: Лк. XI, 44, Сив. пс. LXXXIV, 9; Сл. 4; XLVIII, 18“.

² А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, вып. 4, стр. 232.

³ Проникновение новых причинных союзов относительного типа с конца XV в. из живой народной речи в деловую письменность не является случайностью. Получившая широкое развитие в связи с образованием русской государственности письменность нуждалась в точных и ясных средствах выражения мысли: „Язык законов требует прежде всего точности и невозможности кривотолков“ (Л. В. Щерба. Современный русский литературный язык. — Журн. „Русский язык в школе“, 1939, № 4, стр. 21).

⁴ См. В. В. Виноградова. Русский язык. М., 1947, стр. 707.

В образовании новых причинных союзов относительного типа в качестве основного форманта выступали местоимения¹. В процессе их грамматического абстрагирования образуются элементы нового качества. В сохранившихся составных союзах местоименного происхождения (*потому что, оттого что* и др.) грамматические функции вытекают из лексических значений соответствующих слов; во вновь зарождающихся причинных союзах (*в силу того, что; вследствие того, что; благодаря тому, что*) вещественно-лексическое значение их компонентов почти полностью сохраняется. Таким образом, специальные грамматические средства выражения причинных отношений в современном русском языке сосуществуют с лексическими выражениями, грамматическая формализация которых еще только намечается. Этот процесс отражает общие тенденции, развивающиеся в грамматике русского литературного языка, уже отмеченные крупнейшими русскими лингвистами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

I. Старославянский язык

- Ио. — послание от Иоанна } Маринское четвероевангелие, с прим. и прил.
Лк. — " от Луки } Труд И. В. Ягича. Изд. ОРЯС имп. Ак. Наук,
Мф. — " от Матфея } СПб., 1883.
Пат. Син. — Синайский патерик.
Син. пс. — Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI в. Изд. ОРЯС
Росс. АН, Пг., 1922. Приготовил к печати С. Северьянов.
Супр. р. — Супрасльская рукопись. Труд С. Северьянова. Т. I. „Памятники старо-
славянского языка“. Т. II, вып. I. Изд. ОРЯС имп. Ак. Наук, СПб., 1924.
Gl. Cloc — Glagolita Clocŭv, vydal dr. V. Vondrák. V Praze, 1893.

II. Древнерусский язык

- Авв. Зап. — „Записки о лицах и событиях времени возникновения старообрядчества“. — Русск. ист. 6-ка, т. XXXIX. „Памятники истории старообрядчества XVII в.“. Кн. I, вып. 1, Л., 1927.
Авв. Жит. — „Житие протопопа Аввакума, им самим написанное“. Редакция А. — Русск. ист. 6-ка, т. XXXIX.
Авв. Кн. бес. — „Сочинения Аввакума. Книга бесед“. — Русск. ист. 6-ка, т. XXXIX.
Акты Э. России — „Акты, относящиеся к истории Западной России“. Изд. Археогр. ком. Т. I, СПб., 1846, т. II, СПб., 1848, т. V, СПб., 1853.
Акты Ю.-З. России. — „Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России“. Изд. Археогр. ком., Т. I—IV, СПб., 1863; т. XI, СПб., 1879.
Бор. Гл. — „Сказание и страсть и похвала свят. Борису и Глебу“. Сб. XII в. Моск. Усп. собора. „Чтения в Об-ве ист. и древн. росс. при имп. Моск. ун-те“. Вып. 1, М., 1899.
Врем. Тимофеева. — „Временник дьяка Ивана Тимофеева“ — Русск. ист. 6-ка, т. XIII, СПб., 1899.
Дело Никона. — „Дело о патриархе Никоне“. Изд. Археогр. ком., СПб., 1897.
Домострой — Домострой по Коншинскому списку и под. Изд. А. Орлова, М., 1908.
Жит. Стеф. Пермск. — „Житие св. Стефана епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым“. Изд. Археогр. ком., СПб., 1897.
Жит. Феод. — „Житие преподобного отца Феодосия игумена Печерьского“. Сб. XII в. Моск. Усп. собора, вып. 1. Изд. А. А. Шахматова и П. А. Лаврова. „Чтения в Об-ве ист. и древн. росс. при имп. Моск. ун-те“. М., 1899.
Задонщ. — „Задонщина“ (по сп. XV—XVIII столетий). Сб. ОРЯС Росс. Ак. Наук. Т. С, № 2 — „Памятники старинного русск. яз. и слов. XV—XVIII столетий“. Приготовил к печати П. Симони. Пг., 1922.
Изб. Св. 1073 г. — „Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. „Чтения в Об-ве ист. и древн. росс. при имп. Моск. ун-те“, М., 1883.

¹Ср. компоненты зарождающегося причинного союза *потому что*: предлог *по* + дательный падеж субстантивированного местоимения *то* + относительное слово местоименного происхождения *что*.

- Изб. Св. 1076 г. — „Изборник Святослава 1076 г. в кн. В. Шимановский. К истории древнерусских говоров. Варшава, 1887.
- Ипат. — Ипатьевская летопись. Полное собр. русских летописей. Т. II. Изд. Археогр. ком., СПб., 1908.
- Ист. о Каз. ц. — „История о Казанском царстве“. Полн. собр. русских летописей. Т. XIX. Изд. Археогр. ком., СПб., 1903.
- Катырев — „Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского 1626 г.“ — Русск. ист. б-ка. Т. XIII. Памятники древн. русск. письм., относящиеся к Смутному времени“ Изд. 2. СПб., 1909.
- Кир. Тур. — „Сочинения Кирилла Туровского“. Рукопись гр. А. С. Уварова, т. II, вып. 1. Изд. М. И. Сухомлинова, СПб., 1858.
- Котошихин — „О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина“. СПб., 1840.
- Лавр., ПВА. Лаврентьевская летопись. Повесть временных лет. Полное собр. русских летописей, т. I, вып. 1. Изд. пост. Ист.-археогр. ком. АН СССР. Изд. 2, Л., 1926.
- Лавр., Письмо Влад. Моном. — Письмо Владимира Мономаха. — Полное собр. русских летописей, т. I, вып. 1.
- Лавр., Поуч. Влад. Моном. — Поучение Владимира Мономаха. — Полное собр. русских летописей, т. I, вып. 1.
- Лавр., Сузд. — Лаврентьевская летопись, вып. II. Суздальская летопись по Лавр. сп. Изд. 2, Л., 1927.
- Летописец. — Летописец великих князей Литовских (по Супрасльскому списку). Полное собр. русских летописей, т. XVII. Западнорусские летописи. Изд. Археогр. ком., СПб., 1907.
- Лит. метр. — Литовская метрика, т. I. — Русск. ист. б-ка, т. XX. Изд. Археогр. ком., СПб., 1903; т. I, отд. 1; Русск. ист. б-ка, т. XVII, СПб., 1910.
- Новг. I. — Новгородская летопись по Синодальному списку. Изд. Археогр. ком., СПб., 1875.
- Отраз. писание. — „Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей. Старообр. трактат 1691 г.“ — „Пам-ки древн. письм.“, т. CVIII, СПб., 1895.
- Палицын. — „Сказание Авраамия Палицына“ (по сп. МД Ак. № 175). Русск. ист. б-ка, т. XIII. Изд. 2, СПб., 1909.
- Пам. дипл. I — „Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными“, т. I, СПб., 1910.
- Пам. полем. Э. России. — „Памятники полемической литературы в Западной Руси“. — Русск. ист. б-ка. Изд. Археогр. ком., т. VII, СПб., 1882; т. XIX, СПб., 1903.
- Пов. о Царьгр. — „Повесть о Царьграде Нестора Искандера XV в.“ — „Пам-ки древн. письм. и иск.“, СПб., 1886.
- Посл. Ио. IV — „Послания царя Ивана Васильевича князю Андрею Курбскому (первая редакция). Соч. кн. Курбского“, т. I. — Русск. ист. б-ка, т. XXXI, СПб., 1914.
- Проскитатарий. — „Проскитатарий Арсения Суханова 1649—1653 гг.“ — „Правосл. Палест. сборн.“, вып. 21, СПб., 1881.
- Рожд. др. — „Рождественская драма Дм. Ростовского“ — „Русск. драм. произведения 1672—1725 гг.“. Собрал Н. Тихонравов, т. I, СПб., 1874.
- Русск. Пр. — Е. Ф. Карский. „Русская Правда по древнейшему списку“. Изд. АН СССР. Л., 1930.
- Сказ. о Мам. поб. — „Сказание о Мамаевом побоище“. Изд. С. К. Шамбинаго. М., 1907.
- Сл. Дан. Зат. — „Слово Даниила Заточника“ (по редакциям XII—XIII вв. и их переделкам). Приготовил к печати И. И. Зарубин (по осн. ред. XII в., сп. А). „Пам-ки др.-русск. лит.“, вып. 3. Изд. АН СССР, Л., 1932.
- Сл. о п. Иг. — „Слово о полку Игореве“. Фототипическое воспроизведение 1-го издания 1800 г., СПб., 1904.
- Срезневский — И. И. Срезневский. „Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам“, СПб., 1893—1912.
- Улож. Ал. Мих. — „Уложение государя, царя и великого князя Алексея Михайловича“. Изд. 1649 г.
- Ф. Скобеев. — „История о российском дворянине Фроле Скобееве“ (по рукописи Титова № 2261, XVIII в.), в кн.: В. И. Дунеев. Библиотека старорусских повестей, М., 1916.
- Хожд. Ионы. — „Хождение в Иерусалим и Царьград черного дьякона Троице-Сергиева монастыря Ионы по прозванию Маленького 1648—1652 гг.“ „Пам-ки древн. письм.“, СПб., 1882.

В. В. Бородич

К ВОПРОСУ О ВИДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО ГЛАГОЛА

Вопрос о происхождении славянских видов является одним из актуальных в славянской грамматике. Существует очень много теорий происхождения славянских видов, которые можно разделить на две основные группы:

1. Теории, считающие славянские виды наследием индоевропейского языка¹.

2. Теории, видящие в них славянское новообразование².

Неисторичность первой группы теории ясна. Все эти теории исходят из неправильного положения о том, что виды могут существовать, как особая логическая категория (понятийная), не имея формального выражения. На самом же деле категория вида, как и всякая другая грамматическая категория, существует только при наличии форм, ее выражающих. Нельзя себе представить, что славянские языки, изменив совершенно формальные показатели видов, сохранили старое индоевропейское содержание категории глагола. Само изменение формальных показателей уже с несомненностью свидетельствует и об изменении содержания, которое при перестройке общественного сознания на протяжении веков никак не могло остаться не измененным, поэтому теории, считающие славянские виды новообразованием, заслуживают большего внимания. По мнению Ван-Вейка, довидовыми отношениями были индоевропейские отношения определенности и неопределенности (determination, indetermination), из которых на славянской почве развились отношения совершенного и несовершенного вида (см. Ван-Вейк. *Sur l'origine...*).

Представители теории новообразования глагольных видов исходят из того, что существуют два различных понятия о виде³: аспект и

¹ См.: A. Meillet. *Des innovations du verbe slave*. „Revue des études slaves“, т. II, Paris, 1922; T. Milewski. *O genezie aspektów słowiańskich*. — *Rocznik slavistyczny*, т. XV; А. Доста л. Старославянские глаголы които изразяват ходене. *Списание на Българската Академия на Науките*, т. 70, 1950.

² См. А. А. Потехина. Из записок по русской грамматике, т. IV. Харьков, 1947. N. Van-Wijk. *Sur l'origine des aspects du verbe slave*. — „Revue des études slaves“, т. IX, 1929. он же. *Zur Vorgeschichte der slavischen Aspekte*. — „I. F.“, т. 53, 1935; J. Kuryłowicz. *La genèse d'aspects verbaux slaves*. — „Prace filologiczne“, т. XIV, 1929; E. Koschmieder. *Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarzysie*. Wilno, 1934.

³ См. E. Hermann. *Objektive und subjektive Aktionsart*. *Indogermanische Forschungen*, т. 45.

Aktionsart. Аспект — это славянские виды, субъективная категория, представление о действии с разных точек зрения. Aktionsart — это объективная категория, лексическое значение глагола. Действие может быть длительным или мгновенным в зависимости от своего объективного содержания.

Категория определенности в индоевропейском языке была отмечена еще Дельбрюком¹. Среди перечисленных им видов (Aktionsarten) он отмечает „терминативный“ вид (или длительно-перфективный) и дает ему следующие определение: „действие представляется, как процесс, но перед глазами имеется его исходная или конечная точка. Этот вид выражается основами с носовым инфиксом и с суффиксом *-sko-*, а также посредством сочетания с приставками“.

Мельцер² углубляет понятие терминативного вида, разделяя его на два подвида: терминативный инитивный — имеется в виду начальный момент действия — и финитивный — внимание обращается на конечный момент действия.

Мейе³ дает термины детерминированные и индетерминированные глаголы (определенные и неопределенные). Определение категории детерминации ничем не отличается от приведенного выше определения терминативного вида: „Определенное значение выражает процесс, окончание которого налицо“⁴.

В другом месте Мейе говорит: „Определенный вид означает процесс, который завершается определенной целью, неопределенный вид... указывает на процесс, который происходит без определенной цели“.

Ван-Вейк отмечает, что определенные глаголы обозначают действие менее сложное, направленное к своей цели, в то время как неопределенные глаголы употребляются для действий, состоящих из нескольких актов, или из действий продолженных или многократных⁵. Туманность этих определений Ван-Вейк объясняет тем, что при объективной категории определенности и неопределенности точный смысл двух глагольных основ зависит от объективного значения действий, обозначаемых глаголом. Для категории определенности и неопределенности такое простое определение, как для совершенного и несовершенного вида, невозможно.

Регнель⁶ замечает, что категорию определенности и неопределенности трудно определить, потому что старые языковые категории возникли из иных особенностей мышления и представлений, чем наши.

Итак, по существу определяются только детерминированные глаголы, определение индетерминированных остается чисто негативным.

Различие определенности и неопределенности отмечается почти во всех индоевропейских языках. Мейе⁷ видит это различие везде, где появляются супплетивные формы для выражения одного глагольного понятия. Так, в др.-греческ. εἶμι — „я иду“ — и ἔρχομαι — „иду“ — противопоставляются как глаголы определенные и неопределенные. В латинском языке эта оппозиция была настолько значительной, что она даже оставила свои следы в современном французском языке. Формы

¹ См.: Delbrück. Vergleichende Syntax, т. II, стр. 15; K. Brugmann. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1904, стр. 493.

² Meltzer. Vermeintliche Perfektivierung durch präpositionale Zusammensetzung im griechischen. — „I. F.“, т. XII, стр. 320.

³ Meillet. Bulletin de la société linguistique, т. XXVI, 1925, стр. 1.

⁴ Там же, т. XXIII, стр. 249.

⁵ См.: „Sur l'origine...“ стр. 252.

⁶ Regnell. Über den Ursprung der sl. Verbalaspekt, стр. 49.

⁷ A. Meillet. Grec εἶμι. „Memoires de la société de linguistique de Paris“, т. XXIII, 1929, стр. 249.

настоящего времени *je vais, tu vas* соответствуют древнему определенному глаголу *vado*, а форма имперфекта *j'allais* — неопределенному *ambulare, j'irai* — неопределенному *eo*.

Существуют исследования категории определенности в отдельных индоевропейских языках, которые открывают в ней наряду с общими для всех чертами и много своеобразия, вызванного особенностями каждого данного языка.

Так, об этой категории в древнегреческом языке существует несколько работ. Отметим из них три, наиболее для нас интересные:

Шантрэн¹, исследуя формы древнегреческого перфекта, отмечает для него как исходное — видовое значение состояния (близкое к значению неопределенности). Это значение утрачивается, так как перфект получает новое значение результативности (стр. 4, 7, 253 и др.).

Прево², исследуя формы пассивного аориста на $-\eta\upsilon$ и $-\eta\eta\upsilon$, находит, что эти аористы выражают различие определенности и неопределенности. $\eta\upsilon$ — древнее ϵ долгое — суффикс, выражающий состояние. Этот суффикс представлен в латинском, славянских, балтийских и германских языках. Везде он имеет значение состояния. В греческом он служит для образования аористов со значением состояния (стр. 18). Это значение является древним. Пассивность — явление вторичное (стр. 21). Аористы на $-\eta\eta\upsilon$ и $-\eta\upsilon$ противопоставляются один другому по видовому значению определенности и неопределенности. Аорист на $-\eta\upsilon$ выражает неопределенный вид, как общую идею состояния, аорист на $-\eta\eta\upsilon$ (греческое новообразование) — определенный вид, как результат действия (стр. 25). Таким образом, по мнению Прево, значение неопределенного вида близко к значению состояния (стр. 169).

Итак, Прево дает более четкое определение индетерминативного вида, как состояния. Он отмечает также, что выражение категории определенности и неопределенности с помощью суффиксов архаично, более живым и продуктивным является выражение определенного вида с помощью приставок (стр. 215).

Исследованию определенного вида, выражаемого сложением с приставками, посвящена работа Брюнеля³. Брюнель заявляет, что греческий язык имел вторичную систему видов, перекрещивавшуюся с системой настоящего времени, аориста и перфекта. Противопоставление простого и сложного глагола не только семантическое, но до некоторой степени и грамматическое (стр. 15) — это противопоставление определенного и неопределенного вида. „Определенное значение, — отмечает далее Брюнель, — не может совмещаться с понятием состояния, если только само состояние не воспринимается как законченное“ (стр. 41).

Фактически вся работа Брюнеля посвящена исследованию оттенков в значении приставок и способов выражения определенного вида. Вид неопределенный у него определяется только негативно. Он считает выражение неопределенного вида как состояния лишь частным случаем выражения категории неопределенности (стр. 263).

В латинском языке также различаются глаголы определенные и неопределенные. Определенность выражается приставками. Приставка в сочетании с определенным глаголом может служить для выражения результата действия⁴.

¹ M. Chantraine. Histoire de parfait grec. Paris, 1927.

² A. Prevot. L'aorist grec en- $\eta\upsilon$. Paris, 1935.

³ J. Brunel. L'aspect verbal et l'emploi des preverbes en grec. Paris, 1939.

⁴ См.: K. Van-der-Heyde. L'aspect verbal en latin. — „Revue des études latines“, т. XII, стр. 141.

Итеративы играют в латинском языке ограниченную роль. Следует лишь отметить итеративный суффикс *-a-*, например: *subare — cumbere, celāre — occulere*. Ван-Вейк¹ относит этот суффикс к суффиксам, выражающим неопределенность.

В имперфекте, который является латинским новообразованием, есть некоторые общие черты со славянским имперфектом: то же удлинение основы на долгое *ē* или долгое *ā*: *credēbam, amābam*. Характерно и его значение: „при рассказе о каком-либо событии — перфект является повествовательным временем, имперфект означает состояние, статическое положение, действие, одновременное с главным действием. Однако значение глагола не играет роли. Говорящее лицо может пользоваться глаголом, выражающим состояние, для выражения событий и глаголом действия для передачи состояния“². Это значение имперфекта до некоторой степени приближается к значению неопределенного вида. Возможно, что первоначально в латинском языке имперфект и служил для выражения неопределенного вида, затем это значение затемняется и осложняется системой латинских времён.

В германских языках глаголы с приставкой являются определенными, а не совершенными, как предполагал Штрейтберг. Отсутствие совершенного и несовершенного вида в германских языках вполне убедительно доказали Beer³, Koszmieder⁴, Mirowicz⁵. Но обстоятельная работа Штрейтберга⁶ все же очень интересна. Из его описания состояния готского языка поразительно ярко выступает параллелизм со славянским языком. Этот параллелизм и ввел его в заблуждение и заставил думать, что здесь именно и есть различие совершенного и несовершенного вида, общее обоим языкам. Между тем, несомненно, мы имеем дело с категорией определенности и неопределенности, развитой как в славянских, так и в германских языках. Так, Штрейтберг отмечает видовое различие между бесприставочными глаголами, означающими состояние, и глаголами с приставкой, означающими переход к данному состоянию. Например: *standan* — „стоять“, *gastandan* — „встать“, — момент наступления состояния или его завершения (Штрейтберг, стр. 87); *sitan* — „сидеть“, *gasitan* — „сесть“, — момент наступления состояния (стр. 86). Сложные глаголы с *ga-* от *ligan, sitan, standan* соответствуют славянским глаголам *леѣти, сѣсти, стати* и означают переход к состоянию (стр. 85).

Глагол *haban* — „иметь“ (состояние), *gahaban* — „взять“, „схватить“, слав. *ѣти* (стр. 89); *slepan* — *сѣпати* (состояние), *gaslepan* — *оуснѣти* (стр. 92); *rahan* — *млъчати*, *garahan* — *оумлъчати* (стр. 93); *taujan* — *творити*, *gataujan* — *сѣтворити* (стр. 95—96); *swiltan* — *оумирати*, *gaswiltan* — *оумрѣти* (стр. 99).

Штрейтберг был уверен, что противопоставление между этими глаголами и есть различие совершенного и несовершенного вида, но на самом деле здесь отчетливо выступают черты категории определенности и неопределенности, существовавшей в славянских языках. Неопределенные глаголы выражают состояние, определенные глаголы — переход к данному состоянию. Отношения между *сидѣти* — *сѣсти* —

¹ N. Van-Wijk. Zur Vorgeschichte der slavischen Aspekte. — „Indogermanische Forschungen“, т. 53, стр. 198.

² См. K. Van-der-Heyde. L'aspect verbal en latin, т. XI, стр. 81.

³ Beer. Tri studie o videh slovesného děje v gotšíně. — „Sitzungsberichte der böhm. Gesel. der Wissensch. Phil. hist. Klasse“, 1914, 1918, 1921.

⁴ Koszmieder. Nauka o aspektach czasown. polskiego...

⁵ Mirowicz. Die Aspektfrage im Gotischen. Wilno, 1935.

⁶ W. Streitberg. Perfektive und imperfektive Aktionsart im Germanischen. — „Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache“, т. XV, 1891.

не видовые отношения, а отношения определенности и неопределенности. Видовыми отношениями следует считать глагольные пары: сидеть — посидеть, сесть — садиться.

Таким образом, сходство в глагольных системах славянских и германских языков объясняется не одинаковыми видовыми отношениями, а существованием в них категории определенности и неопределенности.

Близость глагольной системы германских языков к славянским и балтийским отмечает и Станг¹. Он пишет: „Из всех индоевропейских языков ни один не стоит так близко к славянским и балтийским, как германский“ (стр. 61, 276). „Согласие между балтийскими, славянскими и северо-восточными германскими языками в области глаголов с носовым суффиксом основывается на систематическом противопоставлении непереходных и переходных глаголов, глаголов наступления (или перехода к состоянию. — В. Б.) и глаголов состояния в этих языках в послеиндоевропейское время“ (стр. 277).

Для германских языков характерно противопоставление глаголов, означающих действие причиняемое, и состояние или действие, вызываемое действием. Например, в современном языке: *setzen* — *sitzen*, *stellen* — *stehen*, *legen* — *liegen*.

Для балтийских языков интересно и до сих пор еще не устарело обширное исследование Г. Ульянова „Значение глагольных основ в литовско-славянском языке“, ч. 1, „Основы, обозначающие различия по залогам“.

Ульянов, как известно, считал, что видовые отношения являются индоевропейским наследием. Но в первой части своей работы он делает интересные наблюдения, не связанные с его теорией о видах.

„Глаголы по своим реальным значениям, — пишет он, — могут быть распределены на два рода: глаголы, обозначающие действие, и глаголы, обозначающие состояние. Как показывают примеры из литовского и латышского языков, от одного и того же корня в этих языках могут производиться глаголы обоих родов“ (стр. 34). Вместе с тем различие по значениям сопровождается и формальным различием в основах этих глаголов: глаголы, обозначающие состояние, получают производные основы на *и*, *ē*, *ā*, которых не имеют глаголы, обозначающие действие. Таким образом, для общепольского языка основы на *и*, *ē*, *ā* являются словообразовательными формами, различающими глаголы состояния от глаголов действия (стр. 35). Это различие Ульянов называет различием по залогам. „Формы от основ непрямых обозначали, что признак, выражаемый глаголом, производится субъектом — это действительный залог; формы от производных основ, — что признак в сочетании с субъектом происходит или существует — это так называемый средний залог *Neutrum*“ (стр. 46).

Ульянов находит формы глаголов среднего залога (которые он отождествляет с глаголами состояния с основой на долгое *ē*) и в других индоевропейских языках. Так, в греческом языке он обращает внимание на страдательные аористы с суффиксом *-η-* (исследованные позже Прево). Он считает, что страдательное значение этих аористов — не первоначальное и не единственное значение; собственное значение этих форм есть тоже значение среднего залога (состояния), из этого значения в греческом позже развивается страдательное значение (стр. 220). Таким образом, Ульянов называет средним залогом значение состояния, которое Прево называет неопределенным видом (см. выше).

¹ Stang. Das slavische und baltische Verbum. Oslo, 1942, стр. 61.

В латинском языке к глаголам среднего залога принадлежат многие глаголы на *-ere*. Здесь основы на *-e* перенесены в формы настоящего времени. Те же основы на *-e* послужили для образования новых форм прошедшего времени на *-bam*, т. е. форм имперфекта (Ульянов, стр. 269).

Ф. Ф. Фортунатов в критическом разборе сочинения Ульянова „Отчет о присуждении Ломоносовской премии“ считает, что отношения между простыми глаголами действия и производными глаголами состояния — это отношения фактивитивов, т. е. глаголы простые обозначают действие, производящее данное состояние (стр. 47). Он говорит: „действительно, образование балтийских глагольных основ на *ie* обозначает состояние, но такое значение принадлежит этим глагольным основам не в соотношении их с основами непроизводных глаголов вообще, а в соотношении с основами таких непроизводных глаголов с настоящим временем на *ja*. При этом соотношение по значению тех и других образований в глаголах является не различием между состоянием и действием в одном и том же признаке, а различием между состоянием и тем действием, которое производит данное состояние“ (стр. 27—28). Кроме того, Фортунатов отмечает еще отношения возникающего состояния с инфиксом *-n* и суффиксами *-a* и *-sta*. Таким образом, в балтийском языке глаголы состояния различаются по словообразовательным формам: глаголы начинательного и неначинательного состояния, находящиеся в соотношении с грамматическим классом глаголов с фактивитивным значением, т. е. значением действия, производящего состояние. Причем глаголы начинательного и неначинательного состояния могут вступать в соотношения между собою (стр. 28).

Станг в вышеупомянутой работе отмечает: „В балтийских языках значительно сильнее, чем в славянских, действовала тенденция к противопоставлению переходности и непереходности. Но эта тенденция не привела к законченной системе“ (стр. 98, 275).

В согласии с теорией Ульянова до некоторой степени стоят наблюдения Вандриеса¹.

Он находит, что в языках на глагольное действие могло быть две точки зрения: можно рассматривать глагольное действие как действие, исходящее от субъекта и совершаемое им, или как событие, не зависящее от воли субъекта, но лишь затрагивающее его состояние (стр. 192). Состояние обычно передается безличными глаголами. Но в индоевропейских языках существует вообще тенденция к замене безличных оборотов личными. Есть, однако, языки, в которых эта оппозиция между действием и состоянием проявляется более ярко, например в грузинском языке она выражается в формах прямого и косвенного спряжения (стр. 194).

Анализируя глаголы, означающие зрение, Вандриес находит в них старые противопоставления между активным действием и состоянием. Так, например, древний корень **weid*, из которого получился греческий аорист *ἴδεν*, латинский глагол *videre* и старославянский *видѣти*, относится к глаголам, выражавшим состояние, „видение, как способность восприятия зрительных впечатлений“ (стр. 196 и далее).

Таким образом, с других позиций Вандриес отмечает древнее, существовавшее в индоевропейских языках различие между действием и состоянием.

¹ Vendryes. Communication sur les verbes qui expriment l'idée de voir. — „Comptes rendus de L'Academie des inscriptions et belles lettres“, 1932.

Вайан¹ на основе материалов хетского языка приходит к мысли, что категория вида не первична, видовое противопоставление между аористом и настоящим временем развивается позже, а наиболее древним следует считать противопоставление глаголов действия — спряжение на *-и* — и состояния — спряжение на *-hi* (стр. 30). Это старое спряжение на *-hi* глаголов состояния отражается в образовании греческого плюсквамперфекта на *-ει (-ι)* (стр. 21); для *ῥοῖδα* претерит был (*ῥ*) *ῥεῖδη*; *ε̄* долгое фигурирует в основах перфекта, который, как доказывает Шантрэн (см. выше), выражает состояние.

Итак, на основе всего сказанного можно предположить, что противопоставление определенных и неопределенных глаголов является очень древним и восходит к общему индоевропейскому языку, причем первоначальное противопоставление определенных и неопределенных глаголов (еще до развития приставок) было противопоставлением глаголов действия глаголам состояния. Определенный вид выражал конкретное действие, неопределенный — состояние или действие, как состояние, способность к действию. Отражение этих отношений мы видим во всех индоевропейских языках, но с присущим этим языкам своеобразием. Развитие глагольных префиксов привело к значительному видоизменению и распространению категории определенности и неопределенности. Так, для греческого языка различие в суффиксах становится архаичным, оно уступает свое место различию между простыми и сложными глаголами. То же и в латинском языке. В балтийских и германских языках различие между определенным и неопределенным действием перерождается в различие между переходными и непереходными глаголами, в них также большую роль играют приставки, которые становятся здесь показателями определенного вида. Сочетаясь с определенными глаголами, они создают значение результативности, близкое к значению совершенного вида (то же и в латинском языке), но видовой системы в этих языках не образуется.

Славянские языки наследовали из индоевропейского языка глагольные основы с различными формальными показателями и различной семантикой. Здесь были итеративы, определенные глаголы, неопределенные, глаголы нейтральные — но все это были лексические оттенки (Aktionsarten), а не грамматические категории. Особенно выделялось противопоставление глаголов действия и состояния с двояким отношением: 1) фактив и глагол состояния, например: *боудити — бѣдѣти, оучити — выкнѣти, поити — пити, садити — сѣдѣти*; 2) глагол, означающий действие — переход к состоянию, — и глагол состояния. Первые глаголы — с инфиксом, вторые — с производной основой на *ѣ* долгое (*ѣ*), например: *садѣ — сѣдѣти, лажѣ — лежати, станѣ — стаяти, бѣдѣ — ѣсмь, имѣ — имѣти*.

Первое противопоставление, развившееся в балтийских и германских языках, не было продуктивным. Второе на славянской почве становится весьма продуктивным. Это и было противопоставлением определенности и неопределенности (носовой инфикс, как известно, считается признаком терминативного вида, — см. К. Brugmann., стр. 493, — суффикс *-ѣ* — признаком неопределенности).

Позднее это противопоставление распространяется и на другие группы глаголов, причем определенным членом становится глагол с приставкой, означающий переход к состоянию, а неопределенным — простой глагол состояния или близкий по значению к глаголам состоя-

¹ A. Vaillant. L'imparfait slave et les préterits en *ē* et en *a*. — „Bul. ling. sl.“, т. 40, 1939.

ния, например: *любити* — *възлюбити*, *мльчати* — *оумльчати*. В глаголах движения также существует противопоставление между простым конкретным движением и движением вообще, способностью к движению, например: *нести* — *носити*, *вести* — *водити*, *идти* — *ходити*. Это противопоставление основ восходит к индоевропейским, например в литовском языке в глаголах движения также встречаются противопоставления: *bristi* — *bráidžioti*, *něsti* — *něšioti*, *věsti* — *vadžioti*. В греческом языке встречаются, хотя и от других основ, аналогичные противопоставления, например: φέρω („несу“) — φορέω („ношу“), πέτομαι („летаю“) — ποτάομαι („порхаю“) — с чередованием е || о (Регнель, стр. 59).

Кроме того, противопоставлялись простым основам основы производные с суффиксом -а-, которые встречаются и в других индоевропейских языках с удлинением гласной корня (Регнель, стр. 53; Ван-Вейк, „Zur Vorgeschichte“, „I. F.“, т. 53, стр. 196).

Основы супплетивные также противопоставлялись, как определенные и неопределенные (Мейе, „M. S. L.“, т. XXIII, стр. 256 и др.).

При довольно однообразном значении определенного вида неопределенный вид получил много различных оттенков в своем значении: это было значение состояния, способности к действию, значения итеративного или обычного действия, действия сложного и т. п. Но все эти оттенки объединяются одним общим признаком неопределенности, как противопоставление определенным конкретным глаголам, означающим единичное действие.

Итак, первоначальным различием определенных и неопределенных глаголов было различие суффиксов, кроме того, существовало чередование гласных в глагольных корнях. Чередованием гласных (главным образом количественным) отличаются фактитивы от нефактитивов; например: *бъдѣти* — *боудити*, *пити* — *поити*, *выкнѣти* — *оучити*.

Категория определенности — неопределенности на славянской почве получает широкое развитие, потому что из лексической категории она превращается в грамматическую.

Толчком к грамматикализации этой категории послужило создание особого прошедшего времени для неопределенных основ — имперфекта. Имперфект, как известно, является славянским новообразованием, происхождение его не совсем ясно. Повидимому, сначала это была форма прошедшего времени глагола состояния на -е- и -ā-.

После создания имперфекта аорист становится формой прошедшего времени определенных глаголов, затем и все глагольные формы как бы разделяются между определенными и неопределенными глаголами.

Форму имперфекта в качестве прошедшего времени и другие неопределенные формы (причастия настоящего времени) получают не только основы состояния на -ē- и -ā-, но и другие образования: неопределенные глаголы движения, некоторые отыменные образования с неопределенным значением, а также старые каузативы.

Противопоставление каузативов глаголам состояния, выражаемое чередованием гласных, перестает быть продуктивным, так как появляется новый фактор в их образовании. Возвратное местоимение сА, соединенное с каузативом, делает каузатив глаголом состояния (например, *оучити* — *оучити сА* вместо *выкнѣти*). Это приводит к тому, что некоторые каузативы, значение которых неконкретно, переходят в группу неопределенных глаголов и получают неопределенные формы. Аналогия неопределенных глаголов движения одинакового образования с каузативами также способствует этому.

Таким образом, все глаголы оказываются противопоставленными друг другу как определенные неопределенным.

Дальнейший процесс развития категории определенности—неопределенности приводит к тому, что от основ определенных развиваются формы имперфекта, а затем от его основы, расширенной суффиксом *-ѡ-* или *-аа-*, образуются и другие неопределенные формы (причастия настоящего времени, настоящее время).

Таким образом, создаются новые производные глаголы с неопределенным значением. С другой стороны, и неопределенные глаголы начинают образовывать формы аориста и другие определенные формы.

Характерной чертой славянских языков является то, что „отмеченным“ членом корреляции (по терминологии структуралистов) определенности—неопределенности неопределенный член является чаще, чем определенный. В других индоевропейских языках наблюдается обратное явление. Развитие всей системы определенности—неопределенности в славянских языках исходит от неопределенного члена, для него создается особая форма прошедшего времени, суффиксы неопределенности являются чрезвычайно продуктивными. Вероятно, эта особенность развития категории определенности—неопределенности и была причиной перерождения ее в систему совершенного и несовершенного вида; этого перерождения не произошло в других индоевропейских языках, так как там активным был член определенный, а неопределенный выявлялся чаще всего лишь негативно.

Следовательно, лексическая категория определенности—неопределенности (так называемый *Aktionsart*—по общепринятой терминологии) на славянской почве постепенно превращается в грамматическую категорию и, грамматикализовавшись, переходит в категорию совершенного и несовершенного вида (так называемый *Aspekt*). Переход этот совершается постепенно, и сущность его заключается в том, что вид глагола перестает зависеть от его конкретного лексического содержания. Глагольное понятие как бы раздваивается, каждое действие может быть представлено в двух планах, как совершенное и несовершенное.

Однако это различие между *Aktionsart* и *Aspekt* не есть различие между объективным названием действия и субъективным представлением о действии, как считают это Германн, Ван-Вейк и др. На самом деле—это различие между лексическим содержанием слова (конкретным названием действия, которое может быть представлено как длительное, мгновенное, многократное и т. д.) и грамматической категорией, когда слово получает определенные формы, независимые от его конкретного содержания: каждое действие, независимо от его длительности или мгновенности, может быть представлено как совершенное или несовершенное.

Все исследователи глагольных видов ошибочно относят развитие их к общеславянской эпохе. На самом же деле в общеславянском языке развились и оформились грамматически категории определенности и неопределенности и создались предпосылки для образования вида совершенного и несовершенного, но само развитие видов происходило лишь на почве отдельных славянских языков. Об этом свидетельствует широкое распространение производных глаголов в разных славянских языках, которые по существу не имеют отношения к виду, например, польские и особенно чешские итеративы и фреквентативы.

Несомненно, что процесс развития видов во всех славянских языках шел приблизительно одним и тем же путем, но только приблизительно, так как каждый язык, отличаясь от других славянских языков рядом особенностей в своей грамматической системе, привносил известное своеобразие и в развивающуюся новую категорию. Так, известно, что

на болгарской почве виды развились позже, чем в других славянских языках. Их развитие тормозилось многими причинами. В восточнославянских языках, повидимому, процесс развития видов шел быстрее. Существовавшие в общеславянском языке определенные и неопределенный виды в отдельных славянских языках переходили в отношения совершенного и несовершенного вида, старые нормы нарушились, формальные показатели видов переосмыслились. Ни древнеболгарские, ни древнерусские памятники не показывают этого достаточно ясно, так как старые отношения в них уже нарушены. И только анализ языка древнейших старославянских памятников лучше всего может вскрыть этот процесс постепенной замены старых отношений новыми.

Старославянский язык — это язык южной группы славян, но не древнеболгарский. Для болгар с самого начала он был книжным языком. Он отличается от болгарского рядом особенностей в морфологии и синтаксисе. Так, развитие глагольных видов проходит здесь несколько интенсивнее, чем в болгарском языке, как это показывают памятники. Хотя южнославянские особенности не могли не отразиться на языке старославянского памятника, но они не мешают вскрытию типических черт этого процесса. Таким образом, исследование видовых отношений старославянского глагола может дать наиболее ясное представление о том, как развивалась категория несовершенного вида в славянских языках.

Однако старославянские памятники неоднородны. В каждом старославянском памятнике, который много раз переписывался, можно вскрыть черты более древние и позднейшие. Естественно, что памятники, восходящие к более древним эпохам по своему написанию, архаичнее по языку. Но на архаичность языка большое влияние оказывает и содержание памятника. Так, например, тексты евангелия, к которым относились как к священным, а поэтому переписывали особенно внимательно, боясь допустить ошибку, без сомнения, сохранились лучше, чем какие-либо другие тексты. Анализ старославянской глагольной системы проводится в данной работе на материале Зографского и Маринского евангелий, лучше других представляющих язык Кирилла и Мефодия. Привлекаются также тексты недельных евангелий: Ассеманиева, Остромирова и Саввиной книги в той части, где они не расходятся по содержанию с параллельными евангельскими кодексами. Мы не использовали Синайскую псалтырь, хотя она также содержит тексты так называемого священного писания, так как содержание псалмов, переведенных с древнееврейского на греческий в начале нашей эры, а затем — с греческого на славянский, представляет очень много темных, трудных для понимания мест. Кроме того, рукопись дошедшей до нас Синайской псалтыри сильно повреждена, так что она никак не может служить образцом древнейшего типа языка. Другие старославянские памятники, как Синайский требник, Клоцов сборник и др., по содержанию не являются текстами священного писания, в них ясно отражаются позднейшие черты языка.

Старославянские памятники являются переводами с греческого, следовательно, при анализе глагольной системы старославянского языка нельзя не учитывать и особенности глагольной системы греческого языка I—II вв. н. э.

Общепринятым мнением до сих пор считается, что в греческом языке были такие же виды, как и в славянских языках. „В основах аориста выражается недлительный (совершенный) вид, в основах настоящего времени — длительный (несовершенный)“¹. Мейе считает, что

¹ K. Brugmann. Griechisch Grammatik. Изд. 4-е, стр. 538.

противопоставление совершенного и несовершенного вида — это почти точно (а peu près exactement) синонимы греческих основ аориста и презенса¹. Таким образом, часто встречающееся соответствие греческого аористического вида славянскому совершенному виду и греческого презентного вида — несовершенному было как будто несомненным доказательством существования в славянском языке глагольных видов.

Однако из того, что было сказано выше, мы видим, что в греческом языке были также отношения определенности и неопределенности, существовавшие в славянских языках. Кроме того, тройные отношения между глагольными основами аориста, презента и перфекта, бывшими еще живыми для языка Нового завета, не могли точно соответствовать парности славянских глаголов². Но все же состояние старославянского глагола, в котором уже начинает развиваться новая видовая система при наличии еще достаточно живой категории определенности — неопределенности, до некоторой степени напоминало греческий глагол с его видовой системой. Вот почему славянские переводчики могут довольно точно передавать греческие формы соответствующими славянскими. Однако совпадение этих форм не всегда означает совпадение видов, например, передача греческого аориста славянским аористом, имперфекта — имперфектом. Это только приблизительно удачный подбор наиболее подходящих форм, с учетом их определенности и неопределенности. Нередкие расхождения в формах, например выбор аориста вместо греческого имперфекта или наоборот, объясняются своеобразием славянской глагольной системы. Известно, что первые переводчики переводили свободно, сообразуясь больше с духом славянского языка, чем с буквой. „Прекрасное знание греческого и славянского языков, тонкое чутье и умение передать содержание свободно и вместе глубоко верно в духе славянского языка, не нарушая смысла и не искажая языка ради близости к оригиналу, — вот что является характерным для евангельских переводов“ — говорит Бернекер в своей статье (стр. 399)³.

Здесь печатается лишь часть большого исследования о видовых отношениях в старославянском глаголе, посвященная выражению видовых отношений в формах простых прошедших времен.

Система старославянского глагола представляет сложную картину: здесь мы имеем развитую и не вполне грамматикализовавшуюся категорию определенности — неопределенности и наряду с нею уже зарождающиеся новые видовые отношения. Нельзя считать, что для развития видов послужила какая-нибудь одна отправная точка, например противопоставление глаголов *коснѣти* — *касати*, как думает Курылович („La genèse d'aspects verbaux slaves“), или развитие в приставках переносного времени значения, как думает А. А. Потебня („Из записок по русской грамматике“, т. IV). Процесс развития видов происходил во всех глагольных формах. Понятие вида несовершенного и совершенного развивалось там, где как бы сталкивались между собой два противоположных понятия определенности и неопределенности, и в результате этих столкновений рождались новые понятия. Это столкновение происходило там, где от определенной основы образовался имперфект, или где глагольная основа с приставкой получала еще суффикс неопределенности, или от определенной основы образо-

¹ См. Meillet. Etudes sur l'emploi du vocabulaire et étymologie slave. Paris, 1902, стр. 6.

² См. Blaß und Debrunner. Neutestamentliche Grammatik. 1921, стр. 192.

³ Berneker. Kyrillsübersetzungskunst. — „Indog. Forsch.“. Bd. 31, стр. 399.

валось причастие настоящего времени и т. д. Определенная глагольная основа тяготела к употреблению в значении единичного конкретного действия, но суффикс имперфекта или другой признак неопределенности мешал развитию определенного значения. Единичное определенное действие представлялось как состояние или процесс, т. е. развивалось значение несовершенного вида.

Процесс развития неопределенных глаголов от определенных (через форму имперфекта) был необычайно продуктивен. Он раздвигал глагольное понятие и был главным фактором в создании категории видов.

Естественно, что развитие нового видового значения в формах простых прошедших времен не может показать этот процесс со всех сторон с достаточной убедительностью. Но имперфект на славянской почве был основным источником образования производных глаголов с неопределенным значением, поэтому особенно важно в первую очередь рассмотреть значение этой формы в ее сопоставлении с аористом в памятниках старославянского языка.

Для удобства анализа глаголы разделяются на следующие группы: 1) глаголы состояния и парные к ним глаголы, выражающие переход к состоянию, 2) глаголы чувств (*verba sentiendi*), 3) глаголы движения, 4) глаголы речи (*verba dicendi*), 5) глаголы действия.

Эта классификация вызвана тем, что славянские глаголы имеют некоторые общие черты в своем значении и формах, которые позволяют распределить их в соответственные группы. Из предыдущего ясно, что в глаголах состояния и глаголах движения ранее, чем в других группах, выделилась категория определенности и неопределенности. Вторая группа (*verba sentiendi*) по своей семантике и отчасти по основам очень близка к глаголам состояния, но по формам, образуемым от этих глаголов, а следовательно, и по тому, как понимались раньше эти глаголы, их следует выделить в особую группу. Четвертая группа (*verba dicendi*) во всех индоевропейских языках отличается наименьшей выразительностью в отношении видов. Пятая группа объединяет глаголы действия.

Следует, однако, отметить, что между этими группами нельзя провести четкой грани. Некоторые глаголы можно отнести и к той и к другой группе, иногда трудно бывает решить, в какую группу следует поместить тот или другой глагол. Так что данная классификация является условной.

ПРОСТЫЕ ПРОШЕДШИЕ ВРЕМЕНА

Аорист и имперфект были в славянских языках еще до развития отношений совершенного и несовершенного вида. Аорист был унаследован из более древних эпох языкового состояния и существовал в языке сначала как общая форма прошедшего времени. Имперфект, как известно, является славянским новообразованием. Его возникновение связано, несомненно, с развитием тех отношений, которые Ван-Вейк, а за ним и все западные лингвисты называют отношениями определенного и неопределенного действия, а Потебня называл отношениями конкретного и отвлеченного действия.

Аорист — старая форма прошедшего времени, выражавшая определенные конкретные действия. Имперфект — новая форма прошедшего времени, которая образовалась для выражения действий неопределенных. Первоначально имперфект образовывался только от неопределенных основ, аорист же — только от определенных. Следы таких

отношений отчасти еще можно проследить в древнейших славянских памятниках. Затем обе формы отделяются от основ, их создавших, становится возможным образование имперфекта от определенных основ и аориста от неопределенных.

Евангельские тексты старославянского языка отражают начало этого процесса, который доводится до конца в поздних старославянских памятниках, где от любой глагольной основы становится возможным образование и той и другой формы прошедшего времени.

Образуясь от определенных основ, имперфект сохраняет до некоторой степени свое значение прошедшего неопределенного, как и аорист, образованный от неопределенной основы, сохраняет свое определенное значение. Однако и основы оказывают влияние на данную форму, в результате чего создаются новые значения.

1. ГЛАГОЛЫ СОСТОЯНИЯ

Как уже говорилось выше, глаголы состояния рассматривались как глаголы неопределенные, поэтому от них первоначально невозможно было образование аориста. Следы этих отношений еще сохраняются в старославянских евангельских кодексах.

Приводим глаголы, от которых нет образования аориста (тексты цитируются по Зографскому, Мариинскому кодексам и по Саввиной книге там, где они не расходятся. Разночтения отмечаются).

болѣти.

Мар. ев., Ио. 4, 46. „бѣ же етеръ цсръ мѣжъ егоже снѣ болѣаше“, греческ. имперфект ἥσθεναι.

Сав. кн., Ио. 11, 2. „еже братъ лазоръ болѣше“, ἥσθεναι.

Сав. кн., Мф. 25, 36. „болѣхъ и посѣтите мене“, греческ. аорист ἥσθενσα.

Несмотря на то, что в греческом стоит аорист, форму *болѣхъ* нет оснований считать аористом, так как стяженные формы имперфекта, в особенности от основ на *-ѣ-*, встречаются довольно часто в евангельских кодексах и нет ни одного примера аориста в другом лице.

стыдѣти сѧ.

Сав. кн., Лук. 13, 17. „стыдѣхъ сѧ вси противлѣющеи сѧ емѣ“, греческ. имперфект κατησχύνοντο.

надѣвати сѧ.

Мар. ев., Лук. 23, 8. „зане слышааше многа о немъ і надѣваше сѧ знамение етеро видѣти“, греческ. имперфект ἠλπίζεν.

Зограф. ев., Лук. 24, 21. „мы же надѣахомъ сѧ“, ἠλπίζομεν.

дрѣжати сѧ. Повидимому, воспринимался как глагол состояния, так как от него нет аориста.

Мар. ев., Лук. 24, 16. „очи же ею дрѣжаашете сѧ“, греческ. имперфект ἐκράτοῦτο.

Мар. ев., Лук. 19, 48. „людье бо вси дрѣжаахъ сѧ его, послушающе“, одна форма имперфекта с приставкой: ἐξεκρέματο.

Мар. ев., Лук. 5, 9. „оужасъ бо одрѣжааше и и всѧ сѣщѧа съ нимъ“, греческ. аорист περιέσχευ.

Приставка *о-*, повидимому, означала охват действием или состоянием, но глагол сохранял свое значение состояния, поэтому, несмотря на греческий аорист, в славянском стоит имперфект.

мыслити. Относится к этой же группе глаголов, как глагол, выражающий внутреннее состояние субъекта. Форм аориста от этого глагола нет.

Мар. ев., Мр. 11, 31. „и мѣшлѣвахъ къ себѣ глѣжште“, διελογίζοντο.
 Мар. ев., Лук. 20, 14. „видѣвъше же и двѣлатели мѣшлѣвахъ друоугъ къ друоугоу“, διελογίζοντο.

Мар. ев., Лук. 12, 17. „и мѣшлѣваше въ себѣ“, διελογίζετο.

Приставка **по-**, с которой часто встречается этот глагол, не изменяет его значения как глагола состояния.

Мар. ев., Мф. 21, 25. „они же помѣшлѣвахъ въ себѣ глѣжште“, διελογίζοντο.

Мар. ев., Мр. 8, 16. „и помѣшлѣвахъ друоугъ къ друоугоу глѣжште“, διελογίζοντο.

Мар. ев., Мр. 9, 33. „что на пѣти въ себѣ помѣшлѣвашете“, διελογίζεσθε.

Мар. ев., Мф. 16, 7. „они же помѣшлѣвахъ глѣжщѣе како хлѣбъ не възасомъ“, διελογίζοντο.

Повидимому, сложная форма с приставкой становится более употребительной, чем простая, она вытесняет последнюю, так как их значения совпадают.

Приставка **до-**, несколько изменяя значение глагола, не изменяет, однако, его существа как глагола состояния, поэтому и с приставкой **до-** имеем имперфект:

Мар. ев., Лук. 9, 7. „слыша же иродь... и не домѣшлѣваше са“.

К таким же глаголам, означающим состояние, относятся глаголы, встречающиеся в отдельных примерах только в имперфекте, аориста от них нет.

Зограф. ев., Лук. 23, 50—51. „и се мѣжъ именемъ юсифъ... иже чааше и тѣ дрсѣи бжиѣ“, греческ. имперфект προσεδέχετο.

Сав. кн., Ио. 12, 6. „се же рече не тако о нищихъ печаше са“, ἐμελεν.

Сав. кн., Лук. 2, 52. „ис же слышаше прѣмъдростижъ“, προέκοπτεν.

Сав. кн., Ио. 18, 18. „стоѣхъ же раби и слоугы огнь творѣще... и грѣяхъ са“, греческ. имперфект ἐδερμαίνοντο.

В значении „становиться крепким“, „мужать“, т. е. находиться в известном состоянии, употреблен глагол *крѣпнѣти са*.

Сав. кн., Лук. 2, 40. „отроча же растѣше и крѣплѣше, са“, ἐκραταιοῦτο.

С оттенком в значении „утверждать“, „настаивать“:

Мар. ев., Лук. 22, 59. „и мимо шедъши... инъ етеръ крѣплѣваше са гла“, διισχυρίζετο.

Мар. ев., Лук. 23, 5. „они же крѣплѣвахъ са глѣжште“, ἐπίσχυον.

достоиѣти и подобѣти. Эти два глагола, не имеющие форм аориста, относятся к неопределенным глаголам.

Сав. кн., Мр. 2, 26. „ихъ же не достоѣшаше гѣсти“, οὐς οὐκ ἔξεστιν φαγεῖν.

Сав. кн., Лук. 13, 16. „сижъ же дѣщере... иже съваза неприѣзнъ... не достоѣшаше ли раздрѣшити са“, греческ. имперфект οὐκ ἔδει. В Остр. ев. вариант: „не подобаше ли...“.

Точно так же и глагол *подобѣти*, близкий по значению к *достоиѣти*, употребляется только в имперфекте:

Мар. ев., Мф. 23, 23. „си же подобаше сътворити и тѣхъ не оставити“, ἔδει.

Сав. кн., Лук. 15, 32. „възвеселити же са и възрадовати и подобаше“.

Сав. кн., Мф. 18, 33. „не подобаше ли и тебѣ помиловати подруга своего“.

Сав. кн., Мф. 25, 27. „подобаше ти ѡбо въдати сребро мое“.

Сав. кн., Мф. 26, 54. „такъ тако подобаше быти“, οὕτως δεῖ γενέσθαι.

Если имперфектом передается состояние, то аористом обычно выражается переход к этому состоянию. Наиболее характерными являются следующие глаголы, образованные от одного корня, восходящие еще к индоевропейским противопоставлениям:

сѣдѣти — сѣсти. Имперфект образуется только от основы *сѣдѣти* со значением состояния, аорист — от основы *сѣсти* со значением определенного действия — перехода к данному состоянию. Примеры употребления аориста:

Сав. кн., Ио. 19, 13. „пилать же... изведъ вѣнь иса и сѣде на сѣдици“, греческ. аорист от глагола *καθίσταμι* — *ἐκάθισεν*.

Мар. ев., Лук. 4, 20. „и сѣгнѣвъ кънигы... сѣде“, греческ. аорист *ἐκάθισεν*.

Сав. кн., Мф. 5, 1. „и тако сѣде пристѣпиша къ нему оученици его“, греческ. аористное причастие *καθίσαντος*.

Мар. ев., Лук. 7, 15 „и сѣде мрътвы и начатъ глати“, *ἀνεκάθισεν*.

Мар. ев., Мф. 23, 2. „на мосѣовѣ сѣдалици сѣдѣ кънижъници и фарисей“, *ἐκάθισαν*.

Мар. ев., Мр. 16, 19. „гъ же исъ... възнесе сѣ на небо и сѣде о деснѣхъ ба“, греческ. аорист, *ἐκάθισεν*.

Но есть случаи, когда в греческом стоит недостаточный глагол, форма перфекта которого употребляется в значении настоящего (*καθήμι*), форма прошедшего времени от этого глагола употребляется в значении имперфекта, и все же, несмотря на употребление этой формы в греческом, в старославянском мы находим аорист:

Мар. ев., Мф. 15, 29. „и въшедъ на горѣ сѣде тоу“, т. е. „сел“, греческ. плюсквамперфект в значении имперфекта *ἐκάθητο*.

Мар. ев., Мф. 13, 2. „и ѣко вълѣзъ въ корабъ сѣде и весь народъ на помори стоѣше“, греческ. инфинитив от *καθήμι* — *καθῆσθαι*.

Имперфект означает только состояние:

Мар. ев., Ио. 6, 3. „възиде же на горѣ ис и тоу сѣдѣше съ оученикы своими“, греческ. *ἐκάθητο*.

Мар. ев., Мф. 13, 1. „ишедъ исъ из домоу сѣдѣше при мори“, *ἐκάθητο*.

Мар. ев., Мр. 4, 1. „ѣко самъ вълѣзъ въ корабъ сѣдѣше въ мори“, *καθῆσθαι*.

Мар. ев., Мр. 3, 32. „и сѣдѣше о немъ народъ“, *ἐκάθητο*.

Мар. ев., Лук. 22, 55. „и въкоупѣ сѣдѣшемъ имъ сѣдѣше петръ“, *ἐκάθητο*.

Мар. ев., Ио. 4, 6. „ис же троуждъ сѣ отъ пѣти сѣдѣше тако на стодуеньци“, *ἐκάθῆζετο*.

Мар. ев., Мр. 10, 46. „сынъ тимеовъ вартимей слѣпъ сѣдѣше при пѣти“, *ἐκάθητο*.

Сав. кн., Мф. 28, 2. „и сѣдѣше на немъ“, *ἐκάθητο*.

Сав. кн., Мф. 26, 55. „по всѣ дни сѣдѣхъ при васъ“, греческ. имперфект *ἐκαθῆζονην*.

Сав. кн., Ио. 11, 20. „а мариѣ дома сѣдѣше“, *ἐκαθῆζετο*.

Сав. кн., Мф. 26, 58. „и въшѣдъ въ дворъ сѣдѣше съ слоугами“, *ἐκάθητο*.

С приставкой **въ-** встречается только аорист, приставка имеет лишь пространственное значение „сестъ на что-нибудь“.

Сав. кн., Ио. 12, 14. „обрѣтъ же ис осла въсѣде на не“, греческ. аорист *ἐκάθισεν*.

Мар. ев., Лук. 19, 30. „обращтета жрѣба привазано на неже никтоже кѣде отъ члкъ не въсѣде“, *ἐκάθισεν*.

Мар. ев., Ио. 21, 3. „и въсѣдѣ въ корабъ“, *ἐνέβησαν*.

стати — стояти. Аорист образуется только от глагола *стати* и означает действие — „переход к состоянию стояния“. Имперфект образуется только от *стояти* и означает стояние.

Аорист:

Сав. кн., Мф. 27, 11. „ис же ста прѣдъ игекономъ“, греческ. аорист $\epsilon\sigma\tau\acute{\alpha}\theta\eta$.

Сав. кн., Лук. 2, 9. „и се аггль гнѣ ста въ нихъ“, $\epsilon\pi\acute{\epsilon}\sigma\theta\eta$.

Сав. кн., Мф. 2, 9. „дондеже пришѣдъши ста на врѣхоу“, $\epsilon\sigma\tau\acute{\alpha}\theta\eta$.

Мар. ев., Лук. 24, 36. „си же имъ глѣштемъ самъ исъ ста по срѣдѣ ихъ“, $\epsilon\sigma\tau\alpha\theta\eta$.

Мар. ев., Лук. 7, 14. „носаштеи же сташа“, $\epsilon\sigma\tau\eta\sigma\alpha\nu$.

Имперфект:

Сав. кн., Лук. 23, 35. „и стоимъ людие зраце“, греческ. плюсквам-перфект в значении имперфекта $\epsilon\iota\sigma\tau\acute{\eta}\kappa\epsilon\iota$.

Мар. ев., Ио. 1, 35. „въ оутрѣи же день пакы стоѣшаше иоанъ“, $\epsilon\iota\sigma\tau\acute{\eta}\kappa\epsilon\iota$.

Мар. ев., Ио. 19, 25. „стоѣхъ же при крѣстѣ исѣвъ мати его“, $\epsilon\iota\sigma\tau\acute{\eta}\kappa\epsilon\iota\sigma\alpha\nu$.

Сав. кн., Лук. 23, 35. „и стоимъ людие зраце“, $\epsilon\iota\sigma\tau\acute{\eta}\kappa\epsilon\iota$.

Сав. кн., Ио. 18, 18. „Стоимъ же раби и слугы“, $\epsilon\iota\sigma\tau\acute{\eta}\kappa\epsilon\iota\sigma\alpha\nu$.

Сав. кн., Ио. 18, 6. „стоѣшаше же июда“, $\epsilon\iota\sigma\tau\eta\kappa\epsilon\iota$.

Мар. ев., Мф. 13, 2. „и весь народъ на помори стоѣше“, $\epsilon\iota\sigma\tau\eta\kappa\epsilon\iota$.

Мар. ев., Ио. 20, 11. „мариѣ же стоѣше оу гроба внѣ плачѣшти сѧ“, $\epsilon\iota\sigma\tau\acute{\eta}\kappa\epsilon\iota$.

Встречаются глаголы с приставкой в аористе. Наибольшее количество примеров с приставкой **въ-** имеют глаголы со значением „подняться“, „воскреснуть“.

Сав. кн., Ио. 13, 4. „въста съ вечерѧ“, греческ. наст. истор. $\epsilon\gamma\epsilon\acute{\iota}\rho\epsilon\tau\alpha\iota$.

Сав. кн., Ио. 11, 29. „въста скоро“, $\epsilon\gamma\epsilon\acute{\iota}\rho\epsilon\tau\alpha\iota$.

Сав. кн., Мф. 8, 15. „и въста и слоужаше емоу“, греческ. аорист $\eta\gamma\epsilon\rho\theta\eta$.

Сав. кн., Ио. 11, 31. „видѣвъше же мариѣ яко скоро въста и изиде“, греческ. аорист $\acute{\alpha}\nu\epsilon\sigma\tau\eta$.

Сав. кн., Мф. 9, 25. „И въста дѣвица“, $\eta\gamma\epsilon\rho\theta\eta$.

Сав. кн., Мф. 27, 52. „и многа тѣлеса... въсташа“, греческ. аорист $\eta\gamma\epsilon\rho\theta\eta\sigma\alpha\nu$.

Сав. кн., Мф. 28, 7. „яко въста отъ мртввыхъ“, греческ. аорист $\eta\gamma\epsilon\rho\theta\eta$.

Мар. ев., Мф. 11, 11. „не въста въ рожденныхъ женами болей иоана“, греческ. перфект $\epsilon\gamma\eta\gamma\epsilon\rho\tau\alpha\iota$.

Мар. ев., Мр. 3, 26. „и аште сотона въста самъ на сѧ“, греческ. аорист $\acute{\alpha}\nu\epsilon\sigma\tau\eta$.

Мар. ев., Мр. 6, 14. „яко иоанъ крѣстѧи въста отъ мртввыхъ“, греческ. перфект $\epsilon\gamma\eta\gamma\epsilon\rho\tau\alpha\iota$.

Мар. ев., Ио. 2, 22. „егда оубо въста отъ мртввыхъ“, греческ. аорист $\eta\gamma\epsilon\rho\theta\eta$.

Значительно реже встречается аорист с приставкой **о-** с новым значением „остаться“, т. е. „перейти к известному состоянию“:

Мар. ев., Ио. 8, 9. „и оста исъ единъ и жена“, греческ. аорист $\kappa\alpha\tau\epsilon\lambda\epsilon\acute{\iota}\phi\theta\eta$.

Мар. ев., Ио. 7, 9. „си рекъ самъ оста въ галилеи“, греческ. аорист $\epsilon\mu\epsilon\iota\nu\epsilon\nu$.

Сав. кн., Лук. 2, 43. „оста отрочѧ исъ въ ерлѣмѣ“, греческ. аорист $\upsilon\pi\acute{\epsilon}\mu\epsilon\iota\nu\epsilon\nu$.

С приставкой **прѣ-** глагол означает прекращение старого и переход к новому состоянию.

Сав. кн., Лук. 7, 45. „си же отънелиже внидъ не прѣста лобызати ꙗзи ногоу моею“, греческ. аорист διέλιπεν.

Мар. ев., Лук. 5, 4. „ѣко же прѣста гла рече“, греческ. аорист ἐπαύσατο.

Имперфект от глагола *стояти* с приставкой встретился лишь дважды.

Мар. ев., Лук. 23, 23. „и оустоѡвахъ гласи ихъ и архиереисти“, греческ. имперфект κατίσχυον, т. е. „голоса их были сильнее и архиерейских голосов“.

Здесь глагол, несмотря на приставку, сохраняет свое значение состояния.

Второй пример находим только в Мариинском евангелии:

Ио. 6, 18. „Море же вѣтроу велию дѣхаетъ штию вѣсташе“, греческ. имперфект διεγείρετο.

В данном случае образование неопределенной формы — имперфекта — от определенного глагола создает новое значение действия, представленного как состояние, как процесс. Это значение уже близко к значению несовершенного вида.

лежати — лешти. Аорист без приставок со значением действия, „перехода к состоянию лежания“, не встречается. Имперфект означает состояние — „лежать“:

Сав. кн., Лук. 5, 25. „възъмъ на немъже лежаше и иде въ домъ своѣ“, κατέκειτο.

Сав. кн., Лук. 16, 20. „и лежаше гноѣнъ при вратѣхъ его“, греческ. плюсквамперфект в значении имперфекта ἐβέβλητο.

Мар. ев., Мр. 1, 30. „тѣшта же симонова лежаше огнемъ жегома“, κατέκειτο.

Мар. ев., Ио. 5, 3. „въ тѣхъ лежаше мнѡжьство болаштиихъ“, κατέκειτο.

Однако есть один случай употребления аориста от глагола *лежати*:

Сав. кн., Мф. 28, 6. „придѣта да видита мѣсто идеже лежа гъ“, в греческ. та же форма прошедшего времени (плюсквамперфект в значении имперфекта), что и в предшествующих примерах — ἐκειτο, следовательно, греческий язык не мог оказать влияния на старославянскую форму. Употребление здесь аориста, несомненно, — уже новое явление, указывающее на начавшееся изменение старых отношений, форма аориста становится постепенно возможной и от глаголов состояния. Здесь эта форма имеет как бы значение конкретного состояния, которое представлено комплексно, как целое, законченное.

Встречается аорист от глагола *леши* с приставкой **въз-**,[†] имеющей чисто пространственное значение, он выражает действие — „переход к состоянию возлежания“ за столом.

Мар. ев., Лук. 7, 36. „и въшедъ въ домъ фарисѡвъ възлеже“, греческ. аорист κατεκλιθη.

Мар. ев., Мр. 6, 40. „и възлежъ на лѣхы, на лѣхы“, греческ. аорист ἀνάπεσε.

Мар. ев., Ио. 6, 10. „възлеже оубо мѡжь числомъ ѣко пать, тысѣшь“, ἀνάπεσεν.

Сав. кн., Мф. 26, 20. „вечероу же бывѣшю възлеже съ обѣма на десате оученикома“, в греческ. ἀνέκειτο — форма пассивного плюсквамперфекта в значении имперфекта: переводчик по смыслу употребил аорист, чтобы им обозначить начало состояния.

В одном только примере аорист имеет значение законченного действия или состояния, представленного суммарно:

Сав. кн., Ио. 21, 20. „обрацъ же сѧ петръ видѣ оученика егоже люблѣше ис идѣща въ слѣдъ иже възлеже на вечери на прси его“, греческ. аорист ἀνέπεσεν, т. е. „который возлежал во время вечери на его груди“. Это уже новое значение аориста, связанное с вновь развивающимся значением совершенного вида.

Имперфект с приставкой **въз-** означает „самое состояние возлежания“:

Сав. кн., Мр. 2, 15. „мѣтаре и грѣшници възлежахѣ съ исомъ“, συναλέκειντο.

Сав. кн., Мф. 9, 10. „и се мнози грѣшници и мѣтаре пришѣдъше възлежахѣ съ исомъ“, συναλέκειντο.

Встречается аорист от той же основы **лещи-** с приставкой **оу-** в значении „начала состояния тишины“:

Мар. ев., Лук. 8, 24. „онъ же въставъ запрѣти вѣтроу... и оулеже“, греческ. аорист ἐπαύσατο.

Мар. ев., Мр. 4, 39. „и оулеже вѣтръ и бысть тишина велиѣ“, ἐκόπασεν.

Приставки в сочетании с глаголом **лжати** имеют только пространственное значение, глагол сохраняет свое основное значение состояния: Сав. кн., Ио. 11, 38. „бѣ же пещера и камень належаше на нѣ“, ἐπέκειτο, т. е. „камень лежал сверху“.

Мар. ев., Мр. 2, 4. „свѣсиша одръ на немъже ослаблены сълежаше“, κατέκειτο.

Приставка **при-** придает глаголу лжати новое значение: „прилжати“ — „стараться“, однако глагол остается глаголом состояния и употребляется в имперфекте:

Мар. ев., Лук. 23, 23. „они же прилжаахѣ гласы велии“, ἐπέκειντο.

Мар. ев., Ио. 8, 7. „ѣко же прилжаахѣ въпрашаѣште“, ἐπέμενον.

Встречается несколько неожиданная форма аориста от этого глагола:

Мар. ев., Лук. 10, 34. „приведе и въ гостиницѣхъ и прилжа емъ“. Более оправдана форма имперфекта в Сав. кн. — **прилжаше**. Повидимому, форма **прилжа** — новая форма, означающая состояние, как и аорист **лжа** — новая форма, означающая состояние как законченное целое.

съпати. Состояние сна обозначается формой имперфекта:

Сав. кн., Мф. 25, 5. „въздрѣмаша сѧ всѧ и съпахѣ“, греческ. имперфект ἐκάθευδον.

Мар. ев., Мф. 8, 24. „и се трѣсѣ великъ бысть въ мори... а тѣ съпаше“, греческ. имперфект ἐκάθευδον.

Начало состояния передается аористом от той же основы с приставкой **оу-**:

Сав. кн., Ио. 11, 11. „лазоръ дроугъ нашъ оусъпе“, греческ. перфект κηκοίμηται.

Мар. ев., Лук. 8, 23. „вѣдѣштемъ же имъ оусъпе“, греческ. аорист ἀφύπνωσεν.

любити. Означает состояние, встречается только в имперфекте:

Сав. кн. Ио. 21, 20. „обрацъ же сѧ петръ видѣ оученика егоже люблѣше ис“, греческ. имперфект ἠγάπα.

Сав. кн., Ио. 11, 36. „виждь како люблѣше г“, греческ. имперфект ἐφίλει.

Сав. кн., Ио. 11, 5. „люблѣше бо ис марѣѣ“, греческ. имперфект ἠγάπα.

Сав. кн., Ио. 19, 26. „ис же видѣвъ мѣтере и оученика стоаца егоже люблѣше“, ἠγάπα.

Аористом с приставкой **въз-** передается переход к состоянию, начало состояния:

Мар. ев., Мр. 10, 21. „ис же възрѣвъ на нь възлюби и“, греческ. аорист *ἠγάπησεν*.

Мар. ев., Ио. 3, 19. „и възлюбиша члвци паче тѣмѣ же свѣтъ“, *ἠγάπησαν*.

Сав. кн., Ио. 15, 9. „ѣкоже възлюби ма оцѣ и азъ възлюбихъ вы“, *ἠγάπησεν, ἠγάπησα*.

Мар. ев., Ио. 12, 43. „възлюбиша бо паче славѣ члчкѣ“, *ἠγάπησαν*.

Сав. кн., Лук. 7, 47. „отъбѣщахъ сѧ еи грѣси мнози ѣко много възлюби“, *ἠγάπησεν*.

ненавидѣти. Имперфект выражает состояние, аорист с приставкой **въз-** — переход к состоянию:

Мар. ев., Лук. 19, 14. „граждане же его ненавидѣхъ“, греческ. имперфект *ἐμίσηον*.

Сав. кн., Ио. 15, 24. „нынѣ же видѣша и възненавидѣша“, греческ. перфект *μεμίσησάντων*.

Сав. кн., Ио. 17, 14. „и миръ възненавидѣ ѧ“, *ἐμίσησεν*.

Сав. кн., Ио. 15, 25. „ѣко възненавидѣша ма спѣти“, *ἐμίσησάν με*.

гнѣвати сѧ. Имперфект выражает состояние гнева:

Мар. ев., Мр. 6, 19. „иродѣ же гнѣвааше сѧ на нь“, греческ. имперфект *ἐνεύχευ*.

Аорист с приставкой **раз-** выражает переход к состоянию гнева:

Мар. ев., Мф. 22, 7. „и слышавъ цср тѣ разгнѣва сѧ“, греческ. аорист *ῥαγίσθη*.

бояти сѧ. Состояние страха выражается имперфектом:

Мар. ев., Мр. 9, 32. „они же не разуоумѣша гла и боѣхъ сѧ въпросити и“, греческ. имперфект *ἐφοβοῦντο*.

Мар. ев., Мр. 6, 20. „иродѣ бо боѣаше сѧ Иоана“, *ἐφοβεῖτο*.

Мар. ев., Мр. 11, 18. „боѣхъ бо сѧ его“, *ἐφοβοῦντο*.

Мар. ев., Лук. 19, 21. „боѣахъ бо сѧ тебе ѣко члвкъ ѣрѣ еси“, греческ. имперфект *ἐφοβοῦμην*.

Аористом выражается переход к состоянию страха:

Сав. кн., Мф. 2, 22. „слышавъ же ѣко архилаи црѣствоуетъ въ иудеи... ѣбоѣ сѧ тамо нти“, греческ. аорист *ἐφοβήθη*.

Сав. кн., Мф. 14, 30. „вида же вѣтрѣ люте оубоѣ сѧ“, *ἐφοβήθη*.

Сав. кн., Ио. 19, 8. „егда же слыша пилатѣ се слово убоѣ сѧ“, *ἐφοβήθη*.

Сав. кн., Мф. 27, 54. „сѣтнникъ же и иже бѣхъ съ нимъ оубоѣ ша сѧ“, *ἐφοβήθησαν*.

Мар. ев., Лук. 20, 19. „и оубоѣша сѧ людии“, *ἐφοβήθησαν*.

Мар. ев., Мф. 21, 46. „и оубоѣша сѧ народа“, *ἐφοβήθησαν*.

И один пример с приставкой **въз-** с тем же значением:

Мар. ев., Мр. 4, 41. „и възбоѣша сѧ страхомъ велиемъ“, *ἐφοβήθησαν*.

млъчати. Состояние молчания передается имперфектом:

Сав. кн., Мф. 26, 63. „ис же млѣчаше“, греческ. имперфект *ἔσιώπα*.

Сав. кн., Мр. 3, 4. „они же млѣчахъ“, *ἔσιώπων*.

Мар. ев., Мр. 14, 61. „онѣ же млѣчааше“, *ἔσιώπα*.

Мар. ев., Мр. 9, 34. „они же млѣчаахъ“, *ἔσιώπων*.

Аорист от основы с приставкой **оу-** выражает переход к состоянию молчания:

Мар. ев., Лук. 20, 26. „и дивѣше сѧ о отвѣтѣ его оумлъчаша“, греческ. аорист *εσίγησαν*.

Мар. ев., Мф. 22, 12. „онъ же оумлъча“, ἐφιμώθη.

Мар. ев., Лук. 14, 3. „они же оумлъчаша“, ἐσίγησαν.

радовати сл. Состояние радости выражается имперфектом:

Сав. кн., Лук. 13, 17. „и вси людие, радовахъ сѧ емоу“, греческ. имперфект ἔχαίρων.

Мар. ев., Лук. 1, 58. „и слышаша окръсть живѣштели... и радовахъ сѧ съ неѣ“, συνέχαIRON.

Аористом с приставкой **въз-** передается начало состояния радости, переход к состоянию:

Сав. кн., Лук. 10, 21. „въ тѣ часѣ въздрадова сѧ дѣомъ іс“, греческ. аорист ἠγαλλιάσατο.

Сав. кн., Лук. 1, 47. „и въздрадова сѧ дѣхъ мой“, ἠγαλλίασεν.

Мар. ев., Ио. 20, 20. „въздрадовавши же сѧ оученици“, ἐχάρησαν.

Мар. ев., Ио. 8, 56. „и видѣ и въздрадова сѧ“, ἐχάρη.

Мар. ев., Мф. 2, 10. „видѣвши же звѣздѣ въздрадовахъ сѧ радостиѣ“, ἐχάρησαν.

тайти сл. Имперфект выражает состояние.

Мар. ев., Лук. 1, 24. „зачать елисаветѣ... и таѣше сѧ дѣ мсцѣ“, περιέκρυβεν.

Аорист от основы с приставкой в единственном примере означает скорее сохранение состояния тайны до известного предела, впрочем, может быть, это значение вызывается контекстом:

Сав. кн., Лук. 8, 47. „и видѣвши жена яко не оутѧ сѧ трепещѣщи припаде“, ἔλαθεν.

расти. Имеет значение состояния:

Сав. кн. Лук. 2, 40. отроча же растѣше“, греческ. имперфект ἠύξανεv.

Аорист от основы с приставкой **въз-** означает переход к состоянию роста, но также и достижение результата, завершение этого состояния:

Мар. ев., Лук. 8, 7. „и въздрате трѣние и подави е“, ἠύξασεν.

Мар. ев., Лук. 13, 19. „и въздрате и бысть въ дрѣво велие“.

жити. Глагол состояния *жити* употребляется только в имперфекте:

Сав. кн., Лук. 8, 27. „и въ ризѣ не облачаше сѧ и въ храминѣ не живѣше“, греческ. имперфект ἐμεινεv.

Мар. ев., Ио. 3, 22. „и тоу живѣше съ ними“, διέτριβεν.

Мар. ев., Ио. 11, 54. „нѣ иде отъ тѣдоу... и тоу живѣше“, греческ. имперфект διέτριβεν или вариант: аорист ἐμεινεv.

Мар. ев., Ио. 1, 40. „придете же и видѣсте кѣде живѣше“, греческ. наст. вр. μένει.

Аорист с приставкой **о-** означает переход к состоянию жизни:

Сав. кн., Лук. 15, 24. „яко снѣ съ мрътвѣ бѣ и оживе“, ἀνέζησεν.

Сав. кн., Лук. 15, 32. „яко братъ твои съ мрътвѣ бѣ и оживе“, ἐζησεν.

быти. Имперфект означает состояние бытия, аорист — переход к этому состоянию, т. е. имеет значение „делаться“, „становиться“, „стать“. Это значение подтверждается и греческим оригиналом. Славянскому аористу точно соответствует греческ. аорист или перфект от глагола γίγνομαι — „делаться“, „становиться“, а имперфекту — греческ. имперфект от глагола εἶναι.

Аорист:

Сав. кн., Лук. 22, 44. „и бысть потъ его яко и капла крови“, ἐγένετο, т. е. „сделался пот его как капли крови“.

Сав. кн., Лук. 15, 14. „бысть гладъ крѣпкъ на странѣ тои“, ἐγένετο, т. е. „в стране сделался голод“.

Сав. кн., Лук. 2, 42. „и егда бысть $\bar{\text{В}}$ и лѣтъ“, ἐγένετο, т. е. „когда ему стало двенадцать лет“.

Сав. кн., Мф. 28, 2. „и се бысть трѣсъ великъ“, ἐγένετο, т. е. „и сделалось великое землетрясение“.

Сав. кн., Мф. 25, 6. „полоунощи же выпль бысть“, греческ. перфект γέγονεν, т. е. „в полночь раздался крик“.

Сав. кн., Мф. 19, 12. „сѣтъ бо каженици иже ис чрѣва мтерѣ бѣша тащи“, ἐγεννηθησαν, т. е. „стали такими“.

Сав. кн., Мр. 9, 21. „колико лѣтъ отънелиже се бысть емѡ“, γέγονεν, т. е. „с тех пор, как это сделалось с ним“.

Сав. кн., Ио. 1, 30. „по мнѣ идетъ мѣжъ иже прѣдъ мноѣ бысть“, γέγονεν.

Имперфект:

Сав. кн., Ио. 21, 8. „не бѣша бо далече отъ земьа“, ἦσαν.

Сав. кн., Мф. 1, 18. „ис хво же рождество сице бѣ“, ἦν.

Сав. кн., Мф. 2, 15. „и бѣ тоу до оумрътия ирода“, ἦν, т. е. „и он был здесь до смерти Ирода“.

Сав. кн., Мф. 4, 18. „бѣста бо рыбама ловьца“, ἦσαν.

Сав. кн., Мф. 25, 35. „страньнѣ бѣхъ“, ἦμην.

Сав. кн., Мф. 26, 69. „и ты бѣ съ исомъ“, ἦσθα.

В сочетании с приставкой **прѣ-** аорист имеет значение перехода к состоянию пребывания, нахождения где-либо:

Мар. ев., Ио. 1, 32. „и прѣбысть на немъ“, ἔμεινεν.

Мар. ев., Ио. 10, 40. „и прѣбысть тоу“, ἔμεινεν.

Иногда аорист означает определенное законченное состояние пребывания где-либо, впрочем в таких случаях законченность выражается каким-либо обстоятельственным словом:

Мар. ев., Ио. 1, 40. „и прѣбысте оу него днь тѣ“, ἔμειναν.

Мар. ев., Ио. 2, 12. „и тоу не мьногы дни прѣбыша“, ἔμειναν.

Мар. ев., Ио. 4, 40. „и прѣбысть тоу дѣва дни“, ἔμεινεν.

Сав. кн., Лук. 1, 56. „прѣбысть же мариѣ съ неѣжъ яко мѣ“, ἔμεινεν.

Имперфект встречается только один раз и означает состояние:

Сав. кн., Лук. 1, 22. „и тѣ бѣ помаваѣ имъ и прѣбывааше нѣмъ“, διέμενεν.

Переход к состоянию смерти передается всегда только аористом:

Сав. кн., Мф. 27, 50. „и испусти дхъ“, ἀφῆκεν.

Мар. ев., Лук. 23, 46. „и се рекъ издѣше“, ἐξέπνευσεν.

Сав. кн., Лук. 16, 22. „оумрътъ же и богаты тѣ и погребоша ѣ“, ἀπέθανεν.

Сав. кн., Мр. 9, 26. „и мнози глахъ яко оумрътъ“, ἀπέθανεν.

Сав. кн., Мф. 9, 18. „яко дѣци моѣ нынѣ оумрътъ“, ἐτελεύτησεν.

Сав. кн., Ио. 11, 14. „лазаръ оумрътъ“, ἀπέθανεν.

Мар. ев., Ио. 8, 53. „еда ты болен еси отца нашего авраама иже оумрътъ и прѣи оумръѣша“, ἀπέθανεν, ἀπέθανον.

Мар. ев., Ио. 6, 49. „отци ваши ѣса манѣ въ поустыни и оумръѣша“, ἀπέθανον.

Мар. ев., Лук. 20, 32. „послѣжде же всѣхъ и жена оумрътъ“, ἀπέθανεν.

Имперфектом выражается состояние, предшествующее смерти, — „умирание“:

Сав. кн., Лук. 7, 2. „Сѣтъникоу же единому рабѣ бола оумираше“, греческ. ἤμελλεν τελευτᾶν, — таким образом, славянскому имперфекту в греческом соответствует сложный оборот: „намеревался“, „собирался умереть“.

вѣдѣти. Употребляется только в имперфекте, так как этот глагол означает состояние знания, ведения:

Мар. ев., Мр. 15, 10. „вѣдѣаше бо ѣко зависти ради прѣдаша и“, ἐγίνωσκεν.

Мар. ев., Ио. 2, 24. „имъже самъ вѣдѣаше вѣса“, διὰ τὸ αὐτὸν γινώσκειν πάντας, вариант: ἐγίνωσκεν.

Мар. ев., Мр. 9, 6. „не вѣдѣаше бо что глѣть“, греческ. плюсквамперфект от недостаточного глагола, перфект которого употребляется в значении настоящего времени — ἦδει.

Мар. ев., Ио. 20, 14. „и видѣ ѡса стояшта и не вѣдѣаше ѣко ѡсь есть“, ἦδει.

Мар. ев., Лук. 19, 22. „вѣдѣаше ѣко... жьна егоже не сѣхъ“, ἦδεις.

Сав. кн., Ио. 11, 42. „азъ же вѣдѣхъ ѡко всегда мене послушаеши“, ἦδειν.

Сав. кн. Ио. 18, 2. „вѣдѣше же и июда“, ἦδει.

Сав. кн., Ио. 1, 31. „и азъ не вѣдѣхъ его“, ἦδειν.

Мар. ев., Мф. 25, 24. „вѣдѣхъ та ѣко жестокъ еси члкъ“, греческ. аорист ἐγνων, но, несмотря на это, славянскую форму нельзя считать аористом, так как стяженные формы от основы на -ѣ- встречаются нередко в имперфекте; других более ясных примеров на аорист не обнаружено, и значение последнего примера ничем по существу не отличается от значения предшествующих вышеприведенных случаев.

Мар. ев., Мр. 1, 34. „и не оставѣше глати бѣсъ ѣко видѣахъ и“, ἦδεισαν.

Формы с приставками от глагола *вѣдѣти* по своему значению относятся к группе глаголов „говорения“, поэтому они здесь не будут рассматриваться.

знати. Как глагол состояния употребляется в имперфекте:

Сав. кн., Мф. 1, 24. „прятъ женѣ своѣж и не знаѣаше ел“, ἐγίνωσκεν.

Однако развитие новых отношений приводит к образованию аориста от этой основы:

Мар. ев., Мф. 7, 23. „и тогда исповѣмъ имъ ѣко николиже знахъ васъ“, греческ. аорист ἐγνων. Употреблением аориста здесь передается завершенность состояния, хотя не исключается возможность видеть в этой форме стяженный имперфект.

С приставкой *по-* этот глагол означает переход к состоянию знания, употребляется только в аористе, форм имперфекта нет:

Мар. ев., Ио. 6, 69. „и мѣ въровахомъ и познахомъ ѣко ты еси (хъ)“, греческ. перфект ἐγνώκαμεν.

Мар. ев., Ио. 8, 55. „и не познаете его“, οὐκ ἐγνώκατε.

Мар. ев., Ио. 1, 10. „и миръ его не позна“, οὐκ ἐγνων.

Мар. ев., Мр. 6, 54. „абие познаша и“, ἐπιγινόντες.

Мар. ев., Мф. 17, 12. „ѣко илиѣ юже приде и не познаша его“, οὐκ ἐπέγνωσαν.

Мар. ев., Ио. 14, 9. „и не позна ли мене филипе“, οὐκ ἐγνώκας με.

Мар. ев., Ио. 17, 25. „азъ же та познахъ“, ἐγνων.

Глаголы, выражающие желание, намерение, хотение, также по своим формам относятся к глаголам состояния.

желати — желѣти. Употребляется только в имперфекте:

Мар. ев., Лук. 15, 16. „и желааше насытити сѧ чрѣво свое отъ рожець“, ἐπεθύμει.

Аорист с приставкой *въз-* означает переход к состоянию желания:

Мар. ев., Лук. 22, 15. „желѣниемъ се възжелѣхъ пасха ѣсти съ вами“, ἐπεθύησα.

Мар. ев., Мф. 13, 17. „ѣко мнози прѣци и праведьници възжелѣша видѣти ѣже видите“, ἐπεθύησαν.

хотѣти. Употребляется в двух значениях: 1) желания, 2) намерения. От него образуется только имперфект, но есть четыре случая, составляющие исключение.

1) Сав. кн., Мф. 2, 18. „и не хотѣше оутѣшити сѧ ꙗко не сѣхъ“, οὐκ ἤθελεν.

Сав. кн., Мф. 27, 34. „и вькоушъ не хотѣше пити“, οὐκ ἤθελε.

Сав. кн., Мф. 18, 30. „онъ же не хотѣше“, οὐκ ἤθελε.

Сав. кн., Лук. 15, 28. „разгнѣвавъ же сѧ и не хотѣше вьнити“, ἤθελεν.

Сав. кн., Ио. 21, 18. „и хождаше ꙗмо же хотѣше“, ἤθελες.

Мар. ев., Ио. 6, 11. „также и отъ рыбоу елико хотѣхъ“, ἤθελον.

Мар. ев., Ио. 6, 21. „хотѣхъ же и приѣти въ корабль“, ἤθελον.

2) Мар. ев., Лук. 10, 1. „и посла ѡ... ѣможе хотѣше самъ ити“, ἤμελλεν.

Мар. ев. Лук. 19, 4. „да видить і ѣко тѣдѣ хотѣше минѣти“, ἤμελλεν.

В некоторых случаях с этим значением намерения соединяется новое значение — будущего действия в прошедшем:

Мар. ев., Ио. 7, 39. „се же рече о доусѣ иже хотѣхъ приѣти вьроуѣштеи въ него“, ἔμελλον λαμβάνειν.

Сав. кн., Ио. 12, 33. „се же глаше клепаа коеѣхъ смъртиѣхъ хотѣше оумрѣти“, ἤμελλεν ἀποθνήσκειν.

Сав. кн., Мр. 10, 32. „и начатъ имъ глаши еже хотѣше быти емоу“, τὰ μέλλοντα.

Сав. кн., Ио. 12, 4. „иже и хотѣше прѣдати“, ὁ μέλλων.

Мар. ев., Мр. 4, 37. „вльнѣ же вьливахъ сѧ въ ладиѣхъ ѣко юже погразнѣхъ хотѣше“, ὥστε ἤδη γεμίξασθαι.

Аорист встречается с приставкой **въз-** и означает переход к состоянию хотения:

Мар. ев., Лук. 13, 34. „коль краты възхотѣхъ събърати чада твоѣ ѣкоже кокошь гнѣздо свое подъ крилѣ и не възхотѣсте“, греческ. аорист ἠθέλησα.

Мар. ев., Мр. 6, 26. „за клатвы и възлежѣщихъ съ нимъ не възхотѣ отъречи сѧ“, οὐκ ἠθέλησεν.

Мар. ев., Лук. 10, 24. „ѣко мнози пророци и цсре възхотѣша видѣти ѣже вы видите“, ἠθέλησαν.

Четыре примера аориста от основы *хотѣти* без приставки являются исключением и отражают уже новые отношения, когда аорист постепенно стал распространяться на основы, от которых он раньше не употреблялся. Однако характерно, что почти ко всем этим примерам есть варианты, возвращающие к старому положению:

Мар. ев., Мр. 3, 13. „и възиде на горѣ и призѣва ѣже самъ хотѣ і идѣ къ нему“, — так в Маринском кодексе, но в Зограф. ев. форма аориста с приставкой — *въсхотѣ*, греческ. имперфект — ἠθέλεν, в церковно-славянском тексте русской редакции также имперфект — *хоташе*. Эти варианты указывают на единичность формы Мар. ев., ее необычность. Значение этой новой формы — подчеркнутая определенность желания.

Мар. ев., Мр. 6, 48. „приде къ нимъ по морю хода і хотѣ ѡ минѣти“, греческ. имперфект ἠθέλεν. В церковно-славянском тексте — *хоташе*. Потребление здесь аориста, несмотря на греческий имперфект, также объясняется значением — определенностью желания.

Мар. ев., Ио. 5, 35. „онъ бѣ свѣтильникъ горѣ и свѣта, въ(1) же хотѣсте възрадovati сѣ въ одинъ свѣтъниѣ его“, греческ. аорист $\eta\theta\epsilon\lambda\epsilon\sigma\alpha\tau\epsilon$.

В церковно-славянском тексте — *восхотѣсте*.

Мар. ев., Мр. 9, 13. „ѣко илиѣ приде и сътвориша емоу елико хотѣша“, греческ. аорист $\eta\theta\epsilon\lambda\epsilon\sigma\alpha\nu$.

Интересно, что в параллельном месте употреблен глагол с приставкой:

Мар. ев., Мф. 17, 12. „ѣко илиѣ юже приде и не познаша его нъ сътвориша о немъ въсѣ елико въсхотѣша“, $\eta\theta\epsilon\lambda\epsilon\sigma\alpha\nu$.

Таким образом, повидимому, форма аориста от глагола *хотѣти* была новой формой, только входившей в употребление.

Примерно такие же отношения наблюдаются и с глаголом **мощи**.

Преобладают формы имперфекта:

Мар. ев., Мр. 5, 4. „и никтоже его не можааше оумжити“, греческ. имперфект $\epsilon\sigma\chi\upsilon\epsilon\nu$.

Мар. ев., Лук. 19, 3. „и искааше видѣти йса къто есть и не можааше народомъ“, $\omicron\upsilon\kappa\ \eta\delta\upsilon\nu\alpha\nu\tau\omicron$.

Мар. ев., Ио. 12, 39. „сега ради не можаахъ вѣровати“, $\omicron\upsilon\kappa\ \eta\delta\upsilon\nu\alpha\nu\tau\omicron$.

Мар. ев., Мр. 1, 45. „ѣко к томоу не можааше ѣвъ въ градъ внити“, $\delta\upsilon\nu\alpha\sigma\theta\alpha\iota$.

Сав. кн., Мф. 22, 46. „и никто емоу можааше отъвѣцати слово“, $\epsilon\delta\upsilon\nu\alpha\tau\omicron$.

Мар. ев., Мф. 26, 9. „можааше бо се муро продано быти“, $\epsilon\delta\upsilon\nu\alpha\tau\omicron$.

Мар. ев., Мр. 4, 33. „и тацѣми притѣчами мнозѣми глше имъ слово ѣкоже можаахъ слышати“, $\eta\delta\upsilon\nu\alpha\nu\tau\omicron$.

Аорист употребляется с приставкой **въз-** и со значением перехода к состоянию „мощи“:

Мар. ев., Лук. 14, 6. „и не възмогъ отъвѣштати емоу“, $\omicron\upsilon\kappa\ \epsilon\sigma\chi\upsilon\sigma\alpha\nu$.

Мар. ев., Мф. 26, 40. „тако ли не възможе единого часа побѣдѣти съ мнозѣ“, $\omicron\upsilon\kappa\ \epsilon\sigma\chi\upsilon\sigma\alpha\tau\epsilon$.

Мар. ев., Лук. 9, 40. „и не възмогъ“, $\omicron\upsilon\kappa\ \eta\delta\upsilon\nu\eta\theta\epsilon\sigma\alpha\nu$.

Однако изредка встречается аорист без приставки (три случая):

Мар. ев., Лук. 6, 48. „припаде рѣка храминѣ той и не може двигнѣти еѣ“, греческ. аорист $\omicron\upsilon\kappa\ \epsilon\sigma\chi\upsilon\sigma\epsilon\nu$.

Мар. ев., Лук. 8, 43. „ни отъ единого же може исцѣлѣти“, греческ. аорист $\omicron\upsilon\kappa\ \epsilon\sigma\chi\upsilon\sigma\epsilon\nu$.

Мар. ев., Мр. 7, 24. „и въ домъ въшедъ не хотѣаше да би и къто чюль и не може оутати сѣ“, $\omicron\upsilon\kappa\ \epsilon\sigma\chi\upsilon\sigma\epsilon\nu$.

В этих примерах почти не чувствуется разницы в значении с формами имперфекта. Может быть, форма аориста в греческом оригинале вызвала и в славянском тексте форму аориста, тем более, что глагол *мощи*, вероятно, мог восприниматься сознанием не только как глагол состояния, но и как глагол действия.

имѣти. Глагол состояния, отличается той особенностью, что не имеет себе парного глагола, выражающего переход к состоянию. Однокоренной глагол *ѣти*—*имѣ*, прежде означавший переход к состоянию „имения“, по значению своему отошел от глагола *имѣти* (он будет рассмотрен ниже в группе глаголов действия), кроме того, *имѣти* не употребляется с приставками. В евангельских текстах преобладает форма имперфекта:

Мар. ев., Лук. 4, 40. „въси елико имѣахъ болацѣма... привождѣахъ“, греческ. имперфект $\epsilon\acute{\iota}\chi\omicron\nu$.

Мар. ев., Мф. 21, 46. „и оубоѣша сѣ народа понеже ѣко пророка имѣахъ и“, $\epsilon\acute{\iota}\chi\omicron\nu$.

Мар. ев., Мр. 8, 14. „и забъша възати хлѣбы и развѣ единого хлѣба не имѣахъ съ собоѣ“, οὐκ εἶχον.

Мар. ев., Мр. 7, 25. „слъшавъши бо жена о немъ еа же дъшти имѣше дхъ нечистъ“, εἶχεν.

Мар. ев., Мр. 12, 44. „въсе елико имѣаше вѣврѣже“, εἶχεν.

Мар. ев., Мр. 8, 7. „и имѣахъ и рѣбицѣ мало“, εἶχαν.

Мар. ев., Лук. 13, 6. „смоковницѣ имѣаше единъ въ виноградѣ своемъ въсажденъ“, εἶχεν.

Мар. ев., Мр. 5, 3. „иже жилиште имѣаше въ гробѣхъ“, εἶχον.

Сав. кн., Мф. 3, 4. „самъ же иоанъ имѣше ризѣ свои“, εἶχεν.

Сав. кн., Ио. 17, 5. „и нѣниа прослави ма оче на нбсе славѣ иже имѣхъ прѣжде быти всемоу миру“, εἶχον.

Мар. ев., Лук. 24, 11. „и вѣиша са прѣдъ ними вѣко блади глѣ ихъ и не имѣахъ имъ вѣры“, греческ. имперфект ἠπίστου.

Однако потребность выразить действие — переход к состоянию „имения“ — приводит, повидимому, к образованию аориста от основы *имѣти*. Случаев употребления аориста всего семь, из них Мф. 13, 5 и Мр. 4, 5 являются буквальным повторением одних и тех же выражений, также и Лук. 20, 33 и Мф. 22, 28. Следовательно, всего пять примеров аориста:

Сав. кн., Лук. 15, 11. „члкъ единъ имѣ в сна“, греческ. имперфект εἶχεν. Если сравним аналогичный текст Мар. ев., Мр. 12, 6. „еще же имѣаше единого сна“, — то как будто употребление здесь аориста ничем не оправдано, тем более, что оно не поддерживается и греческим оригиналом. Объяснить это можно лишь тем, что во втором примере „иметь сына“ выражает состояние, в первом же аорист можно понять как начало состояния: „один человек возымел двух сыновей“, или „у него родились два сына“. То же и в следующем примере:

Мар. ев., Мр. 10, 1. „и вѣко имѣ обычаи пакы оучаше ѿ“, греческ. плюсквамперфект ὡς ἐβόθει. Употребление аориста здесь также не оправдывается греческим оригиналом.

Не поддерживается также греческим оригиналом употребление аориста и в двух других случаях:

Мар. ев., Мф. 13, 5. „дрюгаа же падѣ на каменехъ вѣже не имѣша земля многы и абѣ прозѣбѣ зане не имѣше глѣбинѣ“.

Мар. ев., Мр. 4, 5. „а дрюгое паде на каменѣвѣмъ идеже не имѣ земля многы и абѣ прозѣбе зане не имѣаше глѣбинѣ земъныѣ“, ὅπου οὐκ εἶχεν ῥήν. . . διὰ τὸ μὴ εἶχειν — в первом случае — имперфект, во втором — инфинитив настоящего времени. В церковнославянском евангелии в этих случаях нет аориста, а лишь имперфект.

Однако употребление здесь аориста — не случайно, оно коренится в том значении, какое приобретает эта форма в старославянском языке. Аористом передается реальный факт — отсутствие земли на камне, а для объяснения, почему семя взошло быстро, употребляется имперфект, так как здесь речь идет уже не об отдельном реальном факте, а об общем положении, о состоянии: семя взошло быстро, потому что земли было мало, другими словами — семя всегда всходит быстро, если мало земли. Таким образом, употреблением разных форм прошедшего времени переводчик хотел как будто оттенить реальный конкретный факт от общего положения.

Мар. ев., Мф. 22, 28. „въ въскрѣшение оубо котораго отъ седми бждеть жена вѣси бо имѣша иже“, греческ. аорист εἶσχυ.

Мар. ев., Лук. 20, 33. „седмъ бо имѣша ѿж“, ἔσχον.

В данном случае аористом подчеркивается законченность, определенность данного состояния.

Мар. ев., Мр. 14, 8. „еже имѣ си сътвори“, ὁ ἔσχευ ἐποίησεν.

Перевод неясен, может быть, его можно понять так — „что задумала, то и сделала“.

мьнѣти. Употребляется почти исключительно в имперфекте:

Мар. ев., Ио. 13, 29. „едини мьнѣхъ понеже скриницъ имѣаше иуда“, ἑδόκειον.

Мар. ев., Лук. 19, 11. „занеже тѣ бѣ близъ има і мьнѣхъ ѣко абие хоштеть црствие бжие авити са“, διὰ τό... δοχεῖν.

Мар. ев., Лук. 24, 37. „оубоѣвъше же са и пристрашъни бивѣше мьнѣхъ дхъ видаште“, ἑδόκειον.

Сав. кн., Мф. 20, 10. „пришѣдъшеі прѣвѣ мьнѣхъ си ваце приа“, греческ. аорист ἐνόμισαν. Это расхождение с оригиналом можно, повидимому, объяснить тем, что глагол *мьнѣти* в глаголом состоянии, и, следовательно, от него не было образования аориста. Однако все же один пример аориста встретился в евангельских кодексах:

Мар. ев., Ио. 11, 13. „они же мьнѣша ѣко о оусъпении сѣна глеть“, греческ. аорист ἔδοξαν.

В сущности, по значению этот пример с аористом как будто ничем не отличается от приведенных выше примеров с имперфектом, но так как глагол состояния *мьнѣти* не имел при себе парного глагола для выражения перехода к состоянию, а формы с приставками были далеки по смыслу от основного глагола, то можно предположить, что форма аориста получила значение начала состояния, перехода к состоянию, так что этот текст можно перевести следующим образом: „они подумали“ или „они пришли к мнению“.

сѣмѣти. Преобладает форма имперфекта, так как глагол выражает состояние, а не конкретное действие:

Мар. ев., Лук. 20, 40. „къ томоу же не сѣмѣахо его въпра(ша)ти ничѣ соже“, ἐτόλμων.

Мар. ев., Мр. 12, 34. „і никътоже не сѣмѣаше его къ томоу въпросити“, ἐτόλμα.

Есть и одна форма аориста в аналогичном случае, но в соответствии с греческим аористом:

Мар. ев., Мф. 22, 46. „ни сѣмѣ къто... въпросити его“, ἐτόλμησεν.

Так в Зограф., Мар., Ассем. и Остр. евангелиях, но в Сав. кн. более последовательно употреблен имперфект *сѣмѣаше*, в церковнославянском тексте также имперфект *не сѣмѣаше*. Можно предположить, что с точки зрения старого языка более верной является форма имперфекта. Однако влияние греческого текста, с одной стороны, и начавшееся распространение форм аориста на неопределенные основы — с другой, вызвали к жизни эту форму, которая в данном случае выражает лишь бóльшую решительность высказанной мысли.

плакати и рыдати. Повидимому, относятся к глаголам состояния, от них мы имеем имперфекты:

Сав. кн., Лук. 8, 52. „рыдахъ же вси и плакахъ“, ἔκλαιον, ἐκόπτοντο.

Мар. ев., Ио. 20, 11. „ѣко же плакааше са при niche въ гробъ“, ἔκλαιεν.

Мар. ев., Лук. 23, 27. „ѣже и биѣхъ са и плакаахъ са его“, ἐθρήνου.

Но от этой основы развивается и форма аориста. Так, в Зограф. ев. мы имеем имперфект:

Лук. 22, 62. „и шѣдъ вѣнъ петръ плакаше сѧ горько“; но в Мар. ев. — форма аориста в соответствии с греческ. аористом *ἔκλαυσε* — *плака сѧ*. Повидимому, аорист означает начало состояния, переход к состоянию плача; это видно из следующих примеров:

Сав. кн., Мф. 26, 75. „и шѣдъ вѣнъ плака сѧ“, греческ. аорист *ἔκλαυσε*.

Но в параллельном месте евангелия Марка ясно указывается на начало состояния:

Зограф. ев., Мр. 14, 71. „и начьнъ плакаше сѧ“.

Мар. ев., Мр. 14, 72. „и начатъ плакати сѧ“.

Вполне возможно, что и в Лук. 19, 41 аорист следует понимать как форму, указывающую на начало состояния:

Мар. ев., Лук. 19, 41. „и ѣко приближи сѧ видѣвъ градъ плака сѧ о немъ“, греческ. аорист *ἔκλαυσε*.

Однако аористы в Лук. 7, 32 и параллельно в Мф. 11, 17 имеют значение законченного действия, представленного как одно целое:

Мар. ев., Лук. 7, 32. „рыдахомъ вамъ и не плакасте“, *ἐθρήνησαμεν, οὐκ ἔκλαύσατε*.

Мар. ев., Мф. 11, 17. „плакахомъ вамъ и не рыдасте“, *ἐθρῶνήσαμεν καὶ οὐκ ἐκόψασθε*.

оупъвати. Глагол, по своему значению близкий к *надѣвати сѧ, чаати*, следовательно, должен быть отнесен к глаголам состояния, но формы прошедшего времени не соответствуют этому значению: от этой основы есть и имперфект (одна форма) и аорист (одна или две формы): Мар. ев., Лук. 11, 22. „и всѣ орѣжиѣ его отъметъ на нѣже оупъваше“, греческ. плюсквамперфект *ἐπέποιθε*.

Мар. ев., Ио. 5, 45. „иже на вы глѣтъ мози на негоже вы оупъвасте“. В Зограф. ев. — *упъваете*. В синодальном тексте — *оупъваете*, греческ. перфект *ἠλίπισατε*.

Сав. кн., Мф. 27, 43. „оупъва на ба да избавитъ и нынѣ“, греческ. перфект *πέποιθεν*.

Трудно сказать, какое значение — состояния или действия — является основным.

Как уже говорилось выше, некоторые каузативы на славянской почве получили значение некаузативов. Этому способствовало присоединение к глаголу возвратного местоимения сѧ в роли объекта, действие, таким образом, переходило на субъект, и глагол получал значение состояния. Можно предположить, что таким каузативом был глагол *блзнути*: с возвратным местоимением сѧ в форме имперфекта он встречается в евангельских кодексах и со значением состояния:

Мар. ев., Мф. 13, 57. „и блажнѣхъ сѧ о немъ“, греческ. имперфект *ἔσκανδαλίζοντο*.

В сочетании с приставкой **съ-** в форме аориста он получает значение перехода к известному состоянию соблазна:

Мар. ев., Мф. 15, 12. „ѣко фарисѣи слышавъшеи слово съблзниша сѧ“, греческ. аорист *ἔσκανδαλίσθησαν*.

Однако есть и форма имперфекта с приставкой **съ-** в тексте, параллельном Мф. 13, 57:

Мар. ев., Мр. 6, 3. „и съблзнахъ сѧ о немъ“, греческ. имперфект *ἔσκανδαλίζοντο*.

Судя по содержанию и по одинаковости в обоих случаях греческой форме имперфекта, значение славянской формы имперфекта без при-

ставки в Мф. 13, 57 и с приставкой в Мр. 6, 3 совпадает. Повидимому, редкая в евангельских кодексах основа без приставки *блзнути* постепенно вытесняется новой основой с приставкой *съ-*, встречающейся первоначально с определенным значением, а затем и с неопределенным в форме имперфекта.

Можно предположить, что каузатив *мѣтити*, получив возвратное местоимение *са*, получил и значение состояния. В евангельских кодексах он встречается только с приставкой и с возвратным местоимением в формах аориста со значением перехода к состоянию возмущения:

Мар. ев., Ио. 11, 33. „запрѣти дѣхоу и възмѣти са самъ“, греческ. аорист *ἐτάραξεν*.

Сав. кн., Ио. 12, 27. „нынѣ дѣша мотѣ възмѣти са“, греческ. перфект *τετάραχται*.

Имперфект с приставкой *въз-*, но от основы невозвратной, имеет значение многократного действия:

Мар. ев., Ио. 5, 4. „ѣ възмѣштааше водѣ“, греческ. имперфект *ἐτάρασσε*.

От основы, означавшей первоначально состояние, полученное в результате действия, *мѣтити* — *мѣсти*, — в евангельских кодексах встречаются только формы с приставкой и также со значением перехода к состоянию „смятения“:

Мар. ев., Мф. 14, 26. „ѣ видѣвъше и оученици ходаша по морю съмаша са“, *ἐταράχθησαν*.

Мар. ев., Лук. 1, 29. „она же видѣвъши съмѣте са о словеси его“, *διεταράχθη*.

Мар. ев., Мф. 2, 3. „оуслышавъ же иродъ црѣ съмѣте са“, *ἐταράχθη*.

Мар. ев., Мр. 6, 50. „вси бо видѣша и и възмаша са“, ср. в Зограф. ев. *възмашоша са, ἐταράχθησαν*.

Таким образом, две основы, первоначально различавшиеся как определенная и неопределенная, повидимому, совпали в одном значении, об этом свидетельствует и греческий текст; во всех приведенных примерах в греческом — один и тот же глагол.

В евангельских кодексах встречается ряд форм аориста от основ, которые не имеют имперфекта. Это большею частью основы с приставками. Обычно такой аорист означает начало состояния:

Мар. ев., Мр. 2, 25. „ѣ въззѣла самъ“, греческ. аорист *ἐπέινασεν*.

Мар. ев., Мф. 12, 1. „оученици же его въззѣлаша са“, *ἐπέινασαν*.

Мар. ев., Мр. 11, 12. „въ оутрѣни ишедъшемъ имъ от витаниѣ въззѣла“, *ἐπέινασεν*.

Мар. ев., Мф. 12, 3. „чѣто сътвори двѣ егда въззѣла самъ“, *ἐπέινασεν*.

Мар. ев., Мф. 25, 42. „въждадахъ са и не напоисте мене“, *ἐδίψησα*.

Сав. кн., Лук. 1, 41. „възигра са младенець радоцами въ чрѣвъ еѣ“, *ἐσχίρησεν*.

Переход к состоянию сытости:

Мар. ев., Ио. 6, 12. „ѣ ѣко насытиша са глѣ“, *ἐνεπλήσθησαν*.

Мар. ев., Лук. 9, 17. „ѣ ѣса и насытиша са вси“, *ἐχορτάσθησαν*.

Воспоминание о чем-нибудь, как конкретное единичное действие, как бы переход к состоянию „памятования“, выражается аористом от основы с носовым суффиксом *помѣнѣти*.

Мар. ев., Мф. 26, 75. „и помѣнѣ петръ глѣ исоусовъ“, *ἐμνήσθη*.

Мар. ев., Мф. 27, 63. „помѣнѣхомъ ѣко льстыць онъ рече“, *ἐμνήσθημεν*.

Мар. ев., Лук. 24, 8. „ѣ помѣнѣша глѣ его“, *ἐμνήσθησαν*.

Мар. ев., Ио. 2, 17. „помѣнѣша же оученици его“, *ἐμνήσθησαν*.

Обратное действие — переход к состоянию забвения — передается аористом от основы *забыти*:

Мар. ев., Мф. 16, 5 и Мр. 8, 14. „забыша хлѣбы възати“, ἐπελάθοντο.

Переход к состоянию, выражаемому глаголом *схнѣти*, передается формами аориста с приставками:

Мар. ев., Мф. 13, 6. „і зане не имѣхъ корениѣ исъхъ“, ἐξηράνθη.

Мар. ев., Мф. 21, 19. „і абѣ исъше смоковница“.

Мар. ев., Мф. 21, 20. „дивиша са гаште како абѣ оусъше смоковница“.

Мар. ев., Мр. 4, 6. „і зане не имѣше корениѣ оусъше“.

Мар. ев., Лук. 8, 6. „а другое паде на камене и прозабъ оусъше“.

Мар. ев., Мр. 4, 6 и Мф. 13, 6. „слънцоу же въсифвъшю присваде“, ἐκχυμίσθη.

Переход к состоянию горения:

Мар. ев., Лук. 12, 49. „что хоштѣ аште тѣже и възгорѣ са“, ἀνήθη.

Переход к состоянию ожирения:

Мар. ев., Мф. 13, 15. „отлъстѣ бо срѣде людеи сихъ“, ἐπαχύνθη.

Отдельные душевные движения, как бы переход к известному душевному состоянию, выражаются аористом от основ с приставками и без приставок:

Сав. кн., Ио. 21, 17. „оскрѣбѣ же петръ“, греческ. аорист ἐλυπήθη.

Мар. ев., Мф. 18, 31. „сѣжалиша си зѣло“, ἐλυπήθησαν.

Мар. ев., Мф. 9, 36. „видѣвъ же народѣи исъ милосрдва о нихъ“, ἐσπλαγχίσθη.

Мар. ев., Мр. 10, 14. „видѣвъ же исъ негодова і гла имъ“, ἠγανάκτησεν.

Мар. ев., Мф. 21, 15—16. „негодоваша и рѣша емоу“, ἠγανάκτησαν.

Мар. ев., Мф. 26, 8. „видѣвъше же оучениди его негодоваша“.

Мар. ев., Лук. 11, 32. „и осѣдаты и ѣко покаша са“, μετενόησαν.

Есть один пример аориста от основы без приставки, имеющей значение состояния (см. об этом выше).

Мар. ев., Мр. 2, 25. „что сътвори давдъ егда трѣбова“, ὅτε χρεῖαν ἔσχεν.

Повидимому, это новообразование, аорист здесь имеет значение конкретного определенного состояния — „что сделал Давид, когда это ему понадобилось“.

Итак, при глаголах состояния имперфектом обозначается состояние, аористом — конкретное, единичное действие, вызывающее переход к данному состоянию. Первоначально формы имперфекта образовывались только от основ неопределенных со значением состояния, а формы аориста — от основ определенных. Но затем отношения постепенно изменяются. Форма аориста, как очень продуктивная, становится возможной от некоторых глаголов состояния, в таком случае она придает этим основам свое значение начала состояния или ею дается представление о состоянии, как о чем-то завершеном, целом. Форма имперфекта, образуемая от определенной основы с приставкой, большей частью получает значение итеративного действия или действия, представленного, как состояние.

2. ГЛАГОЛЫ ЧУВСТВА (VERBA SENTIENDI)

Данная группа глаголов по значению и по своим основам относится к предшествующей группе глаголов состояния, но по образованию форм прошедшего времени она значительно от нее отличается. Это глаголы, означающие физические чувства и различные душевные движения.

зърѣти. Как по своей основе на **-ѣ-**, так и по своему значению относится к глаголам состояния. Но в евангельских кодексах он встречается только один раз в форме имперфекта:

Мар. ев., Мр. 15, 47. „мариѣ же магдалини і мариѣ иосиова зърѣшете кѣде и полагаахъ“, греческ. имперфект ἐδεώρου. Здесь действие представляется как состояние.

Аорист от глагола **зърѣти** встречается с различными приставками. С приставкой **оу-** означает переход к состоянию „зрения“, как результат действия:

Сав. кн., Мф. 26, 71. „ишѣдъши же емоу прѣдъ врата оузърѣ і дрѣгаа“, греческ. аорист εἶδεν.

Сав. кн., Лук. 15, 20. „оузърѣ и оцѣ его“, εἶδεν.

Мар. ев., Мр. 1, 19. „і прѣшедъ отъ тѣдоу оузърѣ иѣкова“, εἶδεν.

Мар. ев., Мр. 8, 25. „и оузърѣ всѣа свѣтло“, ἐνέβλεψε.

Мар. ев., Ио. 1, 36. „і оузърѣ иса градѣшта“, греческ. причастие ἐμβλέψας.

Мар. ев., Ио. 6, 19. „гребѣше же . . . оузърѣша иса“, θεωροῦσιν.

Один пример с приставкой **въз-** с оттенком мгновенного действия; приставкой определяется и направленность действия вверх:

Мар. ев., Лук. 22, 61. „обращѣ са гѣ възърѣ на петра“, ἐνέβλεψε, т. е. „взглянул“.

Много примеров с приставкой **про-** и со значением перехода к состоянию „зрения“, обретения способности видеть:

Мар. ев., Лук. 18, 43. „и абие прозърѣ“, ἀνέβλεψε.

Мар. ев., Ио. 9, 11. „шедъ же и оумывъ са прозърѣхъ“, ἀνέβλεφα.

Приставка **при-** вносит новый оттенок:

Сав. кн., Лук. 1, 48. „такѣ призърѣ на сѣмѣрение рабы своеа“, ἐπέβλεψεν.

Есть и формы имперфекта от основы **зърѣти** с приставками. Приставки присоединяются к удлинённой основе **-зира-** или к обычной **-зърѣ-**. Формы имперфекта означают в данном случае известное состояние или многократное действие:

Мар. ев., Ио. 13, 22. „сѣзирахъ же са между собоѣ оученици“, ἔβλεπον — многократное действие.

Сав. кн., Мр. 3, 2. „и назирахъ і аце въ сѣботѣ исцѣлѣти“, παρητήρου.

Зограф. ев., Лук. 6, 7. „назираахъ і кнѣжнѣници“, Мар. ев.— „назърѣахъ“, παρητήρουτι — наблюдали.

Зограф. ев., Мр. 7, 2. „и видѣша етери отъ оученикѣ его нечистами рѣкама . . . ѣдѣшта хлѣбѣ зазърѣахъ“, греческ. аорист ἐμέψαγτο.

Эта форма имперфекта, образованная от основы **-зърѣти-** с приставкой, вызывала недоумение у лингвистов, ее считали формой имперфекта совершенного вида. Мейе¹ высказал предположение, что это, вероятно, описка, здесь должен быть аорист **ззърѣша** в соответствии с греческим аористом. Но, повидимому, основа эта с приставкой **за-** выражала состояние неудовольствия, смущения, и поэтому имперфект был более подходящим, чем аорист, вот почему переводчик отступил от оригинала. Но не могла данная форма имперфекта быть формой совершенного вида, поскольку вид еще не развился. Имперфект совершенного вида в поздних старославянских памятниках имел специфическое значение, такого значения евангельская форма **ззърѣахъ** не имеет.

Почему же не удлинялась основа? В то время как другие приставки, как мы уже видели выше, делали глагол **зърѣти** определенным глаголом действия, приставка **за-**, сочетаясь с основой **-зърѣти-**, сохраняла

¹ Meillet. Etudes sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, стр. 36.

за ней значение состояния. Имперфект с другими приставками мог образоваться только от удлиненной итеративной основы **-зира-**.

Глагол *видѣти* по своей основе на **-ѣ-** (ѣ) относится к глаголам состояния, но простой глагол, выражавший действие, утрачен (от него сохранилось лишь пов. накл. *виждь*) (см. Ульянов, „Значение глагольных основ“, ч. 1, стр. 93), поэтому глагол *видѣти* стал употребляться в роли простого определенного глагола действия. Об этом свидетельствует почти исключительное употребление этого глагола в аористе с конкретным значением действия, а также более позднее образование от него (в русском языке) неопределенного глагола *видать*¹.

Вандриес в своем исследовании глаголов, означающих зрение, относит индоевропейский корень ***weid**, из которого получился греческий аорист $\epsilon\iota\delta\epsilon\iota\nu$, латинский глагол *videre* и старославянское *видѣти*, к глаголам, означающим способность восприятия зрения или состояние видения². Это древнее значение особенно проявляется в латинском глаголе *videre*, который относится к спряжению глаголов на **-ere-**, означающих состояния. Он раньше был безличным (стр. 197). Некоторые безличные глаголы сохранили свои безличные формы надолго. Но вообще существует тенденция делать их личными. Так, глагол *olere* означал раньше „воспринимать запах“, а глагол *olere* — активное действие — „выделять запах“. Затем *olere* становится личным глаголом и соединяет в себе два значения: „воспринимать“ и „выделять запах“. Как и *olere*, глагол *videre* первоначально имел также значение глагола состояния, но в дальнейшем он становится личным и означает активное действие (ук. соч.).

Характерным для *videre* является его неспособность соединяться с приставками. Приставки, отмечающие различные оттенки зрительного процесса, естественно соединяются с глаголами действия. Глагол, выражающий способность восприятия, неохотно допускает их присутствие. Глагол с приставкой *invidere* — „завидовать“, „ненавидеть“ — означает состояние души, вызванное кем-либо. В литовском языке ему соответствует сложный глагол *pavydėti* — „ненавидеть“, „завидовать“.

Поразительно сходно положение славянского глагола *видѣти*. Несомненно, он относился сначала к глаголам состояния, поэтому он также почти не соединяется с приставками. Единственные сложные образования — *завидѣти* и *ненавидѣти* — это глаголы состояния, далекие по смыслу от *видѣти* (как лат. *invidere* и литовск. *pavydėti*). Но затем, вследствие утраты простого глагола, *видѣти* становится активным глаголом действия, поэтому в формах прошедшего времени почти исключительно встречается аорист. Имперфект от этого глагола в евангельских кодексах встретился всего только в трех примерах, всюду он соответствует в греческом тексте имперфекту:

Мар. ев., Мр. 3, 11. „егда видѣахъ и дси нечисти припадаахъ къ нему и въпиахъ“, $\epsilon\iota\delta\epsilon\iota\sigma\theta\epsilon\iota\varsigma$, имеется в виду многократно повторяющееся действие.

Мар. ев., Ио. 6, 2. „и по немъ идѣаше народъ многоъ ѣко видѣахъ знаменіи ѣже творѣше“, греческ. причастие наст. вр. $\epsilon\iota\delta\omega\sigma\alpha\varsigma$, — форма имперфекта вызвана тем, что действие представлено как собирательное.

В третьем примере, несмотря на греческий имперфект, в Зограф. ев. — причастие прош. вр. *видѣвъ* и только в Мар. ев. — имперфект:

¹ См. A. Mazon. *Emplois des aspects du verbe russe*. Paris, 1914, стр. 103.

² См. Vendryes. *Communication sur les verbes qui expriment l'idée de voir*. „Comptes rendus de L'Académie des inscriptions...“, 1932, стр. 196.

Мр. 12, 41. „*ī* сѣдъ *исъ*... видѣше како народъ мететь мѣдъ“, *ἐδεώρετ*. Здесь действие представлено как состояние, как длительный процесс.

Четвертый пример греческого имперфекта на славянский передан аористом:

Сав. кн., Лук. 10, 18. „рече же имъ видѣхъ сотонѣ яко мълниѣ съ нбе съпадѣша“, *ἐδεώρουv*.

Хотя форма 1-го лица аориста совпадает с формой стяженного имперфекта, но значение однократного действия указывает на аорист; ср.

Мар. ев. Ио. 1, 32. „ѣко видѣхъ дхъ съходящъ“, греческ. перфект *τεδέαμαι*;

Мар. ев., Ио. 18, 26. „не азъ ли та видѣхъ въ вртѣ“, греческ. аорист *εἶδov*.

Если не считать этих примеров, обычное значение аориста — это конкретное единичное действие, совершившееся в определенный момент прошлого:

Мар. ев., Лук. 24, 12. „и приникъ видѣ ризы едины лежаша и иде“, греческ. наст. вр. *βλέπει*.

Мар. ев., Ио. 21, 20. „обращъ же сѧ петръ видѣ оученика“, *βλέπει*.

Мар. ев., Ио. 21, 9. „видѣша огонь“, греческ. наст. вр. *βλέπουσιν*.

Мар. ев., Мр. 9, 8. „и вънезапѣ възрѣвъше никогоже не видѣша“, *εἶδov*.

Мар. ев., Лук. 7, 22. „шѣдѣша възвѣстита иоанови ѣже видѣста“, *εἶδεται*.

Мар. ев., Лук. 23, 55. „въ слѣдъ же шѣдѣша жены... видѣша гробъ“, греческ. аорист *ἐδεάσαντο*.

Мар. ев., Ио. 1, 48. „видѣ же *исъ* натанаилѣ.. гла емоу“, *εἶδεν*.

Мар. ев., Ио. 1, 49. „сѣшта подѣ смоковьницеѣ видѣхъ та“, *εἶδov*.

Сав. кн., Лук. 2, 30. „яко видѣсте очи мои спение твое“, *εἶδov*.

Сав. кн., Мр. 1, 10. „и видѣ разводаца сѧ нбса“, *εἶδεν*.

Сав. кн., Мф. 9, 9. „мимоиды *исъ* видѣ члка сѣдаца на мытьници“, *εἶδεν*.

Мар. ев., Мф. 4, 16. „людикъ сѣдаци въ тмѣ видѣша свѣтъ велии“, *εἶδεν*.

Сав. кн., Мф. 2, 11. „и въшѣдѣше же въ храмнѣ видѣша отроча“, *εἶδov*.

Сав. кн., Мф. 2, 2. „видѣхомъ бо звѣздѣ его на вѣстоцѣ“, *εἶδομεv*.

Мар. ев., Ио. 20, 8. „тѣгда же въниде и друугы оученикъ... и видѣ и вѣрова“, *εἶδεν*.

Зограф. ев., Мр. 1, 16. „хода же при мори галилеисцѣмъ видѣ симона“, *εἶδεν*.

Сав. кн., Ио. 19, 33. „на *иса* же пришѣдѣше яко видѣша и юже ѣмръша. не прѣбиша емоу голѣнию“, *εἶδov*.

Мар. ев., Ио. 1, 14. „и видѣхомъ славѣ его“, *ἐδεασάμεθα*.

В некоторых случаях имеется в виду не одно конкретное действие, а действие собирательное, представленное, как одно целое:

Сав. кн., Мф. 25, 37—38. „когда же та видѣхомъ странна когда та видѣхомъ альчѣща“, *εἶδομεv, ἐώραχασιν*.

Сав. кн., Мр. 2, 12. „яко николиже тако видѣхомъ“, *εἶδαμεv*.

Мар. ев., Ио. 14, 9. „видѣвы ма видѣ отѣца“, *ἐώρακεv*.

Мар. ев., Ио. 1, 18. „ба никѣтоже не видѣ николиже“, *ἐώρακεv*.

Мар. ев., Мф. 13, 17. „ѣко мнози прѣци .. възделѣша видѣти ѣже видите и не видѣша“, *οὐκ εἶδαν*.

Но таких случаев немного.

Часто с помощью форм аориста от глаголов *видѣти* и *оузырѣти* переводятся одни и те же греческие формы: аорист εἶδον и наст. историч. βλέπει, θεωρεῖ. Это указывает на то, что между формой *видѣ* и *оузырѣ* не было существенной разницы, формы с приставкой были несколько точнее, ограниченнее и представляли отдельное конкретное действие, в то время как формы без приставок могли давать представление и о собирательном действии.

слышати — слоушати. Хотя в греческом языке один и тот же глагол ἤκουειν, славянский переводчик дает различные глаголы: *слышати*, *оуслышати*, *слоушати*, *послоушати*.

Слышати — такой же производный глагол, как и *видѣти*, однако так как простого глагола не сохранилось, он употребляется в значении глагола действия, хотя может означать и состояние. Употребляется в форме аориста и имперфекта.

Имперфект встречается со значением состояния:

Сав. кн., Лук. 10, 39. „и се еѣ сѣстра именемъ маріѣ ꙗже и сѣдѣши при ногу исоу слышаше слово его“, греческ. имперфект ἤκουεν, или со значением многократного действия:

Мар. ев., Лук. 23, 8. „бѣ бо желѣа... видѣти зане слышаше многа о немъ“, διὰ τὸ ἤκουειν.

Мар. ев., Мр. 6, 55. „и начася приносити на одрѣхъ болацѣа идеже слышаахъ и ѣко тоу естъ“, ἤκουον.

В следующих двух примерах употребление формы имперфекта неясно:

Сав. кн., Лук. 16, 14. „слышахъ же си вса фарисеѣ“, ἤκουον.

Мар. ев., Мр. 11, 14. „рече еѣ къ томоу отъ тебе.. никтоже плода не сънѣсть слышаахъ же оученици его“, ἤκουον.

Здесь речь идет как будто о конкретных случаях, и они по своему значению ничем не отличаются от аналогичных примеров с аористом, ср.:

Мар. ев., Ио. 7, 32. „слышаша же фарисѣѣи народъ“, ἤκουσαν.

Это смешение значений происходит, вероятно, потому, что один и тот же глагол употреблялся в функции глагола действия и глагола состояния. Однако аорист встречается значительно чаще, чем имперфект. Между аористом от основы *оуслышати* и аористом от *слышати*, повидимому, особого различия в значении нет, так как большей частью в греческом оригинале находим одну и ту же форму:

Мар. ев., Мр. 6, 14. „и оуслыша... црѣвь иродѣ слоухъ исвъ“, ἤκουσεν.

Мар. ев., Лук. 9, 7. „слыша же иродѣ... бываѣжштаа“, ἤκουσεν.

Сав. кн., Ио. 11, 6. „егда же оуслыша ꙗко болить тогда прѣбывѣсть...“.

Остр. ев. вариант: „слыша“, ἤκουσεν.

Мар. ев., Ио. 19, 8. „егда же слыша пилать се слово паче оубоѣ са“, ἤκουσεν.

Мар. ев., Мф. 13, 15. „и оушима тажъко слышаша і очи свои съмѣжиша“, ἤκουσαν.

Зограф. ев. вариант — *оуслышаша*.

Сав. кн., Ио. 12, 18. „ꙗко слышаша і створѣша се знаменне“, ἤκουσαν.

Ассем. ев. вариант: *оуслышаша*.

Мар. ев., Ио. 9, 35. „слыша ис ѣко изгѣнаша и вонѣ“, ἤκουσεν.

Мар. ев., Ио. 11, 41. „отчѣ хвалѣ тебѣ въздаѣ ѣко оуслыша ма“, ἤκουσας.

Варианты разных текстов и одинаковая форма греческого оригинала указывают на одинаковое значение формы с приставкой и без приставки, так как и в том и в другом случае мы имеем определенное действие, только приставка несколько уточняет и ограничивает смысл

глагола. Однако иногда форма с приставкой делается недопустимой. Так, например, греческий перфект переводится формой только без приставки:

Мар. ев., Ио. 5, 37. „ни гласа его никъдеже слышасте“, ἀκηκόατε.

В этом и в последующих примерах аорист представляет действие собирательно, суммарно.

Мар. ев., Мф. 5, 43. „слышасте ъко речено есть“, ἤκουσατε.

Мар. ев., Ио. 8, 26. „і азъ ъже слышахъ отъ него си гла҃хъ“, ἤκουσα.

Суммарность, собирательность действия делает невозможным употребление приставки, придававшей глаголу большую конкретность.

Это значение аориста указывает на тот путь, по которому пошло развитие нового представления о действии: не только как о действии единичном или способности к действию, но и как о действии, представленном в его эволюции, и о действии, как о чем-то целом. Причем при одинаковых формах аориста в греческом переводчик различает случаи, когда имеется в виду действительно единичное действие (тогда довольно часто встречается приставка), и случаи, когда является суммарное представление о действии (тогда приставки нет).

Глагол *слушати* в прошедшем времени встречается только с приставкой **по-** в двух примерах: в одном — в форме аориста, в другом — имперфекта:

Мар. ев., Мр. 12, 37. „і мнози народи послушаахъ его въ сласть“, ἤκουον.

Мар. ев., Ио. 10, 8. „вси еликоже ихъ приде прѣжде мене татіе сѣтъ. . . нъ не послушаша ихъ овѣца“, οὐκ ἤκουσαν.

В греческом тот же глагол: ἀκούω, однако в славянском *слушати*, в отличие от *слышати*, означает добровольную деятельность, известное поведение. Можно предположить, что *слушати* был глаголом неопределенным. Насколько изменяла его значение приставка **по-**, по двум примерам судить трудно. Однако представление о действии, как о целом, в примере с аористом и возможность образования имперфекта от основы с приставкой наводят на мысль, что эта приставка не имела для данного глагола детерминирующего значения.

вѣровати. Отыменный глагол, с нашей точки зрения, означает душевное состояние. Однако в евангельских текстах он встречается в двух функциях: действия и состояния. В формах прошедшего времени преобладает первое значение, так как значительно чаще встречаются формы аориста, чем имперфекта. Аорист от основы *вѣровати* означает переход к состоянию веры, связанный с изменением в поведении человека:

Мар. ев., Ио. 4, 53. „і вѣрова самъ и весь домъ его“, греческ. аорист ἐπίστευσα, т. е. „уверовал“.

Мар. ев., Ио. 4, 41. „і много паче вѣроваша за слово его“, ἐπίστευσαν.

Мар. ев., Ио. 4, 39. „отъ града же того мнози вѣроваша въ него отъ самарѣнъ“, ἐπίστευσαν.

Мар. ев., Ио. 2, 23. „егда же бѣ въ имѣхъ. . . мнози вѣроваша въ іма его“, ἐπίστευσαν.

Мар. ев., Ио. 2, 11. „і ѣви славъ своѣ і вѣроваша во нь оученици его“.

Сав. кн., Ио. 11, 45. „мнози же отъ иудей пришѣдъшеи къ мари и видѣвъше еже створи іс вѣроваша въ него“, ἐπίστευσαν.

Мар. ев., Ио. 12, 42. „обаче оубо и отъ кѣназѣ мнози вѣроваша въ него“.

Мар. ев., Ио. 7, 31. „отъ народа же мнози вѣроваша во нь“.

Мар. ев., Ио. 3, 18. „а не вѣроуѣи юже осѣжденъ естъ ѣко не вѣрова
в ѿмѣ“, *πεπίστευθεν*.

Мар. ев., Ио. 7, 48. „еда кто отъ кѣназь вѣрова во нь“, *ἐπίστευσεν*.

Иногда аорист означает действие как конкретный, определенный факт:

Мар. ев., Ио. 20, 29. „ѣко видѣвъ мѣ вѣрова“, греческ. перфект *πεπίστευκας*.

Сав. кн., Мф. 8, 13. „иди ѿко вѣрова да бѣдетъ ти“, *ἐπίστευσας*.

Сав. кн., Мр. 1, 20. „и се бѣдеша мѣлча зане не вѣрова словесемъ моимъ“. На имперфект примеров мало. В одном примере имперфект выражает не состояние, а многократное действие перехода к вере:

Сав. кн., Ио. 12, 11. „мнози его ради идѣхѣ юдеи и вѣровахѣ въ исѣ“, *ἐπίστευον*.

В двух других случаях перед имперфектом стоит отрицание, таким образом, имперфектом выражается состояние неверия:

Мар. ев., Ио. 7, 5. „ни братрѣ бо его вѣровахѣ въ него“, *ἐπίστευον*.

Мар. ев., Ио. 12, 37. „толика же знаменіѣ сѣтворишю емоу прѣдѣ ними не вѣровахѣ во нь“, *οὐκ ἐπίστευον*.

Однако, так как один глагол для двух значений — действия и состояния — был неудобен, создается описательный оборот с более конкретным значением перехода к вере — *вѣрѣ ѿти*:

Сав. кн., Лук. 1, 45. „и блажена ѿже вѣрѣ ѿтъ“, *ἡ πιστεύσασα*. Однако в Остр. ев. „яже вѣрова“.

Мар. ев., Мф. 21, 32. „приде бо иоанѣ. . . и не ѿсте емоу вѣры мытаре же. . . ѿсѣ емоу вѣрѣ“, *ἐπίστευσαν*.

Мар. ев., Мф. 21, 26. „по чѣто оубо не ѿсѣ емоу вѣры“, *ἐπιστεύσατε*.

Одинаковый греческий оригинал при разных переводах указывает на то, что смысл славянской формы аориста *вѣрова* и описательной формы *вѣрѣ ѿтъ* был приблизительно одним и тем же.

оумѣти. Повидимому, относился к глаголам состояния, есть только одна форма имперфекта от этого глагола:

Мар. ев., Мр. 14, 40. „бѣашете бо имѣ очи таготнѣ и не оумѣхѣ чѣто бѣ отвѣштали“, греческ. перфект *ἤδεισαν*.

Но глагол этот употребляется очень редко. Глагол определенный с приставкой **раз-** — *разоумѣти*, означавший первоначально переход к состоянию знания, умения, получает самостоятельное значение и поэтому должен быть рассмотрен в данной группе глаголов. Форм имперфекта от этого глагола нет. Аорист имеет значение конкретного единичного действия:

Мар. ев., Ио. 8, 27. „и не разоумѣша ѣко отѣца имѣ глааше“, *οὐκ ἔγινωσαν*.

Мар. ев., Ио. 8, 52. „нынѣ разоумѣхомъ ѣко бѣсѣ имаша“, *ἐγνώκαμεν*.

Ио. 4, 53. „разоумѣ же оцѣ ѣко тѣ бѣ часъ“, *ἔγινω*.

Мар. ев., Лук. 20, 19. „разоумѣша бо ѣко къ нимѣ рече притѣчѣ сиѣ“, *ἔγινωσαν*.

Мар. ев., Лук. 1, 22. „и разоумѣша ѣко видѣние видѣ въ цркви“, *ἐπέγινωσαν*.

Мар. ев., Мф. 17, 13. „тѣгда разоумѣша оученици ѣко о иоанѣ крѣстители рече имѣ“, *συγγινωσαν*.

Сав. кн., Ио. 16, 19. „разоумѣ же ис ѿко хотѣхѣ и въпрашати“, *ἔγινω*.

Сав. кн., Ио. 12, 9. „разоумѣ же народъ многъ отъ юдеи ѿко тоу естъ“, *ἔγινω*.

Сав. кн., Ио. 17, 28. „и ти приаша и разоумѣша въ истинѣ“, *ἔγινωσαν*.

ДВИТИ. Переходной глагол по своей форме и, вероятно, по значению относился к каузативам, но, получив возвратное местоимение *СА*, стал глаголом состояния. В евангельских текстах от него нет образований с приставками. Значение конкретного действия, повидимому, еще не утратилось, поэтому он встречается в формах аориста и имперфекта.

Различие между имперфектом и аористом в том, что аористом выражается отдельный конкретный случай, при имперфекте — такой конкретности нет:

Сав. кн., Мф. 8, 10. „слышавъ же ис диви *СА* емоу“, греческ. аорист *ἐθαύμασεν*.

Мар. ев., Мр. 15, 44. „пилать же диви *СА* аште оуже оумърѣтъ“, *ἐθαύμασεν*.

Мар. ев., Мр. 6, 6. „и диви *СА* за невѣрство ихъ“, *ἐθαύμαζεν*.

Сав. кн., Лук. 2, 18. „и вси слышавъшеи дивиша *СА* о гланыхъ“, *ἐθαύμασαν*.

Мар. ев., Мф. 21, 20. „и видѣвъше оученици дивиша *СА* глште“, *ἐθαύμασαν*.

Сав. кн., Мф. 22, 21. „и слышавъше дивиша *СА*“, *ἐθαύμασαν*.

Сав. кн., Лук. 2, 48. „и видѣвъша и дивиста *СА*“, *ἐξεπλήγησαν*.

Имперфект употребляется только в 3-м лице множественного числа и означает состояние удивления вообще:

Сав. кн., Мр. 2, 12. „и дивлѣхъ *СА* вси и славлѣхъ ба“, *ὅστε ἐξίστασθαι*.

Сав. кн., Лук. 9, 43. „дивлѣхъ же *СА* народи“, *ἐξεπλήθησαν*.

Мар. ев., Мф. 22, 33. „и слышавъше народи дивлѣхъ *СА* о оучении его“.

Мар. ев., Мф. 12, 23. „и дивлѣхъ *СА* вси народи глѣжце“, *ἐξίσταντο*.

Мар. ев., Мр. 6, 2. „и мнози слышавъше дивлѣхъ *СА* глѣжце“, *ἐξεπλήθησαν*.

Мар. ев., Мр. 5, 20. „и начатъ проповѣдати... и вси дивлѣхъ *СА*“, *ἐθαύμαζον*.

Мар. ев., Мф. 7, 28. „егда съконьча исъ всѣъ словеса си дивлѣхъ *СА* народи“, *ἐξεπλήθησαν*.

Мар. ев., Мр. 1, 22. „и дивлѣхъ *СА* о оучении его“, *ἐξεπλήθησαν*.

Сав. кн., Мр. 7, 37. „и лихо дивлѣхъ *СА*“.

Мар. ев., Лук. 4, 22. „и дивлѣхъ *СА* о словесехъ“, *ἐθαύμαζον*.

ОУЖАСИТИ. Каузативный глагол также выражает конкретный определенный факт:

Мар. ев., Лук. 24, 22. „нъ и жены едины. оужасиша ны“, *ἐξέστησαν*.

В соединении с возвратным местоимением *СА* он получает значение глагола состояния. Имперфектом выражается состояние ужаса в прошедшем:

Мар. ев., Мр. 6, 51. „и зѣло излиха въ себѣ дивлѣхъ *СА* и оужасахъ *СА*“, *ἐξίσταντο*.

Мар. ев., Мр. 10, 24. „оученици же оужасахъ *СА* о словесехъ его“, *ἐθαμβοῦντο*.

В сочетании с суффиксом **-н-** этот глагол получает значение конкретного единичного случая, в форме аориста выражает переход к состоянию ужаса:

Мар. ев., Мр. 5, 42. „и оужаснѣша *СА* оужасомъ велиемъ“, греческ. аорист *ἐξέστησαν*.

Мар. ев., Мр. 9, 15. „и абѣ всѣъ народъ видѣвъше и оужасъ *СА*“, *ἐξεθαμβήθησαν*.

Мар. ев., Мр. 16, 5. „и вѣзъша въ гробъ видѣша юношѣ сѣдѣшъ... и оужасѣ сѣ“, ἐξέθαμβήθησαν.

Мар. ев., Мр. 1, 27. „и оужасѣ сѣ всѣ...“, ἐθαμβήθησαν.

чюдити сѣ. То же можно сказать и о глаголе *чюдити сѣ*. Аорист выражает конкретный случай:

Сав. кн., Лук. 7, 9. „слышавъ же се ис чюди сѣ емоу“, ἐθαύμασεν.

Однако в других примерах различие между имперфектом и аористом неяркое:

Мар. ев., Мф. 8, 27. „члвци же чюдиша сѣ глце“, ἐθαύμασαν.

Мар. ев., Лук. 1, 21. „и бѣша людѣ жидѣще захариа і чюждаахѣ сѣ еже къшнѣаше тѣ въ цркъве“, ἐθαύμαζον.

Мар. ев., Ио. 4, 27. „и тѣгдаже придѣ оученици его і чоуждаахѣ сѣ ѣко съ женоѣ глааше“, ἐθαύμαζον.

Таким образом, повидимому, различие между этими примерами чисто субъективное. Является ли это точным переводом греческих форм, или это — отражение новых языковых черт? Так как в других местах переводчик очень часто отступал от оригинала, то следует предположить, что греческий оригинал в данном случае не противоречил языковому чутью переводчика, и в этих формах уже отражалось субъективное представление о действии, что было началом развития новых видовых отношений.

Итак, в этой группе соединяются старые глаголы состояния (*зѣрѣти, видѣти, слышати, слоушати, оумѣти*), некоторые отыменные образования (*вѣровати*, может быть, *чюдити сѣ*) и старые каузативы, получившие возвратное местоимение и перешедшие к группе глаголов состояния (*дивити сѣ, оужасити сѣ*).

Некоторые старые производные глаголы состояния (как *видѣти, слышати*) утратили свои простые глаголы, означавшие конкретное действие, и вследствие этого сами стали означать определенное действие (может быть, этому способствовало существование таких неопределенных синонимических глаголов, как *зѣрѣти* для *видѣти* и *слоушати* для *слышати*). Однако и эти глаголы, как увидим из дальнейшего, могли обозначать состояние.

Старые каузативы с определенным значением, перейдя к глаголам состояния, все же сохраняли в некоторых случаях оттенок определенного значения, поэтому от них было возможно образование аориста. Отыменное образование (*вѣровати*) соединяло в себе два значения — действия и состояния.

Таким образом, большинство глаголов этой группы совмещает в себе обе функции действия и состояния. Это создает сложные отношения между формами прошедшего времени. В большинстве случаев возможно образование и имперфекта и аориста от одной и той же основы со специфическим для каждой из этих форм значением.

3. ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ

Отношения определенности и неопределенности между глаголами движения восходят к индоевропейской эпохе. Как уже говорилось выше, индоевропейские языки отражают эти отношения, ср. греческ. φέρω — φερέω, балт. *nėsioti—nėsti, bradāt—brist*.

Первоначально, повидимому, различие между *ити—ходити, нести—носяти* было различием между конкретным движением в определенном направлении и способностью к движению вообще.

В русском языке эта группа глаголов, помимо разделения на виды, сохранила архаическое деление на глаголы определенного движения и неопределенного. В старославянских памятниках эти глаголы также лучше других отражают древние отношения между определенными и неопределенными основами.

Сначала, повидимому, имперфект мог образоваться только от неопределенных основ, аорист — только от определенных, но уже в старославянских памятниках имперфект может образоваться от определенных основ без приставок, тогда как аориста от неопределенных основ и имперфекта от определенных основ с приставками еще не встречается. В поздних старославянских памятниках, а также в памятниках отдельных славянских языков такие формы появляются.

Рассмотрим отдельные глаголы:

бѣжати—бѣгати. В прошедшем времени встречается только глагол определенного действия *бѣжати* и только в аористе, который означает единичное конкретное действие, совершившееся в определенный момент прошлого:

Зограф. ев., Лук. 8, 34. „видѣвъше же пасъци бѣвъшее бѣжаша“, греческ. аорист ἔφυγον.

Сав. кн., Мф. 26, 56. „тогда оученици вси оставльше бѣжаша“, ἔφυγον.
Мар. ев., Mr. 14, 52. „онъ же оставъ плаштаницъ нагъ бѣжа отъ нихъ“, ἔφυγεν.

Мар. ев., Mr. 16, 8. „и шедъша бѣжаша отъ гроба“, ἔφυγον.

вести—водити. Глагол определенного действия *вести* встречается в форме аориста без приставок и с различными приставками в значении отдельного конкретного действия, совершившегося в прошлом:

Мар. ев., Лук. 4, 9. „и веде и въ имъ“, греческ. аорист ἦγαγεν.

Мар. ев., Лук. 4, 29. „и вѣса и до врѣху горы... да бѣ и низъринжли“, греческ. аорист ἦγαγον.

Мар. ев., Mr. 14, 53. „и вѣса иса къ архиереови“, ἀπήγαγον.

Сав. кн., Мф. 26, 57. „воини имъше иса ведоша и къ каицафъ“, ἀπήγαγον.

Сав. кн., Ио. 19, 16. „они же поимъше и ведоша въ преторъ“, ἀπήγαγον.

Приставки с глаголом *вести* имеют пространственное значение, указывают более точно направление движения:

Мар. ев., Лук. 22, 54. „и вѣвѣса и въ домъ архиереовъ“, εισηγαγον.

Сав. кн., Мф. 25, 43. „страннь бѣхъ и не введесте мене“, συνήγαγετε.

Сав. кн., Ио. 11, 41. „ис же възведе очи свои горѣ“, греческ. аорист ἦρεν.

Мар. ев., Лук. 4, 5. „и възведе и диаволь на горѣ высокѣ“, греческ. аористное причастие ἀναγαγών.

Мар. ев., Мф. 17, 1. „пожатъ ис петра и иѣкова и иоана... и възведе ѿ на горѣ“, греческ. наст. вр. ἀναφέρει.

Сав. кн., Ио. 19, 13. „пилать же... изведе вьнь иса“, ἦγαγεν.

Мар. ев., Mr. 1, 12. „и абѣ дхъ изведе и въ поустьинѣ“, ἐκβάλλει.

Мар. ев., Mr. 8, 23. „изведе и вьнь изъ вьси“, ἐξήνεγκεν.

Сав. кн., Mr. 15, 20. „и изведоша и да и распяжтъ“, ἐξάγουσιν.

Сав. кн., Mr. 15, 22. „и приведоша на мѣсто“, φέρουσιν.

Сав. кн., Мф. 17, 16. „и приведохъ его къ оученикомъ твоимъ“, προσήνεγκα.

Сав. кн., Мф. 21, 7. „приведоста осла и жрѣба“, ἦγαγον.

Сав. кн., Mr. 7, 32. „и приведоша къ нему глѣха“, φέρουσιν.

Мар. ев., Ио. 8, 3. „привѣса же кънижьници и фарисѣи женѣ“, ἄγουσιν.

Мар. ев., Мф. 4, 24. „и приведоша ѿмоу вса болацѣла“, προσήνεγκαν.

Мар. ев., Мф. 12, 22. „тѣгда привѣса къ нему бѣсѣнѣицѣ са слѣпъ и нѣмъ“, *προσηύχθη*.

Один только пример с приставкой **по-**:

Зограф. ев., Лук. 23, 26. „і ако и поведоша имѣше симона“, *ἀπῆραγον*.

Эта приставка, утратившая теперь точное лексическое значение, повидимому, означала в данном случае начало действия.

Есть только две формы имперфекта от глагола *вести*:

Мар. ев., Лук. 4, 1. „исъ же испльнь дѣста възврати са. . . і ведѣаше са дѣхмъ въ поустыниѣ“, греческ. имперфект *ἦγετο*.

Мар. ев., Лук. 23, 32. „ведѣахъ же съ исмъ и ина дѣва зѣлодѣѣ съ нимъ оубить“, греческ. имперфект *ἦγοντο*.

Употребление имперфекта от основ определенных — это новое явление, причем имперфект переносит на эти основы свое значение от неопределенных основ, однако определенность основы мешает выразиться этому значению полностью: определенное движение может быть представлено как состояние, другими словами — движение, совершающееся в определенном направлении, представляется как процесс в своем развитии.

В первом примере имперфект, повидимому, вызван тем, что движение является как бы произвольным, вызванным не самим субъектом, поэтому оно представляется как состояние, а не как действие.

Во втором примере основное действие выражено аористом:

Зограф. ев., Лук. 23, 26. „і ако и поведоша“ . . . — имперфектом представлено действие второстепенное, являющееся как бы фоном для главного, так как при представлении о действии как о процессе, легко представить его себе фоном, на котором развиваются другие действия.

Глагол *водити* без приставки не встречается. С приставкой он встречается всего лишь в одном примере:

Мар. ев., Лук. 4, 40. „заходашту же слънѣцоу въси елико имѣахъ болаша недѣгы различны привождаахъ ѿ“, греческ. аорист *ἦγαγον*.

Чем же вызвано это отступление от греческого оригинала? Почему нельзя было сказать: *приведоша*? Как мы знаем, аорист означал бы единичное действие, тут же имелось в виду не одно, а ряд однородных и одновременных действий, совершаемых многими людьми. Для выражения многократного действия аорист был неудобен, вот почему переводчик выбрал наиболее подходящую для этого случая форму имперфекта, отступив от греческого оригинала.

нести—носить. Глагол *нести* в прошедшем времени без приставки встречается всего лишь в одном примере в форме аориста:

Мар. ев., Мф. 14, 11. „: принѣса главѣ его на мисѣ и даша дѣвици і несе матери своеи“, греческ. аорист *ἦνεγκεν*. Аористом здесь обозначается определенное единичное действие.

Имперфект без приставки также встречается только в одном примере от глагола *нести*:

Сав. кн., Ио. 12, 6. „и скриницѣ носа вмѣтаемаѣ ношаше“, греческ. имперфект *ἐβάσταζεν*. Значение имперфекта здесь обычное — действие вообще, т. е. действие как постоянное состояние.

Приставки сочетаются с аористом от глагола *нести* и имперфектом от глагола *носить*. Приставки с глаголом *нести* имеют пространственное значение и указывают направление движения, например, приставка **въз-** — направление вверх:

Мар. ев., Мр. 16, 19. „гѣ же исъ по глании его къ нимъ възнесе са на небо“, греческ. аорист *ἀνελήμφθη*.

Сав. кн., Лук. 2, 22. „възѣвса отроча... поставити прѣдъ гѣмь“, *ἀνήγαγον*.

Мар. ев., Ио. 3, 14. „и ѡкоже мози възнесе змиѣ въ поустыни“, *ὑψωσε*.

Сав. кн., Мф. 9, 2. „и абие принесоша емоу ослабена на одрѣ лежаща“, греческ. имперфект *προσέφερον*. Это расхождение с греческим вызвано, вероятно, тем, что в греческом употреблена форма имперфекта с приставкой, которой лучше соответствовал аорист, выражавший определенное действие, а не имперфект, так как речь здесь шла об единичном действии.

Сав. кн. Мф. 2, 11. „отврѣзаше съкровища принесоша емѣ дары“, греческ. аорист *προσήμευχαν*.

Сав. кн., Мф. 22, 19. „они же принесоша емоу пѣназъ“, греческ. аорист *προσήμευχαν*.

Ио. 4, 22. „еда кто принесе емоу ѣсти“, *ἦνευχαν*.

Мар. ев., Мр. 6, 28. „и принесе главѣ его на мисѣ“, *ἦνευχαν*.

Мр. 14, 35. „и принѣвса емоу вса болаштѣ“, греческ. аорист *προσήμευχευ*.

Во всех этих случаях аорист выражает единичное конкретное действие. Только в одном примере с приставкой **по-** аорист имеет значение суммарного действия, представленного как одно целое:

Сав. кн., Мф. 8, 17. „и болѣзни понесе“, греческ. аорист *ἐβάστασεν*.

Формы имперфекта от основы *носити* с приставками представляют сочетание противоположных значений: с одной стороны, — определенность, выражаемая приставкой, с другой, — неопределенность, выражаемая основой и формой времени. Это приводит к тому, что имперфект от основы *носити* с приставкой начинает выражать многократные действия там, где контекст указывает, что действие относится не к одному отдельному случаю:

Зограф. ев. Мр. 1, 32. „егда же захождаше слънце приношаахъ къ нему вса недѣжъныѣ“, греческ. имперфект *ἔφερον*.

Мар. ев., Лук. 18, 15. „приношаахъ же къ нему и младенѣца“, *προσέφερον*.

Мар. ев., Мр. 10, 13. „и приношаахъ къ нему дѣти да ѣ коснетъ“, *προσέφερον*.

Когда же действие относилось к одному конкретному случаю, в имперфекте развивалось новое значение: представление о действии как о развивающемся процессе:

Мар. ев., Лук. 24, 51. „и възношааше са на небо“, греческ. имперфект *ἀνεφέρετο*.

Мар. ев., Лук. 7, 12. „и се изношаахъ оумерошь сѣв“, греческ. имперфект *ἐξεχομίζετο*.

В этих случаях приставка конкретизировала основу, основа получала новое значение, в котором можно видеть зарождение категории несовершенного вида.

гѣвати—гонити. Один пример на аорист от *гнати*:

Сав. кн., Мр. 1, 36. „и гнаша і симонъ“, *κατηδιώξαν*. Имеется в виду вполне определенное единичное действие.

И один пример на имперфект от глагола *гонити*:

Мар. ев., Ио. 5, 16. „и сего ради гонѣахъ иудеи іса и искаахъ его оубити“, греческ. имперфект *ἐδίωκον*. Здесь действие представлено собирательно, а не как отдельное единичное действие.

Глагол *гнати* встречается с приставкой **из-** с соответствующим значением, которое придает ему приставка. Во всех примерах речь идет об отдельных определенных действиях:

Сав. кн., Лук. 8, 54. „онъ же изгна вса“, *ἐβαλὼν*.

- Сав. кн., Мф. 8, 16. „и изгна дхъи словомъ“, ἐξέβαλεν.
 Сав. кн., Ио. 15, 20. „аше мене изгнаша и васъ ижденѣтъ“, ἐδίωξαν.
 Мар. ев., Ио. 9, 34. „и изгнаша и вѣнь“, ἐξέβαλον.
 Мар. ев., Лук. 20, 12. „они же и сего оуѣзвыше изгнаша“, ἐξέβαλον.
 Мар. ев., Ио. 2, 15. „вѣса изгна и цркви“, ἐξέβαλεν.
 Мар. ев., Лук. 4, 29. „и вѣставъше изгнаша и вонъ из града“, ἐξέβαλον.
 Мар. ев., Мр. 16, 9. „ѣви са прѣжде марии магдалини иж неѣа же изгна ж бѣсъ“, греческ. плюсквамперфект ἐκβεβλήκει.
 Мар. ев., Мр. 1, 34. „и бѣсы многы изгна“, ἐξέβαλεν.

В последнем тексте, хотя и говорится о многих бесах, но имеется в виду один конкретный случай.

Только в Мф. 7, 22 значение аориста несколько другое: Зограф. ев. „и твоимъ именемъ бѣсы изгнахомъ“, греческ. аорист ἐξέβαλομεν. Здесь речь идет не об одном случае, а о всех случаях изгнания сразу, действие представлено собирательно, поэтому в Мариином евангелии мы имеем вариант: *изгонихомъ* — новый аорист от основы неопределенного движения *изгонити*, которая здесь более подходила.

Один пример на имперфект от неопределенной основы с приставкой, с удлинением коренной гласной в имперфекте:

- Мар. ев., Мр. 6, 13. „и бѣсы многы изгонѣахъ“, ἐξέβαλλον. Значение этой формы обычное — собирательное представление о действии. **лѣзти—лазити.** Встречаются только с приставками.

Аорист от основы *лѣзти* со значением единичного конкретного действия.

- Сав. кн., Мф. 15, 39. „и отпоуцъ народъ влѣзе въ корабъ“, ἐνέβη.
 Сав. кн., Ио. 21, 11. „влѣзе же симонъ петръ“, ἐνέβη.
 Мар. ев., Лук. 8, 22. „и ть влѣзе въ корабъ и оученици его“, ἐνέβη.
 Мар. ев., Ио. 6, 24. „влѣзъ сами въ краблѣ“, ἐνέβησαν.
 Мар. ев., Лук. 19, 4. „и прѣди текъ влѣзе на свкоморитѣ“, ἀνέβη.
 Мар. ев., Лук. 19, 6. „и потъштавъ са сълѣзе“, κατέβη.
 Мар. ев., Ио. 21, 9. „ѣко же излѣзъ на землѣ“, ἀπέβησαν. Имперфект встретился всего один раз от основы **-лазити**:

- Мар. ев., Ио. 5, 4. „и иже прѣвѣ вѣлажааше по вѣзмѣштении воды съдравъ бывааше“, греческ. аористное причастие.

Это расхождение в греческим объясняется тем, что в данном тексте представлено многократное действие, повторявшееся много раз, для которого наиболее подходящей формой был имперфект, употребить здесь аорист — означало бы говорить только об отдельном конкретном случае. Интересно, что позднее в Супрасльской рукописи, памятнике XI в., когда уже виды получили свое развитие и имперфект от основы *вѣлазити* стал означать длительное незаконченное действие, эта форма в цитате из евангелия заменяется имперфектом совершенного вида: *сънидѣаше* (Супр. р., 496, 16), так как именно имперфект совершенного вида стал выражать повторяемость однократных действий.

ѣхати—ѣздити. В евангельских текстах встречается только первый, определенный глагол с приставками:

- Мар. ев., Мф. 9, 1. „и влѣзъ въ корабъ и съ прѣде и приде“, διεπέρασεν.
 Зограф. ев., Лук. 8, 22. „и рече имъ прѣидѣмъ на онъ полъ езера и прѣдѣ“, ἀνηχθησαν.
 Мар. ев., Ио. 6, 17. „и влѣзъше въ ладѣѣ ѣдѣахъ на онъ полъ морѣ“.

В примере с имперфектом действие представлено, как процесс (*ηρχοντι*).

- влѣщи—влачити.** Встречаются только с приставками:
 Мар. ев., Ио. 21, 11. „влѣзе же симонъ петръ и извлѣче мрѣжѣ“, εἴλκυσεν.

Сав. кн., Мф. 27, 31 „и облѣкоша і въ ризы своа“, ἐνέδυσαν.
 Сав. кн., Ио. 19, 2. „и въ ризѣ прѣпрѣдѣнѣ облѣкоша і“, περιέβραλον.
 Сав. кн., Мр. 15, 20. „и егда порѣгаша са емоу съвлѣкоша съ него прѣпрѣдѣ“.

Сав. кн., Мф. 6, 29. „іако ни соломонъ въ всей славѣ облѣче са іако единъ отъ сихъ“, περιεβάλετο. В последнем примере следовало бы ожидать формы имперфекта, так как в современном языке здесь возможен только несовершенный вид. „Потому что Соломон во всей славе своей не одевался так, как одна из них“. Но поскольку отношения между имперфектом и аористом не были еще отношениями совершенного и несовершенного вида, то, очевидно, и форма аориста в соответствии с греческим текстом была здесь допустима, так как действие представлялось как целое.

Имперфект встречается в двух примерах от основы неопределенной **-влачити** с приставкой **об-**:

Мар. ев., Лук. 16, 19. „члвкъ же единъ бѣ богатъ і облачаше са въ порѣрѣ“, ἐνεδύσκετο.

Сав. кн., Лук. 8, 27. „и въ ризѣ не облачаше са“, οὐκ ἐνέδυσατο.

Значение имперфекта вполне ясно. Приставка **об-**, придавая новые оттенки значению основы, сохраняет ее неопределенность. Имперфект выражает действие как постоянное, обычное, близкое к состоянию.

грати. Встречается только в имперфекте:

Мар. ев., Ио. 4, 30. „изидѣ же изъ града и градѣхѣ къ нему“, ἤρχοντο.

Мар. ев., Лук. 18, 43. „и абие прозрѣ і въ слѣдъ его градѣше слава ба“, ἠκολούθει.

Трудно сказать, какого вида была основа **грати**, но отсутствие аориста и невозможность соединения ее с приставками заставляет отнести ее к неопределенным основам. Возможно, что этот глагол представлял самый процесс движения, он был своего рода глаголом состояния.

ити—ходить. Эти глаголы чрезвычайно употребительны в евангельских текстах, как в сочетании с приставками, так и без них. Основа **ити**, означая движение в определенном направлении, встречается в формах как аориста, так и имперфекта. Аорист означает единичное конкретное действие:

Сав. кн., Лук. 15, 20. „и вѣставъ иде къ ою своему“, ἦλθε.

Мар. ев., Мр. 2, 14. „і вѣставъ въ слѣдъ его иде“, ἠκολούθησεν.

Сав. кн., Лук. 5, 24. „и иде въ домъ своі“, ἀπῆλθεν.

Зограф. ев., Лук. 1, 39. „вѣставъши же мариѣ... иде въ горѣ“, ἐπορεύθη.

Сав. кн., Ио. 11, 28. „и се рекъши иде“, ἀπῆλθεν.

Сав. кн., Мф. 2, 9. „они же послѣдшавъше цра идоша“, ἐπορεύθησαν.

Мар. ев., Лук. 22, 39. „і ишедъ иде по обычаю въ горѣ елеонѣскѣ по немъже идѣ оученици его“, ἐπορεύθη, ἠκολούθησαν.

Мар. ев., Мр. 1, 18. „і абье оставъша мрѣжа своѣ по немъ идете“, ἠκολούθησαν.

Сав. кн., Мф. 28, 16. „іедины же на десате оученикъ идоша въ галилеѣ“, ἐπορεύθησαν.

Сав. кн., Мф. 8, 23. „по немъ оученици его идѣ“, ἠκολούθησαν.

Мф. 20, 36. „и въ слѣдъ его идоста“, ἠκολούθησαν.

Сав. кн., Мф. 19, 27. „и по тебѣ идохомъ“, ἠκολούθησαμεν.

Иногда аорист употребляется и по отношению ко многим лицам, чтобы подчеркнуть определенность движения:

Сав. кн., Мф. 4, 25. „въ слѣдъ иса идѣ народи мнози“, ἠκολούθησαν.

Сав. кн., Мр. 2, 15. „бѣша бо мнози и по немъ идѣ“, ἠκολούθησαν.!

Мар. ев., Мр. 3, 7. „и многоъ народъ отъ галилея по немъ иде“, ἠκολούθησεν.

Мар. ев. Мф. 14, 13. „и слышавше народи по немъ идѣ пѣши отъ градъ“, ἀνεχώρησεν.

Употребление имперфекта от определенного глагола *ити* как бы противоречит значению этой формы. Как уже говорилось выше, в этой форме развивается новое значение действия, представленного как процесс, поэтому объективно не ощущается почти никакой разницы между аористом и имперфектом. Это уже значение несовершенного вида, когда различие между совершенным и несовершенным действием субъективно; ср. например:

Мар. ев., Лук. 14, 25. „идѣхѣ же съ нимъ народи мнози“, συνεπορεύοντο.

Сав. кн., Ио. 12, 11. „такъ мнози его ради идѣхѣ иудеи“, ὑπήγον.

Мар. ев., Лук. 23, 27. „идѣше же въ слѣдъ его многоъ народъ“, ἠκολούθει.

Мар. ев., Ио. 6, 2. „и по немъ идѣше народъ многоъ“, ἠκολούθει.

В следующих примерах подчеркивается длительность движения, представленного как развивающийся процесс:

Сав. кн., Мр. 9, 30. „и отътѣдоу ишедше идѣхѣ“, παρεπορεύοντο.

Мар. ев., Лук. 19, 28. „и се рекъ идѣше прѣди въсхода въ имъ“, ἐπορεύετο.

Мар. ев., Лук. 24, 15. „и самъ ис приближъ сѧ идѣше съ нима“, συνεπορεύετο.

Мар. ев., Ио. 4, 50. „и вѣрѣ емъ члвкъ словеси... идѣше“, ἐπορεύετο.

Мар. ев., Лук. 22, 47. „се народъ и нарицаемъ иудеа... прѣдъ ними идѣше“, προήρχετο.

Мар. ев., Лук. 22, 54. „петръ же идѣше въ слѣдъ из далече“, ἠκολούθει.

Мар. ев., Лук. 7, 11. „и бысть въ прочии идѣше исъ въ градъ... наннъ и съ нимъ идѣхѣ оученици его“, ἐπορεύετο, συνεπορεύοντο.

Мар. ев., Мф. 24, 1. „и ишедъ ис и-цркве идѣше“, ἐπορεύετο.

Сав. кн., Лук. 7, 6. „исъ же идѣше съ ними“, ἐπορεύετο.

Сав. кн., Мф. 2, 9. „и се звезда ѡже видѣша на вѣстоцѣ идѣше прѣдъ ними“, προήγειν.

Иногда действие, представленное как процесс, становится фоном для другого главного действия:

Сав. кн., Лук. 8, 42. „и егдаже идѣше народи оугнѣтахѣ і“, ἐν δὲ τῷ ὑπάγει, — и дальше идет речь о том, что во время движения случилось: больная женщина получила исцеление.

Неопределенный глагол *ходити* означал способность к движению, движение вообще, собирательно. От этого глагола нет образований аориста, а только имперфект:

Мар. ев., Мр. 5, 42. „и абие вѣста дѣвица и хождаше“, περιπάτει, т. е. получила способность ходить, до сих пор она лежала.

Мар. ев., Ио. 5, 9. „и възать одръ свои и хождаше“, περιπάτει, — то же, речь идет о человеке, который не мог двигаться; получив исцеление, он получил и способность ходить.

Сав. кн., Ио. 21, 18. „и хождаше іамо же хотѣше“, περιπάτεις, — т. е. имел способность к движению по своим желаньям, ходил, куда хотел.

В следующем примере движение представляется как обычное:

Мар. ев., Лук. 2, 41. „и хождаашете родителъ его по всѣмъ лѣтамъ въ имѣ въ праздникъ пасхы“, ἐπορεύοντο.

Далее форма имперфекта означает неопределенное движение в разных направлениях, или она дает представление о собирательном движении:

Мар. ев., Мр. 15, 41. „также егда бѣ въ галилеи по немъ хождаахъ и слоужаахъ ему“, ἠκολούθουν.

Мар. ев., Ио. 10, 23. „и хождааше исъ въ цркве въ притворѣ соломоны“, περιπατεῖ.

Мар. ев., Ио. 6, 66. „отъ сего мнози отъ оученикъ его идѣхъ въспати і къ томоу не хождаахъ съ нимъ“, περιπατούν.

Мар. ев., Ио. 7, 1. „и хождааше по сихъ исъ въ галилеи“, περιπατεῖ.

Мар. ев. Ио. 8, 59. „и прошедъ по срѣдѣ ихъ идѣаше и хождааше“, παρῆγεν.

Мар. ев., Мф. 14, 29. „излѣзъ исъ корабль петръ хождааше по водахъ“, греческ. аорист περιπατήσεν. Чемъ объяснить это расхождение?

Глагол περιπατέω, который переводчик обычно переводит славянским глаголом *ходити*, означает „ходить кругом в разных направлениях“. Это неопределенный глагол, в латинском ему соответствует также неопределенный глагол *ambulare*¹. Аорист от глагола *ходити* не употреблялся, глагол *ити* не отвечал значению греческого глагола, который означал, что Петръ, выйдя из лодки, не пошел уверенно по направлению к Иисусу, а сделал несколько неуверенных движений в разных направлениях, стараясь удержаться на воде, и тотчас же стал тонуть. Переводчик предпочел в данном случае форму имперфекта от глагола *ходити*, означавшую, что Петръ получил способность движения по воде.

Глагол *ити* соединяется с различными приставками; аорист от таких основ встречается в многочисленных примерах со значением единичного конкретного действия. Приставки во всех случаях имеют пространственное значение, указывают направление движения вверх (**въз-**), вниз (**съ-**), внутрь (**въ-**), наружу (**из-**), приближение (**при-**) и т. д.

Сав. кн., Мф. 14, 23. „и отъпоуць народъ възиде на горѣ единѣ“, ἀνέβη.

Мар. ев., Мф. 13, 7. „и възиде тръние и подави ѣ“, ἀνέβησαν.

Сав. кн., Мф. 24, 38. „до негоже дне въниде ное въ ковчегъ“, εἰσῆλθεν.

Сав. кн., Мф. 25, 10. „приде женихъ и готовыа вънидѣхъ съ нимъ на бракъ“, εἰσῆλθον.

Сав. кн., Лук. 1, 40. „въниде въ домъ захаринъ“, εἰσῆλθεν.

Мар. ев., Мф. 13, 3. „се изиде съѣи да съеть“, ἐξῆλθεν.

Мар. ев., Мр. 1, 26. „и възъпивъ гласомъ велиемъ изиде ижъ него“, ἐξῆλθε.

Сав. кн., Мр. 2, 12. „и възъмъ одръ свои изиде прѣдъ всѣми“, ἐξῆλθεν.

Сав. кн., Лук. 10, 31. „и видѣвъ і мимоиде“, ἀντιπαρῆλθεν.

Мар. ев., Ио. 10, 24. „обидѣ же и иудѣи“, ἐκύλωσαν.

Мар. ев., Лук. 15, 13. „мънии снѣ отиде на странѣ далече“, ἀπεδήμησεν.

Сав. кн., Лук. 2, 15. „и бысть тако отидѣ отъ нихъ аггли на нбо“, ἀπῆλθον.

Сав. кн., Мф. 27, 5. „и повръгъ сребро... отиде“, ἀνεχώρησεν.

Сав. кн., Мр. 1, 42. „абие отиде проказа отъ него“, ἀπῆλθεν.

Мар. ев., Мр. 8, 22. „и приде въ видѣсаидѣ“, ἔρχονται.

¹ См. A. Meillet. Memoires de la société de linguistique de Paris, т. XXIII, 1929, стр. 259.

Сав. кн., Мф. 2, 1. „се вльсви отъ вѣстокъ придѣ въ ерлмъ“, *παρεγένονιο*.

Мар. ев., Мр. 9, 7. „и приде гласъ из облака“, *ἦλθε*.

Мар. ев., Ио. 20, 6. „приде же и симонъ петръ“, *ἔρχεται*.

Мар. ев., Ио. 20, 19. „приде исъ і ста посрѣдѣ“, *ἦλθεν*.

Мар. ев., Ио. 6, 16. „і ѣко поздѣ бысть сънидѣ оученици его на море“, *κατέβησαν*.

Мар. ев., Лук. 8, 23. „і съниде бѣрѣ вѣтрѣна въ езеро“, *κατέβη*.

Сав. кн., Мф. 7, 25. „и съниде дѣждѣ“, *κατέβη*.

Основа **-ходить** с приставками встречается только в имперфекте. Неопределенность основы как бы несколько ограничивается приставкой. Форма имперфекта в таких случаях получает значение прошедшего многократного действия:

Мар. ев., Ио. 8, 9. „слышавъше исхождаахѣ единѣ по единому“, *ἔξήρχοντο*.

Мар. ев., Мр. 11, 19. „і ѣко поздѣ бысть исхождааше вонѣ из града“, *ἔξεπορεύετο*.

Мар. ев., Лук. 4, 37. „і исхождааше шюмѣ о немѣ въ вѣсѣко мѣсто и странѣ“, *ἔξεπορεύετο*.

Мар. ев., Лук. 4, 41. „исхождаахѣ же и бѣси отъ многѣ“, *ἔξήρχετο*.

Сав. кн., Мр. 1, 5. „і исхождаше къ нему юдеискаѣ страна“, *ἔξεπορεύετο*.

Действие собирательное, совершавшееся одновременно:

Сав. кн., Лук. 6, 19. „и сила из него исхождаше“, *ἔξήρχετο*, — т. е. всякий раз, как к нему прикасались.

Мар. ев., Мр. 6, 6. „і обхождаше градѣца оуча“, *περιῆγεν*.

Мар. ев., Мр. 1, 45. „і прихождаахѣ къ нему отъ вѣсѣдѣ“, *ῆρχοντο*.

Мар. ев., Лук. 21, 38. „и вѣси людие из оутра прихождаахѣ къ нему“, *ἔρχοντο*.

Сав. кн., Лук. 18, 3. „въдовица же бѣ въ градѣ томѣ и прихождаше къ нему“, *ῆρχετο*, т. е. много раз с просьбой.

Сав. кн., Лук. 13, 22. „и прохождаше исъ сквозѣ градѣ“, *διεπορεύετο*.

Мар. ев., Лук. 8, 1. „и тѣ прохождааше сквозѣ градѣ и вѣси“, *διώδευεν*.

Мар. ев., Ио. 5, 4. „анѣлъ бо гнѣ на вѣсѣ лѣта съхождааше въ кѣпѣль“, *κατέβαιεν*.

Сав. кн., Лук. 2, 37. „и та въдоваѣже не охождаше отъ цркве“, *οὐκ ἀφίστατο*, — постоянное состояние.

Иногда форма имперфекта относится к отдельному случаю, и тогда действие представляется как процесс в направлении, указанном приставкой:

Мар. ев., Лук. 17, 11. „і бысть идѣшту емоу въ имѣ і тѣ прохождааше между самариеѣ галилѣеѣ“, *διήρχετο*.

Мар. ев., Мф. 4, 23. „и прохождааше всѣ галилеѣ“, *περιῆγεν*.

Мар. ев., Лук. 19, 1. „і въшедѣ прохождааше исъ въ ерихѣ“, *διήρχετο*.

Итак, первоначально аорист образовывался только от основ, означавших определенное движение, а имперфект — только от неопределенных основ. Старославянские памятники представляют дальнейший шаг на пути развития этих форм. Имперфект начинает образовываться от определенных основ без приставок, причем в этих формах развивается новое значение — представление о действии как о процессе.

Определенные основы могут соединяться с приставками, от них образуются только формы аориста со значением конкретного единичного действия; приставка уточняет направление движения.

Неопределенные основы также соединяются с приставками. Они остаются неопределенными, от них могут образоваться только формы имперфекта, но все же приставки несколько ограничивают неопределенность движения; таким образом, формы имперфекта от неопределенных основ с приставками получают новый оттенок в значении итеративного действия.

Однако иногда эти формы относятся и к единичным действиям, и тогда в них развивается значение, аналогичное значению имперфекта от определенных основ, — значение действия, представленного как процесс, таким образом, развивается понятие несовершенного вида.

4. ГЛАГОЛЫ ВЫСКАЗЫВАНИЯ (VERBA DICENDI)

В этой группе глаголов видовые отношения отражаются обычно слабее, чем в других группах. Так, для греческого языка Хартман указывает на колебания между аористом и имперфектом среди таких глаголов, как λέγειν, ἔροταν, διδάσκειν и др.¹ Бласс для греческого языка эпохи Нового завета также отмечает довольно безразличное употребление имперфекта и аориста при глаголах высказывания. При простом отдельном высказывании предпочитается аорист, перед длинной речью — имперфект. Но это правило не всегда соблюдается². С. И. Соболевский отмечает употребление имперфекта от греческих глаголов *идти, посылать, спрашивать, говорить, думать* и т. д. в одном значении с аористом, как и в русском языке „нередко употребляется прошедшее длительного вида: „говорил“, „спрашивал“, „думал“, „пытался“ и т. п. в одном значении с прошедшим недлительного вида этих глаголов: „сказал“, „спросил“, „подумал“, „попытался“ и т. п.“³

В старославянском языке в этой группе глаголов различие между формами имперфекта и аориста менее четко, а иногда и неясно, почему предпочитается та или другая форма.

въпнѣти. Встречается только в форме имперфекта, которая выражает как бы длительный состояние крика:

Мар. ев., Мр. 10, 48. „1 прѣцаахъ емоу мънози да оумлъчитъ онъ же излиха въпиѣше“, греческ. имперфект ἐκράζειν.

Сав. кн., Мф. 27, 23. „они же из лиха въпиахъ гл҃҃҃ше“, ἐκράζον.

Мар. ев., Мр. 11, 9. „1 прѣдъ ходаште и . . . въпиѣхъ гл҃҃҃ште“, ἐκράζον.

Мар. ев., Мр. 3, 11—12. „1 егда видѣахъ и дси нечистии припадаахъ къ нему 1 въпиѣхъ гл҃҃҃ште“, ἐκράζον.

В одном случае расхождение с греческим оригиналом:

Сав. кн., Ио. 19, 14—15. „и гла иудеомъ се дрѣвъ вашъ они же въпиахъ възми възми распнѣи 1“, греческ. аорист ἐκράβυασαν.

Но такие расхождения в этой группе глаголов довольно часто встречаются и объясняются отчасти колебаниями между формами аориста и имперфекта в греческом оригинале, что приводит к многочисленным вариантам в греческих рукописях, потому что, очевидно, не было существенной разницы в способе выражения между аористом и имперфектом, что переводчики, повидимому, чувствовали и не старались буквально следовать за оригиналом.

¹ См. Hartman. Aorist und Imperfektum. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, т. 49; 1919, стр. 6.

² См. Blau und Debrunner. Neutestamentliche Grammatik. 1921, стр. 186.

³ С. И. Соболевский. Древнегреческий язык. М., 1948, стр. 294.

Глагол *въпѣти* соединяется с приставкой **въз-**. Сложная основа употребляется только в аористе, который обычно означает конкретное действие — начало или как бы переход к „состоянию крика“. Таким образом, получаются те же отношения, что и при глаголах состояния: Мар. ев., Лук. 4, 33. „и възпѣ гласомъ велиемъ гла“, ἀνεκράξεν.

Мар. ев., Мр. 15, 34. „и въ девятѣхъ годинѣхъ възпѣ и съ гласомъ велиемъ гла“, ἐβόησεν.

Мар. ев., Мр. 15, 13. „они же пакы възпѣша пропни и“, ἐκράξαν.

Сав. кн., Ио. 19, 6. „егда же видѣша и архиереи и слоугы възпѣша“, ἐκράυασαν.

Сав. кн., Лук. 1, 42. „и възпѣ гласомъ велиемъ и рече“, ἀνεφώνησεν.

Сав. кн., Мф. 20, 30. „и се в слѣпца... възпѣста глѣца“, ἐκράξαν.

Сав. кн., Мф. 14, 26. „и отъ страха възпѣша“, ἐκράξαν.

Сав. кн., Ио. 18, 40. „възпѣша же вси“, ἐκράυασαν.

звати. Встречается без приставок и с приставками **въз-** и **при-**. Переводит греческие глаголы κράζω — „кричать“, καλέω — „звать“ и иногда φωνέω — „издавать звук“, „говорить“, „кричать“, „звать“, „называть“.

Как видно из переводов, значение глагола *звати* имеет два оттенка: 1) звать, 2) восклицать, кричать. Глагол первого значения, повидимому, определенный, второго — неопределенный, так же как и *въпѣти*, встречающийся только в формах имперфекта и означающий как бы состояни- или длительное продолжительное действие:

Сав. кн., Ио. 12, 13. „приша ваи отъ финикъ и изидоша противѣмоу и звахѣ глѣще“, ἐκράυαζον (восклицали, кричали).

Сав. кн., Мф. 21, 9. „народи же ходацеи прѣдъ нимъ и въ слѣдъ звахѣ глѣще“, ἐκράζον.

Мар. ев., Ио. 7, 37. „въ послѣдний же день великыи праздникъ стоѣше ис и звахаше гла“, греческ. аорист ἐκράξε, в Сав. кн. — *възпѣ*.

В одном примере встречается аорист от глагола *звати* со значением „звать“, поэтому от этой основы возможно такое образование: Мар. ев., Лук. 14, 16. „и зва многы“, греческ. аорист ἐκάλεσεν.

Так Мар. ев., Остр. ев., Ассем. ев. и Сав. кн., но Зограф. ев. дает форму с приставкой — *възва*.

Во втором примере — имперфект, которым, повидимому, подчеркивается многократность действия:

Мар. ев., Мр. 10, 49. „и звахѣхъ слѣпца глѣште“, греческ. наст. историч. — φωνούσιν, которому обычно соответствует славянский аорист. В Зограф. ев. — форма *възваахѣ*. Можно предположить, что переписчик Зографского кодекса значение „звать“ относил только к глаголу с приставкой **въз-**, на это указывает и предыдущий пример (Лук. 14, 16), поэтому, чтобы выразить многократность действия, он употребляет имперфект от основы **-възвати-**, которая для него еще не была основой совершенного вида, определенность же основы уже не препятствовала образованию имперфекта, так как такие формы были возможны.

звати соединяется с приставками **въз-** и **при-** в значении „звать“, основа с приставками употребляется в аористе в значении единичного действия:

Сав. кн., Мф. 25, 14. „призва рабы своа“, ἐκάλεσεν.

Мар. ев., Лук. 18, 16. „ис же призва ѣ гла“, προσεκάλεσατο.

Сав. кн., Мф. 10, 1. „призва̄ ис̄ оба на десѣте оученика своѣа ^{дѣ}сть имъ власть“, греческ. аористное причастие *προσκλησάμενος*.

Сав. кн., Ио. 11, 28. „и призва̄ мариѣ“, *ἐφώνησε*, в Ассем. ев. — *пригласи*.

Мар. ев., Мр. 15, 16. „и призва̄ша всѣхъ спирѣ“, *συγκαλοῦσιν*.

Мар. ев., Ио. 9, 18. „доньдеже призва̄ша родителѣ“, *ἐφώνησαν*, в Зограф. ев. — *възгласиша*.

Сав. кн., Ио. 12, 17. „егда възва̄ лазора отъ гроба“, *ἐφώνησαν*, в Остр. ев. — *възгласи*.

Сав. кн., Мф. 4, 21. „и възва̄ иа“, *ἐκάλεισεν*.

Мар. ев., Мф. 2, 15. „отъ югупта възвахъ снѣ мой“, *ἐκάλεισα*.

Мар. ев., Мр. 1, 20. „и абѣ възва̄ б“, *ἐκάλεισεν*.

Основна с приставкой **въз-** может иметь значение „воскликнуть“; как *възъпити* при глаголе *въпити* означает начало, переход к действию — состоянию, так же и *възвати* является определенным глаголом к *звати* в значении „кричать“ и выражает как бы переход к действию — состоянию:

Сав. кн., Ио. 11, 43. „и се рекъ гласомъ велиемъ възва̄“, *ἐκραύγασε*, в Зограф. ев. — „възгласи“.

Мар. ев., Ио. 1, 15. „и възва̄ глѣ“, греческ. перфект *κέκραγε*.

Мар. ев., Ио. 7, 28. „възва̄ же въ цркви оучѣ исъ“, *ἐκράζειν*.

Мар. ев., Ио. 12, 44. „ис̄ же възва̄ и рече“, *ἐκράζειν*.

прѣтити. Этим глаголом (с приставкой **за-**) переводятся греческие глаголы *ἐπιτιμέω* — „запрещать“, реже — *παραγγέλλω* — „приказать“, *δια-στέλλω* — „повелевать“, *ἐμβριμάομαι* — „гневаться“, „угрожать“.

прѣтити, повидимому, — неопределенный глагол, употребляется только в имперфекте и означает „угрожать“, „предупреждать“:

Мар. ев., Лук. 23, 40. „отвѣштавъ же друогы прѣштааше емоу глѣ“, *ἐπετίμα*.

Мар. ев., Мр. 3, 12. „и мѣного прѣштааше имъ“, *ἐπετίμα*.

Мар. ев., Мр. 8, 15. „и прѣштааше имъ глѣ“, *διαστέλλετο*, т. е. предупреждал.

Мар. ев., Мр. 10, 13. „оученици же прѣштаахѣ приносѣшимъ“, *ἐπετίμων*.

Сав. кн., Лук. 23, 40. „отвѣщавъ же друогы прѣщаше емоу“, *ἐπετίμα*.

Мар. ев., Лук. 8, 28—29. „и гласомъ велиемъ рече что естъ мѣнѣ и тебѣ исе снѣ ба въшнѣаго молѣ ти сѣ не мѣчи мене прѣштааше бо доухови нечистоуоумоу изити отъ члѣа“, *παρήγγειλε*.

С приставкой **за-** этот глагол получает значение конкретного определенного запрещения. Употребляется только в аористе и относится обычно к единичному факту:

Мар. ев., Лук. 5, 14. „и тѣ запрѣти емоу никоумоуже не глти“, *παρήγγειλεν*.

Мар. ев., Лук. 4, 39. „и ставъ надъ нежъ запрѣти огню“, *ἐπετίμησε*.

Мар. ев., Лук. 8, 24. „онѣ же въставъ запрѣти вѣтроу“, *ἐπετίμησε*.

Мар. ев., Мр. 8, 33. „онѣ же. . запрѣти петрови глѣ“, *ἐπετίμησε*.

Мар. ев., Мр. 6, 8. „и запрѣти имъ да ничѣсоже не въземѣхѣтъ на шѣтъ“, *παρήγγειλεν*.

Мар. ев., Мр. 1, 25. „и запрѣти емоу исъ глѣ“, *ἐπετίμησεν*.

Мар. ев., Мф. 19, 13. „оученици же запрѣтиша имъ“, *ἐπετίμησαν*.

Мар. ев., Мф., 16, 20. „тѣгда запрѣти оученикомъ своимъ да никоумоуже не рекѣтъ“, *ἐπετίμησεν*.

Сав. кн., Мр. 7, 36. „и запрѣти имъ да никому же не повѣдать“, *διεστείλατο*.

Сав. кн., Мф. 9, 30. „и запрѣти има гла“, *ἐνεβριμήθη*.

Мар. ев., Мр. 5, 43. „и запрѣти имъ мно́го да никтоже не оувѣсть сего“, греческ. аорист *διεστείλατο*.

Мно́го в последнем примере следует понимать как „очень“, „сильно“, „решительно“, так как аорист в старославянском языке не соединялся с обстоятельственными словами, означавшими повторительность, многократность. Интересен в этом отношении пример Мр. 7, 36, где самое значение много раз повторявшегося действия и греческий текст делади невозможным употребление аориста, — и мы действительно имеем имперфект от основы *запрѣтити* в Зограф., Остр. ев. и в Сав. кн.:

Сав. кн., Мр. 7, 36. „елико же имъ запрѣщаше они паче проповѣдахъ“.

Но в Мар. ев. мы находим другую форму: „еликоже имъ тъ запо-вѣдаше“, а в Ассем. ев. аорист: „еликоже имъ запрѣти“. Это указывает на то, что форма имперфекта от определенной основы *запрѣтити* не была еще общепринятой.

рѣгати са. Глагол этот переводит греческие глаголы *κατα-γέλω* — „насмехаться“, *ἐμπαίζω* — „осмеивать“, „насмехаться“. Означает, повидимому, сложное неопределенное действие. Употребляется только в имперфекте:

Мар. ев., Лук. 22, 63. „и мѣжи дрѣжаште иса рѣгахъ са емоу биѣште“, *ἐνεπαίζον*.

Сав. кн., Мф. 27, 29. „и поклонше са на колѣноу прѣдъ нимъ рѣгахъ са емѣ“, *ἐνεπαίζον*.

Сав. кн., Лук. 8, 53. „и рѣгахъ са емоу народи вѣдѣще ꙗко ѿмрѣтъ“, *κατεγέλων*.

Сав. кн., Мф. 9, 23—24. „и гла имъ отидѣте не оумрѣтъ бо дѣвица нѣ съспити и рѣгахъ са емоу“, *κατεγέλων*.

Аорист встречается только в двух примерах с приставкой **по-**, которая выражает здесь законченность, ограниченность действия:

Сав. кн., Мф. 27, 31. „и егда порѣгаша са емоу съвѣшкоша съ него хламидѣ“, *ἐνεπαίζαν*.

славити. Без приставки глагол употребляется только в имперфекте со значением душевного состояния радости, изумления, благодарности:

Мар. ев., Лук. 7, 16. „прѣятъ же ст(р)ахъ вса і славѣвахъ ба глѣште“, *ἔδοξάζον*.

Сав. кн., Мр. 2, 12. „и дивѣхъ са вси и славѣхъ ба глѣще“.

Сав. кн., Лук. 13, 13. „и абие прострѣ са и славѣше ба“, *ἔδοξάζεν*.

Аорист образуется от этой основы только с приставкой **про-** в значении определенного законченного действия:

Сав. кн., Ио. 12, 16. „ѡгда прослави са ис тогда помѣнѣша“, *ἔδοξάσθη*.

Сав. кн., Ио. 17, 4. „азъ та прославихъ на земли“, *ἔδοξασα*.

Сав. кн., Ио. 15, 8. „о семь бо прослави са оцъ мой“, *ἔδοξάσθη*.

Мар. ев., Ио. 17, 10. „і прославихъ са въ нихъ“, *ἔδοξασμαι*.

Мар. ев., Ио. 13, 31. „нынѣ прослави са снъ члвнскы“, *ἔδοξάσθη*.

Мар. ев., Лук. 23, 47. „видѣвъ же сътъникъ бѣвъшее прослави ба“, *ἔδοξάζε*.

Сав. кн., Мф. 9, 31. „она же шѣдѣша прослависта і по всеи земли той“, *διεφήμισαν*.

оучити. Переводит греческие глаголы διδάσκω — „учить“, „наставлять“, μαθητεύω — „учить“, „обучать“. Это старый каузатив, который с утратой соответственного некаузатива *выкнѣти* стал употребляться как неопределенный глагол, так как не имел конкретного значения, а означал деятельность собирательно, как состоящую из ряда актов — поучений, бесед и т. д., поэтому употребляется преимущественно в имперфекте:

Мар. ев., Ио. 7, 14. „възиде и с въ цркъ и оучаше“, ἐδίδασκειν.

Мар. ев., Ио. 8, 2. „и сѣдъ оучаше ѿ“, ἐδίδασκειν.

Мар. ев., Мр. 11, 17. „и оучаше гла имъ“, ἐδίδασκειν.

Мар. ев., Мр. 4, 2. „и оучаше ѿ притѣчами мѣного і глаше имъ“, ἐδίδασκειν.

Мар. ев., Мр. 1, 21. „і вънидѣ въ каперѣнаоумъ і абѣ въ соботы на соньмици оучаше ѿ“, ἐδίδασκειν.

Зогр. ев., Мф. 13, 54. „і пришьдѣ въ отѣчствие свое оучаше ѿ“, ἐδίδασκειν.

Сав. кн., Мф. 13, 54. „и оучаше ѿ на соньмицихъ ихъ“, ἐδίδασκειν.

Сав. кн., Мр. 9, 31. „оучаше бо ѿченикы своѿ“, ἐδίδασκειν.

Сав. кн., Мф. 5, 2. „и отврѣзъ оуста своѿ оучаше ѿ“, ἐδίδασκειν.

Однако в двух случаях мы нашли и аорист от глагола *оучити*:

Мар. ев., Мф. 27, 57. „приде члкъ богатъ... иже и оучи сѿ оу исѿ“, ἐμαθητεύθη.

Сав. кн., Ио. 18, 20. „азъ всегда оучахъ на соньмицихъ и въ цркви“, ἐδίδαξα, — в Сав. кн. — имперфект *оучахъ*. Действие здесь представлено суммарно, как законченное.

Встречается этот глагол и с приставкой **на-**, придающей определенное значение „узнать“, „научить“ только в аористе:

Мар. ев., Ио. 8, 28. „нѣ ѿкоже наоучи мѿ отцъ мои си творѣ“, ἐδίδαξεν.

Мар. ев., Лук. 11, 1. „ги наоучи нѣ молити сѿ ѿкоже иоанъ наоучи оученикы своѿ“, ἐδίδαξεν.

Мар. ев., Мр. 6, 30. „і възвѣстиша емоу всѣ елико сътвориша и елико наоучиша“, ἐδίδαξαν.

МОЛИТИ. Переходный глагол, может быть, старый каузатив, в сочетании с возвратным местоимением сѿ переходит к глаголам состояния и выражает известное религиозное состояние, поэтому обычной формой прошедшего времени для перевода греческого глагола προσεύχεται — „молиться“ — является имперфект.

Сав. кн., Лук. 22, 44. „и бывъ въ подвижѣ прилежно молѣше сѿ“, προσήχετο.

Сав. кн., Лук. 18, 11. „фарисей же ставъ въ себѣ молѣше сѿ“, προσήχετο.

Мар. ев., Лук. 22, 41. „и поклонъ колѣнѣ молѣше сѿ гла“, προσήχετο.

Мар. ев., Лук. 9, 29. „і бысть егда молѣше сѿ“, προσήχεσθαι.

Аорист от глагола *молити сѿ* в значении „произносить молитву“, „обращаться к кому-нибудь с молитвой“ употребляется всего один раз: Мар. ев., Лук. 22, 32. „азъ же молихъ сѿ о тебѣ да не оскѣдѣать въра твоѣ“, ἐδεήθην.

Здесь аорист вызван, повидимому, тем, что эта молитва носит вполне определенный характер конкретной просьбы, тем более, что и в греческом оригинале другой глагол: δεόμεναι — „просить“.

Аорист встречается еще от основы с приставкой **по-**, делающей основу определенной и имеющей уменьшительное или ограниченное значение:

Сав. кн., Мф. 26, 42. „пакы... шьдъ помоли са“, προσήξατο, то же Мр. 14, 39, — т. е. „немного помолился“.

Глагол *молити* без возвратного местоимения означает „просить“, переводит греческие глаголы παρακαλέω, ἐρωτάω — „просить“, „умолять“. Употребляется как в аористе, так и в имперфекте. В некоторых случаях употребление имперфекта объясняется обычно повторяемым действием:

Мар. ев., Мр. 6, 56. „и ѓможе колиждо въхождаше... полагаахъ недѣжъныѣ и молѣхъ и да“, παρεκάλου, т. е. „куда он ни входил, везде приносили больных и просили его“.

В другом случае имперфект объясняется многократностью просьбы:

Мар. ев., Мр. 5, 10. „и молѣше и мѣного да не посылеть ихъ“, παρεκάλει.

Мар. ев., Мр. 5, 22. „и видѣвъ и паде на ногоу его и молѣше и мѣного гла“, παρεκάλει.

Сав. кн., Лук. 7, 4. „они же шьдѣше къ ісови молѣхъ и тѣщѣно“, παρεκάλου.

Но часто различия между аористом, выражающим конкретную просьбу, и имперфектом почти нет, об этом свидетельствуют многочисленные разночтения евангельских кодексов и параллельные тексты разных евангелий:

Сав. кн., Лук. 8, 31. „молѣхъ же іса да не повелить имъ въ безднѣхъ вьнити“, греческ. имперфект παρεκάλου, в Ассем. ев. — *молиша*.

Сав. кн., Лук. 8, 32. „и молиша и бѣси да повелить имъ вьнити въ стадо“, греческ. аорист παρεκάλεσαν, в Зограф. ев. — *молѣхъ и*.

Сав. кн., Мф. 8, 31. „бѣси же его молѣхъ“, греческ. имперфект παρεκάλου.

Мар. ев., Мр. 5, 12. „и молиша и вси бѣси глѣште“, παρεκάλεσαν.

Нет существенной разницы между такими примерами:

Мар. ев., Ио. 19, 38. „по сихъ же моли пилата иосифъ... да възьметъ тѣло исво“, ἠρώτησεν.

Мар. ев., Мр. 5, 18. „и въходяштю емоу въ ладницѣ молѣше и бѣсновавы са да би съ нимъ былъ“, παρεκάλει; или:

Мар. ев., Лук. 4, 38. „тѣшта же симонѣ бѣ одрѣжима огнемъ велиемъ и молиша и о неи“, ἠρώτησαν.

Сав. кн., Мр. 7, 32. „и молѣхъ и да възложить на нь рѣкѣ“, παρακαλοῦσιν.

Сав. кн., Лук. 8, 37. „и молиша и всѣ народѣ... отити отъ нихъ“, ἠρώτησεν.

Мар. ев., Ио. 4, 40. „егда же придѣ самарѣне къ нему молѣхъ и да би прѣбыль оу нихъ“, ἠρώτων.

Сав. кн., Мф. 8, 34. „и видѣвше его молиша іако да прѣидеть отъ прѣдѣль ихъ“, παρεκάλεσαν.

Мар. ев., Ио. 4, 31. „между же симѣ молѣхъ и оученици его глѣще равви ѓждѣ“, ἠρώτων.

Различие между этими формами все же, вероятно, было, но оно заключается в представлении о действии. Если аористом выражается единичная конкретная просьба, то имперфектом подчеркивается ее длительность, действие прошения представляется как состояние или процесс.

Мар. ев., Мр. 7, 26. „и молѣше и да ижденеть бѣсъ из дѣштере ѣ“, ἠρώτα.

Мар. ев., Лук. 8, 41. „и паде при ногоу исвоу молѣше и вьнити въ домъ свой“, παρεκάλει.

Сав. кн., Мф. 18, 29. „падѣ же подроугѣ онѣ молъше і гла“, παρεκάλει.

Сав. кн., Лук. 15, 28. „оубѣ же его ишѣдѣ молъше і“, παρεκάλει.

Мар. ев., Ио. 4, 47. „сѣ слышавѣ ѣко ис приде... иде къ нему и молъше и“, ηρώτη.

Сав. кн., Мф. 15, 23. „и пристѣпше оученици его молъж і глѣще“, ηρώτου.

Сав. кн., Лук. 9, 40. „и молихѣ сѣ оученикомѣ твоимѣ да ижденѣтъ і и не възможѣ“, ἐδέηθην, — действие просьбы представляется как конкретное, единичное, ср. Лук. 22, 32.

реци и **глаголати**. Эти глаголы, повидимому, представляли раньше такое же различие, как *ити* и *ходити*.

реци был определенным глаголом. В старославянских памятниках он сохраняет свое значение определенности. Встречается только в формах аориста, форм имперфекта нет. В греческом ему обычно точно соответствует аорист — εἶπεν и изредка — перфект от той же основы — εἶρηκα.

Постоянное значение аориста от этого глагола — единичное, конкретное высказывание:

Сав. кн., Мр. 9, 18. „и рѣхѣ оученикомѣ твоимѣ да ижденѣтъ і и не възможѣ“, εἶπα.

Сав. кн., Мф. 26, 35. „также и вси оученици рѣша“, εἶπαν.

Сав. кн., Мф. 15, 26. „онѣ же отъвѣщавѣ рече“, εἶπεν.

Сав. кн., Лук. 18, 4. „последи же рече в себѣ“, εἶπεν.

Сав. кн., Лук. 17, 5. „и рѣша апли гви“, εἶπον.

Мар. ев., Лук. 18, 19. „рече же емоу исѣ“, εἶπε.

Сав. кн., Ио. 21, 19. „се же рече клеппа коетѣ сѣмрътитѣ прославить ба“, εἶπεν.

Примеры на этот глагол многочисленны.

Встречаются образования и с приставками с новым оттенком в значении. Например, с приставкой **про-** в значении „предсказывать“:

Мар. ев., Мф. 11, 13. „вси бо проци и законѣ до иоана прорѣша“, ἐπροφήτευσαν.

С приставкой **из-** в значении „обещать“:

Мар. ев., Мф. 14, 7. „тѣмѣ же сѣ клатвож издрече еи дати“, ἐμολόγησεν.

С приставкой **на-** в значении „назвать“:

Мар. ев., Мф. 10, 25. „і аште господина домоу вельзѣвола нарѣша кольми паче домаштѣнаго его“, ἐπεκάλεσαν.

Мар. ев., Мр. 3, 16. „і нарече има симону петръ“, ἐπέθηκεν.

Сав. кн., Мф. 27, 8. „тѣмѣже нарече сѣ село то село крови“, ἐκλήθη.

От неопределенной основы **нарицати** образуется имперфект:

Мар. ев., Лук. 1, 59. „і нарицахѣ с именемѣ отца своего захарифѣ“, ἐκάλουν.

Значение имперфекта здесь „конативное“. Такое применение неопределенной основы для выражения неосуществленного действия встречается очень часто в противоположность аористу, выражавшему определенное осуществившееся действие.

глаголати — в противоположность *реци* является неопределенным глаголом; его первым значением, повидимому, было значение способности речи — „говорить вообще“. Однако старые отношения уже нарушены, от *глаголати* возможно образование и аориста и имперфекта. Имперфект выражает основное значение глагола — способность говорить.

Сав. кн., Мр. 7, 35. „и раздрѣши са жза азьика его глаше чисто“, ἐλάλει, — т. е. получил способность речи.

Мар. ев., Мф. 12, 22. „тѣгда привѣса къ нему бѣсѣнѣицѣ са слепъ и нѣмъ и исцѣли и ѣко слѣпъ і нѣмъ глаше и гладаше“, ὥστε... λαλεῖν.

Имперфект употребляется также при передаче речей народа, фарисеев, учеников и т. д., когда эти речи не носят характера отдельного конкретного высказывания, обращенного к определенному лицу, а являются передачей речи вообще, собирательно, высказыванием многих и т. д.

Сав. кн., Ио. 12, 29. „народъ же стоа і слышавъ глахж“, ἔλεγον.

Сав. кн., Мф. 21, 11. „народи же глахж“, ἔλεγον.

Мар. ев., Ио. 11, 36. „глаахж же иудеи виждъ“, ἔλεγον.

Мар. ев., Мр. 15, 31. „другъ къ другому глаахж“, ἔλεγον.

Зограф. ев., Ио. 7, 40—44. „мнози же отъ народа слышавъше словеса си глаахж“, ἔλεγον.

Сав. кн., Мр. 2, 16. „кѣнижѣници же и фарисеи глахж“, ἔλεγον.

Сав. кн., Мф. 27, 47. „инии же отъ стоащихъ тоу... глахж“, ἔλεγον.

Сав. кн., Ио. 19, 3. „и прихождахж къ немѣ и глахж“, ἔλεγον.

Мар. ев., Мф. 27, 49. „а прочии глахж остани“, ἔλεγον.

Сав. кн., Ио. 12, 29. „ини глахж агглъ гла емоу“.

Здесь имперфектом передаются речи в народе — „говорили между собою“ (кто кому говорил — точно неизвестно), аористом же выражается конкретное, по мнению говорящих, высказывание.

Имперфектом также выражается действие, служащее фоном для другого действия:

Сав. кн., Лук. 11, 27. „бѣистъ же егда глаше се въздвигъши гласъ едина жена отъ народа рече емоу“, ἐν τῷ λέγειν.

Мар. ев., Лук. 11, 37. „егда же глааше молѣваше и фарисѣи единъ“, греческ. аористич. накл. ἐν δε τῷ λαλῆσαι.

Имперфект употребляется также в тех случаях, когда передаются чьи-либо высказывания собирательно, вообще, а не конкретно для данного момента:

Сав. кн., Ио. 12, 33. „се же глаше клепаа коеж сѣмрѣтиж хотѣше оумрѣти“, ἔλεγον.

Мар. ев., Мф. 14, 3—4. „родъ бо емъ иоанна сѣваза и і вѣсади и въ темьницѣ... глаше бо емоу иоанъ не достоить ти имѣти еѣ“, ἔλεγον, — имеются в виду повторные высказывания Иоанна.

Сав. кн., Лук. 2, 38. „и та въ часъ приставъши исповѣдаше са гви и глаше о немъ всѣмъ чажцимъ избавлениѣ въ ерлѣмѣ“.

Зограф. ев., Мр. 5, 25—28. „і се жена етера... пришѣдъши... сѣ зади прикоснж са ризѣ его глааше бо ѣко аште прикоснж са... ризѣ его спѣна бѣдѣж“.

Зограф. ев., Мф. 13, 34. „всѣ си гла исъ притѣчами къ народом і бес притѣча ничѣтоже глаше къ нимъ“, ἐλάλει.

В этом примере противопоставляется аорист имперфекту, потому что в первом случае имеются в виду конкретные высказывания, а во втором — высказывания вообще.

Сав. кн., Мр. 2, 2. „и абие сѣбраша са мнози... и глаше имъ слово“, ἐλάλει, — говорил вообще, о чем говорил — здесь не уточняется.

Иногда имперфект в соответствии с греческим употребляется перед какой-либо большой речью:

Сав. кн., Лук. 6, 20. „и възведь очи свои къ оученикомъ глаше“, ἔλεγε, и далее следует нагорная проповедь.

Сав. кн., Мр. 9, 31. „оучаше бо оученикы свои и глаше имъ ꙗко снъ члскы прѣданъ бѣдетъ“, ἔλεγε, — вероятно, имеются в виду повторные речи Иисуса на тему о его страданиях и смерти.

Сав. кн., Лук. 3, 7. „глаше исходѣимъ народомъ“, ἔλεγε, — говорится о речах Иоанна, которые он повторял, когда приходили к нему люди.

В таком же смысле следует понимать и имперфект:

Сав. кн., Лук. 3, 10—11. „въпрашахъ ꙗ народи глѣше оучителю что створимъ отъвѣщавъ же глаше имъ имѣи двѣ ризѣ да подасть неимѣющимъ“, ἔλεγε — Иоанна спрашивали различные люди, спрашивали не раз, и он неоднократно повторял свои поучения.

Может быть, и форма имперфекта выражала повторные вопросы:

Сав. кн., Мр. 5, 30. „обращь сѧ въ народѣ глаше кто прикоснѣ сѧ ризахъ моихъ“, ἔλεγε.

Аористом обычно выражается конкретное высказывание в определенном моменте прошедшего:

Мар. ев., Мф. 18, 22. „гла емоу исъ“, λέγει.

Мар. ев., Мф. 9, 37. „тогда гла оученикомъ своимъ жатва оубо многа“, λέγει.

Мар. ев., Мф. 13, 33. „инѣ притѣчѣ гла имъ“, ἐλάλησεν.

Сав. кн., Ио. 11, 8. „глаша емоу оученици его“, λέγουσιν.

Сав. кн., Мф. 19, 7. „глаша емоу фарисеи“, λέγουσιν.

Сав. кн., Ио. 14, 22. „гла емоу иуда не искарיותскы“, λέγει.

Сав. кн., Мф., 19, 18. „гла емоу юноша къѧ“, λέγει.

Сав. кн., Ио. 19, 14. „и гла иудеомъ се црѣ вашѣ“, λέγει.

Сав. кн., Мф. 27, 22. „глаша вси да распатъ бѣдетъ“, λέγουσιν.

Сав. кн., Ио. 19, 26. „ис же видѣвъ мтере... гла мтери“, λέγει.

Зограф. ев., Мф. 19, 20. „гла емоу юноша въсѣ си съхранихъ“, λέγει.

Мар. ев., Мф. 20, 8. „гла гднѣ... къ приставънику“, λέγει.

Сав. кн., Ио. 18, 17. „гла же раба двѣрница петрови“, λέγει.

Сав. кн., Ио., 7, 50. „гла никодимъ къ нимъ“, λέγει.

Сав. кн., Ио. 18, 23. „аще зълѣ глахъ повѣждь о зълѣ“, ἐλάλησα.

Иногда форма аориста относится не к отдельному высказыванию, а к высказываниям вообще, взятым вместе, как одно целое:

Сав. кн., Ио. 15, 3. „юже вы чисти есте за слово еже глахъ вамъ“, греческ. перфект λέλαληκα.

Сав. кн., Ио. 18, 20—21. „азъ не обиноуа сѧ глахъ миру... и таи не глахъ ничесоже... въпроси слышавшихъ что глахъ имъ“.

Есть, однако, случаи, где имперфект передает отдельное конкретное высказывание, точно так же, как аорист:

Мар. ев., Лук. 23, 42. „ꙗ глааше исви помѣни ма ги“, ἔλεγε.

Мар. ев., Лук. 13, 14. „отъвѣшта[в] же архисѹнагогъ негодоуѧ... глаше народу“.

Мар. ев., Мр. 4, 21. „ꙗ глаше имъ еда приходитъ свѣтильникъ“.

Эти случаи свидетельствуют о том, что в глаголах речи различия между имперфектом и аористом не всегда так разительны, как в других группах глаголов. Часто употребление той или другой формы было безразлично.

просити. Переводит греческие глаголы αἰτέω, κέλευω.

Аорист встречается чаще, чем имперфект. Обычное его значение — просьба, относящаяся к конкретному случаю:

Мар. ев., Мф. 27, 58. „съ пристѣпъ къ пилатѹ проси тѣла исва“, ἐκέλευσεν.

Мар. ев., Мр. 6, 25. „и въшедши абие съ тѣштаниемъ къ цсрю проси глѣшти“, ἠτήσατο.

Мар. ев., Мф. 16, 1. „и пристѣпше фарисѣи и садѹкеи искоушаѣште и просиша знамениѣ с нбсе показати имъ“, ἐπρώτησαν.

Мар. ев., Мр. 15, 43. „и дрѣзньвѣ въниде къ пилатѹ и проси тѣла исва“.

Сав. кн., Ио. 16, 24. „доселѣ не просите ничесоже о имени моемъ“, οὐκ ἠτήσατε.

Имперфект встречается всего только в двух примерах:

Мар. ев., Мр. 15, 6. „на всѣкъ же праздникъ отъпоуштааше имъ единого съвазньѣ егоже прошаахъ“, ὄν παρητούντο.

Мар. ев., Лук. 23, 25. „отъпоусти же имъ въсажденааго въ темницѣ... егоже прошаахъ“, ἤτοῦντο.

В этих случаях имперфект имеет значение многократного действия.

Глагол *просити* встречается в употреблении с приставками:

Мар. ев., Лук. 23, 52. „съ пристѣпъ къ пилатѹ испроси тѣло исве“, ἠτήσατο. Приставка **из-** придает глаголу оттенок исчерпанности действия.

Приставка **въ-** придает глаголу новое значение, не связанное со значением „просить“, и переводит большею частью греческий глагол ἐπερωτάω — „спрашивать“. *Въпросити* встречается в аористе и в имперфекте. Аорист имеет обычное значение конкретного вопроса, заданного в определенный момент прошлого:

Сав. кн., Мф. 27, 11. „ис же ста прѣдъ игемономъ и въпроси игемонъ“, ἐπερώτησεν.

Сав. кн., Мф. 22, 41. „събраномъ же фарисеомъ въпроси ихъ ис“, ἐπρώτησεν.

Мар. ев., Мф. 17, 10. „и въпросиша и оученици его глѣще“, ἐπερώτησαν.

Мар. ев., Мр. 4, 10. „егда же бысть единъ въпросиша и“, ἠρώτησαν.

Мар. ев., Мр. 9, 16. „и въпроси кѣнижъники“, ἐπρώτησεν.

Мар. ев., Мр. 14, 60. „и въставъ архиереи по срѣдѣ въпроси isa“, ἐπρώτησεν.

Мар. ев., 15, 2. „и въпроси и пилать ты ли еси цсрь иудеискъ“, ἐπρώτησεν.

Мар. ев., Ио. 1, 21. „и въпросиша и чѣто оубо ты еси“, ἠρώτησαν.

Мар. ев., Ио. 5, 12. „въпросиша же и кѣто естъ чкъ“, ἠρώτησαν.

Случаев употребления имперфекта много, не меньше, чем аориста. Имперфект употребляется с наречиями *пакы*, *много* и т. п.

Мар. ев., Мр. 15, 4. „пилать же пакы въпрашааше и гла“, ἐπρώτα.

Мар. ев., Мр. 10, 10. „и въ домоу пакы оученици его о семъ въпрашаахъ“, ἐπρώτων.

Мар. ев., Лук. 23, 9. „въпрашааше же и словеси многы“, ἐπρώτα.

Однако с наречием *пакы* возможно и употребление аориста:

Мар. ев., Мр. 14, 61. „пакы архиереи въпроси и гла емоу“, ἐπηρώτα.
Сав. кн., Ио. 18, 7. „пакы же ѿ въпроси ис“, ἐπηρώτησε.

В довольно большой группе примеров употребление имперфекта ничем не оправдано, так как речь идет о конкретных вопросах:

Сав. кн., Мф. 2, 4. „и въпрашае ѿ къде хс раждаетъ сѧ“, ἐπυνθάνετο.

Мар. ев., Мр. 8, 23. „въпрашааше и аште что видить“, ἐπηρώτα.

Мар. ев., Мр. 5, 9. „и въпрашааше и како ти естъ имѧ“, ἐπηρώτα.

Сав. кн., Лук. 15, 26. „и призывавъ единого раба въпрашааше что ѡбо се естъ“, ἐπυνθάνετο.

Довольно часты случаи расхождения с греческим:

Мар. ев., Мр. 14, 61. „пакы архиереи въпроси и и гла емоу“, греческ. имперфект ἐπηρώτα.

Мар. ев., Мр. 8, 5. „и въпроси ѿ колико имате хлѣбѡ“, греческ. имперфект ἐπηρώτα.

Мар. ев., Лук. 20, 27. „пристѣпше же едини отъ садоукеи глахше въскрѣшению не быти въпрашаахъ и“, греческ. аорист ἐπηρώτησαν.

В Мар. ев., форма *въпраша же*, которую можно понять или как недописку или как уже существующую в говоре писца новую форму аориста от основы **въпрашати**, которую он внес в текст.

Расхождения с греческим, как известно, в этой группе глаголов довольно часты и объясняются тем, что как в греческом, так и в славянском различия между формами имперфекта и аориста не были достаточно четки. Об этом свидетельствуют варианты как греческих, так и славянских текстов:

Мар. ев., Мр. 12, 18. „и придѣ садоукеи къ нему... и въпросиша и глахше“, в греческ. два варианта: имперфект — ἐπηρώτων, аорист — ἐπηρώτησαν, в Зограф. ев. *въпрашаахъ*.

Мар. ев., Мр. 10, 10. „и въ домоу пакы оученици его о семь въпрашаахъ“, греческ. имперфект ἐπηρώτων, но есть и вариант с аористом — ἐπηρώτησαν.

отвѣщати — отвѣщавати. Переводят греческий глагол ἀποκρίνομαι.

Аорист имеет обычное значение определенного, единичного действия:

Мар. ев., Ио. 20, 28. „и отвѣшта тома и рече емоу“, ἀπεκρίθη.

Мар. ев., Ио. 12, 23. „ис же отвѣшта има гла“, ἀπεκρίνατο.

Мар. ев., Ио. 10, 33. „отвѣшташа емоу иудѣи“, ἀπεκρίθησαν.

Мар. ев., Ио. 9, 20. „отвѣштася же имъ родитель его“, ἀπεκρίθησαν.

Мар. ев., Ио. 8, 48. „отвѣшташа иудеи и рѣша емоу“, ἀπεκρίθησαν.

Мар. ев., Ио. 6, 68. „отвѣшта емоу симонъ петръ“, ἀπεκρίθη.

Мар. ев., Ио. 6, 7. „отвѣшта емоу филипъ“, ἀπεκρίθη.

Мар. ев., Ио. 5, 7. „отвѣща емоу недѣжъны“, ἀπεκρίθη.

Мар. ев., Ио. 3, 9. „отвѣшта никодимъ и рече емоу“, ἀπεκρίθη.

Мар. ев., Ио. 1, 26. „отвѣшта имъ иоанъ гла“, ἀπεκρίθη.

Мар. ев., Лук. 20, 7. „и отвѣщааша не вѣмъ отъ кѣдоу“, ἀπεκρίθησαν.

Мар. ев., Мр. 15, 9. „пилать же отвѣшта имъ гла“, ἀπεκρίθη.

Формы имперфекта встречаются значительно реже. Иногда употребление имперфекта оправдывается полным отрицанием:

Мар. ев., Лук. 23, 9. „онъ же ничесоже не отвѣштаваше емоу“, ἀπεκρίνατο.

Мар. ев., Мр. 14, 61. „онъ же мълчааше и ничесоже не отвѣшташе“, ἀπεκρίνατο.

Мар. ев., Мф. 27, 12. „и егда на нь глхъ архиереи и старьци ничьсоже отъвѣштаваше“, ἀπεκρίνατο.

Однако в совершенно аналогичном случае встречается и форма аориста:

Мар. ев., Мр. 15, 5. „ис же к томоу ничесоже не отъвѣшта“, ἀπεκρίθη.

Мар. ев., Лук. 3, 15—16. „Чаждшемъ же людемъ и помышлыжцтмъ“
всѣмъ въ срьдцихъ своихъ о иоанѣ еда ть есть хъ отъвѣштаваше
иоанъ всѣмъ гла“, ἀπεκρίνατο. Имперфект здесь употреблен потому,
что ответ Иоанна также носил собирательный, общий характер —
„так говорил Иоанн всем, кто считал его Христом“.

Но и в формах глагола *отъвѣщати* — *отъвѣщавати* также нет четкого различия между аористом и имперфектом, как и в рассмотренных выше глаголах.

Благословити. Отыменный глагол употребляется в аористе и в имперфекте. Аористом выражается конкретное единичное действие: Сав. кн., Лук. 2, 34. „и блгсви іа съмеонъ“, εὐλόγησεν.

Мар. ев., Лук. 24, 30. „приемъ хлѣбъ блгви“, εὐλόγησεν.

Мар. ев., Лук. 24, 50. „и въздвигъ рждѣ свои благослови іа“, εὐλόγησεν.

Сав. кн., Лук. 2, 28. „и ть приать і на ржоку своєю и благослови симеонъ ба и рече“.

На имперфект есть только два примера:

Мар. ев., Мр. 10, 16. „і обемъ іа благословѣваше, възлагаѣ рждѣ на на“, κατεύλογει, — многократное действие, повторявшееся не раз.

Мар. ев., Лук. 24, 51. „і бысть егда благословѣше іа отъстѣпи отъ нихъ“, ἐν τῷ εὐλογεῖν, — имперфектом здесь выражается действие, представленное как процесс, во время которого совершилось другое главное действие.

Гласити. Встречается только с приставками **при-** и **въз-** в формах аориста:

С приставкой **при-** в значении „позвать“:

Мар. ев., Ио. 2, 9. „пригласи жениха архитриклинь“, φωνεῖ.

Мар. ев., Лук. 6, 13. „і егда бысть день пригласи оученикы своя“.

С приставкой **въз-** обычно в смысле „воскликнуть“, „закричать“, только один пример со значением „позвать“:

Мар. ев., Ио. 1, 49. „прѣжде даже не възгласи тебе филипъ, сѣшта подъ смоковницеѣ видѣхъ та“, греческ. инф. аорист. φωνῆσαι.

Сав. кн., Мф. 26, 74. „и абие коуръ възгласи“, ἐφώνησεν.

Мар. ев., Лук. 22, 60. „і абие еште емоу глѣштво възгласи кокотъ“, ἐφώνησεν.

Мар. ев., Лук. 23, 20. „пакы же пилать възгласи хота отъпоустити иса“, προσεφώνησεν.

Сав. кн., Лук. 8, 54. „и имъ іа за ржкж възгласи“, ἐφώνησεν.

Сав. кн., Лук. 12, 21. „се гла възгласи“, греческ. имперфект ἐφώνει.

Расхождение с оригиналом объясняется тем, что здесь имелось в виду единичное восклицание, имперфектом была бы выражена многократность восклицаний.

Пример на имперфект только один — и то [лишь в Зограф. ев. (в Мар. ев. глагол *въпити*).

Зограф. ев., Лук. 23, 21. „они же възгласяахъ глѣште“, греческ. имперфект ἐπεφώνουν.

Имперфектом передаются многократные восклицания толпы.

съказати. Переводит различные греческие глаголы:

ὑποδείκνυμι — „назначать“, „оказывать“, „предписывать“; γινώσκω — „делать известным“, „дать знать“; συντάττω „назначать“, „предписывать“; διασαφέω — „уяснять“, μῆνυω — „объявлять“, „открывать“; διερχόμενος — „излагать“, „объяснять“; διανοίγω — „раскрывать“; ἐπιλύω — „разъяснять“.

Таким образом, этот глагол имеет два основных значения: 1) „предписывать“, „показывать“, „назначать“, 2) „делать известным“, „раскрывать“, „объяснять“, „излагать“.

Аорист употребляется с первым значением. Он выражает определенное предписание или показание:

Сав. кн., Лук. 3, 7. „кто съказа вамъ бѣжати отъ градѣщаго гнѣва“, ὑπέδειξεν.

Мар. ев., Лук. 20, 37. „а ѡкоже вѣстѣхъ мртвѣи и мосии съказа при кжпиѣ“, ἐμήνυσεν.

Сав. кн., Мф. 27, 10. „и даша ѡ на селѣ скждельничи ꙗкоже съказа мнѣ гъ“, ὑπέδειξεν.

Аорист может также содержать сообщение о факте:

Сав. кн., Лук. 2, 15. „и видимъ глѣ съ бывъши иже гъ съказа намъ“, συνέταξεν.

Сав. кн., Лук. 2, 17. „видѣвъше съказаша о гласѣ“, ἐγνώρισαν.

Сав. кн., Мф. 18, 31. „и пришѣдъше съказаша гви его“, διεσάφησαν.

Со значением „раскрывать“, „разъяснять“, „излагать“ употребляется форма имперфекта, так как в таком случае *съказати* означает сложную деятельность, состоящую из нескольких актов:

Мар. ев., Мр. 4, 34. „единъ же съказаше оученикомъ своимъ всѣ“, ἐπέλυεν, — имеется в виду многократное действие.

Мар. ев., Лук. 24, 27. „и наченъ отъ мосѣа и отъ всѣхъ пророкъ съказаше има кънигы“, διερχόμενος.

Мар. ев., Лук. 24, 32. „не срѣце ли наю гора бѣ въ наю, егда глааше... и ѡко съказаше нама кънигы“, διήνοιγεν.

В двух примерах встречается 1-е лицо глагола, по форме нельзя определить, аорист это или имперфект, в греческом им соответствует аорист со значением „сделал известным“, „раскрыл“ (ἐγνώρισα):

Сав. кн., Ио. 17, 26. „и съказахъ имъ има твое и съкажъ“.

Сав. кн., Ио. 15, 15. „ꙗко вса... съказахъ вамъ“.

Можно бы предположить, что и в старославянском языке это тоже аорист. Но в Остр. ев. встречаем такое различие: „и съказаахъ“, — т. е. эта форма понимается как имперфект, так как глагол здесь имеет значение „раскрывать“, „пояснять“, т. е. по содержанию он сложен.

вѣдѣти. Глагол этот был рассмотрен нами в разделе глаголов состояния, но глаголы с приставками от этого корня относятся к группе глаголов речи. Так, глагол *повѣдѣти* означает передачу, сообщение кому-либо знаний. Это определенный глагол, он употребляется обычно в аористе:

Мар. ев., Лук. 9, 10. „и възвращъше сѧ апли повѣдаша емоу елико сътвориша“, διηγήσαντο.

Мар. ев., Мр. 5, 16. „и повѣдѣша имъ видѣвъшеи како бысть бѣсьноюемоу“, διηγήσαντο.

Мар. ев., Ио. 5, 15. „иде же члвкъ и повѣдѣ иудеомъ“, ἀνήγγειλε.

Мар. ев., Лук. 14, 21. „и пришѣдъ рабъ тъ повѣдѣ се“, ἀπήγγειλεν, в Зограф. ев. — *повѣда*.

Мар. ев., Лук. 8, 47. „повѣдѣ емоу прѣдѣ всѣми людьми“, ἀπήγγειλεν, в Зограф. ев. — *повѣда*.

Есть один пример имперфекта в Мар. ев.:

Лук. 24, 35. „и та повѣдашете ъже быша на пѣти“, ἐξηγοῦντο. Употребление здесь имперфекта (в одном только памятнике), правда, в соответствии с греческим имперфектом, не совсем ясно.

Глагол *въдѣти* встречается со сложной приставкой **запо-** со значением „приказывать“, им переводится греческий глагол ἐντέλλω. Встречается только форма аориста, так как этот глагол имеет значение конкретного, определенного приказа:

Мар. ев., Мр. 10, 3. „что вамъ заповѣдѣ мози“, ἐνετείλατο.

Мар. ев., Мф. 17, 9. „и съходящемъ имъ съ горы заповѣдѣ имъ исъ гла“, ἐνετείλατο.

Мар. ев., Мр. 11, 6. „она же рѣсте имъ ъкоже заповѣдѣ исъ“, ἐνετείλατο.

В Мар. ев. есть только один пример на имперфект от этого глагола:

Мр. 7, 36. „еликоже имъ тѣ заповѣдаше они пача излиха проповѣдаахъ“, διεστέλλετο. Но в Зограф. и Остр. ев. и в Сав. кн. — *запрѣщашеть*, в Ассем. ев. — аорист *запрѣти*. Употребление здесь имперфекта вполне понятно, так как имеется в виду много раз повторяющееся действие.

исповѣдѣти — переводит греческий глагол ὁμολογέω — „соглашаться“, „признаваться“, „обещать“ — и глагол ἐξεγέσμαι — „изъяснять“.

Вследствие разнообразных значений употребляется и в аористе и в имперфекте.

Аорист имеет значение конкретного, определенного действия:

Мар. ев., Ио. 1, 20. „и исповѣдѣ ъко нѣсмъ азъ хъ“, ὁμολόγησε, — „признался, что он не Христос“.

Мар. ев., Лук. 22, 6. „и исповѣдѣ и искаше подобна врѣмене да и прѣдасть имъ без народа“, ἐξὼμολόγησε, — „и согласился“.

Мар. ев., Ио. 1, 18. „иначды снѣ сми въ лонѣ очи тѣ исповѣдѣ“, греческ. аорист ἐξηγήσατο.

Имперфект в двух примерах:

Мар. ев., Ио. 12, 42. [многие из князей верили в него] „нѣ фарисѣи ради не исповѣдаахъ“, οὐχ ὁμολόγησαν, — „не признавались“. Здесь значение действия общее, а не конкретное.

Сав. кн., Лук. 2, 38. „и та въ часъ приставѣши исповѣдаше сѣ гви и глаше о немъ“, ἀνθὼμολογεῖτο, — высказывания Анны пророчицы передаются не как отдельные конкретные высказывания, а как обобщенные.

проповѣдѣти — *проповѣдати* — переводит греческий глагол κηρύττω — „провозглашать“, „проповедовать“.

Употребляется преимущественно в имперфекте, так как самое значение основы неопределенно, представляется как деятельность, состоящая из ряда актов — высказываний, поучений и т. д.

Мар. ев., Мр. 6, 12. „и ишедѣше проповѣдаахъ да покаѣтъ сѣ“, ἐκήρυσσεν.

Сав. кн., Мр. 1, 7. „и проповѣдаше гла“, ἐκήρυσσεν.

Мар. ев., Мр. 7, 36. „еликоже имъ тѣ заповѣдаше (запрѣщашеть) они паче излиха проповѣдаахъ“, ἐκήρυσσεν.

Есть один пример на аорист, но только в Мар. ев., в Зограф. ев. этого примера нет:

Мр. 16, 20. „они же ишедѣше проповѣдѣша въсѣдѣ“, ἐκήρυσαν.

Употребление здесь аориста не совсем ясно. Может быть, имело

значение то, что это последний стих евангелия, и проповедь апостолов представляется как определенная и завершившаяся.

Этимологически связанный с этим же корнем, но образуемый от существительного *въстѣ* отыменный глагол *възвѣстити* встречается только в аористе, который во всех случаях означает определенное сообщение кому-либо чего-либо нового:

Мар. ев., Лук. 24, 9. „и възвращѣша сѧ отъ гроба възвѣстиша всѣмъ си“, ἀπὸ γυναικῶν.

Мар. ев., Лук. 7, 18. „и възвѣстиша иоану оученици его о всѣхъ сихъ“.

Мар. ев., Мр. 16, 13. „и та шедѣша възвѣстисте прочимъ“, ἀπὸ γυναικῶν.

Мар. ев., Мр. 16, 10. „она шедѣши възвѣсти бѣвѣшимъ сѣмъ нимъ“, ἀπὸ γυναικῶν.

Мар. ев., Мр. 6, 30. „и събѣраша сѧ апѣли къ исоу и възвѣстиша емоу всѣмъ елико сътвориша и елико наоучиша“, ἀπὸ γυναικῶν.

Мар. ев., Мр. 5, 14. „и пасѣхши свинѣи бѣжаша и възвѣстиша въ градъ“.

Мар. ев., Мф. 14, 12. „и пришедѣше възвѣстиша исоу“.

сѣтазати сѧ. Переводит греческие глаголы συναίρω — „требовать ответа“; διαλέγω — „рассуждать“, „разговаривать“; συναλλάω — „рассуждать“; συζητεῖω — „спорить“.

Только в одном случае в соответствии с греческим глаголом συναίρω — „требовать ответа“ — употребляется аорист, так как глагол имеет значение определенного действия:

Сав. кн., Мф. 25, 19. „и сѣтаза сѧ сѣмъ ними о словеси“, συναίρει.

В остальных случаях имеем имперфект:

Мар. ев., Лук. 4, 36. „и сѣтазаахѣ сѧ другъ къ другому глѣхше“, συνελάλουν.

Зограф. ев., Мр. 9, 34. „другъ къ другому бо сѣтазашеса на пѣти кто есть болей“, греческ. аорист διελέχθησαν, в Мар. ев. аорист — *сѣтазаша*.

сѣвѣдѣтельствовати. Отыменный глагол, употребляется преимущественно в аористе, так как означает определенное высказывание, переводит греческий глагол μαρτυρεῖω.

Мар. ев., Ио. 5, 37. „тѣ сѣвѣдѣтельствова о мнѣ“, греческ. перфект μεμαρτύρηκεν, в Зограф. ев. наст. вр. — *сѣвѣдѣтельствуеть*.

Мар. ев., Ио. 4, 44. „самъ бо исо сѣвѣдѣтельствова ѣко пркъ въ своемъ отъчѣствии не имать чѣсти“, ἐμαρτύρησεν.

Мар. ев., Ио. 1, 32. „и сѣвѣдѣтельствова иоанъ глѣ“, ἐμαρτύρησεν.

Мар. ев., Ио. 1, 34. „и сѣвѣдѣтельствовахъ ѣко сѣ есть снъ бжии“.

Мар. ев., Ио. 19, 35. „и видѣвы и сѣвѣдѣтельствова“, μεμαρτύρηκα.

Форма имперфекта встретила один раз:

Мар. ев., Ио. 12, 17. „Сѣвѣдѣтельствовааше же народъ“, ἐμαρτύρει, но в Сав. кн. — аорист.

цѣловати. Всего два примера — один с аористом и второй с имперфектом:

Сав. кн., Лук. 1, 40. „въниде въ домъ захаринъ и цѣлова елисаветъ“, ἡσπάσατο, — определенный, единичный случай.

Мар. ев., Мр. 9, 15. „и абѣ весь народъ видѣвѣше и оужасѣ сѧ и пририштѣхше цѣловаахѣ и“, ἡσπάζοντο, — передается неопределенность, собирательность действия.

поносити. Встретился только один раз, в форме аориста:

Мар. ев., Мр. 16, 14. „и поноси невѣрствию ихъ и жестосръдью“, ὠνειδίσεν, — подчеркивается определенность высказывания.

възбранити. Переводит греческий глагол κωλύω — „препятствовать“,

„мешать“, „не допускать“. В текстах встретились три примера с аористом: Мар. ев., Мр. 9, 38. „и възбранихомъ емоу ѣко не послѣдова намъ“, ἐκωλύομεν.

Мар. ев., Лук. 9, 49. „видѣхомъ етера о имени твоёмъ изгонашта бѣсы и възбранихомъ емоу“, ἐκωλύομεν.

Мар. ев., Лук. 11, 52. „и въходаштеимъ възбранисте“, ἐκωλύσατε.

Один пример имперфекта:

Сав. кн., Мф. 3, 13. „приде исъ отъ галилеа на иорданъ к иоанѣ кръстити сѧ отъ него иоанъ же възбраняше емоу гла“, διεκώλυεν. Форма имперфекта здесь объясняется тем, что действие не совершилось: Иоанн не допускал Иисуса, но не мог не допустить.

В этой группе имеются глаголы, которые встречаются в евангельских текстах или только в формах имперфекта или только в формах аориста. Так, только в формах имперфекта встречаются следующие глаголы:

бесѣдовати. Передаёт греческий глагол ὠμίλω.

Мар. ев., Лук. 24, 14. „и та бесѣдовахте къ себѣ“, ὠμίλου, — выражено не определенное действие, состоящее из ряда высказываний.

хоулити. Передаёт греческий глагол βλασφήμω — „оскорблять“, „бранить“, имеет также и собирательное значение:

Мар. ев., Лук. 23, 39. „единъ же отъ обѣшеноую зьлодѣѣхъ хоулѣше и гла“.

Мар. ев., Мф. 27, 39. „мимо ходаштеи же хоулѣахъ и“, ἐβλασφήμουν.

рѣпгати (ῥογγύζω) — нетрудно видеть собирательность, неопределённость, заключённую в семантике этого глагола, поэтому употребление имперфекта вполне понятно.

Мар. ев., Лук. 5, 30. „и рѣпгатаахъ кнѣжнѣици... глѣще“, ἐρόγγυζον;

Мар. ев., Мф. 20, 10—12. „приѣса по пѣназоу, приемше же рѣпгатаахъ на гнѣ глѣште“, ἐρόγγυζον;

Мар. ев., Лук. 19, 7. „и видѣвше вси рѣпгатаахъ глѣште“, διερόγγυζον.

Такое же неопределённое собирательное значение имеют основы.

пѣрѣти сѧ — „спорить“.

Мар. ев., Ио. 6, 52. „пѣрѣахъ же сѧ иудеи между собою“, ἐμάχοντο; **вадити.**

Мар. ев., Ио. 8, 10. „жено кѣде сѣтъ иже на та важдаахъ“, κατέκρινεν; **мльвити.**

Сав. кн., Лук. 10, 40. „марта же мльвѣше о мнозѣ слоужбѣ“.

Глаголы, не встречающиеся в форме имперфекта, — это преимущественно глаголы с конкретным, ещё более уточненным приставками содержанием.

повелѣти. Глагол, передающий конкретный, определённый приказ, соответствует греческим глаголам ἐπίτρεπω, κέλευω — „приказывать“, παραγγέλλω, ἐντέλλω и др.

Мар. ев., Ио. 19, 38. „и повелѣ пилать“, ἐπέτρεψεν.

Сав. кн., Лук. 8, 32. „онъ же повелѣ имъ внити“, ἐπέτρεψεν.

Сав. кн., Мф. 14, 19. „и повелѣ народу възлеци по трѣвѣ“, κελεύσας.

Мар. ев., Ио. 8, 5. „моси повелѣ таковыѣа каменiemъ побивати“, ἐντείλατο.

Мар. ев., Мр. 13, 34. „и вратъникоу повелѣ да бѣдит“.

Сав. кн., Мф. 1, 24. „въставъ же иосифъ отъ сѣна створи иакоже повелѣ емоу аглль“, προσέταξεν.

Мар. ев., Мр. 6, 27. „и абие посълавъ цсрь война повелѣ принести главъ его“, ἐπέταξω.

Мар. ев., Мр. 6, 45. „а бие оубѣди оученикы своѣ вънити въ корабь“, *пчухасев.*

Мар. ев., Лук. 1, 73. „клатвож ежже клать са къ аврааму отцю-нашему“.

Сав. кн., Мф. 2, 7. „тогда иродъ таи призвавъ влхвѣ испыта отъ нихъ врѣмѣ“, *ѣхрѣѡсев.*

Сав. кн., Мф. 2, 16. „по врѣмени же испыта отъ влхвѣ“, *ѣхрѣѡсев.*

* * *

Основной особенностью этой группы глаголов является то, что в отличие от рассмотренных выше категорий в ней поздно развивается грамматическое выражение определенности и неопределенности. В ней нет почти парных глаголов, противопоставляющихся друг другу как неопределенные и определенные. Различие определенности и неопределенности здесь было большею частью только лексическим различием. Однако и в этой группе есть основы с неопределенным значением, образующие только формы имперфекта: *бесѣдовати*, *хоулити*, *рѣгѣтати*, и основы с определенным значением, образующие только формы аориста, — *повелѣти*, *рещи* и т. д.

Некоторые из неопределенных глаголов, получив приставку, получают значение определенности, например *възъпити*, *възъвати* и т. д.

Многие глаголы употребляются в различных значениях: в конкретном и более отвлеченном, собирательном, и в зависимости от этого употребляются в имперфекте или в аористе: *сказати* или *сѣзати* са, *молити* са и т. д.

И наконец, часть глаголов представляет почти равномерное образование от одной и той же основы аориста и имперфекта, например *глаголати*, *въпросити*, *отвѣщати* и т. д. В этой группе различие между аористом и имперфектом установить труднее. И иногда вообще даже нельзя понять, почему в том или другом случае употреблен аорист, а не имперфект, или наоборот. Частые разночтения, смешение этих форм в разных кодексах, а также многочисленные варианты и в греческом оригинале свидетельствуют о том, что как в греческом языке, так и в славянском между этими формами не было существенной разницы.

Но все-таки можно заметить, что аорист употребляется больше при конкретных, отдельных высказываниях, а имперфект — при более общих, неопределенных.

Таким образом, из всех групп глаголов данная группа менее всего выразительна, и отношения между формами прошедших времен в ней наиболее запутаны.

5. ГЛАГОЛЫ ДЕЙСТВИЯ

Это сложная, многообразная группа глаголов. Отношения определенности и неопределенности в ней выражаются не так ясно, как в глаголах состояния, но все же довольно четко.

Действие конкретное, определенное выражается аористом, поэтому количество случаев употребления только аориста, когда нет формы имперфекта, очень велико, значительно больше, чем во всех других группах глаголов. Но однако отсутствие формы имперфекта не всегда является доказательством того, что это — конкретная, определенная основа и что имперфект от нее не может быть образован, так как в аналогичных случаях от таких же основ имперфект образуется.

Следовательно, иногда это — случайность, связанная с содержанием текста. Но все же характерно, что основы с конкретным содержанием встречаются часто только в форме аориста.

Рассмотрим сначала основы, которые не имеют форм имперфекта.

а) Глаголы без приставок.

явити сл. Весьма употребителен аорист от глагола *явити* сл, который по своей семантике уже указывает на определенность, поэтому от *явити* сл мы не находим имперфекта даже в тех случаях, когда при других основах имперфект встречается. Например при многократности действия:

Сав. кн., Мф. 27, 53. „и явиша сл многомъ“, греческ. аорист ἐνεφανίσθησαν.

Сав. кн., Ио. 21, 14. „се оуже третици ис яви сл оученикомъ“, ἐφανερώθη.

Мар. ев., Ио. 10, 32. „многа дѣла добра явихъ (въ) васъ“, ἔδειξα.

Мар. ев., Мф. 9, 33. „николиже ави сл тако вли“, ἐφάνη.

В других случаях употребление аориста обычно относится к определенному, конкретному факту:

Мар. ев., Лук. 22, 43. „ави же сл емоу аггль съ нбсе оукрѣплѣа“, ὤφθη.

Сав. кн., Мф. 2, 13. „се аггль гнь въ сьнѣ яви сл иосифови“, греческ. наст. вр. φαίνεται.

Мар. ев., Ио. 21, 14. „яви сл ис оученикомъ своимъ“, ἐφανερώθη.

Мар. ев., Мр. 9, 4. „яви сл имъ илиѣ съ мосеемъ“, ὤφθη.

Мар. ев., Мф. 13, 26. „тѣгда ави сл и плѣвель“, ἐφάνη.

Мар. ев., Мф. 16, 17. „блаженъ еси симоне вариона яко плѣть и крвь не ави тебѣ нъ отцѣ мои“, ἀπεκάλυψεν.

Глагол *ати* или *яти* встречается только в аористе, соответствует греческим глаголам λαμβάνω — „брать“; κρατέω — „удерживать“; πιάζω — „брать“.

Мейе считает его индоевропейским глаголом с определенным значением (детерминативным) (см. „Le slave commun“, стр. 245), восходящим к литовскому *imti*. Так как *ати* одного корня с глаголом состояния *имѣти*, то, повидимому, раньше он означал действие, переход к состоянию обладания чем-либо. Затем эти глаголы по значению отошли друг от друга, но *ати* сохраняет свое детерминативное значение.

Сав. кн., Мф. 14, 31. „ис же простерь ржкж атъ его“, ἐπελάβετο.

Сав. кн., Мф. 9, 25. „атъ ѣж за ржкж“, ἐκράτησεν.

Сав. кн., Ио. 18, 12. „и слоугы иудейскы аша иса“, συνέλαβον.

Мар. ев., Мр. 14, 46. „они же възложиша ржцѣ на нь и. ѣса и“, ἐκράτησαν.

Сав. кн., Мф. 28, 9. „онѣ же пристѣпыши астѣ сл за нозѣ его“, ἐκράτησαν.

Мар. ев., Лук. 5, 6. „об ноштѣ всѣх трождыше сл не ѣсомъ ничесоже“, οὐδέν ἐλάβομεν.

Сав. кн., Ио. 21, 10. „принесѣте отъ рыбѣ аже асте нынѣ“, ἐπιάσατε.

С приставкой **въз-** глагол *възати* переводит греческий глагол *αἶψά* как „поднимаю вверх“. Приставка **въз-** придает новый оттенок глаголу, *възати* — значит „поднять“:

Сав. кн., Мф. 15, 37. „и възаша избытъкъ оукроухъ“, ἤρξαν.

Сав. кн., Мф. 24, 39. „и възатъ всл“, ἤρξεν.

Сав. кн., Ио. 11, 41. „възаша же камень идеже бѣ лежа мрътвы“, ἤρξαν.

Мар. ев., Ио. 20, 2. „възаса г̃а отъ гроба“.

Мар. ев., Ио. 19, 38. „приде же и възать тѣло исво“, ἤρεν.

Мар. ев., Ио. 8, 59. „възаса же камене да врьгѣтъ на нь“, ἤραν.

С приставкой **на-** в значении, соответствующем греческому глаголу *μισθῶ* — „нанимать“:

Сав. кн., Мф. 20, 7. „іако никтоже насъ не наать“, ἐμισθῶσατο.

С приставкой **об-** в значении охвата действием:

Мар. ев., Ио. 1, 5. „і тѣма его не обыать“, οὐ κατέλαβεν.

Мар. ев., Лук. 5, 6. „і се створише обаса мнѡжѣство рыбѣ много“, συνέλεισαν.

С приставкой **по-** этот глагол встречается очень часто, им переводится греческий глагол *λαμβάνω*, большею частью с приставкой *para-*:

Мар. ев., Мф. 17, 1. „поѣтъ ис петра и іѣкова и иона“, παραλαμβάνει.

Мар. ев., Мр. 4, 36. „і отпоуштѣше народѣ поѣса“, παραλαμβάνουσιν, в Зограф. ев. „поѣша“.

Мар. ев., Мр. 5, 40. „онѣ же изгнавѣ вса поѣтъ отца отроковица и матерѣ“, παραλαμβάνει.

Мар. ев., Мр. 12, 22. „і поѣса іѣ семь и не оставиша сѣмене“, ἔλαβον.

Мар. кн., Ио. 19, 27. „і отъ того часа поатѣ іѣ оученикѣ“, ἔλαβεν.

Сав. кн., Ио. 19, 1. „тогда же пилаѣ поатѣ иса“, ἔλαβεν.

Сав. кн., Мф. 2, 14. „онѣ же вѣставѣ поатѣ отроча... и отиде“, παρέλαβεν.

Мар. ев., Мф. 4, 5. „тогда поѣтъ и диволь вѣ стѣи градѣ“, παραλαμβάνει.

С приставкой **при-** переводит греческий глагол *λαμβάνω* с приставками *para-*, *apo-* и глагол *δέκνυμι* — „принимать“:

Сав. кн., Мф. 8, 17. „тѣ болѣзни наша приатѣ“, ἐλάβε.

Сав. кн., Мф. 10, 8. „тѣне приатѣе тоуне же дадите“, ἐλαβετε.

Сав. кн., Мф. 20, 9. „пришѣдѣшей же вѣ единѣиѣ на десате годинѣ приаша по пѣназоу“, ἔλαβον.

Сав. кн., Мф. 27, 9. „и приа л̃ сребрникѣ“, ἔλαβον.

Сав. кн., Мф. 27, 30. „и плѣоувѣше на нь приаша трѣстѣ и биѣхѣ і“, ἔλαβον.

Сав. кн., Ио. 12, 13. „приаша ваѣ отъ финикѣ и изидоша противѣ емоу“.

Сав. кн., Ио. 13, 12. „и приатѣ ризѣ своа“, ἔλαβεν.

Сав. кн., Мф. 1, 24. „приатѣ женѣ своѣ“, παρέλαβεν.

Сав. кн., Ио. 21, 13. „и приатѣ хлѣбѣ“, λαμβάνει.

Мар. ев., Лук. 7, 16. „приатѣ же страхѣ вса“, ἔλαβεν.

Мар. ев., Мр. 7, 4. „і ина мнѡга сѣтъ ѣже приѣса дрѣжати“, παρέλαβον.

Сав. кн., Лук. 2, 28. „и тѣ приатѣ і на рѣжоу своею“, ἐδέξατο.

Мар. ев., Лук. 10, 38. „жена едина... приатѣ і вѣ домѣ своѣ“, ὑπεδέξατο.

родити (са). Глагол *родити (са)* встречается только в аористе. В большинстве случаев аористом выражается конкретный факт:

Мар. ев., Лук. 1, 57. „елисавети же испѣни са вѣрѣма родити еи і роди снѣ“, ἐγέννησεν.

Сав. кн., Лук. 2, 6. „і роди снѣ своѣ прѣвѣнѣць и повить і“, ἔτεκεν.

Сав. кн., Лук. 2, 11. „іако роди са вамѣ хѣ гѣ“, ἐτέχθη.

Сав. кн., Мф. 1, 2. „аврамѣ роди исака, исакѣ же роди іѣкова“, ἐγέννησεν.

Сав. кн., Мф. 1, 25. „доньдеже роди снѣ свои“, ἔτεκεν.

Мар. ев., Ио. 9, 19. „егоже вы глете ꙗко слѣпъ са роди“, ἐγεννήθη.

Сав. кн., Ио. 18, 37. „азъ на се родихъ са“, γεγέννημαι.

Иногда аорист от *родити* употребляется и в значении более отвлеченном:

Мар. ев., Лук. 23, 29. „блаженъ неплодъви и чрѣва ꙗже не родиша“, ἐγέννησαν.

Мар. ев., Ио. 1, 13. „яже не отъ крѣви... нъ отъ ба родиша са“, ἐγεννήθησαν.

Затем встречаются отдельные примеры на аористы с определенным значением от различных основ:

Сав. кн., Мф. 17, 25. „вари петра ис гла“, προέφθασεν.

Мар. ев., Мр. 6, 33. „притѣша тамо вариша ѣ“, προσήλθον.

Мар. ев., Ио. 20, 22. „и се рекъ доуноу и гла имъ“, ἐνεφύσησεν.

Мар. ев., Мр. 6, 35. „ꙗко поусто есть мѣсто и юже година минѣ“, παρήλθεν.

Мар. ев., Ио. 21, 15. „егда же обѣдоваша гла симонови“, ἤρισθησαν.

Здесь в придаточном предложении, когда говорится о действии, во время которого совершается другое действие, естественно было ожидать форму имперфекта, но в соответствии с греческой формой находим здесь аорист. Глагол *обѣдовати* — отыменный, возможно, что от него еще не было образований имперфекта.

Сав. кн., Ио. 19, 20. „сего титла мнози чѣтоша отъ иудей“, ἀνέγνωσαν.

Здесь также естественно было бы ожидать имперфект, тем более, что говорится о повторяемости действия. Но глагол *чѣсти* был глаголом определенным. Нам известна его неопределенная пара — *читати*, которая встречается во всех славянских языках.

В следующей группе примеров глаголы в аористе не имеют вполне определенного (детерминативного) значения, существование только формы аориста и отсутствие имперфекта для этих глаголов, повидимому, является случайностью.

Мар. ев., Лук. 23, 29. „блаженъ неплодъви... и съсъди яже не доиша“, ἔθρεψαν.

Мар. ев., Мф. 11, 17. „писахомъ вамъ и не пласасте“, οὐκ ᾤρησασθε.

Мар. ев., Мф. 14, 6. „дъни же бывъшоу розства иродова пласа дъшти иродивдина“, ᾤρησατο.

Мар. ев., Ио. 4, 38. „идеже вы не трюдисте са ини трюдиша са“, οὐκ κηκοπιήκατε, κηκοπιήσασιν.

Мар. ев., Ио. 8, 33. „сѣма аврамле есмъ и никоумуже не рабѣтахомъ николиже“, δεδουλεύκαμεν.

Сав. кн., Мф. 25, 16. „шѣдъ же примы е талантъ дѣла о нихъ“, ἤργασατο.

дѣлати. Встречается и с приставками с более определенным значением:

Мар. ев., Лук. 19, 16. „ги мѣнѣ твоѣ придѣла десять мѣнасъ“, προσήργασατο.

Сав. кн., Мф. 26, 10. „дѣло бо добро съдѣла въ мнѣ“, ἤργασατο.

б) Глаголы с приставками.

Приставки, как известно, делают глагол определенным, уточняя значение, иногда придавая оттенок результата, завершенности действия.

посълати. Встречается только в аористе. Примеры многочисленны, формы имперфекта не встречаются. Это не случайность, так как глагольная основа определена, конкретна. Эта определенность и является

причиной, почему форма имперфекта как бы исключается и употребляется только аорист.

Мар. ев., Мр. 11, 1. „посъла дѣва отъ оученикъ своихъ“, ἀποστέλλει.

Мар. ев., Мр. 8, 26. „и посъла и въ домъ его“, ἀπέστειλεν.

Мар. ев., Мр. 3, 31. „посълаша къ нему глашатиште“, ἀπέστειλαν.

Мар. ев., Лук. 7, 19. „и призвавъ дѣва етера отъ оученикъ своихъ
иоанъ посъла къ исви“, ἔπεμψεν.

Мар. ев., Лук. 7, 20. „иоанъ кръститель посъла ны къ тебѣ“, ἀπέστει-
λεν.

Мар. ев., Лук. 9, 52. „и посъла вѣстники прѣдъ лицемъ своимъ“,
ἀπέστειλεν.

Мар. ев., Лук. 19, 14. „и посълаша молитвѣ въ слѣдъ его“, ἀπέστειλαν.

Мар. ев., Лук. 22, 8. „и посъла петра и иоана рекъ“, ἀπέστειλεν.

Мар. ев., Лук. 23, 7. „посъла и къ ироду“, ἀπέπεμψεν.

Мар. ев., Лук. 4, 18. „благовѣстити ништимъ посъла ма“, греческ.
перфект ἀπέσταλκεν.

Мар. ев., Ио. 7, 32. „посълаша архиереи и фарисеи слоугы“, ἀπέστειλαν.

Сав. кн., Лук. 15, 15. „и посъла и на село свое пастъ свини“, ἔπεμψεν.

Мар. ев., Лук. 22, 35. „егда посълахъ вы безълагалишта... еда чесо
лишени бѣсте“, ἀπέστειλα.

Мар. ев., Ио. 5, 33. „вы посъласте къ ио[о]ану и съвѣдѣтельствова
о истинѣ“, ἀπεστάλαχτε.

Зограф. ев., Лук. 23, 15. „нѣ ни иродъ посълахъ бо и къ нему“,
в Мар. ев. — „посълахъ бо и къ нему“.

С точки зрения современного языка в последних трех случаях лучше употребить основу несовершенную — **посылать**. Дальнейшее развитие глагольной системы, очевидно, и ведет к этому, о чем свидетельствует форма Мар. ев., но новая форма не закрепилась в евангельском тексте, в современном церковнославянском евангелии сохраняется форма *посълахъ*. Повидимому, конкретное значение основы **посылать** было причиной употребления во всех случаях аориста и отсутствия форм имперфекта.

сърѣсти. Употребляется также только в аористе. Форм имперфекта нет. Все примеры на аорист представляют действие как акт единичный, определенный:

Мар. ев., Ио. 11, 30. „нѣ бѣ на мѣсте еше идеже и сърѣте и марѣта“,
ὑπήντησεν.

Сав. кн., Лук. 8, 23—27. „приходящю исоу въ странѣ гадариньскѣ
сърѣте и мѣжъ единѣ“, ὑπήντησεν.

Сав. кн., Мф. 28, 9. „и самъ ис сърѣте га“, ὑπήντησεν.

Мар. ев., Лук. 9, 37. „сърѣте и народъ многъ“, συνήντησεν.

Сав. кн., Мф. 8, 28. „сърѣтоста и въ бѣсьноуица са“, ὑπήντησαν.

Мар. ев., Ио. 4, 51. „абие же съходящю емоу се раби его сърѣтѣ и“,
ὑπήντησαν.

Мар. ев., Мр. 5, 2. „абие сърѣте и отъ гробъ чкъ“, ὑπήντησεν.

съпасти. Нет имперфекта и от глагола *съпасти*, который также, повидимому, имеет определенное, конкретное значение:

Мар. ев., Лук. 18, 42. „вѣра твоѣ съпс та“, греческ. перфект σέσωχέν σε.

Мар. ев., Мр. 10, 52. „иди вѣра твоѣ спста“, σέσωχέν σε.

Сав. кн., Лук. 7, 49. „вѣра твоѣ и спе та“, σέσωχέν σε.

Сав. кн., Мр. 15, 31. „ины спе а ли себе не можетъ спсти“, ἔσωσεν.

вѣскръснѣти. Также употребляется только в аористе с определен-

ным значением. Суффикс **-н-**, как известно, был признаком определенного вида (см. Регнель. „Über den Ursprung“... стр. 74).

Сав. кн., Лук. 8, 55. „и въскрьсе абие“, ἀνέστη.

Мар. ев., Мф. 14, 2. „съ есть иоанъ крѣститель тѣ въскрьсе отъ мрътвыхъ“, ἠγέρθη.

въскрѣсити. Каузатив с определенным значением:

Сав. кн., Ио. 12, 9. „егоже въскрѣси отъ мрътвыхъ“, ἠγείρεν.

Сав. кн., Ио. 12, 1. „идеже бѣ лазоръ оумрът егоже въскрѣси отъ мрътвыхъ“, ἠγείρεν.

Сав. кн., Ио. 12, 17. „и въскрѣси і“, ἠγείρεν.

оуготовати. Встречается только в аористе:

Мар. ев., Мф. 22, 4. „се обѣдъ мои оуготовахъ“, ἠτοίμακα.

Сав. кн., Мф. 26, 19. „и оуготоваша пасхѣ“, ἠτοίμασαν.

Мар. ев., Лук. 23, 56. „възвратѣша же сѧ оуготоваша ароматы“, ἠτοίμασαν.

Мар. ев., Лук. 24, 1. „несѣшта ѣже оуготоваша ароматы“, ἠτοίμασαν.

стѣпнѣти. Глагол *стѣпнѣти* с различными приставками употребляется только в аористе. Здесь также, повидимому, отсутствие формы имперфекта вызвано конкретностью основы:

Мар. ев., Лук. 15, 29. „і николиже заповѣди твоѣѧ не прѣстѣпихъ“, παρήλθον.

Мар. ев., Лук. 22, 41. „і самъ остѣпи отъ нихъ ѣко врѣжение камени“, ἀπεσπάσθη.

Мар. ев., Лук. 24, 51. „и бысть егда благословѣше ѣ отъстѣпи отъ нихъ“, διέστη.

Мар. ев., Мф. 4, 11. „и се аггли пристѣпиша“, προσῆλθον.

Сав. кн., Мф. 26, 7. „пристѣпи къ немѣ жена“, προσῆλθον.

Сав. кн., Мф. 26, 69. „и пристѣпи къ немуу едина рабыни“, προσῆλθον.

Мар. ев., Мф. 15, 30. „і пристѣпиша къ немуу народи мнози“, προσῆλθον.

Мар. ев., Мф. 19, 3. „і пристѣпиша къ немуу фарисѣи“, προσῆλθον.

Мар. ев., Ио. 12, 21. „сии же пристѣпиша къ филипоу“, προσῆλθον.

начати. Также относится к определенным глаголам и употребляется только в аористе. Примеры на аорист многочисленны, форм имперфекта нет.

Сав. кн., Мф. 26, 37. „начать печи сѧ и тѣжити“, ἤρξατο.

Сав. кн., Лук. 15, 24. „и начаша веселити сѧ“, ἤρξαντο.

Сав. кн., Ио. 13, 5. „и начать оумывати нозѣ оученикомъ“, ἤρξατο.

Сав. кн., Лук. 14, 18. „и начаша въ коупъ отърицати сѧ вси“, ἤρξαντο.

Сав. кн., Лук. 5, 21. „и начаша помышлѣти“, ἤρξαντο.

Сав. кн., Мр. 15, 18. „и начаша цѣловати“, ἤρξαντο.

Сав. кн., Мр. 10, 41. „и слышавѣша десѧть начаша негодовати“, ἤρξαντο.

Сав. кн., Мр. 8, 31. „и нача оучити ѧ“, ἤρξατο.

Сав. кн., Мф. 4, 17. „отътоли начать ис проповѣдати“, ἤρξατο.

С приставкой **за-** и со специальным значением:

Мар. ев., Лук. 1, 24. „по сихъ же днехъ... зачатъ елисаветъ жена его“, συνέλαβεν.

Сав. кн., Лук. 2, 21. „нареченое агломъ прѣжде даже не зачатъ сѧ“, про τοῦ συλλημφθῆναι.

Глаголы с противоположным значением, т. е. со значением завершения действия, также употребляются только в аористе, так как они также относятся к детерминативным глаголам. Так, глагол *исплѣнити*,

наплънити, очень часто встречающийся в евангельских текстах, употребляется только в аористе:

Мар. ев., Ио. 2, 7. „и наплъниша ѿ до връха“, ἐγέμισαν.

Мар. ев., Мф. 22, 10. „и исплъниша бракъ възлежаштихъ“, ἐπλήσθη.

Мар. ев., Лук. 1, 57. „елисавети же исплъни са връма родити еи“, ἐπλήσθη.

Мар. ев., Лук. 1, 23. „и бысть ѿко исплъниша са денье слоужбы его“, ἐπλήσθησαν.

Мар. ев., Лук. 4, 28. „и исплъниша са ѿрости вси“, ἐπλήσθησαν.

Мар. ев., Лук. 5, 7. „и придѣ и исплъниша оба корабль“, ἐπλήσαν.

Мар. ев., Ио. 6, 13. „и исплъниша двѣ на десате коша оукроухъ“, ἐγέμισαν.

Мар. ев., Лук. 5, 26. „и исплъниша са страхомъ“, ἐπλήσθησαν.

Сав. кн., Ио. 12, 3. „храмина же исплъни са отъ вона мврвныа“, ἐπληρώθη.

Сав. кн., Мф. 13, 48. „иже егда исплъни са“, ἐπληρώθη.

свършити. Глагол *свършити* встречается только в аористе:

Мар. ев., Ио. 17, 4. „азъ прославихъ тѣ на земли дѣло свършихъ“, τελειώσας.

Мар. ев., Ио. 19, 29. „по семь вѣды исъ ѿко всѣ юже свършиша са о немъ“, τετέλεσται.

Мар. ев., Мф. 11, 1. „и бысть егда свърши исъ“, ἐτέλεσεν, в Зограф. ев. — „съконьча“.

Довольно много других глаголов с конкретным значением встречается только в аористе. Возможно, что все они относились к детерминативным глаголам.

оутвърдити.

Сав. кн., Мр. 3, 5. „и прострѣ и оутвърди са рѣка его цѣла“, ἀπεκατεστάθη.

Мар. ев., Мф. 12, 13. „и оутвърди са цѣла ѿко и дроугаѣ“, ἀπεκατεστάθη.

Мар. ев., Мф. 27, 66. „они же шедше оутвърдиша гробъ знаменавше камень“, ἠσφαλίσαντο.

Мар. ев., Лук. 9, 51. „и тѣ оутвърди лице свое въ имъ ити“, ἐστήρισεν.

Сав. кн., Лук. 16, 26. „между нами и вами пропасть велика оутвърди са“, ἐστήρικται, — переносное значение.

врѣсти. С приставками **раз-** и **от-**:

Сав. кн., Мр. 7, 35. „и абие разврзоста са слоуха его“, ἠνοιήσαν.

Сав. кн., Мф. 27, 52. „и гроби отврзоста са“, ἀνεψήχθησαν.

Сав. кн., Мф. 3, 16. „и се отврзоста са нбса“, ἠνεψήχθησαν.

Мар. ев., Ио. 9, 32. „отъ вѣка нѣсть слышано ѿко кто отврззе очи слѣпоурожденоу“, ἠνοιξε.

Мар. ев., Ио. 9, 26. „что сътвори тебѣ како отврззе очи твои“, ἠνοιξε.

Мар. ев., Лук. 24, 45. „тѣгда отврззе имъ оумъ“, διῆνοιξε.

Мар. ев., Лук. 24, 31. „онѣма же отврѣсте са очи“, διηνοιχθησαν.

Зограф., ев. Лук. 1, 64. „отврзоста же са оуста его абье“, ἀνεψήχθη.

Мар. ев., Лук. 3, 21. „и молашту са отврззе са небо“, ἀνεψήχθησαν.

отъкрыти, съкрыти, оукрыти.

Сав. кн., Мр. 2, 4. „открыша покровъ идеже бѣ“, ἀπεστέγασαν.

Сав. кн., Лук. 10, 21. „и отъкри вса младенцемъ“, ἀπεκαλύψας.

Мар. ев., Ио. 12, 38. „и мышьца гнѣ комоу отъкры са“, ἀπεκαλύφθη.

Сав. кн., Мф. 25, 25. „и оуболавъ са шѣдъ съкрыхъ талантъ твои въ земли“, ἔκρυφα.

Сав. кн., Мф. 25, 18. „и съкры сребро“, ἐκρυψεν.

Мар. ев., Ио. 8, 59. „ис же съкры са“, ἐκρύβη.

Мар. ев., Мф. 13, 33. „иже въземъши жена съкры въ мѣцѣ три сатъ“, ἐνέκρυψεν.

Мар. ев., Лук. 19, 42. „нынѣ же оукры са отъ очиж твоею“, ἐκρύβη.

трасти. Встречается только с приставками:

Сав. кн., Мф. 27, 51. „и земыѧ потрасе са“, ἐσεισθη.

Сав. кн., Мф. 21, 10. „и възшѣдъшю емоу въ ерсламъ потрасе са весь градъ“, ἐσεισθη.

Сав. кн., Мф. 28, 4. „отъ страха же его сътрасоша са стрѣгѣи“, ἐσεισθησαν.

Сав. кн., Мр. 9, 20. „и видѣвъ дхъ сътрасе г“, συνεσπάραξεν.

распати или пропати.

Мар. ев., Ио. 19, 41. „бѣ же на мѣстѣ идеже и пропаса вртѣпъ“, ἐσταυρώθη.

Мар. ев., Лук. 24, 20. „и пропаса и“, ἐσταύρωσαν.

Сав. кн., Мф. 27, 38. „тогда распаша съ нимъ в разбойника“, σταυροῦνται.

Сав. кн., Мр. 15, 25. „бѣ же година г и распаша г“, ἐσταύρωσαν.

Мар. ев., Лук. 23, 33. „тоу пропаса и“, ἐσταύρωσαν.

раздѣлити (са).

Мар. ев., Лук. 11, 18. „аште же и сотона самъ въ себѣ раздѣли са како станеть црсво его“, διμερίσθη.

Сав. кн., Мр. 15, 24. „и распнѣше г раздѣлиша ризы его“, διμερίζονται.

Сав. кн., Лук. 15, 12. „и раздѣли има имѣние“, διέτηλεν.

Мар. ев., Мр. 6, 41. „г обѣ рыбѣ раздѣли въсѣмъ“, ἐμερίσεν.

прѣломити.

Сав. кн., Мф. 15, 36. „примъ хлѣбъ и рыбѣ похвалъ прѣломи“, ἐκλασεν.

Сав. кн., Мф. 26, 26. „примъ ис хлѣбъ благословль прѣломи“, ἐκλασεν.

Мар. ев., Мр. 8, 6. „хвалѣ въздавъ прѣломи“, ἐκλασεν.

Мар. ев., Мр. 8, 19. „егда патъ хлѣбъ прѣломихъ въ патъ тысѣць“, ἐκλασα.

посѣтити.

Сав. кн., Мф. 25, 36. „болѣхъ и посѣтите мене“, ἐπεσκέψασθέ με.

Мар. ев., Лук. 7, 16. „г ѣко посѣти гъ бѣ люди своихъ“, ἐπεσκέψατο.

Мар. ев., Лук. 1, 68. „блгнъ гъ бѣ излвъ ѣко посѣти и створи избавление людемъ своимъ“, ἐπεσκέψατο.

прострѣти (са).

Мар. ев., Мф. 12, 13. „тѣгда гла чвкоу прострѣри рѣкѣ и прострѣ“, ἐξέτεινεν.

Мар. ев., Лук. 6, 10. „онъ же прострѣ(рѣ)тъ“, ἐποίησεν.

Сав. кн., Лук. 13, 13. „и абие прострѣ(рѣ) са“, ἀνορθώθη.

Мар. ев., Лук. 22, 53. „по вса дни сѣцю ми съ вами въ цркве не прострѣ(рѣ)сте рѣкѣ на ма“, ἐξείναιτε.

оумыти са.

Мар. ев., Ио. 9, 15. „и оумыхъ са и виждѣ“, ἐνιψάμην.

Сав. кн., Ио. 13, 14. „аце оубо оумыхъ азъ вамъ носѣ“, ἐνιψα.

Сав. кн., Ио. 13, 12. „егда же оумы носѣ ихъ“, ἐνιψεν.

Сав. кн., Мф. 27, 24. „примъ водѣ оумѣ рѣдѣ прѣдѣ народомъ“, ἀπενίψατο.

копати.

Мар. ев., Лук. 6, 48. „подобенъ есть члвкоу... иже ископа“, ἐσκαψεν.

Мар. ев., Мф. 21, 33. „и ископа въ немъ точило“, ὠρυξεν.

Сав. кн., Мф. 25, 18. „а приимы а шѣдѣ раскопа земыѣ“, ὠρυξεν.

сѣгрѣшити.

Сав. кн., Мф. 27, 4. „сѣгрѣшихъ прѣдавъ кровь неповиннѣѣ“, ἤμαρτον.

Мар. ев., Ио. 9, 3. „ни съ сѣгрѣши“, ἤμαρτεν.

Мар. ев., Ио. 9, 2. „къто сѣгрѣши“, ἤμαρτεν.

Сав. кн., Лук. 15, 18. „оче сѣгрѣшихъ на нбо и прѣдѣ тобоѣ“, ἤμαρτον.

показати.

Мар. ев., Лук. 4, 5. „показа емоу всѣѣка црствивъ“, ἔδειξεν.

Мар. ев., Мф. 4, 8. „и показа юмоу всѣ црствиа всего мира“, δείκνυσιν.

Мар. ев., Лук. 24, 40. „и се рекъ показа имъ рѣдѣ и нозѣ“, ἔδειξεν.

Наконец, в евангельских текстах встречается много примеров на аорист от различных основ с приставками. Эти примеры выражают отдельное определенное действие. Форм имперфекта от этих глаголов нет, так как нет подходящих для их употребления случаев.

Мар. ев., Мр. 4, 38. „и възбоудиша и глаша емоу“, греческ. наст. вр. ἐγείρουσιν.

Сав. кн., Мф. 7, 27. „и възвѣвша вѣтри“, ἐπνευσαν.

Сав. кн., Мр. 9, 27. „ис же ї имъ за рѣкѣ въздвиже“, ἤγειρεν.

Сав. кн., Мр. 7, 34. „и възрѣвѣ на нбо въздѣхнѣ“, ἐστέναξεν.

Мар. ев., Ио. 2, 9. „ѣко же въкоуси архитриклинѣ вина“, ἐγέυσατο.

Сав. кн., Мф. 2, 23. „и пришѣдѣ всели са въ градѣ“, κατόκησεν.

Зограф. ев., Мр. 14, 68. „и коуръ възспѣтъ“, ἐφώνησε.

Мар. ев., Лук. 23, 26. „задѣвша емоу крстѣ носити по исѣ“, ἐπέδηκην.

Мар. ев., Мф. 22, 7. „и градѣ ихъ зажьже“, ἐνέπηρσεν.

Сав. кн., Лук. 15, 27. „и закла оцѣ твоѣ“, ἔθυσεν.

Сав. кн., Мр. 5, 29. „и абие исакнѣ источникѣ крови“, ἐξηράνθη.

Мар. ев., Лук. 17, 29. „одѣжди жюпель и огонь съ небсе“, ἔβρεξε.

Сав. кн., Лук. 16, 22. „и погребоша ї“, ἐτάφη.

Мар. ев., Лук. 8, 5. „и птица небскыѣ позобаша е“, κατέφαγεν.

Мар. ев., Мр. 9, 2. „и прѣобрази са прѣдѣ ними“, μετεμορφώθη.

Мар. ев., Лук. 23, 45. „и катапетазма црквнаѣ раздѣра са на дѣвое“, ἐσχίσθη.

Сав. кн., Лук. 15, 13. „и тоу сы расточи имѣние свое живы блѣдно“, διεσχόρπισεν.

Мар. ев., Мф. 13, 15. „и очи свои сѣмѣжиша“, ἐκάμυσα.

Мар. ев., Лук. 12, 16. „члвоу... богатоу огобѣзи са нива“, εὐφόρησεν.

Сав. кн., Мф. 28, 13. „иже ѡченици его ноциѣ пришѣдѣше оукрадоша“, ἐκλεψαν.

Мар. ев., Лук. 9, 9. „ноана азъ оусѣкнѣхъ“, ἀπεκεφάλισα.

Сав. кн., Мф. 27, 5. „и шѣдѣ оудави са“, ἀπήγατο.

Мар. ев., Мр. 4, 7. „и възиде трѣние и подави е“, συνέπνιξεν.

Примеры имперфекта от глаголов действия при отсутствии форм аориста от тех же глаголов встречаются очень редко. Всего десять-двенадцать примеров. Имперфект вызывается тем, что нужно подчеркнуть или многократность, или обычность действия.

Зограф. ев., Лук. 21, 37. „а ноштиж оудварѣаше сѧ исхода въ горѣ“, греческ. имперфект ἠλλίζετο, в Мар. ев. — *въдварѣаше сѧ*.

Мар. ев., Лук. 17, 27. „вдѣвахъ пѣвхъ женѣвахъ сѧ посагахъ“, ἐξεγαμίζοντο.

Имперфектом выражается также второстепенное действие, во время которого произошло другое главное действие. Естественно, что такое второстепенное действие представляется длительным:

Мар. ев., Лук. 9, 33. „и бысть егда разлѣчаашете сѧ отъ него рече петръ“, ἐν τῷ διαχωρίζεσθαι.

Мар. ев., Мр. 14, 22. „и въ прѣвѣ днь опрѣснѣхъ егда пасхъ жрѣвахъ глашѧ емоу“, ἔθουον.

Имперфект с отрицанием употребляется для выражения действия общего характера:

Сав. кн., Мр. 2, 2. „и абие събрашѧ сѧ мнози ꙗко не вѣмѣвахъ сѧ ни прѣдъ двѣрьми“, ὥστε πολλοὶ χωρεῖν — „их было так много, что они не могли втиснуться перед дверями“.

В следующем примере действие по своему характеру приближается к состоянию, форма аориста была бы невозможна:

Сав. кн., Мф. 27, 36. „и съдѣше стрѣжахъ и тоу“, ἐτήρουον.

Действие „стеречь“ само по себе не может быть представлено как конкретное, закончившееся в определенный момент. Его значение близко к глаголам состояния (ср. *сѣдѣше, лежаше*).

Сав. кн., Мр. 5, 24. „въ оно идѣше по исѣ народъ многъ и оугнѣтахъ и“, συνέθλιβον.

Зограф. ев., Лук. 12, 1. „о нихже сънѣмѣшемъ сѧ тѣмамъ народа ꙗко прѣпираахъ другъ друга“, ὥστε καταπατεῖν, Мар. ев. — *попираахъ*.

Мар. ев., Лук. 5, 2. „рыбитвы же ошедѣше отъ нежъ плакаахъ мрѣжѧ“, ἐπλυνον.

Самые основы **оугнѣтати, прѣпирати, плакати** изображают не простое конкретное действие, а сложное, состоящее из повторяющихся отдельных действий, или как бы особое состояние.

Мар. ев., Лук. 24, 29. „и нѣждаашете и глѣжште“, греческ. аорист παρεβιάσαντο.

Последний случай не совсем ясен. Глагол *нѣдити* — старый каузатив, глагол некаузатив утрачен. Неизвестно, сохранял ли он свое старое определенное значение или, как *мѣтити, оучити* и др., стал глаголом неопределенным, и поэтому форма имперфекта — его обычная форма. По одному примеру решить это трудно. Но расхождение с греческим делает более вероятным второе предположение, иначе непонятно отступление от оригинала.

Следующий ряд глаголов представляет имперфект от простого глагола с неопределенным значением, аорист — от основы с приставкой с определенным значением.

Сав. кн., Мр. 9, 20. „и падѣ на земли валѣше сѧ пѣвѣ тѣрѧ“, ἐκυλίετο.

Здесь действие представляется как известное состояние. Аорист с приставками имеет значение конкретного, единичного действия:

Мар. ев., Мр. 15, 46. „и привали камень на двѣри гробоу“, προσεκύλισεν.

Сав. кн., Мф. 28, 2. „и пристѣпль отѣвали камень отъ гроба“, ἀπεκύλισεν.

Сав. кн., Лук. 8, 29. „отъ многъ бо лѣтъ похвацѣаше и и вѣзахъ и жи желѣзны“, ἐδεσμειετο.

В этих примерах действие представлено как многократное, обычное. Аорист с приставками употребляется для обозначения единичного конкретного действия:

Сав. кн., Лук. 10, 34. „и пристѣпъ облаза ѿзвы его“, *κατέδησεν*.

Мар. ев., Мр. 6, 17. „тъ бо иродъ посълавъ ѿтъ иоана і съваза і въ темьници“, *ἔδησεν*.

Сав. кн., Лук. 13, 16. „сиѣ же дъщере... ѿже съваза неприѿзнь“, *ἔδησεν*.

служити. Глагол *служити* относится к неопределенным глаголам. Он означает постоянную деятельность, состоящую из различных актов, употребляется только в имперфекте:

Сав. кн., Ио. 12, 2. „и марта служаше“, *διηκόνει*.

Сав. кн., Мф. 8, 15. „и въста и служаше емоу“, *διηκόνει*.

Мар. ев., Мр. 1, 31. „і остави ѿ абие огнь і служаше имъ“.

Мар. ев., Мр. 1, 13. „і бѣ съ звѣрьми і анѣли служашахъ емоу“.

Аорист образуется только от глагола с приставкой **по-** и указывает на завершенность, суммарность действия:

Мар. ев., Мф. 25, 44. „і не послужихомъ тебѣ“, *οὐ διηκονήσαμεν*.

искати. К неопределенным основам следует отнести и глагол *искати*. Это индоевропейское образование с суффиксом **-sko-**. Порциг в своем исследовании „Zur Aktionsart indogerm. Präsensbildungen“ („Indogerm. Forsch.“, 1927, т. 45, стр. 59 и далее) отмечает, что суффикс **-sko-** означает обычно действие, которое совершается с повторением по отдельным частям. В старославянских памятниках этот глагол имеет значение — „хотеть“, „намереваться“, „стремиться“. Встречается он только в имперфекте:

Мар. ев., Мр. 12, 12. „і искаахъ ѿти и“, *ἐζήτου*.

Мар. ев., Лук. 22, 2. „і искаахъ архиереи и кънижъници как и бж оубили“.

Мар. ев., Мр. 14, 11. „і искааше како и въ подобно врѣма прѣдасть“.

Мар. ев., Мф. 26, 59. „архиереи же... искаахъ лъжа съвѣдѣтель“.

Мар. ев., Лук. 5, 18. „і искаахъ вънести и“.

Сав. кн., Ио. 19, 12. „отъ толѣ пилать искаше поустити і“, *ἐζήτει*.

Сав. кн., Лук. 6, 19. „и весь народъ искаше прикасати сѧ емъ“.

Мар. ев., Лук. 4, 42. „і народи искаахъ его“.

Аорист встречается в единственном примере с приставкой **въз-**. Им обозначается переход к состоянию „искания“:

Мар. ев., Лук. 20, 19. „і възискаша архиереи и кънижъници възложити на нѣ рѣцѣ“, *ἐζήτησαν*.

садити. Каузативный глагол *садити* встречается в аористе с приставками со значением единичного действия:

Мар. ев., Лук. 19, 35. „і възврѣгъше ризы своѧ на жрѣба въсадиша иса“, *ἐπεβίβασαν*.

Сав. кн., Мф. 18, 30. „нѣ веды въсади въ темьницѣ“, *ἔβαλεν*.

Мар. ев., Мф. 14, 3. „і въсади и въ темьницѣ“, *ἔπέθετο*.

Мар. ев., Мр. 12, 1. „виноградъ члкъ насади“, *ἐφύτευσεν*.

Мар. ев., Лук. 9, 15. „і посадиша въса“, *κατέχλιαν*.

В одном примере встретился каузатив *садити* в форме имперфекта: Мар. ев., Лук. 17, 28. „і такожде и ѿкоже бысть въ дъни лотовы... саждаахъ“, греческ. имперфект *ἐφύτευον*.

Имел ли каузатив *садити* в старославянском языке определенное или неопределенное значение, по одному примеру решить трудно, так как имперфект при изображении обычных постоянных действий мог образоваться и от определенной основы.

сѣати и **сѣти**. Глагол *сѣати*, повидимому, неопределенный, определенным был глагол *сѣти*. От *сѣати* образуется только имперфект: Мар. ев., Мр. 4, 4. „и бысть егда сѣаше ова падѣ на пѣти“, ἐν τῷ σπείρειν. Мар. ев., Лук. 8, 5. „и егда сѣаше ово паде при пѣти“.

В обоих примерах употребление имперфекта объясняется тем, что действие представляется как второстепенное, во время которого произошло другое действие.

Аорист образуется от определенной основы **сѣти** с приставкой: Мар. ев., Мф. 13, 31. „еже въземь чловѣкъ вьсѣ на селѣ своемъ“, σπείρειν, в Зограф. ев. *всѣѣ*.

творити. Употребляется только в имперфекте. Основа **творити** по своему значению относилась к неопределенным основам, выражая действие собирательно, неконкретно:

Мар. ев., Мр. 6, 20. „и послушаѣа его много творѣше“, ἐποίει, т. е. „совершал много различных действий“.

Мар. ев., Мр. 15, 8. „и . . . начаса просити ѣкоже присно творѣше имъ“, ἐποίει. Здесь имперфектом выражается постоянное, обычное действие.

Мар. ев., Мр. 3, 8. „слышавѣше елико творѣше придѣ къ нему“, греческ. наст. вр. ὅσα παεῖ.

В тексте Зограф. ев. имеем глагол с приставкой *сѣтворѣаше*. Однако в позднейших евангельских текстах — *творѣше*.

Мар. ев., Мр. 3, 6. „и абие ишедѣше фарисѣи съ иродиѣныи сѣвѣтъ творѣхъ на нь“, συμβούλιον ἐποίουν, в Зограф. ев. — *сѣтворѣахъ*, но в церковнославянском тексте — *творѣхъ*.

Повидимому, формы имперфекта с приставкой **сѣ-**, которые позднее встречаются довольно часто, уже появлялись в языке писца Зограф. ев., но они еще не были распространены и поэтому не закрепились в евангельском тексте.

В одном случае глагол *творити* употребляется в имперфекте с возвратным местоимением *са* в значении „делать вид“:

Мар. ев., Лук. 24, 28. „и гѣ творѣше са дале ити“, προσηγορεύτο.

Это значение также является неопределенным, близким к значению глаголов состояния.

Аорист встречается только от основы с приставкой, **сѣ-**, которая придает глаголу значение законченности, определенности. Примеров очень много:

Мар. ев., Мф. 7, 22. „и твоимъ именемъ силы многы сѣтворихомъ“, ἐποίησαμεν.

Мар. ев., Мф. 12, 14. „фарисѣи же ишедѣше сѣвѣтъ сѣтвориша на нь како и погоубаѣ“, συμβούλιον ἔλαβον.

Мар. ев., Мф. 13, 26. „егда же позабе трѣва и плодъ сѣтвори“, ἐποίησεν.

Мар. ев., Мф. 13, 28. „врагъ члвкъ се сѣтвори“, ἐποίησεν.

Мар. ев., Мр. 5, 19. „и възвѣсти имъ елико ти гѣ сѣтвори“, πεποίηκεν.

Мар. ев., Мр. 8, 25. „и сѣтвори и прозрѣти“, ἐποίησεν.

Мар. ев., Лук. 9, 15. „и сѣтвориша тако“, ἐποίησαν.

Мар. ев., Ио. 5, 11. „иже ма сѣтвори цѣла гѣ мнѣ рече“, ὁ ποιήσας.

Мар. ев., Ио. 7, 21. „едино дѣло сѣтворихъ и вьси дивите са“, ἐποίησα,

Лук. 14, 16. „члкъ етеръ створи вечерѣ великѣ“, ἐποίησεν.

Сав. кн., Мф. 26, 12. „възлизавышиа си муро се на гѣло мое на погребение ма створи“.

Есть случаи, где аорист употребляется не в конкретном значении, а в более общем, для обозначения, например, многократных действий:

Мар. ев., Ио. 20, 30. „много же ина знамениѣ сътвори ис“, ἐποίησεν.

Мар. ев., Ио. 4, 29. „иже рече ми всѣ елико сътворихъ“, ἐποίησѣ.

Мар. ев., Лук. 3, 19. „иродъ же... обличаемъ имъ... і о всемъ злѣ еже сътвори иродъ“, ἐποίησεν.

Мар. ев., Мр. 6, 30. „і възвѣстиша емоу всѣ елико сътвориша“, ἐποίησαν.

Сав. кн., Ио. 21, 25. „сѣтъ же и ина многа іже створи ис“, ἐποίησεν.

Здесь действие представляется как одно целое, комплексно, аорист приобретает значение формы прошедшего совершенного вида.

В двух случаях в Зограф. ев. встречается аорист от глагола *творити* без приставки.

Мар. ев., Мф. 12, 3. „онъ же рече имъ нѣсте ли чѣли чѣто сътвори двѣ егда въззака... в Зограф. ев. *твори*, но в других евангельских кодексах (Мар., Остр., Ассем.) — *сътвори* (*створи*).

Сав. кн., Лук. 2, 48. „чадо что створи нама тако“.

Варианты Зограф. ев. показывают, что старые отношения уже нарушались и становились возможными формы аориста от *творити* и формы имперфекта от *сътворити*.

поясати. Имперфект:

Мар. ев., Ио. 21, 18. „егда бѣ юнъ поѣсаше са самъ“, ἐζώνυσε.

Аорист от основы с приставками:

Сав. кн., Ио. 13, 4. „и примъ леонъти прѣпогаса са“, διέζωσεν.

Сав. кн., Ио. 21, 7. „слышавъ іако гъ есть епеньдитомъ прѣпогаса са“, διέζωσατο.

Различие в значении вполне ясное. Имперфект выражает обычное действие, совершавшееся постоянно, аорист — единичное конкретное действие.

мавати. Имперфект:

Мар. ев., Мр. 6, 13. „і мазаахъ олеемъ многогы недѣжъны“, ἤλειπον — многократное действие.

Аорист от основы с приставкой *по-*:

Сав. кн., Лук. 7, 46. „олвомъ главы моеа не помаза си же мѣромъ помаза нозѣ мой“, ἤλειψας.

Сав. кн., Ио. 12, 3. „марита же... помаза нозѣ“, ἤλειψεν.

Мар. ев., Ио. 9, 6. „і помаза емоу очи“, ἐπέχρισε.

Мар. ев., Лук. 4, 18. „егоже ради помаза ма“, ἐχρισεν.

Повидимому, *мавати* был неопределенным глаголом с суффиксом *-а*. Можно предположить существование простого производного глагола **мазти*, утратившегося затем.

рѣзати. Те же отношения. От простой основы употребляется имперфект со значением многократного действия, от основы с приставками — аорист со значением единичного конкретного действия:

Сав. кн., Мф. 21, 8. „дрозии же рѣзахъ вѣтви“, ἐκοπτον.

Сав. кн., Мф. 26, 51. „и оударь раба.. оурѣза оухо“, ἀφείλεν.

Сав. кн., Ио. 18, 26. „емоуже оурѣза петръ оухо“, ἀπέκοψεν.

Мар. ев., Лук. 22, 50. „і отрѣза емоу оухо десное“, ἀφείλεν.

женити са. Имперфект образуется от простой основы, аорист — от основы с приставкой:

Мар. ев., Лук. 17, 26—27. „такъ бѣдетъ и въ дъни сна члвскааго... женѣахъ са посагахъ“... ἐγαμίζοντο — значение обычного, постоянно совершавшегося действия.

Мар. ев., Мр. 6, 17. „продиѣды ради жены филипа брата своего ѣко жени са еѣ“, ἐγάμησεν.

зѣдати. Имперфект образуется от основы без приставки, аорист — от основы с приставкой:

Мар. ев., Лук. 17, 28. „такожде и ѣкоже бѣсть въ дѣни лотовы... саждаахъ зѣдаахъ“, φκοδόμεον — значение постоянных, обычных действий общего характера, без уточнений.

Мар. ев., Мр. 12, 1. „и созѣда стѣпь“, φκοδόμεγε — конкретное единичное действие.

Мар. ев., Мр. 13, 19. „ѣко не бѣсть такова отъ начала зѣданию еже съзѣда бѣ“, ἔκτισεν.

пльвати. Имперфект — от основы без приставки, аорист — от основы с приставкой:

Сав. кн., Мф. 26, 67. „тогда запльваша лице его“, ἐνέπτυσαν. Аорист здесь означает начало действия.

Итак, рассмотренная нами группа глаголов, повидимому, сохранила архаические черты: имперфект образуется от неопределенной основы без приставки со значением действия общего характера, обычного, совершаемого постоянно, всегда, часто. Аорист образуется от основы с приставкой со значением определенного единичного действия. Аорист от основ без приставок (неопределенных) не встречается, так же как и имперфект от основ с приставками.

В следующей группе мы имеем от одной и той же основы аорист и имперфект.

пѣти. Аорист имеет определенное значение:

Сав. кн., Лук. 13, 26. „пихомъ прѣдъ тобоѡ и пихомъ“, ἐπίομεν.

Мар. ев., Мр. 14, 23. „и примѣ чашъ хвалъ въздавъ дасть имъ и пиша отъ неѣа вси“, ἐπιον.

Имперфект означает действие обычное, постоянное:

Мар. ев., Лук. 17, 26—27. „такѡ бѣдетъ и въ дѣни сна члвскааго ѣдѣахъ пѣахъ...“, ἐπιον.

ѣсти. Без приставок встречается в имперфекте и в аористе. С приставкой только в аористе в двух примерах:

Мар. ев., Ио. 2, 17. „жалость домоу твоего сънѣсть ма“, κατέφαγε.

Мар. ев., Мф. 12, 4. „како вниде въ храмъ бжии и хлѣбы прѣдъложи снѣсть“, ἔφαγον.

Имперфект в двух примерах имеет значение обычного, постоянного действия:

Сав. кн., Лук. 15, 16. „и жадаше насытити сѧ отъ рожьць аже ѣдѣахъ свиниѧ“, греческ. имперфект ἥσθιον.

В одном примере действие в имперфекте представлено как процесс:

Мар. ев., Лук. 6, 1. „и вѣстрѣзаахъ оученици его класы и ѣдѣахъ истираѣште рѣкама“, ἥσθιον.

Аорист означает определенное прошедшее действие:

Мар. ев., Ио. 6, 31. „отѣци наши ѣша манѣнъ въ поустыни“, ἔφαγον.

Мар. ев., Лук. 6, 4. „и хлѣбы прѣдъложениѣ приѣа и ѣсть“, ἔφαγε.

Мар. ев., Ио. 6, 23. „и ини придѣ корабли... близъ мѣста идеже ѣса хлѣбы“, ἔφαγον.

Мар. ев., Лук. 4, 2. „и не ѣсть ничесоже въ ты дѣни“, οὐκ ἔφαγεν.

Мар. ев., Мр. 6, 42. „и ѣша вси и насытиша сѧ“, ἔφαγον.

Мар. ев., Лук. 24, 43. „и въземъ прѣдъ ними ѣсть“, ἔφαγεν.

Таким образом, различие между имперфектом и аористом — это различие между определенным и неопределенным действием.

крѣстити. Употребляется в аористе и имперфекте только без приставок. Аорист означает определенное действие:

Мар. ев., Мр. 1, 9. „и крѣсти сѧ от иоана“, ἐβαπτίσθη.

Сав. кн., Мр. 1, 8. „азъ ѡбо крѣстихъ вы водою“, ἐβάπτισα.

Мар. ев., Лук. 11, 38. „фарисѣи же видѣвъ дивѣ сѧ ѣко не прѣжде крѣсти сѧ прѣвѣ объѣда“, ἐβαπτίσθη.

Имперфект употребляется в значении обычного действия, совершающегося постоянно:

Мар. ев., Ио. 3, 22. „и тоу живѣаше съ ними и крѣштааше“, ἐβάπτιζεν.

Мар. ев., Ио. 4, 2. „а исъ самъ не крѣштааше нъ оученици его“.

Мар. ев., Ио. 3, 23. „и прихождаахъ крѣштаахъ сѧ“, ἐβαπτίζοντο.

Сав. кн., Мр. 1, 5. „и крѣцахъ сѧ вси“.

коупити. Также употребляется без приставок. Аорист имеет значение определенного действия:

Мар. ев., Мр. 16, 1. „и минѣвъши соботѣ... коупиша ароматѣи“, ἡγόρασαν.

Сав. кн., Мф. 27, 7. „сѣвѣтъ же створѣше коупиша имъ село“.

Сав. кн., Лук. 14, 18. „село коупихъ и имаю нѣждѣ изити“, ἡγόρασα.

Имперфект найден только в одном примере со значением действия, совершающегося постоянно:

Мар. ев., Лук. 17, 28. „такоже и ѣкоже бысть въ дѣни лотовы ѣдѣахъ и пиѣхъ коуповаахъ и продаѣахъ“, ἡγόραζον.

писати. В книге „Manuel du vieux slave“ (т. I, 1948, стр. 261) Вайан отмечает две основы: **писати** — в имперфекте и **пѣсати** — в аористе, но эти основы затем смешались.

Имперфект:

Мар. ев., Ио. 8, 6. „исъ же низъ поклонъ сѧ прѣстомъ писааше на земли“.

Мар. ев., Ио. 8, 8. „и пакы поклонъ сѧ писааше на земли“, ἔγραφε.

В аористе подчеркивается определенность:

Мар. ев., Ио. 1, 46. „егоже писа мосии въ законѣ... обрѣтохомъ“, ἔγραψεν.

Мар. ев., Ио. 5, 46. „о мнѣ бо ть писа“.

Чаще встречается аорист от основы с приставкой **на**:

Мар. ев., Лук. 1, 63. „и испрошь дѣштицѣ написа“, ἔγραψεν.

пѣлѣти—исцѣлѣти. Это старый каузатив; некаузатив — *исцѣлѣти*. Аорист встречается только от основы с приставкой **из-** и переводит греческие глаголы: θεραπεύω, ἰάτω.

Аорист означает прошедшее единичное действие, совершившееся в определенный момент прошедшего:

Сав. кн., Мф. 8, 16. „и изгна дѣхы словомъ и всѣхъ болашихъ ицѣли“, ἐθεράπευσα.

Сав. кн., Лук. 14, 4. „и приѣмъ ицѣли 1 и отъпусти 1“, ἰάσατο.

Сав. кн., Мф. 14, 14. „исцѣли недѣжнѣа имъ“, ἐθεράπευσεν.

Мар. ев., Мф. 9, 2. „и исцѣли ѣа тоу“.

Мар. ев., Лук. 22, 51. „и коснѣвъ въ оухо его исцѣли и“, ἰάσατο.

Мар. ев., Мр. 6, 5. „тъкмо на мало недѣжнѣникъ рѣдѣ възложъ исцѣли“.

Мар. ев., Мр. 3, 10. „многы бо исцѣли“, ἐθεράπευσαν.

Сав. кн., Лук. 13, 14. „понеже въ сѣботѣ исцѣли исъ“.

Сав. кн., Мф. 8, 16. „и всѣхъ болашихъ ицѣли“.

Аорист от некаузативного глагола *исцѣлѣти* также означает конкретное определенное действие, переход к состоянию здоровья:

Сав. кн., Мф. 8, 13. „и исцѣлѣ слоуга его въ ть часъ“, ἰάθη.

Сав. кн., Мф. 17, 18. „и исцѣлѣ отрокъ отъ того часа“, ἐθεράπεύθη.

Сав. кн., Мф. 15, 28. „и исцѣлѣ дѣци еѧ въ ть часъ“, ἰάθη.

Сав. кн., Лук. 8, 47. „и іако ицѣлѣ абие“.

Сав. кн., Лук. 17, 15. „единъ же отъ нихъ видѣвъ іако исуцѣлѣ възврати сѧ“.

Имперфект от этой основы имеет значение многократного или обычного действия:

Мар. ев., Лук. 4, 40. „онъ же на когождо ихъ рѣкѣ възлагаѣа исуцѣлѣаше ѧ“, ἐθεράπευεν, в Зограф. ев. *цѣлѣаше*.

Зограф. ев., Лук. 6, 19. „весь народъ искааше прикасати сѧ емь ѣко сила из него исхождааше і ицѣлѣаше всѧ“, ἰᾶτο, в Сав. кн. *цѣлѣаше*, в Ассем. ев.: *ицѣлѣвааше*.

Лук. 19, 11. „и трѣбоуѣштѣа ицѣлениѣ цѣлѣаше“.

Зограф. ев., Мр. 6, 13. „і мазаахѣ олъвоѣ многы недѣжънѣѣа і ицѣлѣахѣ“, ἐθεράπευον.

Имперфект от глагола *исцѣлѣти* имеет такую же форму:

Зограф. ев., Лук. 6, 18. „и страждѣщихъ отъ дѣхъ нечистыхъ цѣлѣахѣ сѧ“, ἰᾶτο, в Сав. кн. *исцѣлѣхѣ*. Здесь также многократное действие.

Разночтения то с приставкой, то без приставки указывают приблизительно на одно значение этих форм. Приставка *из-* только усиливает основное значение глагола, не давая ему новых оттенков.

В следующей группе глаголы противопоставляются по своим основам как определенные и неопределенные. Это противопоставление может быть выражено этимологически разными основами или основами однокоренными, различающимися только суффиксами.

оударити. Выражает определенное, единичное действие; **бити** — неопределенное.

От глагола *оударити* встречаются только формы аориста со значением единичного конкретного действия:

Сав. кн., Мф. 26, 67. „ови же за ланитѣ і оударишѧ“, ἐκολάφισαν.

Сав. кн., Ио. 18, 10. „и оудари архиереова раба“, ἐπάισεν.

Сав. кн., Ио. 18, 22. „единъ... оудари за ланитѣ“, ἔδωκε ραπίσμα.

Мар. ев., Лук. 22, 50. „і оудари единъ нѣкъѣ отъ нихъ архиереова раба“, ἐπάταξεν.

Глагол *бити* представляет собой действие многократное:

Мар. ев., Лук. 18, 13. „нѣ биѣаше прѣси своѣа глѧ“, ἔτυπτεν.

Мар. ев., Лук. 23, 27. „идѣаше же... мѣжи і жены ѣже і биѣахѣ сѧ и плакаахѣ“, ἐκόπτοντο.

Мар. ев., Лук. 22, 64. „и закрьѣвъше и биѣахѣ по лицу“, ἔτυπτον.

Сав. кн., Мф. 27, 30. „и плюоувѣше на нь приашѧ трѣсть и биѣахѣ и“.

Сав. кн., Ио. 19, 3. „і биѣахѣ і по ланитама“.

Сав. кн., Мр. 15, 19. „и биѣахѣ і трѣстиѣ“.

Но от этой основы возможно и образование аориста, вероятно, потому, что противопоставление между определенным и неопределенным действием возникало большею частью между однокоренными основами, а противопоставление между основами, этимологически разными, было непродуктивным. Поэтому в формах, образованных от основы глагола *бити*, начинается развиваться новое противопоставление, аналогичное противопоставлению, наблюдаемому в глаголах *реши—глаголати*. В одних случаях аорист от этого глагола означает начало действия:

Сав. кн., Ио. 19, 1. „тогда же пилать полтѣ иса и би і“, ἐμαστίγωσεν, в Мар. и Ассем. ев. *тепе*. Глагол *тепати* также, повидимому, неопределенный.

В других случаях аористом выражается законченное действие:

Мар. ев., Мр. 12, 3. „они же емѣше и бишѧ и посѣлашѧ тытъ“.

Сав. кн., Мф. 21, 35. „и имѣше дѣлателе рабы его биша а друугѣа оубиша“, ἐδειραν.

Глагол *бити* соединяется с приставками, которые изменяют его значение. От основ с приставками встречаются только аористы с определенным значением:

Мар. ев., Мф. 22, 6. „и избиша ѿ“, ἀπέκτειναν.

Сав. кн., Мф. 2, 16. „и пославъ изби вса отрокѣа“, ἀνεῖλεν.

Мар. ев., Лук. 13, 4. „ли они осмъ на десѣте на наже паде стлѣпъ... і поби ѿ“, ἀπέκτεινεν.

Сав. кн., Мф. 21, 35. „овы же каменiemъ побиша“, ἐλιθοβολήσαν.

Мар. ев., Мр. 12, 4. „і того каменiemъ бивѣше пробиша главѣ емоу“, ἐκεφαλῶσαν.

Сав. кн., Ио. 19, 32. „и прѣвоумоу же прѣбиша голѣни“, κατέαξαν.

Сав. кн., Мф. 21, 35. „друугѣа оубиша“, ἀπέκτειναν.

Мар. ев., Лук. 20, 15. „і изведѣше и вонъ из винограда оубиша“.

врѣщи и **метати**. Глагол *врѣщи* — определенный, *метати* — неопределенный. Глагол *врѣщи* встречается в аористе только с приставками со значением единичного определенного действия:

Мар. ев., Мр. 12, 42. „и пришедѣши едина вѣдовица оубога вѣврѣже дѣвѣ лептѣ“, ἔβαλεν.

Зограф. ев., Мр. 12, 43. „ѣко вѣдовица си оубогаѣ множае вѣсѣхъ вѣврѣже“.

Зограф. ев., Мр. 12, 44. „вси бо отъ избытѣка своего вѣврѣгоша а си отъ лишения своего... вѣврѣже“.

Сав. кн., Ио. 21, 7. „и вѣврѣже са вѣ море“.

Мар. ев., Мф. 15, 30. „і приврѣгѣ ѿ къ ногама исѣама“, ἐρρίψαν.

Мар. ев., Ио. 2, 15. „и дѣскѣ опроврѣже“, ἀνέστρεψε.

Сав. кн., Лук. 9, 42. „еще же глѣцю емоу поврѣже бѣсѣ трасѣ“, ἐρρηξεν.

Мар. ев., Мр. 12, 8. „і изврѣгѣ и вонъ из винограда“, ἐξέβαλον.

Сав. кн., Мф. 13, 48. „а зѣлыа изврѣгоша вѣнѣ“, ἔβαλον.

Сав. кн., Мф. 26, 70. „онѣ же отврѣже са прѣдѣ вѣсѣми глѣа не вѣмѣ что глѣши“, ἠρνήσατο.

Сав. кн., Мф. 26, 72. „и пакѣ отврѣже са сѣ клатвожѣ“.

Мар. ев., Лук. 7, 30. „фарисѣи же и законѣници сѣвѣтъ бѣии отврѣгѣ вѣ себѣ“, ἠδέτησαν.

В одном случае аористом обозначается многократное действие:

Сав. кн., Мр. 9, 22. „и многаѣа і вѣ огонь вѣврѣже“, ἔβαλεν.

Такое употребление объясняется тем, что форма имперфекта еще не могла быть образована от определенной основы.

Неопределенный глагол *метати* встречается в форме имперфекта:

Мар. ев., Лук. 23, 34. „раздѣлѣжште же ризѣа его метаахѣ жрѣбиѣ“, греческ. аорист ἔβαλον.

Но так же, как и от глагола *бити*, от глагола *метати* возможен аорист. На это указывает следующий пример:

Сав. кн., Мф. 27, 35. „распѣнѣше же раздѣлиша ризѣа его и меташа жрѣбиѣ“, в Ассем. ев. имперфект *метаахѣ*, в Остр. ев. причастие наст. вр. *метѣше* в соответствии с греческим презентным причастием.

Имперфект от этого глагола встречается с двумя различными приставками, которые вносят различные оттенки в значение. При этом основа *мет-* по аналогии с другими подобными случаями удлиняется в **мѣт-**:

Мар. ев., Мр. 12, 41. „и мнози богатии въмѣтаахъ многа“, ἔβαλον — значение многократного неопределенного действия.

Мар. ев., Мр. 14, 70. „онъ же пакы отъметааше са“, ἤρνεῖτο — значение неопределенного многократного действия.

Сав. кн., Мф. 26, 72. „и пакы отъврѣже са“ — определенное значение.

клонити. Глагол *клонити* встречается в аористе только с приставками с обычным определенным значением, *кланяти са* — в имперфекте.

Мар. ев., Ио. 8, 7. „въсклони са и рече имъ“, ἀνέκλυψεν.

Сав. кн., Мф. 28, 17. „и видѣвъше поклониша са емоу“, προσεκύνησαν.

Сав. кн., Мф. 14, 33. „а сѣрцеи въ кораби поклониша са емоу“.

Сав. кн., Мф. 2, 11. „и падъше поклониша са емоу“.

Мар. ев., Мр. 10, 17. „и поклонъ са емоу на колѣноу“, γονυπετήσας.

Мар. ев., Мр. 5, 6. „оузрѣвъ же иса из далече тече и поклони са емоу“, προσεκύνησεν.

Мар. ев., Ио. 4, 20. „отъци наши въ горѣ сеи поклониша са“, προσεκύνησαν.

В одном примере расхождение с греческим:

Сав. кн., Мф. 15, 25. „она же пришѣдъши поклони са емоу глѣци“, греческ. имперфект προσεκύνηει.

Расхождение объясняется тем, что формы аориста и имперфекта от глагола προσκύνω, как и от глаголов речи (verba dicendi), смешиваются, так как резкой разницы между этими формами нет (см. Геррманн. „Zeitschrift für vergleichende Sprache“, т. 49, 1919, стр. 61).

Имперфект от *кланѣти са* означает действие повторившееся или длительное:

Мар. ев., Мф. 9, 18. „се кнѣзь въшедъ кланѣше са емоу“, προσεκύνηει.

Сав. кн., Мф. 18, 26. „падъ же рабъ онъ кланѣше са емоу“.

Мар. ев., Мр. 15, 19. „и бивъхъ и трѣстыхъ по главѣ и пльваахъ на нь и... кланѣахъ са емоу“, προσεκύνησαν, в Зограф., Ассем., Остр. ев. и Сав. кн. *покланѣахъ са*.

Это более новая форма, вероятно, образованная по аналогии с соотношениями *клонити—кланяти, поклонити—покланяти са*.

поустити. Без приставки встречается только в аористе:

Мар. ев., Лук. 20, 10. „дѣлателе же бивъше поустиша тѣштъ“, ἐξάπεστειλαν.

Мар. ев., Лук. 20, 11. „и того бивъше и досаждъше емоу поустиша тѣштъ“.

Мар. ев., Мр. 15, 15. „пилать же хота народу похоть сътворити поустити имъ варавъ“, ἀπέλυσεν.

Чаще встречается аорист от основы с приставкой **от-** с тем же значением, приставка лишь усиливает значение глагольной основы:

Сав. кн., Мф. 27, 26. „тогда отъпѣсти имъ варавъ“, ἀπέλυσεν.

Сав. кн., Лук. 14, 4. „и отъпусти г“.

Мар. ев. Мр. 8, 9. „и отъпусти их“.

Имперфект образуется также от основы с приставкой, так как эта основа, повидимому, встречалась чаще:

Мар. ев., Мр. 15, 6. „на всѣкъ же праздникъ отъпоуштааше имъ единого съвѣзънѣ“, ἀπέλυεν — обычное действие.

коснѣти са—касати са. Эти основы относятся к основам общего индоевропейского языка¹.

Основа с суффиксом **-нѣ** определенная. Встречается без приставки

¹ См. Van Wijk. Indogermanische Forschung., т. 53, стр. 198. Zur Vorgeschichte des slavischen Aspekt.

и с приставкой **при-**, не изменяющей, а лишь усиливающей значение глагола. Об этом свидетельствуют различия с приставкой **и-** без приставки. В греческом оригинале этим вариантам соответствует одна и та же форма аориста.

Мар. ев., Лук. 7, 14. „и пристѣпъ косяжъ въ одръ“, ἤψατο.

Сав. кн., Мр. 1, 41. „ис же милосръдовавъ простъръ рѣжѣ косяжъ і“.

Сав. кн., Мр. 7, 33. „и плюнѣвъ косяжъ і въ азыкѣ“.

Сав. кн., Мф. 9, 29. „тогда косяжъ са очю има гла“, в Остр. ев. — *прикомнѣ са*.

Мар. ев., Мф. 14, 36. „и елико прикоснѣша са емь спсни бѣша“, ἤψαυτο.

Сав. кн., Мр. 5, 27. „пришѣдѣши съзиди прикоснѣ са ризѣ его“, ἤψατο.

Сав. кн., Лук. 8, 47. „за нѣже винѣ прикоснѣ са емь повѣда“, в Остр. ев. „коснѣ са“.

Сав. кн., Лук. 8, 46. „прикоснѣ са мнѣ нѣкто“.

Мар. ев., Мф. 17, 7. „и пристѣпъ ис прикоснѣ са ихъ“, ἀψάμενος.

Имперфект образуется от неопределенной основы **касати** с приставкой **при-**. Так как приставка **при-** не изменяла значения определенной основы **коснѣти**, то и при сочетании ее с основой неопределенной значение основы не изменялось.

Мар. ев., Мр. 6, 56. „и елико аште прикасахѣ са емь съпасени бѣваахѣ“, ἐπτόντο, вариант: ἤψαυτο.

Форма имперфекта оправдывается тем, что здесь говорится об обычных, часто повторяющихся действиях, а не об одном конкретном случае, как это мы имеем в Мф. 14, 36 (см. выше).

дати—даѣти. Глаголы **дати—даѣти (даяти)** представляют древнеиндоевропейское различие определенной — неопределенной основы, которое затем перешло в различие вида совершенного и несовершенного.

Аорист образуется только от основы **дати**, он соответствует греческ. ἴδωμι, а в двух случаях ἀφίημι с отрицанием — „не позволять“, „не допускать“.

Обычное значение аориста — определенное единичное действие:

Сав. кн., Лук. 10, 35. „и възъмъ в пѣназа дасть гостыникоу“, ἴδωμε.

Сав. кн., Мф. 27, 10. „и даша га на селѣ скѣдельничи“, ἴδωχαυ.

Сав. кн., Мф. 28, 12. „сребро много даша воиномъ“.

Сав. кн., Мф. 25, 15. „овомоу же дасть е талантъ“, ἴδωμεν.

Сав. кн., Мф. 26, 48. „прѣдаѣи же дасть имъ знамение“.

Мар. ев., Лук. 24, 42. „они же даша емоу рыбы печены часть“, ἐπέδωχαυ.

Иногда глагол **дати** употребляется в переносном значении даяния, но тем не менее форма аориста сохраняет свою конкретность:

Сав. кн., Ио. 17, 14. „азъ дахъ имъ слово твое“, греческ. перфект δέδωχα.

Сав. кн., Лук. 10, 19. „се дахъ вамъ власть настѣпати на змиа“, греческ. перфект δέδωχα, в Мар. ев. „се даѣж“.

Зограф. ев., Ио. 13, 3. „въды же ис ѣко всѣ дасть емоу оцѣ въ рѣцѣ“, ἴδωμεν.

Сав. кн., Ио. 18, 11. „чашѣ ѣже дасть мнѣ оцѣ не имамъ ли пити“, δέδωμεν.

В одном случае аорист употреблен для обозначения действия, представленного суммарно:

Сав. кн., Мф. 25, 42. „възалькахъ бо са и не дасте ми глсти“, οὐκ ἴδωχατε.

Имперфект образуется от неопределенной основы **дати**. Однако по своему значению он мало чем отличается от аориста. Это видно из употребления формы имперфекта в случаях, как будто совершенно аналогичных с аористом:

Мар. ев., Мр. 6, 7. „и призвавъ оба на десате и начатъ ѿ сълати...
и дааше имъ власть на дсѣхъ нечистыхъ“, $\epsilon\delta\dot{\iota}\delta\omicron\upsilon$.

Здесь нет различия между определенным и неопределенным действием, нельзя также сказать, что имперфект имеет значение многократности. Ср. еще:

Сав. кн., Мф. 27, 33—34. „пришдѣше вои на мѣсто рекомое голгофа... даша емоу оцѣть пити... и въкоушъ не хотѣше пити“, $\epsilon\delta\omega\kappa\upsilon$.

Сав. кн., Мр. 15, 22—23. „и приведоша на мѣсто... еже есть съказано краниево мѣсто и дашѣ емоу пити оцѣтно вино онъ же не приять“, $\epsilon\delta\dot{\iota}\delta\omicron\upsilon$.

Употребление имперфекта во втором примере может быть вызвано решительным отрицанием, следующим за ним, — „онъ же не приять“, — т. е. действие представляется как не совершившееся. В первом примере действие совершилось: „и въкоушъ не хотѣше пити“, — поэтому возможен аорист.

Также трудно понять, почему употребляются то аорист, то имперфект в следующих, как будто аналогичных случаях:

Мар. ев., Мр. 14, 22. „приемъ исъ хлѣбъ благсѣвешть прѣломи и дасть имъ и рече“, $\epsilon\delta\omega\kappa\upsilon$.

Мар. ев., Мр. 6, 41 и Мр. 8, 6. „и прѣломи хлѣбы и даше оученикомъ... да полагажѣ прѣдъ ними“, $\epsilon\delta\dot{\iota}\delta\omicron\upsilon$.

Сав. кн., Мф. 26, 27. „и примъ чашѣ хвалѣ въздавъ дасть имъ“, $\epsilon\delta\omega\kappa\upsilon$.

Мар. ев., Лук. 24, 30. „приемъ хлѣбъ бл҃ги и прѣломъ даше има“, $\epsilon\pi\epsilon\delta\dot{\iota}\delta\omicron\upsilon$.

Сав. кн., Мф. 26, 26. „примъ исъ хлѣбъ благословъ прѣломи и даше оученикомъ своимъ“, $\epsilon\delta\dot{\iota}\delta\omicron\upsilon$.

Сав. кн., Мф. 14, 19. „и примъ е хлѣбъ и обѣ рыбѣ и възрѣвъ на нбѣсти и прѣломъ дасть оученикомъ хлѣбы“, $\epsilon\delta\omega\kappa\upsilon$.

Мар. ев., Лук. 9, 16. „и съломи и даше оученикомъ прѣдложити народу“, $\epsilon\delta\dot{\iota}\delta\omicron\upsilon$.

Сав. кн., Мф. 15, 36. „похваъ прѣломи и дасть оученикомъ“, $\epsilon\delta\omega\kappa\upsilon$, вариант $\epsilon\delta\dot{\iota}\delta\omicron\upsilon$.

Здесь, повидимому, уже чисто субъективное различие в представлении о действии. Употребление той или другой формы прошедшего времени зависит лишь от того, под каким углом зрения говорящий рассматривает данное действие: как целое или как процесс, т. е. здесь уже различие совершенного и несовершенного вида.

В употреблении глагола *дати* с отрицанием различие между имперфектом и аористом выступает более четко:

Сав. кн., Лук. 15, 16. „и никтоже не датше емѣ“, $\epsilon\delta\dot{\iota}\delta\omicron\upsilon$, — полное отрицание действия вообще.

Сав. кн., Лук. 7, 44—45. „воды на нозѣ мои не дасть... лобзаниа мнѣ не дасть“, $\omicron\upsilon\kappa\ \epsilon\delta\omega\kappa\alpha\varsigma$ — отдельный конкретный случай.

В следующих примерах глаголу *дати* в греческом соответствует глагол $\alpha\phi\epsilon\tau\iota$ — „позволять“, „допускать“.

Различие между имперфектом и аористом выступает также довольно ясно:

Мар. ев., Мр. 5, 19. „ис же не дасть емоу“, *οὐκ ἀφῆκεν*.

Сав. кн., Лук. 8, 51. „пришѣдъ же въ домъ кѣнажъ не да никому же вѣннѣти“.

Имперфект выражает более общее отрицание:

Мар. ев., Лук. 4, 41. „и запрѣштаѣ не даше имъ глати вѣко вѣдѣвахъ“, *οὐκ εἶπα*, в Зограф. ев. не *дадѣаше*.

Мар. ев., Мр. 11, 16. „и не дадѣаше никому же мимо нести съсѣдъ сквозъ цркъвъ“, *οὐκ ἵφεεν*.

Употребленные здесь формы имперфекта от основы глагола *дати*—*дадѣаше* необычны для евангельских текстов. Впоследствии они получили значение имперфекта совершенного вида, но в этом тексте такого значения не имеют. Это — образование от определенной основы (аналогичное имперфекту от глагола *ити*—*идѣаше*), вызванное общей тенденцией к распространению форм имперфекта от определенных основ; в данном случае их появление, может быть, объясняется конкретностью ситуации.

Глаголы *дати*—*даяти* употребляются с приставками и в имперфекте и в аористе. Приставки придают определенному глаголу *дати* обычно новое значение:

Мар. ев., Мр. 15, 15. „пилать же хота народу похоть сътворити... прѣдасть иса бивъ“, *παρέδωκεν*.

Сав. кн., Мф. 27, 18. „вѣдѣше бо тако зависти ради прѣдаша і“, *παρέδωκαν*.

Сав. кн., Мф. 18, 34. „и прогнѣвавъ сѧ гѣ его прѣдасть і мѣчителю“, *παρέδωκεν*.

Сав. кн., Мф. 25, 14. „призва рабы своѧ и прѣдасть имѣние свое“.

Сав. кн., Ио. 19, 30. „и прѣклонъ главѣ прѣдасть дхъ“.

Мар. ев., Лук. 1, 2. „вѣкоже прѣдаша намъ бывъшеи искони самовидьци“, *παρέδωσαν*.

Мар. ев., Мр. 3, 19. „и юдѣ искариотъскаго иже и прѣдасты-и“, *παρέδωκεν*.

Мар. ев., Лук. 20, 9. „члкъ насади виноградъ и вѣдасть і дѣлателью“, *ἐξέδοτο*.

Зограф. ев., Лук. 19, 13. „призвавъ же і рабъ своихъ вѣдасть имъ і мѣнасъ“, *ἔδωκεν*.

Сав. кн., Лук. 9, 42. „и вѣдасть і оцю“, *ἀπέδωκεν*.

Мар. ев., Лук. 4, 17. „и вѣдаша емоу кѣнигы“, *ἐπέδοθη*.

Сав. кн., Мф. 13, 46. „иже обрѣтъ многоцѣнныи бисерь шѣдъ продасть все имѣние свое“, *πέπρακεν*.

Сав. кн., Лук. 7, 42. „не имѣема же има въздати обѣма има отѣда“, *ἐχαρίσατο*.

Мар. ев., Лук. 18, 43. „и вси людие видѣвъше въздаша хвалѣ бви“, *ἔδωκεν*.

Мар. ев., Ио. 6, 11. „и хвалѣ въздавъ подасть оученикомъ“. В этом примере приставка *по-*, повидимому, имеет дистрибутивное значение и соответствует греческой приставке *δια-*—*διέδωκεν*.

Глагол *даѣти*, соединяясь с приставками, так же как и *дати*, сохраняет свою неопределенность, приставка лишь несколько изменяет его значение, поэтому от основы *даѣти* с приставками возможно образование только форм имперфекта. Переходу основы глагола *даѣти* с при-

ставкой к определенным основам препятствовала противопоставляющаяся ей основа глагола **дати**. Противопоставление, существовавшее между **дати** (определенный) — **даѣти** (неопределенный), сохранялось и в сложных основах: **продати** (определенный) — **продаѣти** (неопределенный):

Сав. кн., Ио. 18, 2. „вѣдѣше же і иуда иже прѣдѣдаше мѣсто“, ὁ παραδίδους.

Сав. кн., Ио. 18, 6. „стояше же иуда иже і прѣдѣдаше съ ними“.

В греческом в обоих случаях причастие наст. вр. Имперфектом здесь передается как бы само состояние „предания“: „это было время, когда он предавал Иисуса“, „был предающим“.

Мар. ев., Ио. 2, 24. „самъ же исъ не вѣдаше себе въ вѣрѣ ихъ“, οὐκ ἐπίστευεν.

Имперфект объясняется общим характером действия. Иисус не верил им не в каком-либо отдельном случае, а вообще.

Мар. ев., Лук. 17, 28. „коуповаахъ и продаваахъ“, ἐπώλουν.

Имперфект выражает здесь постоянное, обычное действие.

Зограф. ев., Лук. 19, 22. „і събираа ѿдоуже не раздаахъ“.

В Мар. ев. и в других текстах в соответствии с греческ. аористом ἔθηκα — аорист *положихъ*. Имперфект здесь можно объяснить общим неконкретным характером данного предложения.

Следующая группа глаголов встречается только с приставками, как в аористе, так и в имперфекте.

бѣрати (приставки *из-* и *съ-*).

Аорист имеет значение единичного конкретного действия:

Сав. кн., Мф. 13, 48. „извлѣкше і на край и съдѣше избраша добрыа съсѣды“.

Сав. кн., Лук. 10, 42. „марита же благѣиѣ часть избра“, ἐξελέξατο.

Сав. кн., Ио. 15, 16. „не вы мене избрасте нъ азъ вы избрахъ“, ἐξελέξαμην.

Мар. ев., Ио. 13, 18. „азъ бо вѣмъ ѿже избрахъ“, ἐξελέξαμην.

Мар. ев., Ио. 6, 70. „не азъ ли васъ два на десѣте избрахъ“.

Сав. кн., Мф. 27, 27. „тогда вои... събраша на нь всѣ спирѣ“, συνήγαγον.

Мар. ев., Мф. 13, 2. „і събѣраша сѧ къ нему народи мнози“, συνήχθησαν.

Мар. ев., Мф. 22, 10. „і ишедше раби ти на пѣти събѣраша всѧ ѿже обрѣтѣхъ“.

Мар. ев., Мф. 27, 62—63. „събраша сѧ архиереи и фарисеи къ пилатому глѣшше“.

Мар. ев., Мр. 4, 1. „і събѣра сѧ къ нему народъ многоъ“, συνάγεται.

Мар. ев., Мр. 6, 30. „и събѣраша сѧ апѣли къ исоу“, συνάγονται.

Сав. кн., Мф. 26, 57. „ведоша къ капафѣ... идеже кънижъници... събраша сѧ“, συνήχθησαν.

Имперфект, образующийся от основы глаголов *събирати*, *избирати*, имеет значение многократного действия в прошедшем:

Сав. кн., Лук. 14, 7. „одръжа како прѣдъсѣданиѣ избирахъ“, ἐξελέγοντο.

Сав. кн., Ио. 18, 2. „ѿко многождѣ събираше сѧ исъ тѣ“, греческ. аорист *συνήχθη*.

Наречие *многождѣ* подчеркивает, что действие повторялось, и, несмотря на аорист в греческом, здесь употребляется имперфект как форма, более точно выражающая многократность действия.

вратити. Без приставки встретился в одном примере в аористе:

Мар. ев., Лук. 24, 33. „и въставъша во тѣ часъ вратисте сѧ въ цркъ“, $\upsilon\pi\epsilon\sigma\tau\rho\epsilon\psi\alpha\nu$.

Обычно этот глагол встречается с приставкой **въз-**, не изменяющей, но лишь усиливающей его основное значение:

Сав. кн., Мф. 27, 3. „расказвъ сѧ възврати ѿ сребръникъ“, $\epsilon\sigma\tau\rho\epsilon\psi\epsilon\nu$.

Сав. кн., Лук. 2, 20. „и възвратиша сѧ пастоуси славаце и хвалацие ба“, $\upsilon\pi\epsilon\sigma\tau\rho\epsilon\psi\alpha\nu$.

Сав. кн., Лук. 8, 37. „ис же вълвъз въ корабъ възврати сѧ“, $\upsilon\pi\epsilon\sigma\tau\rho\epsilon\psi\epsilon\nu$.

Сав. кн., Лук. 8, 55. „и абие възврати сѧ дша еѧ и въскрьсе“, $\epsilon\pi\epsilon\sigma\tau\rho\epsilon\psi\epsilon\nu$.

Сав. кн., Лук. 17, 15. „единъ же отъ нихъ... възврати сѧ“, $\upsilon\pi\epsilon\sigma\tau\rho\epsilon\psi\epsilon\nu$.

Сав. кн., Лук. 4, 56. „и възврати ѿ въ домъ свои“.

Мар. ев., Лук. 23, 11. „облъкъ і въ ризѣ свѣтълѣ възврати и къ пилатови“, $\acute{\alpha}\nu\epsilon\pi\epsilon\mu\psi\epsilon\nu$.

Мар. ев., Ио. 20, 14. „се рекъши обрати сѧ всплътъ“.

Имперфект встретился всего в одном примере:

Зограф. ев., Лук. 23, 48. „и вси пришѣдъшеи народи на позорось... быхште прѣси своѧ възвращаахъ сѧ“, $\upsilon\pi\epsilon\sigma\tau\rho\epsilon\psi\epsilon\nu$. Здесь определенное действие представлено как процесс.

лити. Встречается только с приставками **въз-** и **въ-**.

Аорист:

Сав. кн., Ио. 13, 5. „потомъ же влили водѣ“, греческ. наст. вр. $\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\epsilon\iota$, в Мар. ев. *вли*.

Мар. ев., Мр. 14, 3. „и съкроушьши алавастръ възлиѣ емоу на главѣ“.

Имперфект:

Мар. ев., Мр. 4, 37. „вълны же вливаахъ сѧ въ ладии“, $\epsilon\pi\acute{\epsilon}\beta\alpha\lambda\lambda\epsilon\nu$.

Имперфектом обозначается многократность действия.

лобызати. Встречается только с приставкой **об-**.

Сав. кн., Лук. 15, 20. „и облобыза і“, $\chi\eta\tau\epsilon\phi\acute{\iota}\lambda\eta\sigma\epsilon\nu$.

Мар. ев., Лук. 7, 38. „и облобызааше нозѣ его“, $\chi\eta\tau\epsilon\phi\acute{\iota}\lambda\epsilon\iota$ — подчеркивается многократность этого действия.

Известно, что существовало два глагола: *лобѣзати* и *лобызати*, которые, вероятно, различались между собой, как определенный и неопределенный. В прошедшем времени мы имеем лишь одну основу **лобызати** с приставкой, имеющей определенное значение в аористе. Сав. кн., Лук. 7, 44. „видиши ли сиѣ женѣ водѣ на нозѣ мои не дасть си же слъзми омочи нозѣ мои и власы своими отъре“, $\epsilon\zeta\epsilon\mu\alpha\zeta\epsilon$ — действие представляется как определенный факт.

Мар. ев., Лук. 7, 38. „и власы главы своѧ отирааше“, $\epsilon\zeta\epsilon\mu\alpha\sigma\sigma\epsilon$.

То же многократное действие передается формой имперфекта.

обрѣсти. Встречается очень часто в формах аориста, выступающего в своем обычном значении:

Мар. ев., Ио. 2, 14. „и обрѣте въ цркве продажштаѧ овъца“, $\epsilon\upsilon\tau\rho\epsilon\nu$.

Мар. ев., Ио. 1, 42. „обрѣте съ прѣжде брата своего симона“, $\epsilon\upsilon\rho\acute{\iota}\sigma\chi\epsilon\iota$.

Мар. ев., Лук. 24, 3. „и въшедъша не обрѣтѣ тѣлесе га исѧ“, $\epsilon\upsilon\tau\rho\nu$.

Мар. ев., Лук. 15, 6. „радоуйте сѧ съ мноѣ ѣко обрѣтѣ овъцѣ моѣ погыбъшѣи“.

Мар. ев., Лук. 9, 36. „и егда бысть гласъ обрѣте сѧ исъ единъ“, $\epsilon\upsilon\rho\acute{\epsilon}\theta\eta$.

Мар. ев., Мр. 14, 40. „и възвращѣ сѧ обрѣте ѣ пакы съпашта“, $\epsilon\upsilon\tau\rho\epsilon\nu$.

Сав. кн., Мф. 1, 18. „обрѣте сѧ имѣци въ чрѣвѣ“, $\epsilon\upsilon\rho\acute{\epsilon}\theta\eta$.

Имперфект встретился только в двух аналогичных случаях:

Мар. ев., Мр. 14, 55. „архиереи же и весь сънемъ искаахъ на иса съвѣдѣтельства... и не обрѣтаахъ“, οὐχ ἠύρισκον.

Мар. ев., Лук. 19, 47—48. „архиереи же и кънижници искаахъ погубити... и не обрѣтаахъ что сътворатъ ему“.

В обоих примерах отрицание подчеркивает общий характер действия, его неконкретность, неопределенность.

пасти — падати. Определенный глагол *пасти* без приставок встречается в аористе со значением единичного конкретного действия:

Сав. кн., Лук. 8, 8. „а друоуге паде на добръ земли“, ἔπεσεν.

Сав. кн., Лук. 17, 16. „пришѣдъ къ исоу паде ниць“.

Сав. кн., Ио. 11, 32. „видѣвши ѿ паде ему на ногу“.

Сав. кн., Ио. 18, 6. „и падъ на земли“, ἔπεσαν.

Сав. кн., Мф. 26, 39. „и прѣшѣдъ мало паде ниць“, ἔπεσεν.

С различными оттенками в значении выступает этот глагол в формах аориста с разными приставками:

Сав. кн., Мф. 27, 51. „и камене распаде са“, ἐσχίσθησαν.

Сав. кн., Лук. 10, 30. „и въ разбоиникы въпаде“, περιέπεσεν.

Мар. ев., Лук. 1, 12. „и страхъ нападе на нь“, ἐπέπεσεν.

Сав. кн., Лук. 15, 20. „и текъ нападе на възъ его“.

Мар. ев., Лук. 6, 48. „наводию же бывъшоу припаде рѣка хранинѣ тои“, προσέρρηξεν.

Мар. ев., Лук. 5, 8. „видѣвъ же симонъ петръ припаде къ колѣнома исвама“, προσέπεσεν.

Основа **падати** с приставками встречается в двух примерах в форме имперфекта:

Мар. ев., Мр. 3, 11. „и егда видѣахъ и дси нечистии припадаахъ къ нему“, προσέπιπτον.

Мар. ев., Мр. 3, 10. „многы бо исцѣли ѣко нападахъ емь“, ἐπιπίπτειν (ὄστε).

И в том и в другом случае с помощью имперфекта передается многократное действие, что характерно для неопределенных основ, конкретизированных присоединением приставки.

поманѣти — помавати. *Поманѣти* — определенный глагол с суффиксом **-нѣ-**.

Мар. ев., Мр. 15, 11. „архиереи же поманѣша народу да паче варавѣ отъпуститъ имъ“, ἀνέσεισάν.

Мар. ев., Ио. 13, 24. „поманѣ же семоу симонъ петръ въпросити“, ρησει.

От неопределенной основы **помавати** один случай имперфекта:

Мар. ев., Лук. 1, 62. „помаваахъ же отъцю его како би хотѣлъ нарешти е“, ἐνένευον.

Повидимому, здесь также значение многократности, которое заключается уже в самой основе **помавати**, противопоставляемой **поманѣти** со значением однократного действия.

постылати — постилати.

Мф. 21, 8. „мнози же народи постылаша ризы свои по пѣти, друзии же рѣзахъ вѣтви... и постилаахъ по пѣти“, греческ. аорист ἔστρωσαν.

Мар. ев., Мр. 11, 8. „мнози же ризы свои постилаахъ по пѣти, а друзии вѣне рѣзаахъ отъ дрѣва и постилаахъ“.

Мар. ев., Лук. 19, 36. „идѣхъ же ему постилаахъ ризы по пѣти“, ὑπέστρωον.

В этих трех аналогичных текстах дается одна и та же картина, передаваемая неопределенными глаголами в имперфекте. Причастие наст. вр. в Лук. 19, 36 *иджитю* указывает на то, что все эти многократные действия представляются здесь в своем развитии, поэтому между формой аориста *постылаша* и имперфектом *постылаахъ* нет противопоставления, как нет его и в соответствующих греческих формах, оба способа выражения действия как факта и как развернутого процесса здесь были одинаково возможны.

приблизити сѧ. Этот глагол встречается в аористе с определенным значением:

Сав. кн., Мф. 26, 45. „се приближи сѧ година“, греческ. перфект *ἤγγικεν*.

Сав. кн., Мф. 10, 7. „ходяще проповѣдайте, гл҃аще ꙗко приближи сѧ црствіе нбское“.

Мар. ев., Лук. 21, 8. „и врѣма приближи сѧ“.

Сав. кн., Мф. 26, 46. „се приближи сѧ прѣдѣлы ма“.

Мар. ев., Лук. 24, 28. „и приближиша сѧ въ весь въ нѣже идѣшете“, *ἤγγισαν*.

Имперфект от этой основы имеет значение действия, представленного в его совершении как процесс.

Мар. ев., Лук. 22, 1. „приближааше же сѧ праздникъ опрѣснокъ“, *ἤγγιζε*.

Это уже значение несовершенного вида.

тръзати — тръгати. Встречаются только с приставками.

В аористе они имеют значение определенного конкретного действия:

Сав. кн., Ио. 21, 11. „и толикоу же бывшую не протръже сѧ мрѣжа“, *οὐκ ἐσχίσθη*.

Сав. кн., Мф. 26, 65. „тогда архиереи растръза ризы своѧ“, *διέρρηξεν*.

Имперфект образуется только от основы **тръзати**:

Зограф. ев., Мр. 5, 4. „зане емоу...сѣвѣзаноу сжитю прѣтръзаахъ сѧ отъ него ꙗже желѣзнаѧ“, греческ. инфинитив *διεσπάσθαι*.

Здесь имперфектом выражается многократное действие.

Зограф. ев., Лук. 5, 6. „протръзаахъ же сѧ мрѣжа ихъ“, *διερρήγυυτο*.

Мар. ев., Лук. 6, 1. „и встръзаахъ оученици его класы“, *ἐτίλλον*.

В последних двух примерах можно видеть и многократное действие и действие несовершенное, представленное как процесс.

съконъчати. Имеет конкретное значение. От этого глагола встречаются формы аориста:

Мар. ев., Мф. 19, 1. „и бысть егда съконъча ис словеса си“, *ἐτέλεσεν*.

Сав. кн., Лук. 2, 39. „и ꙗко съконъчаша сѧ вса по закону гнѧ възвратиша сѧ въ галилеѧ“, *ἐτέλεσαν*.

Сав. кн., Мф. 7, 28. „егда съконъча ис вса словеса си“, *ἐτέλεσεν*.

Имперфект образуется от основы **съкончавати**:

Мар. ев., Лук. 9, 51. „бысть же егда съконъчаваахъ сѧ дньне възхождению его“, *ἐν τῷ συμπληροῦσθαι* — значение второстепенного действия, фона, на котором совершается другое главное действие.

Мар. ев., Лук. 8, 23. „и исконычаваахъ сѧ и вълаахъ сѧ“, *συμπληροῦντο*.

Имперфект выражает состояние, в котором находились ученики, застигнутые бурей на озере.

разорити. Примеры на аорист:

Мар. ев., Мф. 15, 6. „и разористе законъ бжии за прѣдание ваше“, *ἠκυρώσατε*.

Мар. ев., Лук. 6, 49. „и абие разори сѧ“, *συνέπεσεν*.

Имперфект имеет значение действия вообще:

Мар. ев., Ио. 5, 18. „ѣко не тъкмо разарѣаше соботѣ нѣ и оца своего глааше ба“, ἔλεν.

Сав. кн., Лук. 8, 33. „и ѣстопе въ водѣ“, ἀπεπνίγη.

Зограф. ев., Мр. 5, 13. „и оустрѣми сѧ стадо по брѣгоу въ море бѣ же ихъ ѣко двѣ тысащѣ и оутапаахѣ въ мори“, ἐπνίγοντο.

Употребление различных форм — аориста *оутапоша* и имперфекта *оутапаахѣ* — в совершенно аналогичных текстах зависит, вероятно, от различных точек зрения на обозначаемое ими действие. В Мф. 8, 32 оно представлено как конкретный совершившийся факт, в Мр. 5, 13 обращается внимание на количество свиней, и действие представлено как многократное, совершавшееся постепенно.

блюсти. Неопределенный глагол *блюсти* в сочетании с приставкой *съ-* в аористе получает значение суммарности:

Сав. кн., Ио. 15, 10. „ѣко же и азъ заповѣдь оца моего съблюдохъ“, греческ. перфект *тетѣрѣха*.

Сав. кн., Ио. 15, 20. „аще слово мое съблюдоша и ваше съблюдохѣтъ“, ἐτήρησαν.

Мар. ев., Ио. 2, 10. „ты же съблюде доброе вино доселѣ“, тетѣрѣхας.

Имперфект образуется от той же основы с приставкой и имеет значение состояния:

Сав. кн., Лук. 2, 19. „мариа же съблюдаше всѧ глѣи сѧ сълагаѣщи въ срѣци своемъ“, συνετήρει.

Сав. кн., Лук. 2, 51. „и мти его всѧ съблюдаше глѣи сѧ“, διετήρει.

Мар. ев., Ио. 17, 12. „егда бѣхъ съ ними въ мирѣ азъ съблюдахъ ѧ въ има твое“, ἐτήρουν. В последнем примере длительное действие несовершенного вида.

Каузативы в старославянских памятниках встречаются только с приставками и имеют определенное значение, им противопоставляются имперфекты от итеративных основ с приставками. Отношения между этими формами аориста и имперфекта можно считать отношениями несовершенного и совершенного вида.

поити. Глагол *поити* встречается только с приставкой *на-*:

Мар. ев., Мр. 15, 36 и Мф. 27, 48. „и възнезъ на трѣсть напаше и“, ἐπότισεν — действие относится к конкретному случаю и представлено как несовершенное, как процесс.

ставити. Каузатив *ставити* встречается с различными приставками;

в аористе этот глагол выступает в определенном значении:

Мар. ев., Мр. 9, 36. „и приемъ отроча постави е по срѣдѣ ихъ“, ἔστησεν.

Мар. ев., Лук. 4, 9. „и постави и на крылѣ црквѣнѣемъ“, ἔστησεν.

Сав. кн., Мф. 26, 15. „они же поставиша емоу л сребрникъ“, ἔστησαν.

С приставкой *о-*:

Зограф. ев., Ио. 4, 52. „ѣко въчера въ часъ седмы остави огонь“, ἀφῆκεν.

Мар. ев., Мф. 22, 25. „и не имы сѣмене остави женѣ своѣ братроу своему“.

Мар. ев., Мр. 5, 37. „и не остави ити по себѣ ни единого“.

Мар. ев., Мр. 10, 28. „се мы оставихомъ всѣ“, ἀφήκαμεν, κατέλιπεν.

Мар. ев., Мр. 13, 34. „ѣкоже члвкъ охода остави домъ свои“, ἀφείξ.

Мар. ев., Мр. 15, 34. „бже бже мои вскѣжѣ ма остави“, ἐγκατέλιπες.

Мар. ев., Ио. 4, 28. „остави же водоносъ свои жена“, ἀφῆκεν.

Сав. кн., Лук. 10, 40. „такъ сестра моя единѣ ма остави слоужити“, *κατέλιπε*.

На имперфект только один пример со значением постоянно повторявшегося действия:

Мар. ев., Мр. 1, 34. „и не оставѣше глати бѣсъ ѣко...“, *οὐκ ἤφειεν*.

ложити — лагати. Употребляются с различными приставками:

Сав. кн., Лук. 13, 13. „и възложи на нѣ рѣцѣ“, *ἐπέθηκεν*.

Сав. кн., Мр. 7, 33. „и възложи прѣстъ въ оуши его“, *ἔβαλεν*.

Мар. ев., Мр. 15, 46. „и възложи въ гробъ“, *κατέθηκεν*.

Сав. кн., Мф. 26, 50. „тогда пристѣльше възложиша рѣцѣ на иса“, *ἐπέβαλον*.

Сав. кн., Ио. 19, 2. „и възложиша на главѣ емоу“, *ἐπέθηκαν*.

Мар. ев., Мф. 27, 60. „и положи е въ новѣмъ своемъ гробѣ“, *ἔθηκεν*.

Зограф. ев., Лук. 19, 22. „въземѣж егоже не положижъ“, *ἔθηκεν*.

Мар. ев., Ио. 13, 4. „въста съ вечера и положи ризы“, *τίθειεν*.

Мар. ев., Лук. 20, 11. „и приложи другѣ посълати рабѣ“, *προσέδεδετο*.

Мар. ев., Мф. 13, 24. „и нѣ притѣчѣ прѣдъложи имъ“, *παρέθηκεν*.

Имперфект встречается от основы **лагати** с приставками только в двух случаях:

Мар. ев., Мр. 6, 56. „и ѣможе колиждо възходяше... на распѣтихъ полагаахъ недѣжъныхъ“, *ἐτίθειεν* — многократное действие.

Мар. ев., Мр. 15, 47. „мариѣ же магдалини и мариѣ носивоѣ зръѣшете къде и полагаахъ“, греческ. наст. вр. *τίθειται*.

Здесь имперфект употреблен вместо аориста, которому обычно соответствует греческое настоящее историческое. Это вызвано, видимо, желанием представить действие как процесс, поэтому здесь мы усматриваем уже новое значение имперфекта, связанное с развитием категории совершенного и несовершенного вида.

Итак, в группе глаголов действия преобладают глаголы определенные. На это указывает большой процент аористов от основ с приставками (при отсутствии форм имперфекта) и малое количество случаев имперфекта (при отсутствии форм аориста); сравнительно небольшой является группа глаголов, в которой основной глагол — неопределенный без приставки и определенный глагол с приставкой типа *искати* — *възискати*.

Непарные глаголы типа *ѣсти*, *пити* представляют в равной мере формы аориста и имперфекта, различие между этими формами — это различие между определенным и неопределенным действием.

Парные глаголы типа *дати* — *даяти* еще в дославянское время различались как глаголы определенные и неопределенные.

Довольно большое количество основ с приставками, образующих аорист типа *сѣберѣ* и имперфект типа *сѣбираѣ*, в некоторых случаях имеет еще старое значение определенного и неопределенного действия, но уже довольно часто в формах имперфекта, когда действие относится к отдельному конкретному случаю, развивается значение несовершенного вида. Иногда трудно установить различие между аористом и имперфектом, потому что это различие зависит от точки зрения говорящего на одно и то же действие.

* * *

Исследованный нами материал показывает, что древнейшие старославянские памятники еще хорошо сохраняют в формах прошедших

времен старые отношения определенного и неопределенного действия. Это — значение отдельного конкретного действия в аористе и состоянии или сложного или обычного действия в имперфекте. Е. В. Чешко в своей статье „К истории славянских глагольных видов“ указывает для старогор аориста только значение „наступления действия, либо его результата, либо завершения“¹. Наш анализ показывает, что значение аориста шире. Будучи формой прошедшего времени для определенных основ, он означал не только наступление или завершение, или результат действия, но мог также представить действие как конкретный процесс.

Однако в этих же памятниках мы можем наблюдать и новые процессы, возникновение новых значений в старых формах. Формы аориста и имперфекта отрываются от основ, от которых они получили свое значение. Они начинают образовываться от основ, противоположных им по значению, благодаря чему развиваются новые оттенки значений. Так, мы видим, что имперфект, образуясь от определенных основ, при известных условиях получает значение действия, представленного как процесс. Это новое значение приводит к изменению основы имперфекта. Уже с конца старославянского периода (Супр. рук.) он начинает образовываться от основы настоящего времени.

Аорист в новых условиях получает значение прошедшего законченного действия или действия и состояния, представленного суммарно, как единое целое. В этих новых значениях аориста и имперфекта намечаются зародыши новых видовых отношений совершенного и несовершенного вида. Конечно, нельзя сказать, что видовые отношения развились только из противоположных значений аориста и имперфекта, но эта противоположность была одним из факторов в развитии видов. Когда имперфект стал выражать действие несовершенное, а аорист — действие совершенное, т. е. когда их значение совпало с видовым значением, эти формы утратились. Однако утрата эта произошла не сразу. Существовавшие в поздних старославянских памятниках и в памятниках отдельных славянских языков формы имперфекта от глаголов совершенного вида и аориста от глаголов несовершенного вида свидетельствуют о переходном состоянии. Эти формы сохраняли до некоторой степени свои старые значения, так как иначе невозможно было бы допустить их существование.

Таким образом, в тех случаях, когда развившееся уже видовое значение основы становилось в противоречие с формой, форма некоторое время сохраняла свое старое значение: имперфект — значение неопределенного действия, аорист — определенного.

В большинстве же случаев происходило полное совпадение значения формы со значением основы (при имперфекте от глаголов несовершенного вида и аористе от глаголов совершенного вида). Вследствие этого формы простых прошедших времен утратились почти во всех славянских языках. Они сохраняются только в болгарском языке, так как здесь они получили новую функцию и благодаря этому не совпали со значением видов, развитых довольно слабо. В связи с этим в болгарском языке возможно образование имперфекта от глаголов совершенного вида, а аориста — от глаголов несовершенного вида.

¹ „Ученые записки Института славяноведения“, т. III. М., стр. 342.

А. С. Львов

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЛЕКСИКОЙ СТАРΟΣЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Автором настоящей работы произведено предварительное сравнение лексики памятников старославянской письменности — Марииинского и Зографского евангелий и Синайской псалтыри — с данными восточнославянских словарей. С этой целью нами привлечено около 200 областных словарей, печатных и рукописных, список которых приведен в конце настоящей статьи. Кроме того, нами привлекались данные картотеки древнерусского и современного русского литературного языка.

Словарный состав старославянского языка изучен плохо. До сих пор не установлена этимология многих слов, не вскрыты взаимосвязи между лексикой старославянского языка и лексикой современных славянских языков. Несмотря на это, многие лингвисты высказывали совершенно определенное суждение о характере старославянской лексики. Так, А. Мейе писал: „Если старославянский язык в соотношении грамматических явлений может быть сопоставлен с общеславянским языком, то лексика его носит диалектный характер“¹. Как известно, уже давно в науке ведутся споры о диалектной природе старославянской лексики. Однако все эти споры не дали положительных результатов, так как очень мало было сделано для того, чтобы действительно всесторонне исследовать словарный состав старославянского языка в связи со словарным составом современных славянских языков. „С лексической стороны славянские языки, — по словам Н. М. Петровского, — изучены гораздо слабее; поэтому еще рано говорить о том, что то или другое слово, до сих пор не отмеченное в словарях какого-либо славянского языка, действительно не существует в нем“². В этом направлении предстоит еще большая работа.

Исследование старославянской лексики необходимо и для изучения отдельных славянских языков, в частности русского языка. Без всяких оснований многие исследователи русского языка (например, Горяев, Преображенский и др.) считают, что значительное число русских слов заимствовано из старославянского языка. Между тем многие из этих слов хорошо известны русским говорам.

Сравнительное изучение лексики исследованных нами памятников старославянской письменности с данными русского языка показало, что восточнославянские языки не имеют параллелей к весьма немногим словам из указанных выше памятников старославянской письменности.

Часть лексики Марииинского, Зографского евангелий и Синайской псалтыри рассмотрена по следующим семантическим группам:

¹ Le slave commun. Paris, 1934, стр. 492 (русский перевод. М., 1951, стр. 395).

² О новгородских „Словенах“. — „Известия Отд. русск. яз. и слов. Росс. Академии Наук“, т. XXV, 1920, стр. 369.

1. Человек, части его тела, болезни.
2. Труд, орудия и средства производства.
3. Племя, род, семья, родственные и семейные отношения.

Из того, что написано по указанным трем разделам, здесь печатается только небольшая часть.

Чтобы не загружать текст ссылками, последние даны в приложении, за исключением тех случаев, когда цитата приведена один-два раза.

ЧЕЛОВЕК, ЧАСТИ ЕГО ТЕЛА, БОЛЕЗНИ

В анализируемых памятниках письменности слово **чловѣкъ**, мн. ч. — *чловѣци* весьма редко пишется полностью. Приведенные написания взяты из Марииинского евангелия, Мф. XIII, 31 (ср. прилагательные *чловѣчь*, *чловѣчьскѣи*, *чловѣчьскѣ*)¹.

Слѣжа: „жена... бѣ слѣжа і не могѣшти са вѣсклонити отѣнѣждь“ (Лк. XIII, 11). Это слово в русском языке имеет параллель в виде *сляка* (ю.-русск. и з.-русск.) — „горбатый“ или „со сведенными руками либо ногами“. Слово *слука* известно русскому языку, но как название изогнутой части седла: *Оседлайте скоро мне добра коня. Под то седелечко черкасское, а в задней слуге и в передней слуге по тирону по камению, по дорогомому по самоцветному* (69, стр. 172), — а также как областное название вальдшнепа, укр. *слуква*.

Кроме русского *сляка*, *слука*, разбираемое слово имеет параллель слов. *slok* — „кривой“, „сухой“ (о человеке).

Каженикъ: русск. *каженный* — „испорченный“, „бешеный“, *каженик* — „скопец“, „евнух“, „искалеченный“. А. Преображенский склонен последнее слово отнести к церковнославянизмам.

В качестве общего термина для обозначения части тела или члена организма вообще употребляется **оудъ:** „да погыблетъ единъ оудъ твоихъ а не все тѣло“ (Мф. V, 29). Это слово имеет параллели: русск. *уд* — „часть тела“, *удеть* — „полнеть“, *неудый* (арханг.) — „урод“, „калека от природы“, „без какого-либо члена“, особенно о скоте (В. Даль); болг. *уд*, но у Младенова помета „стар.“, „книжн.“; серб. *уд* — „член“, „часть тела“; слов. *ud* — то же знач.; чешск. *ud* — „член“; польск. *ud*, *wud* — „бедро“ (172).

Глава: русск. *голова*; болг. *глава*; серб. *глава*; слов. *glava*; чешск. *hlava*; польск. *głowa*.

Власъ: русск. *волос*; болг. *влас*; серб. *влас*; слов. *vlas*, *las*; чешск. *vlas*; польск. *włos*.

Око: русск. *око*; болг. *око*; слов. *oko*; чешск. *oko*; польск. *oko*.

Следует заметить, что в современном русском литературном языке, а также в большинстве говоров вместо *око* употребляется *глаз*, но в древнерусском языке, а также в части современных говоров употребляется и *око*. Так, в песнях поется:

*Воротись, дитя мое, хоть проститися,
Старику отцу очи закрыть* (71, стр. 34).

¹ Цитаты из Зографского и Марииинского евангелий, если они идентичны, не огораиваются. Здесь и далее римская цифра указывает на главу, арабская на стих. Кроме того, Мф. = Матфей, Мрк. = Марк, Лк. = Лука, Ио. = Иоанн.

От око образованы *окно*, *очко* — „маленькая дырка“, *заочный* и др. В Вологодской области употребляется *околоко* — „небо“ (83). Укр. *око*, *вочи*¹.

Вѣжди, βλέφαρον — „веки“: „ωочи его на нищаего прізираете вѣжди его іспытаеть сны члчл“ (Син. пс. X, 4)². Восточнославянские языки не имеют параллелей к этому слову. А. Преображенский ошибочно считает, что разбираемое слово имеется в русском и украинском языках, на самом деле вполне убедительная параллель только в серб. *vjeđa*; болг. *вежда*. Б. Цонев считает его церковнославянизмом.

Это южнославянское слово всего один раз употреблено в Синайской псалтыри в приведенной выше фразе. Там же в другом месте сказано: „аште дамь сонъ очима моима: і вѣкома моима дрѣмание“ (СXXX, 4). В евангелиях нет ни того, ни другого слова, потому что текст не требует их.

Вѣкр: имеет параллели: русск. *веко*; чешск. *věko* (в Моравии); польск. *wieko* — „покрышка“, прямого отношения к нашей теме не имеет.

Очевидно, что одно из этих слов явилось взамен другого.

Сльза, *сльзънъ* и *просльзити сѧ*: „и просльзи сѧ ісѣ“ (Ио. XI, 35).

Первые два слова общеславянские: русск. *слеза*, *слезный*; болг. *слъза*, *слъзен*; серб. *суза*, *сузан*; слов. *solza*, *solzen*; чешск. *slza*, *slzavu*; польск. *łza*, *łzowu*. Что касается слова *просльзити сѧ*, то оно имеется в русском языке (*прослезиться*), а также в украинском (*прослизувати*). Ср. болг. *роня слъзи*; серб. *проливати сузе*, *ронити сузе*, *плакати*; чешск. *roniti slzy*, *rozplakati se* и т. п.

Наши тексты знают и слова *плакати*, *плакати сѧ*, *плачь*, *плачевънѣи*, *оплакати*, *въсплакати*, которые имеют такие параллели: русск. *плакать*, *плакаться* — „жаловаться“, „сказывать беду, горе“, *плач*, *плачевный*, *плачевная* — „жалкий“, „печальный“ и т. п., *оплакать*, *всплакнуть* (*друг на друга гляючи, улыбнешься; на себя гляючи, только всплачешься*); болг. *плача*, *плача се*, *плач*, *плачевен*, *оплача*; серб. *плакати*, *плакати се*, *плач*, *плачеван*, *оплакати*; слов. *plakati*, *plakati se*, *plač*, *oplakati*; чешск. *plakati*, *plač*; польск. *plakati*, *placz*.

Въсплакати: „гльж вамъ ѣко въс(п)лачете сѧ и въздрѣдаа[а]те вы“ (Ио. XVI, 20). Не имеется параллелей, кроме русского *всплакать* (ср. выше — *всплачешься*).

Възрыдати: русск. *взрыдать* — (ср. *она взрыд зарыдала*) *рыдать*; болг. *ридая*; серб. *ридати* — „стонать“.

Следует обратить внимание на **сѣмѣжити** и **помизѣти**: „отлъстѣ во срѣде людеи сѣхъ і оушима тажъко слышаша і очи свои сѣмѣжиша“ (Мф. XIII, 15); „і помизѣще очима“ (XXXIV, 19).

К первому слову нашлись такие параллели: русск. *смежить* — „согнуть“, „закрыть“ (о глазах): *Не смежу очей моих, доколь не отыщу его*; серб. *смежурати* — „морщиться“ — лишь относительная параллель; слов. *mežati* — „держатъ глаза закрытыми“; а ко второму слову: русск. *помигать*, *помигивать*; болг. *помигам*; серб. *помицати* — „двигать“; слов. *potěžati*; чешск. *potížeti*; польск. *potignąć*.

¹ См. статью М. А. Соколовой. Из истории слов основного словарного фонда русского языка. „Доклады и сообщения Ин-та языковедения АН СССР“, вып. II. М., 1952, стр. 8—13.

² Римская цифра указывает на псалом, арабская — на стих Синайской псалтыри.

К **помизѣти** находим полное соответствие в чешском языке. В связи с этим, думается, не будет ошибкой отнести разбираемое слово к моравизмам.

Зѣница (ока) известна всем славянским языкам: русск. *зенко, зенки, зеничка, зеница*; серб. *зјеница*; слов. *zenica*; чешск. *zenice*; польск. *zrenica*.

Зракъ, εἶδῆα, *aspectus* — „образ“, „вид“: „бѣ бо зракъ его ѣко[о] млъни и одѣние его бѣло ѣко снѣгъ“ (Мф. XXVIII, 3), — в Зограф. ев. нет этого места из-за утраты листов; „и съниде дхъ... тѣлеснѣмъ зракомъ“ (Лк. III, 22). В Син. пс. это слово не употребляется. Параллели: русск. *зорок* — „вид“, „образ“, „лицо“, „облик“; болг. *зрак* — „солнечный луч“; серб. *зрак*, то же знач.; слов. *zraka* — „луч“, *zrak* — „воздух“, „луч“; чешск. *zrak* — „зрение“, „взор“.

Таким образом, в использованных южнославянских словарях слово *зрак* не фиксируется в том значении, в каком оно встречается в анализируемых памятниках.

Ослѣпити, слѣпѣць, слѣпѣи, слѣпѣ: „слѣпии прозираѣтъ“ (Мф. XI, 5), „слѣпѣ роди са“ (Ио. IX, 2); русск. *ослепить, слепец* (*слепец слепца водит — оба ни зги не видят*), *слепой, слеп*; болг. *ослепявам, слепец, сляп*; серб. *ослепити, слијепац, слијеп*; слов. *oslepiti, slepec, slep*; чешск. *oslepiti, slepec, slepý*; польск. *oslepić, ślepy*.

Сюда же относятся **прозърѣние, прозърѣти:** „проповѣдѣтъ плѣнникомъ отъпоуштение и слѣпѣмъ прозърѣние“ (Лк. IV, 19); „и сътвори и прозърѣти“ (Мрк. VIII, 25); русск. *прозреть*; болг. *прозря*; серб. *прозирати* — „видеть насквозь“, *прозиранье*; чешск. *prozirati*.

Оухо: русск. *ухо*; болг. *ухо*; серб. *уво, ухо*; слов. *uho*; чешск. *ucho*; польск. *ucho*.

Слоухъ, ѡχοῖ — „слушание“, „орган слуха“, „молва“, „весть“: „отъ слоуха зѣла не оубоитъ ся“ (СXI, 7); „слоухоу моему да си радость и веселье“ (Л, 10); русск. *слух* — „одно из пяти чувств“, „чувство, постигающее взаимный склад и согласие звуков“, „молва“ и др.; болг. *слух* — толковых объяснений нет; серб. у Караджича нет; хорв. *sluh*; слов. *sluh* — „слышанье“, „слух“, „весть“; чешск. *sluch* — „слух“; польск. *śluch*.

Глоухъ — общеславянское слово: русск. *глухой, глух*; *болг. *глух*; серб. *глухак*; слов. *gluh*; чешск. *hluchý*; польск. *głuchy*.

Лице, τρόσιπον — „лицо“: „ты же поста са помажи главѣ свои и лице твое оумьи“ (Мф. VI, 17) и **ланита, σιαγών** — „щека“, „челюсть“: „аще кто та оударитъ въ деснѣж ланитоу...“ (Мф., V, 39); „бѣхъ и по ланитама“ (Ио. XIX, 3).

Первое слово общеславянское: русск. *лицо*, в диалектах и *лице*, ср.:

*В добром житье лице белеется и румянеется,
В худом житье лице чернеется и стареется* (ворон.) (71, стр. 8);

укр. *лице*; болг. *лице*; серб. *лице*; слов. *lice*; чешск. *lice*; польск. *lice*.

Что касается слова **ланита**, то во всех современных славянских языках, где это слово употребляется, оно является книжным: русск. *ланита*, приводимое общерусскими словарями, однако, не встречается в областных словарях, но характерно, что в памятниках древнерусской письменности не употребляется слово *щека*. В последних обычно — *ланита*, и оно встречается и в значении „челюсть“. Так, в Казанской летописи: „и зубы изкореневаху, и ланита выламляху“.

Ноздри: „ноздрѣ имѣтъ и не обонѣѣтъ“ (СХІІІ, 14), имеет параллели: русск. *ноздря, ноздри*; болг. *ноздра*; серб. *ноздра*; слов. *nozdra*; чешск. *nozdra*; польск. *nozdrae*.

Оуста, στήμα — „рот“, „уста“, *оустъныи, χεῖλος* — „губа“: русск. *уста, устна* — „рот“, „губы“ (*Всяк несет уста, где вода чиста; У кого в руках, у того и в устах; Твоими бы устами да мед пить*); *О устна* (2, также РГО, ХІІ, 46); болг. *уста, устна* — „губы“; серб. *уста, усна*; слов. *usta, ustna*; чешск. *usta, ustni*; польск. *usta*.

Челюсть: русск. *челюсть*; болг. *челюст*; серб. *челюст*; слов. *čeljst*; чешск. *čelist*; польск. *czelusię*.

Зѣбъ: русск. *зуб*; болг. *зѣб*; серб. *зуб*; слов. *zob*; чешск. *zub*; польск. *zab*.

В Син. пс. сказано: „бѣ съкроушитъ зѣбы ихъ въ оустѣхъ ихъ чрѣновъныи“ (LVII, 7), т. е. коренные „зубы“. Слово **чрѣновъныи** имеет такие параллели: укр. *череній зуб* — „коренной, задний зуб“, также: *черевинний* с опечаткой: „черевірний“ (Гринч. IV, стр. 455); чешск. *třepový zub, třepoví zub* — „коренной“; польск. *trzonowy zab* — „коренной“.

Языкъ, γλῶσσα: русск. *язык*; болг. *ѣзик*; серб. *jesuk*; слов. *jezik*, чешск. *jazyk*; польск. *język*.

В Син. пс. встречаются такие фразы: „и языкъ мой прильпе грѣтани моимъ“ (XXI, 16); „прильплѣ языкъ мой грѣтани моему“ (СХХХVI, 6).

Грѣтань, λάρυγγις — „глотка“, „гортань“: русск. *гортань*; болг. *грѣклан*; серб. *грѣклан*; слов. *grtanec*; чешск. *hrtan, hrtal*; польск. *krtan*.

Брада, πώγων: „ѣко хрѣзма на главѣ съходѣштеи на брадж ароновж“ (СХХХII, 2); русск. *борода*; болг. *брада*; серб. *брада*; слов. *brada*; чешск. *brada*; польск. *broda*.

Разбираемые памятники знают только **выѣ** в значении „шея“: „да обѣсатъ жрѣновъ на выи его“ (Мф. XVIII, 6); „обложатъ камень жрѣновъныи о выи его“ (Мрк. IX, 42); „камень жрѣновъныи възложенъ на выѣ его“ (Лк. XVII, 2); „и отецъ... текъ нападе на выѣ его (сына)“ (Лк. XV, 20); „гѣ правденъ съсѣче выѣ грѣшныи“ (СХХVIII, 4).

Параллели к этому слову имеются только в русском и украинском языках: у Даля *выя* — „шея“, а „более хребтовая и боковые части ее“; *завой, завоек. Высокая выя* — „гордость“; *непреклонная* — „упорство“. *Выйный* — „шейный“ (I, стр. 805). У А. Преображенского: *выя* — шея, обл.

В том же значении *вия* известна североукраинским говорам. Напримѣр, как сообщил нам преподаватель Черновицкаго университета Ф. М. Гелета, в селе Горошки Лубенскаго района Полтавскои области, откуда он сам родом, говорят *вия* вместо *шея*, *вийце* — „часть ярма, что прилегает к шее вола“.

В древнерусских текстах изредка встречается еще *воя* (66).

Плеште, встречающееся по одному разу в евангелиях и псалтыри: „събираѣтъ же брѣмена тѣжѣка и не оудобъ носима и възлагаѣтъ на плешта члѣска“ (Мф. XXIII, 4); „плештема своима осѣнитъ тѣ“ (ХС, 4), — является общеславянским словом: русск. *плечо*; др.-русск. *плече*; укр. *плече*; болг. *плещи* (мн. ч.); серб. *плећи, плеће* — „плечная лопатка“; слов. *plese*; чешск. *plese*; польск. *plecy*.

В том же значении употребляется еще **рамо:** „обрѣтъ възлагаатъ на рамѣ“ (Лк. XV, 5) — речь о пастухе, который кладет овцу на плечи; русск. *рамо*; болг. *рамо*; серб. *раме, рамо*; слов. *rata, rato*; чешск. *rateno*; польск. *ramię, ramena*.

И. В. Ягич утверждает, что оба слова в старых текстах выступают на равных правах.

Рѣка — общеславянское слово: русск. *рука*; болг. *рѣка*; серб. *рука*; слов. *roka*; чешск. *řika*; польск. *reka*.

Понятие „правая“ и „левая“ рука обозначается словами: *десница* и *шюица*, *дѣснаа* и *шюѣ*.

Дѣсница, деснаа, десна в современном русском языке не имеют параллелей, но в существовании этих слов в прошлом невозможно сомневаться. Так, в Ипат. лет. под 1093 г. рассказывается: *Святополкъ же, и Володимеръ, и Ростиславъ исполчившеся пойдоша; идяше по десной сторонѣ Святополкъ, а по шюѣ Володимеръ, а попередѣ Ростиславъ; минуше Треполь, пройдоша валъ.*

В этом тексте, написанном обычным разговорным языком о военных событиях, как обыкновенные слова употреблены *десная* и *шюя*. Название реки *Десна*, а также многих речек в России то *Десна*, то *Цна* (из *Дѣсна*) также указывает на то, что слово *десна*, *десная* когда-то было самым обычным. В. Даль приводит слова *десница*, *десная* без всяких оговорок, видимо, в его время в литературном языке они были еще живыми. В других языках: болг. *десница*, *десен*; серб. *десница*, *десни*; слов. *desnica*, *desen*; словари западнославянских языков этих слов не фиксируют.

В существовании параллелей в русском языке к словам **шюѣ**, **шюица** также невозможно сомневаться. Так, в той же Ипат. лет. под 1105 г. читаем: *Оуязвиша Игоря в роукоу и оумртвиша шюицю его*. В переводе Георгия Амартола: *Десная его рука* (т. е. кумира — А. Л.) *въ едину стѣну, а шюяя роука другую стѣною держаше*. Русская фамилия *Шуйский*, а также стар. *шуйство* — „кривда“, „неправда“, „ложь“, современные слова: *шулепа*, *шульга* (из *шуй-га*), *шульгач*, *шуйак*, *шуйчка* — „левая рука“, „левша“ — свидетельство того, что слова *шуйя*, *шуйца* были живыми.

В укр. *шуйца*, *шульга* — „левая рука, нога“, „левша“; серб. *шувак*, *шувака*, — „левая рука“, „левша“; слов. *šuj*, *šuja*, *šujca* — „левая рука“, „левша“.

Мы не нашли параллелей к разбираемым словам в болгарском и западнославянских словарях, но, повидимому, они все же были общеславянскими.

Заметим, что в Зограф. ев., наряду с *шюи*, четыре раза употреблено *лѣваа* (Мф. XXV, 33; Мрк. X, 37, 40; Лк. XXIII, 33), в остальных шести случаях — *шюи*. Слово **лѣвыи** — общеславянское: русск. *левый*; болг. *лев*; серб. *лијеви*; слов. *lev*; чешск. *levu*; польск. *lewu*. Последнее слово вошло в тексты церковных книг взамен *шюи*.

Лакоть как название части руки, имеет параллели: русск. *локоть*; болг. *лакѣт*, *лакте*; серб. *лакат*; чешск. *loket*; польск. *łokieć*.

Прѣсть — „палец“: „прѣстомъ своимъ не хотатъ двигнѣти“ (Мф. XXIII, 4). Н. В. Горяев, а за ним и А. Преображенский слово *перст* в русском языке отнесли к церковнославянизмам. Между тем уже в „Опыте областного великорусского словаря“ были приведены *перст* и *перс* — „палец на руках и ногах, кроме большого, который назван *пальсом*“. Перм., Ирбит., Усол.: *перстянки* — „перчатки“. Арханг., Шенк., Иркут., Перм., Ирбит.: *персчатка* — „перчатка“. Арх.: *перститъ* — „воровать“, „красть“... (2); *персчанка*..., *перчатка* — „перчатка“ (кн. 61), *перст* — „большой палец у руки“ (редко, старое) (кн. 21), *перст*, *персчатка*

(арханг. 4), *перст* (Орл. 62, вып. 10), *перст* (188), *заперстьє* — „концы рук“ (арханг. 62, вып. 11), *перстить* — „перебирать что-либо пальцами“ (86), *выперстить* — „вырвать из рук, отнять“ (яросл. 25). Вспомним еще общеизвестное *наперсток* — „колпачок с глухими дырочками, надеваемый на палец швеями“. Ср. еще: *Аще ли персть оутнетъ кторои любо 3 гривны за обиду* (Русская Правда, Пространная, статья 7); *Серень а на исподи ледъ толща перста* (Памятники дипл. снош. Моск. гос-ва с Крымом, 1512 г.)¹; *И по осмотру у него Левки у правои руки три перста отсвчены*²; *Носъ съ локоть, а ума съ персть*³.

Двинет перстом ее — не сворохнетя,
Хватит с коня рукой — не подыметя (70, I, стр. 33).

Нет никакого сомнения, что Н. Горяев и А. Преображенский допустили тут ошибку, отнеся русское слово к нерусским по происхождению.

В других языках: болг. *прѣст*; серб. *прст*; слов. *prst*; чешск. *prst*; польск. *pięść*. Слово *прѣстъ* — общеславянское⁴.

В наших памятниках употребляется слово **соухорѣжъ**: „о соухорѣжѣ цѣмъ“, „рече члѣвкови имѣштѣмоу соухѣ рѣжѣжъ“ (Лк. VI, 8). Параллели к слову *соухрѣжъ* пока обнаружены только в трех языках: русск. *сухорукий* — „не владеющий рукой“ (Даль), „не умеющий делать что-нибудь, у кого все валится из рук“ (24); укр. *сухорукий*; чешск. *suchoruký*.

Рѣковать употреблено в таком тексте: „ходѣштиѣ хождаахѣ ѣ плакаахѣ сѣа метаѣште сѣмена своѣ грядѣште же придѣтъ радостиѣ въземаѣште рѣковати своѣа“ (СХХV, 6). В современном русском языке слово *руковятка* означает не „горсть“, а — „деревянная прямая ручка, у дверей“, ... „защита“ (83), „ручка у биевки“ (24), у Даля *руковятка, руковядь, рукоять, рукоятка* с теми же значениями.

В других языках: болг. *рѣкатка* — „горсть“; серб. *руковет*; слов. *rokovet* — „горсть“, *rokovetka* — „мера“, „бушель“; чешск. *rukovět* — „рукоятка“, „ручка“.

По приведенным данным, ст.-сл. *рѣковать* отражает южнославянское значение соответствующих слов.

Грудь обозначается словом **прѣси**. По мнению Н. В. Горяева и А. Преображенского, слово *перси* в русском языке церковнославянское, книжное, но последний после указанных помет приводит *персть* — „грудь лошади“, *паперсь, паперси* (сиб.) — „нагрудник“ (для тепла), „конский нагрудник“, *паперсень*.

Приведем другие примеры, свидетельствующие, что указанные авторы не правы, относя слово *перси* к церковнославянским, книжным словам: ... *на Соколницы мость сняло, иже бысть намошенъ за годъ до сей воды, а былъ челоуѣку в перси выотою* (Новг. IV лет., 7051 г.); *Те кислыя шти ествы очищають лечатъ перси также от лишнихъ мокротъ харкотныхъ* (Лечебник нач. XVIII в.)⁵; *Медъ есть горячь и поносень... егда есть печеный... чиститъ перси, поноситъ ссеуъ и питаетъ плоть* (Книга земледел., 1705 г.)⁶; *Серу живую толченую*

¹ „Сборник русского исторического общества“, т. 95. СПб., 1895, стр. 106.

² „Дополнения к Актам историческим“, т. VII. СПб., 1859, стр. 12.

³ „Рукописный сборник пословиц XVII—XVIII вв.“ Сообщил А. Н. Майков. СПб., 1880, стр. 90.

⁴ См. М. А. Соколова. Из истории слов..., стр. 14—19.

⁵ Лечебник. Рукопись из собр. В. Н. Перетца. Q № 76, гл. 2, п. 2.

⁶ Книга земледелательная... 1705 г. Рукопись Библиотеки АН СССР, л. 79.

смешавъ съ яйцомъ в смятку и то приемлем перси очистит и от кашлю легостно будет (Лечебник нач. XVIII в.)¹.

У Даля: перси — „грудь, передняя часть тела, от шеи до живота“; внутренность груди: „легкие“. Кто курит, говорят, на перси садится (ряз.)... Персевой платок, женский (III, стр. 255). Паперсть — „ремень от сбруи, находящийся на груди лошади“ (83).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что слово *перси* нельзя считать церковнославянским или книжным в русском языке.

Известно это слово и украинскому языку: *перса* и *перси*, *перс* — 1) „грудь, груди“... 2) *перси* — „нагрудник“. *Персистый* — „с развитой грудью“: *Кінь персистий*.

В других славянских языках: серб. *прси*; слов. *prsi*; чешск. *prg*; польск. *piersi*.

Лоно — „пазуха“, „грудь“, „колени“: „оузърѣ аврама из далече и лазарѣ на лонѣ его“ (Лк. XVI, 23).

Безупречной параллелью к разбираемому слову в первых значениях является укр. *лоно*, *лоньо* — „грудь“; *лоня* — „грудь“; болг. *лони* — „руки“, „охалка“, „охват руками“, „объем“, *улоние*, *улоннико* — „объятие“, „лоно“; чешск. *lupo* — „грудь“, „пазуха“; польск. *łono* — то же знач.

В остальных языках, в том числе и русском, существование живого слова *лоно* весьма сомнительно. Болг. *лоно*, приведенное С. Младеновым и Бернекером, не фиксируется другими словарями.

Съсьць, съсати: „едина жена отъ народа рече емоу блаженое чрѣво ношѣше та і съсьца ѣже еси съсаль“ (Лк. XI, 27); русск. *сосок*, *сосец*, *сосать*, а также *сосить* — „кормить грудью“ (Жив. ст., 1915, стр. 429; 62, вып. 2, стр. 120); болг. *сиска*, *сисам*; серб. *сиса*, *сисица*, *сисати*; слов. *sesec*, *sesati* — „кормить грудью“; чешск. *sesek*, *sesec*, *sesati*, *ssati*; польск. *cycek*, *ssać*.

Кроме *съсати* в значении „кормить грудью“, употребляется еще **доити**: русск. старое: *аще родитися отроча, погубятъ; аще ли дѣвическъ полъ, то воздоятъ*; совр. *доить* — „кормить досыта“, „откармливать“, „делать жирным, толстым“: *Оттоила рожу-ту. Вишь, как бучурайка оттоили, должно колоть хочешь* (83); *отоить* — „раскармливать“, *отоить тело* — „раздобреть“ (88).

В других языках: в западных говорах украинского языка *дойка* — „мамка“, „кормилица“; болг. *доя* — „дойть“ и „кормить грудью“; серб. *dojiti* — „кормить грудью“; слов. *dojiti* — то же знач.; чешск. *dojiti* — „дойть“ и „кормить грудью“; польск. *doić* (старое) — „кормить грудью“.

Ребро: „копие прободе емоу ребра“ (Мф. XXVII, 49); русск. *ребро*, *ребра*; болг. *ребро*; серб. *ребро*; слов. *rebro*; чешск. *rebro*; польск. *żebro*.

Сръдце: русск. *сердце*; болг. *сърце*; серб. *srce*; слов. *srce*; чешск. *srdce*; польск. *serce*.

Внутренние части тела, кроме *сръдце*, обозначены словами *жтръ*, *жтроба*, *нѣдра*, *злѣчь*, *чрѣво*, *чрѣвныи*.

Жтръ понимается в смысле духовном: „прѣлюбодѣаниѣ... оубиства татѣбы... грѣдѣни безоумье всѣхъ си зѣла из жтръ исходатъ і скврѣнатъ чѣвка“ (Мрк. VII, 21—23), но Мф. XXVI, 58: „петръ... вѣжтръ сѣдѣваше“, что является показателем того, что слово *жтръ* уже в X—XI вв. употреблялось с приставкой **вън-**. Параллели: русск. *внутри*, *внутрь* —

¹ Лечебник. Рукопись из собр. В. Н. Перетца, гл. 303.

вообще „внутренность“, а „внутренность тела“ обозначается словом *нутро*; болг. *вътре*; серб. *унутар*, *унутра*; слов. *noter*, *notri*; чешск. *vnitr*, *vnitro*; польск. *wewnątrz*, *wątro* (последнее — редко).

Жтроба — то же слово, что и предыдущее, но осложненное суффиксом *-оба*; русск. *утроба нутроба*, *ятребя* (последние два редко) — „внутренность“, „чрево“, „живот“, „родной мой“ и т. п.; болг. *утроба* — „утроба“, „матка женская“, „черево“, но Младенов дает помету „книжн.“, „из рус. яз.“; серб. *утроба* — „внутренности“, „потроха“; слов. *otroba*, *vothroba* — „внутренности“, „матка женская“; чешск. *utroba* — „внутренности“, „потроха“; польск. *jątrznica* — „кишка“, „нарыв“.

В значении „внутренности“ в Син. пс. употребляется **нѣдра**, *κόλπος*: „помѣни гѣ поношение рабѣ твоихѣ еще оудрѣжахѣ въ нѣдрѣхѣ моихѣ... мѣногѣ ѣзыкѣ“ (LXXXVIII, 51). В приведенном тексте разбираемое слово нельзя понимать в смысле *κόλπος* — „пазуха“.

Русск. *недро*, *недра* — „внутренности“, „утроба“, „глубь“, но А. Преображенский считает это слово книжным, однако *недриться*, *внедриться* — „гнездиться“, „вкорениться“ свидетельствуют против этого. Областные словари не фиксируют разбираемого слова; укр. *надра* — „лоно“, „пазуха“, *нідра*, последнее во фразе: *пійти по нідрах*, т. е. „итти шарить, выискивать“; болг. *недра*, приведено в словаре Дювернуа, но Младенов дает помету „стар“. Б. Цонев считает, что болг. *недра* заимствовано из русского языка; серб. *недро* — „грудь женщины“, „пазуха“, „лоно“; слов. *nedro* — то же знач.; чешск. *nadra* — „грудь“, „женские груди“, „пазуха“; польск. *nadro* — „пазуха“.

Зльчь — „желчь“: русск. *желчь*; болг. *жлъчка*, *злъчка*; серб. *жуч*; слов. *žolč*; чешск. *žluč*; польск. *zółč*. Слово *зльчь* употребляется всего по одному разу в евангелиях и псалтыри.

Для обозначения понятия „бедро“ в евангелиях употреблено *чръсла* „бѣдѣ чръсла ваша прѣпоѣсана“ (Лк. XII, 35), а в Син. пс. *бедра* „прѣпоѣши съ жрѣжемѣ твоимѣ по бедрѣ“ (XLIV, 4). Причем последнее слово лишь единственный раз употреблено в приведенной фразе.

Бедро имеет параллели во всех языках: русск. *бедро*, *бедра*; болг. *бедро*; серб. *бедро*; слов. *bedro*; чешск. *bedro*; польск. *biodro*.

Чръсло: русск. *чересло*; укр. *чересло*; болг. *чресла*, слово встречается только в словаре С. Младенова с пометой „книжн.“, т. е. ц.-сл.; польск. *trzosta*.

Таким образом, *чръсло* в настоящее время имеет бесспорные параллели в русском, украинском и польском языках.

Близко по значению к разобраным словам **лядвѣя** (мн. ч.), встречающееся один раз в Син. пс.: „весь день сѣтоуѣ хождаѣ ѣко лядвѣя моѣя наплъниша съ порѣганеи“ (XXXVII, 8), в греческ. *ψαα* — „ляжки“. Не поверив В. Далю, А. Преображенский, следуя за Н. Горяевым, слово *лядвѣя* объявил книжным, церковнославянизмом в русском языке. Это не так. Приведем некоторые примеры: *...и оудари съзвѣди в ледвѣя копиемѣ и оумре въ крови* (Рус. хроногр., 1512 г.)¹; *Полоцкого воеводства полковникъ Иванъ Ивановъ сынъ кисаревский, раненъ гранатомѣ, разбило лѣвой ноги съ лѣвой стороны лядвѣй до костей и кости розтрупило, рана тяжела* (запись 1660 г.)²; *Иванъ Михайловъ*

¹ Полное собрание русских летописей, т. 22. СПб., 1911, стр. 115.

² „Дополнения к актам историческим“, т. III, стр. 397.

застрѣленъ изъ пищали въ правую ледвею на вылетъ (запись 1683 г.)¹; Сѣдина въ бороду, а бесъ в ледвею (77, стр. 196); Нѣкоторые пятнаютъ лошадей на передних лопаткахъ, однако сіе для жилъ опасно; а всего лучше на лядвѣяхъ таврить, для того, что сіе мѣсто безъ жилъ и скоро зарастаетъ²; Веретена у нихъ (мордвы, чуваш, татар. — А. Л.) нѣсколько отмѣнны в томъ, что гузку имѣютъ толстую, которую они, выправъ нитку, прижимаютъ къ лядвѣ, и такъ на веретено наворачиваютъ³; Лядвея — „верхняя мягкая часть задней ноги у животных“ (30): „И присудили ворону наказать: стрехнули ко грядке ногам и зачали секчи по мягким местам, по лядвеям“ (72, стр. 240); Лядва (новг. старое) — „ляжка“ (112).

В других языках: укр. лядвія; серб. лећа — сюда не относится, так как означает „спина“, „хребет“; слов. ledevje — „ляжка“; чешск. ledví „поясница“; польск. ledwie — то же знач.

Ложесно — vulva: русск. у Даля ложесна — „матка“, „утроба матери“; болг. только у Бернекера — ложесна; слов. ložesna.

Нога: русск. нога; болг. нога; слов. noga; чешск. noha, польск. noga.

Колѣно: „на колѣноу падаѣ“ (Мрк. 1, 40); русск. колено, колени; болг. коляно; серб. колено; слов. koleno; чешск. koleno; польск. kolano.

Голѣнь: русск. голень; болг. у Н. Герова нет, у Панчева голен с ссылкой на Дювернуа, С. Младенов приводит это слово с пометой „неживое“; серб. голијен; слов. golen; чешск. holeň; польск. golan.

Плеснѣ (дв. ч.) употреблено всего один раз в Син. пс.: „Изнеможете плеснѣ мои“ (XVII, 37), греческ. τα ἰχθυ; русск. плесна, плюсна — „вся ступня от пятки до перстов“; укр. плесно — то же знач., плесна — „плесневые кости“; белорусск. плесна — „передняя часть ножной ступни“, „плюсна“: Плесны маи баяць ат ходни.

В других языках параллели к разбираемому слову не найдены.

Стопа: „стопы твоѣ не запнѣтъ сѣ“ (LXXVI, 20); русск. стопа — „ступня“; болг. стѣпка — то же знач.; серб. стопа; слов. stopa; чешск. stopa; польск. stopa, т. е. слово общеславянское, значение его ясно из приведенного примера из Син. пс.

Пѣта — „пята“, „подошва“ встречается два раза в Син. пс.: „Безаконенъ пѣты моеѣ обидеть мѣ“ (XLVIII, 6); „ти пѣтъ моиѣ съхранѣтъ“ (LV, 7); русск. пѣта, пѣтка; болг. пѣта; серб. пѣта; слов. peta; чешск. pata; польск. pięta.

Падѣ — „пядь“, „пядень“: русск. пядь, пядень — „расстояние между большим и указательным пальцами, растянутыми по плоскости“; болг. пѣдя, пѣнда; серб. пѣд.; слов. ped; чешск. píď; польск. piędz, piędz. Значение одинаково во всех языках.

Употребляется еще пазнегѣтъ — „коготь“, „копыто“, хотя оно не относится к частям человеческого тела, но приведем параллели с тем, чтобы не возвращаться к нему позже: русск. пазногѣтъ; болг. пазнѣтъ; пазнове; слов. paznohet; чешск. pazneht; польск. paznogiec.

Известно хромъ — „хромой“, охрѣмѣти: русск. хромой, хромец, охрометь; болг. хром, хромя; серб. хром, охронути; слов. hrom, ohrometi; чешск. chromy, ochroměti; польск. chromy.

Плѣтъ, плѣтъскѣ — „мясо“, „плоть“, „тело“: русск. плоть — „мясо“, „тело“ и мн. др., плотскій — „к плоти относящийся“; болг. плѣтъ, плѣтски; серб. у Даничица интересующие нас слова приведены из

¹ Там же, т. X, стр. 442.

² „Флоринова экономия“. СПб., 1775, стр. 252.

³ Дневные записи путешествия адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Рос. гос-ва, ч. I. СПб., 1795, стр. 151.

церковной литературы, в других рассмотренных нами словарях эти слова не зафиксированы, но у А. Преображенского в этимологическом словаре: *пут* — „плоть“, *путен* — „чувственный“, „плотский“; чешск. *plet'* — „кожа“ (лица), „цвет лица“, *krásna plet'* — „прекрасный пол“, „женщины“; польск. *piec'* — „пол“ (биологический), „цвет лица“.

Кожа встречается единственный раз в Син. пс.: „пропинаѣи неба ѣко и кожѣ“ (СIII, 2); русск. *кожа*; болг. *кожа*; серб. *кожа*; слов. *koža*; чешск. *kože*; польск. *koža*.

Крѣвь: русск. *кровь*; болг. *крѣв*; серб. *крв*; слов. *kri, krv*; чешск. *krev, krve*; польск. *krw*.

Жила: „і придѣж къ нему носаште ослабленѣ жилами“ (Мрк. II, 3), (о паралитике); русск. *жила, жилы*, например: *жилы лопнули* — „произшло парализованье“; болг. *жила*; серб. *жила*; слов. *žila*; чешск. *žila*; польск. *żyła*.

Тѣло, тѣлесныи — „корпус“: „оученици его възаса тѣло его“ (Мф. XIV, 12), „часть корпуса“: „примѣте ѣдите се есть тѣло мое“ (Мф. XXVI, 26), „и съиде дхъ... тѣлеснымъ зракомъ“ (Лк. III, 22); русск. *тело, телесный, тельный*; болг. *тѣло, телесен*; серб. *тѣјело, телесни*; слов. *telo, telesen*; чешск. *tělo, tělesny*; польск. *ciało, cielesny*. Значение у всех сходно и в основном совпадает со ст.-сл.

Употребляются слова *тоукъ, масть*: „ѣко тоука и масти исплѣни съ дша моѣ“ (LXII, 6); *тоучьнѣ, можданѣ, маститѣ* — все три с одним значением — „тучный“, „жирный“; *мъшьца* — „сила“: „рѣжа бо моѣ поможетъ емоу: і мъшьца моѣ оукрѣпитъ і“ (LXXXVIII, 22); *сила, сильнѣ, потѣ*, — характеризующие организм человека.

Тоукъ — „жир“, *тоучьнѣ* — „полный“, „тучный“: русск. *тук* — „жир“, „сало“, *тучный* — „жирный“, „упитанный“ и т. п. Ср.: *змѣя есть не для туку для болезни* (77); *Бабий тук до мужичьих рук* (1); болг. *тук* — „перетопленный свиной жир“, *тучен* — „жирный“, „сальный“; хорв. *tućan*, чешск. *tuk, tučný*; польск. *tuk, tuczny*.

Мастъ — „жир“, слово употреблено в Син. пс., в приведенной выше фразе; *маститѣ* — то же, что и *тоучьнѣ*: „старость мастита“ (XCI, 11, 16); русск. *масть* — „мазь“, „пахучие масла“ и др., *маститый* — „уважаемый, недряхлый старик, старость“; болг. *маст* — „жир“, „краска“; серб. *маст* — „жир“, „мазь“; слов. *mast* — „жир“, *mastit* — „жирный“, „толстый“; чешск. *mast* — „мазь“, *mastny* — „жирный“, „тучный“; польск. *mas'c'* — „мазь“.

Итак, слово *маститѣ* имеет параллели в двух языках: в русском и словенском, относительно еще в чешском. По мнению А. Преображенского, слова *маститѣ* и *маститый* в русском языке — церковнославянизмы. Относительно первого слова следует заметить, что оно в восточнославянских языках собственное, народное, ср.: укр. *мастити* — „мазать“, „намазывать“, „смазывать маслом“, но в нем, однако, нет слова *мастит*. Вполне возможно поэтому, что слово *маститѣ* — церковнославянизм в восточнославянских языках.

В таком случае данное слово следует признать типичным паннонизмом в разбираемых памятниках, видимо, вошедшим вместо *тоучьнѣи*. Это тем более вероятно, что словари словенского языка не фиксируют последнего слова.

Можданѣ употреблено всего один раз в Син. пс.: „въсесѣжаемъѣа можданѣ і възнесѣ тебѣ съ кадломъ овьнѣ възнесѣ тебѣ волы и козьлы“ (LXV, 15). В таком значении слово *можданѣ* не имеет параллелей, так как серб. *мождани*; слов. *mozgani* — от слова „мозг“; ср. еще русск. *мозун, мозац* — „умный“.

Мышьда — „сила“, „рука“: „и положи лѣкъ мѣденъ мышѣи мои“ (XVII, 35); „и мышѣда гнѣ комоу отъкры са“ (Ио. XII, 38); русск. *мышца* — „мускул“, редко — „сила“, „рука“; болг. *мышца* — „мускул“; серб. *мишца*, *мишић* — то же знач.; слов. *mišca* — „мышь“, „мускул“; чешск. *myška*; польск. *myszka*.

Сила, сильныи, сильнѣ: русск. *сила*, *сильный*, *силен*; болг. *сила*, *силен*; серб. *сила*, *силан*; слов. *sila*, *silen*; чешск. *sila*, *silny*; польск. *sila*, *silny*.

Поть: „и бысть потъ его ѣко и капла крѣве капляшта на землѣ“ (Лк. XXII, 44); русск. *пот*; болг. *пот*; серб. *пот*, чаще — „зной“; слов. *pot*; чешск. *pot*; польск. *pot*.

В наших текстах встречаются названия таких болезней: *бѣсьныи*, *водныи* *трѣдѣ*, *дѣхъ зълъ*, *гноинѣ*, *жилами ослабленѣ*, *мѣсачныи* *недѣгы*, *недѣгы*, *проказа*, *рана*, *соухѣ*, *строупѣ*, *ѣза*, *ѣзва*, *ѣзвнѣ* *крѣвоточивѣ*, *немошь* — астения, *морѣ* — моровая язва.

Лекарства не упоминаются, кроме *бръние*, так как известно, что в разбираемых памятниках письменности проповедуется *исцѣлѣние* в силу „божьего слова“. Однако слова *балии* и *врачь*, а также *цѣлѣити*, *исцѣлѣити* свидетельствуют, что в период перевода церковных книг у славян были лекари, которые пользовали больных.

Бѣсьныи, бѣсьнѣ, бѣсьновати: „приношаахъ къ нему вса недѣжыныи и бѣсьныи“ (Мрк. I, 32); „сърѣтете и дѣва бѣсна... лютѣ зѣло“ (Мф. VIII, 28); „жена... възъпи... дѣшти моѣ зѣлѣ бѣсноуетъ са“ (Мф. XV, 22). Этими терминами обозначали, как видно, сумасшедших и припадочных.

Русск. *бешеный*, *бесноватый*, *бесноваться*, *беситься*; болг. *бесен*, *бяснувам*; серб. *бијесан*, *бјешнети*; слов. *besen*, *besneti*; чешск. *bešny*, *běšnovati se*; польск. *biesić*.

Трѣдѣ (*водныи*): русск. *труд* — „болезнь“, сейчас редко: „родильница в труде, в трудах — в муках, родах (1).

На перине зголовье лежит,

На зголовье молодая жена

Авдотья Ивановна.

Она с вечера трудна, больна

Со полуночи недужна вся... (69, стр. 9).

Злая жена, акы трудѣ в лядвѣяхъ („Слово о злых женах“); *Отекъ воднымъ трудомъ, оумре* (Хр. Георг. Ам.); *Трудный, трудноватый* — „больной“; *Трудиться* — „долго быть больным, страдать какой-либо тяжелой болезнью“ (2); укр. *трудний* — „тяжело больной“; белорусск. *трудовацьца* — „быть тяжело больным“; болг. *трудна* — „беременная“, то же, что в русск. *тяжелая*. В значении „болезни“ слово *труд*, в словарях не встретилось; серб. *трут* — „нарыв на пальцах“; слов. *trod* — „колики“; чешск. *trud* — „подергиванье на лице“; польск. *trąd* — „проказа“.

Зѣлѣ (*доухѣ*): русск. *злая корча* — „болезнь, протекающая от употребления в пищу хлеба со спорыньей“, *зол*, *зло*; болг. *зъл*; серб. *zao*; слов. *zel*; чешск. *zly*; польск. *zły* — „злой“.

Гной, гноинѣ: русск. *гной*, *гноиный*, *гноен*; болг. *гной*, *гноен*; серб. *гној*, *гнојни*; слов. *gnoj*, редко в значении „гной“, больше — „навоз“; чешск. *hněj*, польск. *gnojowka*.

Жилы, см. выше.

Мѣсачьныи (недѣгъ) — „менструация“: русск. *месячное, месечин* — то же знач.; серб. *mјесечни*; слов. *mesecina*; чешск. *měsícky*; польск. *miesiączny* — только в знач. „к месяцу относящийся“.

Недѣгъ — название болезни вообще: „исцѣльща всѣх недѣгъ твоѣх“ (Сп, 3); „цѣла всѣхъ недѣгъ“ (Мф. IX, 35); *недѣжъникъ, недѣжъныи, недѣжънъ* — „больной“, „хворый“; русск. *недуг* — „болезнь“, „недомогание“, „хроническая болезнь“, „немошь“, *недужный, недужник*; болг. *недъг, недъгав* — у Дювернуа, отсюда и у Младенова; слов. *pedožje* — „нездоровый“, *pedožen*; чешск. *neduh* — „болезнь“, „недомогание“, *neduživu* — „болезненный“; польск. *nieduży* — „слабый“, „маленький“.

Немошь — „астения“, **немошьнъ**: русск. *немошь, немошный* (из *немочный*) — „бессилие“, „хворь“, „слабый“, „дряхлый“; болг. *немошен, немош*; серб. *немоћ, немоћан*; слов. *netoš, netošen*; чешск. *netos, netosny*; польск. *niecios, nieciosny*.

Проказа, прокажене, проженъи, прокаженъ: русск. *проказа, прокажене, прокаженный* — „известная болезнь“ и „больной“, *отказитъ* — „портить“. Ср.: *Изяславъ видивъ, оже Днѣпръ казится, и рече...* (= „портитъ“, Ипат. лет., 1148 г.); *исказитъ* — „испортить“ и т. п.; болг. только у Младенова — *проказа, прокажен*, но отдельно — *каза* — нет, известно только *нѣказ* — „несчастье“; серб. *проказа* — „водяная болезнь“, „водянка“; чешск. *prokaza* — „немошь“.

Рана: „исцѣли многы отъ недѣгъ і ранъ и дхъ зълъ“ (Лк. VII, 21); русск. *рана* — „порез“, „царапина“, „нарыв“; болг. *рана* — „кровоподтек“, „язва“; серб. *рана* — у Караджича: *die Wunde (рана)*; слов. *rana* — то же знач.; чешск. *rana* — „рана“, „язва“, „удар“; польск. *rana*.

Соухъ: „лежаше множество болаштихъ слѣпъ хромъ соухъ“ (Ио. V, 3); русск. *сухотка* — „болезнь истощения питания“, „непомерная худоба“, „болезненное изнурение“, ср. еще: *спинная сухотка* — „окостенение позвоночника“, кроме того: *сухая рука, сухая нога, сухорукый* и т. п.; болг. *суха болест, суска* — „сухотка“, „чахотка“; серб. *суха болест, сушица*; слов. *sihor* — „сухой человек“, *sihelj* — то же знач.; чешск. *suchan* — „сухощавый человек“; польск. *suchy*.

Строупъ — „короста“, „рана“: „і пристѣпъ облаза строупы его възливаѣа олѣи и вино“ (Лк. X, 34); русск. *струп* — „короста“, „сухая корка, покрывающая рану“; болг. *strupka* — „болячка“; серб. *strup* — „сыпь на голове у детей“; слов. *strup* — „отрава“, „яд“, „змеиный яд“; чешск. *strup* — „короста“, „парша“; польск. *strup* — то же знач.

Ѡза — „бессилие“, „слабость“, „болезнь“: „і цѣла всѣхъ недѣгъ і всѣхъ Ѡзъ въ людхъ“ (Мф. IX, 35); в русском языке нет слова в такой форме, но его значение передается словом *язва*, ср.: *сибирская язва, моровая язва* и т. п.; болг. *енза* — „болезнь“, „озноб“, „дрожь“, *еза* — „мука“, „мученье“; серб. *jeza* — „ужас“, „дрожь“; слов. *jeza* — „гнев“; польск. *jezza* — „болезнь“, „чаровница“.

Ѡзва — „рана“, **Ѡзвнъ** — „к ране относящийся“: „разбоинькы... Ѡзвы възложше отидѣ“ (Лк. X, 30); „ты смѣрилъ еси вѣко Ѡзвѣна рода его“ (LXXXVIII, 11); русск. *язва* — „рана“, *язвенный*; болг. *язва* — „рана“ (по форме болгарское слово); чешск. *jizva* — „шрам“, „рябина“ (после оспы), *jizvivy*; польск. *jazwa*.

Крѣвоточивъ: „се жена крѣвоточива дѣвѣ на десѣте лѣтъ имѣшти“ (Мф. IX, 20); русск. *кровотеча, кровотока, кровоточивая*; болг. *крѣвоточен* — „кровотокающий“; серб. *кровоточина*; слов. *krovotociti*; чешск. *krovotocny*; польск. *krowiotoczny*.

Моръ — „моровая язва“: „трѣси же велици по мѣста и глади и мори бѣдѣтъ“ (Лк. XXI, 11); русск. *мор* — „чума“, „эпидемия“, „повальная смерть“; болг. *мор*; серб. *мор* — „смерть“; слов. *mor* — „чума“, „эпидемия“; чешск. *mor* — „эпидемия“, „моровая язва“, „чума“; польск. *mor*.

В качестве лекарства упоминается **бръние** — „грязь“: „бръние сътвори и помаза очи мои... прозърѣхъ“ (Ио. IX, 11); русск. *бренье*, *берный* считаются церковнославянизмами, областные словари не фиксируют этих слов; болг. *брене*, *брENZA* — „нечистота“, „мерзость“; серб. *брѣа* — „пятно на лбу или носу животного“; слов. *brnja* — „чернозем“, „грязь“.

Таким образом, *бръние*, употребляющееся в евангелиях и псалтыри, повидимому, является исключительно южнославянским словом. Характерно, что в этих же языках нет слов *тимѣно*, *тимение*, употребляющихся в Син. пс. и очень близких по значению к *бръние*. Последнее слово, как установил И. В. Ягич, в более поздних списках памятников старославянской письменности заменяется словами *калъ* или *глина*.

В разбираемых памятниках письменности употребляются два термина, обозначающие понятие „лекарь“, „доктор“, „врач“, это — *балии* и *врачь*.

Балии ни разу не встречается в Зограф. ев. Правда, там в двух местах, где должно быть это слово, недостает листов: Лк. IV, 23 и Мф. IX, 12. В Мар. ев. четыре раза употреблено разбираемое слово, в двух случаях употреблено *врачь*. В Син. пс. лишь один раз встречается *балии* (XXXVII, 11), а слова *врачь* там нет. Судя по тому, что в других списках евангелий решительно преобладает *врачь* вместо *балии*, вероятно, прав Ягич, считавший, что последнее слово более древнее.

Русские словари XVII—XVIII вв. фиксируют слово *балий* и оригинально его объясняют. Вот несколько выдержек из них:

Балий... же нарицается иже бѣсов призыванием заклинает звѣри... наговоры творит... прочая заговоры творит, — то есть балий, и чародѣи¹; Балий нарицается басней сказатель. И паки балий нарицается иже бѣсовским призыванием заговаривает и звѣри и птицы и рыбы в водах и человекки наговоры творит бѣсовскія над яствою и над питѣем².

Балиа — „чародейка“, „волшебница“, „предсказательница“, „фокусница“, „обманщица“. *Баянье* — „волхованье“, „колдовство“³.

Объяснения наших старинных словарей слова *балий*, *балия* расходятся со значением этого же слова в старославянских памятниках письменности, но наши лексиконы связывают его с *баять* — „говорить“. В галицко-бойковском говоре украинского языка *баяти* — „шептать“, „ворожить“ (123). В новгородском говоре русского языка *обаять* — „оговорить“ (10), вологодское *обаять* — „оговорить“, „наврать“ (83).

В наших словарях, впрочем, *байть* зарегистрировано в значениях: „заговаривать“, „знахарить“, „лечить“ (33). В белорусской пословице: *Балевали, покуль голы стали⁴*. Кроме того, *баять* — „говорить“, *баялка*, *баян*, *баян* — „краснобай“ (33), *баун* — „говорун“ (104), *байло* — „говорун“ (83).

¹ Алфавит, сказующий толкование иностр. речей, обретаемых во святых книгах русск. языка... Рукопись библиотеки Академии Наук, 33.9.1, списка XVII в.

² Там же.

³ Лексиконъ трязычный Федора Поликарпова. М., 1704.

⁴ „Сборник Отделения русского языка и словесности“, т. XII, № 2, стр. 4.

Приведенные данные дают полное право связывать *баять* в значениях „говорить“, „врать“, „оговорить“, „ворожить“, „лечить“. Русские словари XVII—XVIII вв. приводят живое русское слово *балий, балия* — в значениях „обманщик“, „чародей“, „фокусник“ и т. п.

Приведенный материал вполне допускает предположение, что в русском языке было слово *балий*. Оно было известно еще в форме *балия* (ж. р.).

Другие славянские языки дают такие параллели: болг. *баилка* — „волшебный заговор“, *баяне* — „ворожба“, „гаданье“; серб. *бајар* — „колдун“, *бајати* — „колдовать“, „ворожить“, „заговаривать“.

Врачь: русск. *врач* — „враль“, „обманщик“ (2, стр. 108); болг. *врач* — „ворожея“, „кудесник“; серб. *врач* — „предсказатель“, „колдун“; слов. *врач* — „лекарь“. Ср. еще: *Боль врача ищет* (пословица); *Не ходил ли еси к врачу или к собѣ водилъ* (вопросы на исповеди монахам)¹; *Быль... въ Египте царь греческий... а имаше у себя врача жидовина, хитра суца*².

Приведенный материал интересен в том отношении, что современное слово *врач* — „медик“ — первоначально обозначало „ворожея“, „колдун“.

Таким образом, большинство слов, рассмотренных в данной главе, является общим для всех славянских языков.

ТРУД, ОРУДИЯ И СРЕДСТВА ПРОИЗВОДСТВА

Слова **трудоу, трудоути** сл означают деятельность человека в области производства материальных ценностей, без которых не мыслится само человеческое общество. Например: „въсоуе трудоуиша сѧ виждѧште“ (СХХVI, 2); „азъ посѧлахъ вы жать идеже вы не трудоудите сѧ ни трудоуиша сѧ и вы въ трудоу ихъ внидете“ (Ио. IV, 38); „трудоуды плодъ своихъ сънѧси“ (СХХVII, 2) и т. д.; русск. *труд, трудиться* — „работа“, „работать“; болг. *труд, трудя се* — то же знач.; серб. *труд, трудити се* — то же знач.; слов. *trud* — „работа“, „старанье“, „хлопоты“, *truditi se* — „уставать от работы“; чешск. *trud, truditi se* — „работа“, „работать до утомления“; польск. *trud, trudzić się* — „работа“, „работать“.

Понятие „утомление“ также передается словом *трудоудати сѧ*: „ис же трудоудъ сѧ отъ пѧти сѧдѧше“ (Ио. IV, 6); русск. *трудоудаться, утрудоудаться*.

Греческ. *βούλον βουλεύω* передаются словами **работа, работати, работѧнь**. В предложении „въ работѧ проданъ бысть юсѧфъ“ (СIV, 17) слово *работа* действительно отражает „подневольный, рабский труд“, но когда сын говорит отцу: „се толико лѧтъ работаѧ тебѧ“ (Лк. XV, 29) или: „не можете боу работати и мамонѧ“ (Лк. XVI, 13), то здесь слово *работати* не воспринимается как „подневольный труд“.

Такое же двоякое значение имели слова *работа* и *работати* в древнерусском языке: „подневольный труд“ и просто „труд“. Ср. *Хотя... мужь псковичь мечи изсѧчи, а иныя люди въ работу ввести*

¹ Третьяков. Рукопись библиотеки АН СССР, Д 72, инв. № 4146, XVI в., л. 75 об.

² Хождение Трифона Коробейникова 1593—1594 гг. — „Православный палестинский сборник“, т. IX, вып. 3. СПб., 1889, стр. 48.

(Пск. I лет., 6780 г.) и не работа въ работахъ под жонками возъ возити¹.

Вероятно, объясняется это тем, что у славян рабовладение не было развито так, как в Риме и Византии.

Словами **дѣло, дѣлание, дѣлати, дѣлание** обозначается „поступок“, „дело“, отсюда **дѣлатель** в отличие от **рабѣ** означает „работник“, „труженик“: „наѣтъ дѣлатель виноградоу“ (Мф. XX, 1); русск. **дело, деянье**, ср.: *А и то старина, то и деянье* (Крш. Дан., стр. 71), **дело, деланье** (ничего неделанье), **делатель** — „труд“, „работа“, „занятие“, „изделие“, „поступок“, „работать“, „трудиться“, „производить“ и т. п., „делающий что-либо“; болг. **дело** — „работа“, **делац** — „дровосек“, **делане** — „тесанье“, **дялам** — „тесать“, „делать“; серб. **дјело** — „работа“, **дјелати** — изрезать на мелкие куски“, **деланье** — „изрезыванье“; слов. **delo** — „работа“, **delati** — „работать“, **delanje** — „занятие“, „работа“; чешск. **dilo, delati**; польск. **dzieło, działać** — то же, что в словинском.

Необходимо заметить, что к слову **дѣлатель** параллель имеется только в русском литературном языке. В нашей же литературе господствует мнение, что слова на **-тель** в русском языке, кроме **житель** и **волостель**, церковнославянские или книжные. В подтверждение этого положения ссылаются на то, что в областных словарях слова на **-тель** не встречаются. Действительно, в „Опыте областного великорусского словаря“ и в „Дополнениях“ к нему почти не встречаются слова на **-тель**, но областные словари указанными книгами далеко не исчерпываются. На самом деле, в других областных словарях слова на **-тель** весьма нередки. Приведем некоторые примеры: *Наши родители за нами не гонители* (орл., 44), *позватель* — „посланный для зова гостей“ (вятск., 17), *любитель* — „холостой парень любитель дорогой“ (17), *рачитель* — „ревнитель о деле“ (17, также смол., 22), *веселитель* (22), *проводитель* — „проводник“ (22), *следователь* — „следующий в погоню за вором“ (22), *порубатель* — „порубщик строевого леса и дров“ (арханг., 5), *ручатель* (5), *полюбитель* — „друг“, „любовник“ (черепов., 16), *старатель* — „ходатай“, „посредник“ (ворон., 38), *прихожатель* (сам., 48), *кошатель* — „косец“ (прм., 104), наличие *кошанина* делает вполне вероятным *кошать*, по типу *прошать*, откуда *прошатель* (РГО, XXIX, 15), *хожатель, ходатель* (104), *чужатель* — „чужой“ (ангр., 91), *удивитель* — „чудак“, „забавник“ (костр., 30), *пережатель* — „идуший или едуший впереди свадебного поезда или хода“ (70, ч. III, стр. 139), даже *риндатель* вм. арендатор (смол.), *правдатель* — „хозяин, промыслитель о семействе, кормилец“ (РГО, X, 15), от *правдять* — „кормить“ (36)².

*Земли матери теперь да он не пахарь,
Не кормитель вам желанным родителям* (76, ч. 1, стр. 206).

Ваитель (т. е. солдат. — А. Л.) *скинул меч-самосечь, кисет и рубашку и пошел у ставок* (орл., 75, стр. 124).

Трудно допустить, чтобы слова *прошатель, кошатель, гонитель, веселитель, правдатель* и т. д. появились в диалектах под влиянием

¹ Слово Даниила Заточника. По редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932, стр. 26.

² См. А. С. Львов. Темные места в Повести о горе-злочастии. „Ученые записки Ярославского пединститута“, т. I, 1943.

литературного языка, не знающего этих слов. По этой причине представление о книжном происхождении в русском языке суффикса **сель** нам представляется небесспорным.

Перейдем к обзору терминов, характеризующих отдельные отрасли производства.

1. Сельское хозяйство

Обрабатываемое поле в евангелиях именуется **село**, а в псалтыри, кроме того, употребляется и слово **поле**, ср.: „1 полѣ твоѣ насытитъ сѣя тоука“ (LXIV, 2); „скоты польскыѣ“ (VIII, 8); „дрѣва польскаа“ (СIII, 16). Приведенные примеры показывают, что под словами *поле*, *польскый* понимались широкие безлесные пространства безотносительно к земледелию.

Село, сельныи: „сѣмотрите кринѣ сельныхъ“ (Мф. VI, 28); „сѣно сельное“ (Мф. VI, 30); „сѣкажи намѣ притѣчѣ плѣвель сельныхъ“ (Мф. XIII, 36); „не добро ли сѣма сѣль еси на селѣ твоємъ“ (Мф. XIII, 27).

Как показало исследование А. А. Потебни¹, слово *село* в русском языке с древних пор известно в различных значениях.

1. Определенная территория земли, куда входили пашни, лесосеки и борти в лесу. Например: *дало за все за то два села съ обильем и съ лошадыми и съ бортью одерень* (Завещание новгородца Климента, XIII в.)²; *Тот поораль селища полосу, и межи сѣораль, и в поле пригородиль. Селище по типу косовище, ржище и т. п.*

Остаток этого значения разбираемого слова в современном русском языке известен в таких словах, как *проселочная дорога*, *проселища*, *проселье* — „полевая дорожка“, а также *сельный* — „полевой или дикорастущий“ (1).

2. Дом, усадьба. Например: *оже начеть орати смердѣ, и прихваѣ половчининѣ ударить и стрѣлюю, а лошадѣ его поиметь, а в село ѣхазѣ иметь жену его и дѣти его, и все его имѣнье* (Пов. вр. лет, 1103 г.).

В поговорке: *Купил бы село, да денег голо* — разбираемое слово употреблено в том же значении. Ср. еще: слов. *sélo* — „усадебное место“, „строительная площадка“, *selski* — „полевой“, „деревенский“.

В болгарских и сербских старых грамотах, как установил А. А. Потебня, слово *село* встречается в значении „часть усадьбы“.

3. Населенный пункт, деревня. *Мстиславъ... распустити дружину по селомъ* (Пов. вр. лет, 1096 г.); *Опустѣша села наша и города наши* (там же, 1093 г.).

В этом значении разбираемое слово — общеславянское, хотя в русском языке оно известно в более специализированном значении — „населенный пункт, имеющий церковь“.

Поле, польскыи — „полевой“, „дикий“: русск. *поле*, *польский* — „полевой“ или „дикий“, „вольный“; ср. *польска(я) дорога* — „полевая“

¹ См. А. Потебня. К истории звуков русского языка, IV. Варшава, 1883, стр. 1 и далее.

² М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина. Два памятника новгородской письменности. М., 1952, стр. 8.

(сиб.)¹; польские *утки*, польская *кура* (сиб., 1), польской — „полевой“ (прм., 104); болг. *поле*, *полски*; серб. *поље*, *пољски*; слов. *polje*; чешск. *pole*, польск. *pole*. Слово *поле* во всех славянских языках употребляется в значении „безлесный простор“, „пахотная земля“.

В псалтыри встречается такое предложение: „положилъ еси... землѣ плодовитѣ в *слатяѣ*“ (СѦІ, 33—34). Нас интересует последнее слово, к которому имеются такие параллели: русск. *солотина* — „кислое, ржавое болото“, *солотные покосы* (яросл.) — „мокрые, ржавые, а потому и плохие, малотравные“ (1), *солоть*, *солотина* — „очень вязкое место“ (вологод., 87); укр. *солотвина* — „ржавое болото“, „солончак“; болг. *слатина* — „источник“, „родник, из которого вода выбивает не так сильно, не бьет ключом, фонтаном“; серб. *слатина* — „источник, из которого выбивает соленая или кислая вода“; слов. *slatina* — „соленая вода“ или „источник кислой воды“; чешск. *slatina* — „торфяное болото“; польск. *ślota* — „слякоть“.

Нива употребляется в значении „посеянное поле“: „възведѣте очи ваши и видите нивы ѣко плавы сѣтъ къ жатвѣ юже“ (Ио. IV, 35); „единому богатоу оугобъзи са нива“ (Лк. XII, 16); русск. *нива* — „пашня“, „обработанное поле“, „хлеб на корню“ и т. п.; болг. *нива* — „пашня“ — то же знач.; серб. *нива* — „пашня“; слов. *niva* — то же знач.; чешск. *niva* — „поле“, „хлеб на корню“; польск. *niwa* — то же знач.

Оугобъзити, просто **гобъзити** означает „плодовитость“, „изобилывать“. Так, писец Син. пс. к слову *плодовита* во фразе „жена твоѣ ѣко лоза плодовита“ (СХХVII, 3) на полях привел поправку *гобъзѣщиѣ*.

Наличие слов *гобзить*, *угобзить* и т. п. в русском языке не вызывает никакого сомнения. Так, в рукописи „Флоринова економия“ 1738 г. читаем: *Пословица есть, что глаз господский угобжает землю, которой следуя должен економ за работниками своими прилѣжно смотрѣть, чтобы они полные возы накладывали, и навозу дорогою не роняли*.

Эту пословицу приводит Иллюстров в книге „Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках“: *Глаз хозяйский угобжает землю*.

То же читаем в сборнике пословиц В. Даля: *Глаз господский (хозяйский) угобжает землю (ниву)*.

В приведенной пословице интересующее нас слово в значении „удобрить“, „улучшить, чтобы земля больше дала урожая“.

Кроме того, *гобзить* — „громоздить“, „складывать в кучу“, *нагобзить* — „нагромоздить“, *згобзить* — „соорудить“, „нагромоздить“ (сев.-двин., 88). В этом значении данное слово встречалось в старину. Например: (Богъ) *угобзи ему дни и чти* (= чести, — Житие Александра Невского), т. е. „увеличи“, „умножи“; *Днесь весна красуется, оживляющи земное естество, и бурнии вѣтры, тихо повѣвающе плоды гобзуютъ, и земля, сѣмена питающи, зеленую траву ражаетъ* (Кир. Тур., Слово на Фомину неделю). У Даля: *гобза* — „скоп денег, скарб, и посему кошель“.

Гобзить — „прикармливать“, „пичкать чем-нибудь“: *Своих детей то и знай гобзит, а пасынок голодный бегаёт* (яросл., 25).

В сказке „Сирота“, записанной в Боровическом уезде Новгородской губернии в 1900 г., разбираемое слово встречается в новом значении. Там рассказывается, что мальчик собирается идти в лес за дровами,

¹ „Живая старина“, III—IV. СПб., 1895, стр. 418.

а с ним желает пойти старичок, зашедший накануне к ним переночевать: *Пришли в лес. Глядит мальчик: гобзит старик дрова, словно молодой. Нарубили дров и пошли домой*¹.

Как видно из приведенного текста, в нем слово *гобзить* означает „заготавливать“, „нарубать“. В приложении к изданию указанных сказок наше слово объяснено иначе: *гобзить* — „тащить, с трудом нести“².

Нет никакого сомнения в том, что ст.-сл. *гобзити* и русск. *гобзить* находятся в прямой семантической связи, так как разбираемое слово передает понятие „увеличение урожая“ (изобиловать), а также „накопление, нагромождение богатства“, ср.: „се сі грѣшнѣи і гобзьствоуѣште вѣ въкъ оудръжашѣа богатство“ (LXXII, 2), греческ. εἰδηνοῦντες.

Ростовское (яросл.) *гобзить* — „прикармливать, пичкать чем-нибудь“ — также указывает на количество: своим детям пища дается в излишестве, изобилии, а между тем пасынок голоден.

Приведенные областные примеры свидетельствуют, что разбираемое слово ныне известно преимущественно северным говорам.

Кроме русск. *гобзить*, *угобзить*, *нагобзить*, *сгобзить*, *гобза*, параллелью к разбираемому слову является еще ст.-чешск. *hobesny* — „богатый“, „изобильный“.

Общеславянским является слово **орати**, единственный раз встречающееся в евангелии: „рабѣ имѣа орѣштѣ ли пасѣщѣ иже пришьдѣшю съ села...“ (Лк. XVII, 7), в значении „пахать“. Ср. русск. *орать*; укр. *орати*; болг. *ора*; серб. *орати*; слов. *orati*; чешск. *orati*; польск. *orać*.

От корня этого же слова образованы **орало**, **рало**. В разбираемых текстах — последнее: „никѣтоже възложѣ рѣкѣ своеѣа на рало і зѣра възспаѣ оуправленѣ естѣ“ (Лк. IX, 62); в Асс. ев. *орало*; соврем. русск. *рало*, *орало* — „лемех“, „сошник“, старое — „плуг“, „соха“; болг. *орало*, *рало* — „соха“, „плуг“; серб. *орало* — „лемех“, *рало* — „соха“, „плуг“; слов. *oralo*, *ralo* — „плуг“, „соха“.

Из сбруи упомянуты **брѣзда** и **оузда**: „не бѣдѣте ѣко конь и мѣскѣ имѣже нѣстѣ разоума брѣздами и оуздохъ челюсти ихъ възстагнеши не приближаѣщимѣ съа къ тебѣ“ (XXXI, 9).

Брѣзда, κηρός — „намордник“: русск. *бродза* — „удила“; слов. *brzda*, *bruzda* — „узда“, „уздечко“; чешск. *brzda* — „тормоз“. По данным этимологического словаря Э. Бернекера, слов. *brzda* заимствовано из венгерского языка.

Таким образом, пока единственной бесспорной параллелью к разбираемому слову является русское *бродза*.

Оузда — общеславянское слово: русск. *узда*; болг. *юзда*; серб. *узда*; слов. *uzda*; чешск. *uzda*; польск. *uzda*; у всех значение одно: „часть конской сбруи, надеваемая на голову“.

Один раз в евангелии встречается слово **сѣпрѣгъ** — „супряг“: „сѣпрѣгѣ воловѣннихъ коупихъ пѣтъ и градѣ искоуситѣ ихъ“ (Лк. XIV, 19); русск. *супряг* — „пара впряженных волов, коней“; болг. *сѣпрѣги* — „пара впряженных волов“; серб. *супруга* — „жена“, „дубина“, „палка“; слов. *soprog* — „пара впряженных животных“, обыкновенно у двух соседей.

Наличие слов *лѣха* и *бразда* свидетельствует о том, что тот народ, на язык которого переводились впервые церковные книги, вел пашенное земледелие.

¹ А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок, вып. 1. 1917, стр. 247.

² Там же, стр. 986.

Лѣха, *πρασία* — „огородная гряда“. Наше слово употреблено в таком тексте: „онъ же... повелѣ имъ посадити всѣ народы... на споды на трѣвѣхъ зеленѣхъ и възлегѣ на лѣхы по сътоу и по пати десатѣ“ (Мрк. VI, 38—40); русск. *леха* — „борозда“, „обмежек пашни“, „межа“, „полоса“ (земли), „гряда“ и т. п., правда, последнее не в значении „огородная гряда“; болг. *леха* — „грядка в огороде“; серб. *лијеха* — „гряда“; слов. *leha* — „участок, полоса земли“, чешск. *lecha* — „борозда“; польск. *lecha* — „гряда“, „полоса“.

В приведенном выше текстѣ (Мрк. VI, 38—40) сказано, что людей посадили на *споды*. Этому слову в греческом тексте соответствует *κλίσις* — „круг людей, севших обедать в поле“ или *σπιτόβια* — „пирование“. В приведенном выше тексте, взятом из Мар. ев., сказано: „посадити всѣ народы... на споды“, а в Зограф. ев. — „посадити всѣ народы на споды на споды“ согласно греческому *σπιτόβια, σπιτόβια*.

Слово **споды** в значении указанных греческих терминов в славянских языках не имеет параллелей. Вероятнее всего, переводчик указанные греческие термины передал по-своему в смысле *на спод*, т. е. „на землю“, „низ“. В таком значении слово *спод* известно русскому языку — *сподний* — „нижний“: „*Стал хлеб поспевать, ведмедь приходя к мужику да и кажа: как мы будем хлеб собирать? А мужик атакуя: имне верхний хлеб, а тебе сподний*“¹. В русском языке *спод* вышло из употребления, но *сподний* больше известно, как *исподний* — „нижний“. В других языках: укр. *спід, споду* — „испод“, „низ“, „нижняя часть“, „дно“, *спідний* — „нижний“, „исподний“, *спідниця* — „юбка“, „часть полушубка от талии вниз“; белорусск. *спод* — „нижняя часть чего-нибудь“, „испод“, *исподний, сподниця* — „юбка“, „женское исподнее платье“; чешск. *spod* — „низ“, *na spod* — „на пол“, „на землю“, польск. *spod* — „низ“, „под“.

В южнославянских словарях параллелей к разбираемому слову не обнаружено.

Бразда: „бразды еѣа (т. е. земли. — А. Л.) напои“ (LXIV, 11); русск. *борозда, борозна* — „резь, взрытая в один конец сохою, плугом“; болг. *бразда, бразна* — „борозда“, „след“; серб. *бразда* — „борозда“; слов. *brazda*; чешск. *brazda*; польск. *brazda*.

Сѣяти, сѣти, вѣсѣяти, сѣвание: русск. *сеять, сеть* (пенз., 62, вып. 2, стр. 38), *всѣять, сеянье*; болг. *сея, всея*; серб. *сијати, сијанѣ*; слов. *sejati, vsejati, sejanje*; чешск. *siti*; польск. *siać*.

Сѣмя: русск. *семя*; болг. *семе*; серб. *сјеме*; слов. *sete*; чешск. *setě*; польск. *semie*.

Встречается и **зръно**, большей частью в сочетании „зръно горюшьно“, лишь один раз „зръно пшенично“ (Ио. XII, 24). Это слово, как и предыдущее, общеславянское: русск. *зерно*; болг. *зърно*; серб. *зрно*; слов. *zrno*; чешск. *zrno*; польск. *ziarno*.

Из названий культур, которые сеялись, в разбираемых памятниках отражены немногие, а именно: *жито, пшеница, ѣчьмѣ*; ср.: „имать пать хлѣбъ ѣчьнь“ (Ио. VI, 9). Кроме этого, названы огородные культуры: *горюха — зръно горюшьно, мѣта, копрѣ*.

Жито, житынь: русск. *жито* — „рожь в зерне“, вообще „зерна хлеба“ и т. д. *Житный* (хлеб) — „ржаной“ (ю.-русс.), „ячный“ (с.-русс.), *житная страда* (арханг.) — „время уборки ярового хлеба“; болг. *жито* — „зерновой хлеб“, *житен*; серб. *жито* — то же знач., *житан* — „хлебородный“ (год); слов. *žito* — „зерновой хлеб“, „рожь“, „просо“, *žiten*;

¹ „Живая старина“, III. СПб., 1899, стр. 154.

чешск. *žito* — „рожь“; польск. *żyto* — „зерновой хлеб“, „рожь“, *żytni* — „ржаной“.

Пшеница, пшеничънъ: русск. *пшеница, пшеничный*; болг. *пшеница, пшеничан*; серб. *шеница, пшеница, шеничан*; слов. *pšenica, pšeničen*; чешск. *pšenice, pšeničny*; польск. *pszenica, pszenny*.

Ячьныи, ячьнъ: русск. *ячный, ячневый, ячменный*: *Послушал Васинька Буслаевич у мужиков новгородских канун варен, пива ячnye (69, стр. 54), яшный (из ячьный) (РГО, XXIII, 116; XXIII, 78)* — „ячменный“; болг. *ечемичен*; серб. *јечмен*; слов. *ješten*; чешск. *ječny*; польск. *jęczmienny*.

Известно слово **злакъ:** „зелие злака скоро отъпадѣтъ“ (XXXVI, 2); русск. *злак* (ц.-сл.) — „трава, у которой стебель соломинкой“, сюда относятся и „колосовые хлеба“; болг. *злак* — „зелень“, „место, покрытое зеленью“, „незрелый плод“; серб. в использованных словарях разбираемое слово встречается только в церковнославянских фразах, но в сербско-русском словаре Л. Мичатека: *злак* — „повой малорослый“; слов. *zlaki* — название нескольких вьющихся растений; чешск. *zлак* — название рыбы. Последнее не может считаться параллелью к разбираемому слову.

Класъ: русск. *колос*; болг. *клас*; серб. *клас*; слов. *klas*; чешск. *klas*; польск. *klas*.

Стеблие: русск. *стебель, стеблие*; болг. *стѣбло*; серб. *стабло*; слов. *steblo* — „травянистое растение“; чешск. *steblo* — „стебель“; польск. *zdriobło* — то же знач.

Прозабати: „члкъ вѣмѣтаатъ сѣма въ земля... сѣма прозабать и растеть“ (Мрк. IV, 26—27); „и гда всѣно бѣдетъ въздратеть“ (Мрк. IV, 32).

По мнению А. Преображенского, это слово в русском языке — церковнославянизм. Приведем примеры, в которых разбираемое слово употреблено в значении „произрастать“.

Садове плоднонии и прочая древа прошибаются, и земля злакъ прозябаюша, и прочая вся обновляема (Челоб., 1668 г.)¹; Исход луны и сѣверныя вѣтры сѣву весьма вредны, ибо отъ холодности зерно не скоро прозябаетъ чего ради... для сѣву тепное и тихое время избирать²; ... ежели мѣлко земля вспахана, то для сухости зерно не укоренится и не прозябнетъ³.

У В. Даля: *прозябать, прозябнуть* — „произрастать“, „расти“, „вырастать“. Ныне больше в значении „прорасти“, „пустить росток, мочку“. *Семя прозябает* — „ожило“, „проросло“, „принялось“, „пустило корешок и стебелек“.

В наших памятниках письменности разбираемое слово употребляется еще в таких фразах: *еретичество... почало прозабать* (Речи посла цесарева, 1490 г.)⁴, *прелестъ прозябе* и т. п.

Следует иметь в виду еще то, что наши крестьяне испокон веков пахали и пашут *под зябь*, т. е. под будущий посев, под будущий рост.

Ныне разбираемое слово более известно в значении „вести мало осмысленный, бесцельный образ жизни“. Это значение могло возникнуть из основного значения „прорастать“, „расти“, откуда — „вести

¹ „Материалы для истории раскола за первое время его существования“, т. IV. М., 1876, стр. 267.

² Флорин. эконом., стр. 156.

³ Там же.

⁴ „Труды Комиссии по древнерусской литературе АН СССР“, Л., 1932, стр. 182.

растительный образ жизни“, а потом уже — „вести мало осмысленный, бесцельный образ жизни“.

В других языках: болг. *прозябвам* — „прорасти“, приведенное Н. Геровым без единого примера, уже по написанию *зяб* указывает на книжную его форму; серб. *зенути, зебати* — „расти“, „произрастать“, приведено А. Преображенским, в рассмотренных словарях последнего слова нет, кроме Даничица, у которого интересующее слово приведено в фразе: *злого сада и зылое прозобание* (II, стр. 455). В приведенной фразе слово *прозобание* употреблено не в значении „прорастать“, а вообще „расти“.

Расти, вздрасти: русск. *расти, возрасти*; болг. *раста*; серб. *расти, узрасти*; слов. *rasti, vraziti*; чешск. *růsti, vzurůstati*; польск. *rostać się*.

Гной, гноище: „окопѣж окръсть и осыпѣж гноемъ“ (Лк. XIII, 8); русск. *гной* (ю. и з.) — „навоз“, *гноище* — „навозная куча“; болг. *гной, гноище* — то же знач.; серб. *гноја* — то же знач.; *гнојиште* — „навозная яма“, „куча“; слов. *gnoj, gnojišče* — то же знач.; чешск. *hnůj, hnojište* — то же знач., что и серб.; польск. *gnoj* — „навоз“, *gnojownia* — „помойная яма“.

Буйное развитие растений обозначается словом **разботѣти:** „разботѣтъ красьнаа поустьына“ (LXIV, 13); русск. *разботеть* — „разбухнуть“, „расплыть“, „раздобреть“, „растолстеть“, „разжиреть“, говорится так о лесе, животных, человеке, растениях, например: *Вся огородина после дождей разботела*, т. е. „пышно разрослась“; болг. *ботея* — „расти“. В словарях других языков подобное слово не найдено.

Плѣвелъ, трѣнь, трѣние, исплѣти: „не добро ли съма сълъ еси на селѣ твоемъ отъ коудѣж оубо иматъ плѣвелъ... хощеши ли оубо да шедьше исплѣвемъ ѣ“ (Мф. XIII, 27—28); „а друуга (т. е. семена) падѣж въ трѣнии і възиде трѣние и подави ѣ“ (там же, 7).

Плевѣль: кроме др.-русск. *половелъ*, приведенного И. Срезневским из ев. 1144 г. и Изб. 1076 г., известно в современном языке: *полова, пелева* — „сорняк“, „мякина“, а также: *пелевня* — „пуня“, „амбар для хранения соломы“ (РГО, XXIV, 29) и т. п.; болг. *плевел*, если оно не книжное. Но слово *плѣва* — общеславянское (об этом см. ниже).

Трѣнь, трѣние, трѣновъ: „съплетѣше трѣновъ вѣнецъ“ (Мрк., XV, 17); русск. *терн, терен, терние, терновый* — „колючее дерево или куст“; болг. *трѣн* — „колючка“, *трѣнлив*; серб. *трн, трне, трнов* — то же знач.; слов. *trn, trnje, trnov* — то же знач.; чешск. *trn, trní, trnovu*; польск. *ciernie, tarinowu*.

Исплѣти: русск. *исполоть, испалывать*, например: *мы уже испололись*, т. е. „кончили полоть“, а также: *выполоть, выпалывать*; болг. *плева*; серб. *опливити, пљвити* — „полоть“; слов. *izpleveti*; чешск. *vupleti*; польск. *wuplec*.

Слово **плавъ** означает степень зрелости хлебов, которые уже можно убирать: „видите нивы ѣко плавы сѣтъ къ жатвѣ юже“ (Ио. IV, 35), т. е. нивы светлого, белесо-соломенного цвета; русск. *половой* — то же знач., *половеть* — „желтеть“, например: *Хлеб уже половеет в поле* (1); болг. *плав* — „беловато-желтый“, „голубой“; серб. *плав* — „белокурый“, „голубой“; слов. *plav* — у Плетершника помета „в других славянских языках“; чешск. *plavu* — „белокурый“; польск. *plowu* — то же знач.

В евангелиях назван вредитель полей саранча — **акридъ**, а в Син. пс. — **прузи**; русск. *прус* — „кузнечик-кобылка“, *прузик* — „мелкая саранча“. В др.-русск. *прузи*, ср.: *Въ се же лѣто придоша прузи на землю рус-*

скую... *поядоша всяку траву и многа жита* (Ипат. лет., 1094 г.); *Въ се же лѣто приидоша пружѣ... и покрыша землю... идяху къ полунощнымъ странамъ, ядуще траву или проса* (там же, 1095 г.); укр. *прузик* — „кузнечик“. Как установил А. А. Потебня, формы *прус*, *прузик*, *прузи* получились от формы множественного числа слова *прѣжъ*, *проужъ*, потому что в языке обыкновенно употреблялось *прузи*, отсюда *прузик*, *прус*.

Кроме русского и украинского, по свидетельству Лавровского, хорватскому языку известно слово *пруг* — „саранча“.

Орудием уборки хлебов был *сръпъ*, которым *жатель* резал, или срезывал (*жати*) во время *жатвы*, связывая срезанное в *снопы*.

Сръпъ: русск. *сѣрп*; болг. *сѣрп*; серб. *срп*; слов. *srp*; чешск. *srp*; польск. *sierp*.

Жати, жатель, жатва: русск. *жать*, *жатель*, *жнец* (последнее чаще), *жатва*, *жнитво*; болг. *жѣна*, *жена*, *жѣтва*, *жетва*, *жѣтвач*, *жѣтвар*; серб. *жети*, *жетелец*, *жетва*, *жетва*; слов. *žeti*, *žetec*, *žetev*; чешск. *žeti* — „косить“, *žatva*; польск. *żąć*, *żniwo*.

Снопъ: русск. *сноп*; болг. *сноп*; серб. *сноп*; слов. *snop*; чешск. *snop*; польск. *snopiek*.

Обмолот хлебов производился посредством вытаптывания зерна рогатым скотом на току, о чем свидетельствует слово **гоумьно:** русск. *гумно* и *гумнище*; болг. *гумно*; серб. *гумно*, *гумно*; слов. *gumno*, *gumno*; чешск. *humpo*; польск. *gumno*.

В евангелии рассказывается, что Иисус „емоуже лопата въ рѣдѣ его 1 потрѣбитъ гоумьно свое 1 събереть пшеницѣ въ житницѣ своѣж а пѣввы съжежетъ огнемъ“ (Лк. III, 17).

Измолоченный хлеб мерится и складывается в житницу.

Спѣждъ — „мера для хлеба“: др.-русск. *спуд* — „хлебная мера“ (67), например: *Городские торговые и всякаа мерила, спуды извесы, ставила и мерила... епископу блюсти без пакости* (67). В современном языке разбираемое слово встречается в конструкциях *под спудом*, *из-под спуда*. Судя по словарю Е. Кочина (67), на Руси с древних времен чаще употребляли *пуд*.

В болгарских и сербо-хорватских словарях разбираемого слова не обнаружено, но Миклошич в своем этимологическом словаре приводит хорв. *spud* с пометой „устар.“; слов. *spod* — вид ведра; чешск. *sroud* — „мера хлеба“, но у Котта помета „устар.“; польск. *spąd* — „мера сыпучих тел“.

Житница — „хранилище зерна“ — общеславянское слово: русск. *житница*; болг. *житница*; серб. *житница*; слов. *žitnica*; чешск. *žitnice*; польск. *żytnica*. Значение у всех сходно со ст.-сл.

В анализируемых памятниках отразилось очень мало названий огородных культур. Здесь упомянуты: **зеле**, **горюха**, **мата**, **копръ**, **пиганъ** (рута) и **куминъ**, **киминъ** (тмин).

Овощное: русск. *овочъ*, *овощъ*, *овощное*; болг. *овоще*; серб. *voће*; слов. *ovoc*, *ovocen*; чешск. *ovos*, *ovosnu*; польск. *owos* (у Линде).

Зелие: „горе вамъ фарисѣемъ ѣко десатинѣ даате отъ маты и пиганъ и всѣкого зелиѣ“ (Лк. XI, 42); русск. *зелье* — „травя“, „злак“, „растение“, в том числе и „овощи“; болг. *зеле* — „капуста“; серб. *зеле* — „зелень“, „щавель“; слов. *zelje* — „капуста“, „овощи“; чешск. *zeli* — „капуста“; польск. *ziele* — „травя“.

Горюха: в памятниках письменности до XV в.: *горуша*, *горюшное* (зерно), например, у Кирика *горушица*, а с XV в. — *горчица*, *горчишный*. В Гнездовской надписи на корчаге начала X в., по чтению

проф. П. Я. Черных: *гороушна*¹; болг. *горуха*; серб. *горушица*; *горушични*; слов. *goruha*, *gorušica*, *gorušičen*; чешск. *horčice*, *horčičny*; польск. *gorczyca*, *gorczyczny*.

Мята: русск. *мята*; болг. *мятва*; серб. *метва*; слов. *meta*; чешск. *mata*; польск. *mięta*.

Копрь — „укроп“: русск. *копр*, *копер* — „укроп“; болг. *копър* — то же знач.; серб. *коприва* — „крапива“; слов. *kopriwa* — то же знач.; чешск. *kopř* — „укроп“; польск. *kopř* — „укроп“.

2. Скотоводство и птицеводство

Термином **скотъ** передается греческ. κτήνος — „осел“, „рабочий скот“: „въсаждъ же и на свои скотъ приведе и въ гостиницѣхъ“ (Лк. X, 34) и домашние животные: „и ть из него (т. е. из колодца) питъ и снве его и скоти его“ (Ио. IV, 12).

Параллели: русск. *скот* — „общее название домашних хозяйственных животных“, но большей частью — „волы и коровы“; болг. *скот* — „домашние животные“; серб. *скот* — то же знач.; слов. *skot* — „детеныши животных“, „порода“ (животных), „домашние животные“ (последнее из серб.-хорв.); чешск. *skot* — „крупный рогатый скот“; польск. *skot*.

Стадо: „стадо свинии“ (Мф. VIII, 30); „овьѣа стадо“ (Мф. XXVI, 31); „бѣахѣ пастыри... бѣаще и стрѣгѣще ст(р)ажѣ ношнѣхъ о стадѣ своемъ“ (Лк. II, 8). Из приведенных примеров видно, что словом *стадо* передается понятие „скопление животных“. Параллели: русск. *стадо* — „пасущиеся домашние животные“, а также: „стадо гусей“, „стадо журавлей“ и т. д.; болг. *стадо* — у Герова то же объяснение, что у Даля, даже примеры Даля в большинстве переведены на болгарский язык; серб. *стадо* — „табун“, „стадо“; слов. у Плетершника нет этого слова; чешск. *stado*; польск. *stado*.

Конь и вольт — общеславянские слова.

Вельблѣдъ: русск. *вельблуд*, *вельблюд*, *верблюд*; слов. *velblod*; чешск. *velbloud*; польск. *wielbłąd* — древнее заимствование.

Осель, осля, осель, осельскъ: русск. *осел*, *осля*, *ослий*, *ослиный*; болг. *осел*, но у Младенова помета „кнжн.“, „староболг.“. Возможно, что в болгарском было это слово, а потом заменилось совр. болг. *магаре*; серб. *осао*; слов. *osel*, *oslovski*; чешск. *osel*, *osle*, *osli*, *oslovsky*; польск. *osiel*, *osli*.

Мьскъ — „мул“: русск. *меск*, по мнению А. Преображенского, книжное. В областных словарях это слово не фиксируется. В древнерусской оригинальной литературе оно употребляется очень редко. Украинский и белорусский языки также не знают этого слова.

В других языках: болг. *мъска*; серб. *масак*; слов. *meseg*; чешск. *mezek*; польск. *mesk*, *mezek*.

Жрѣбъць, жрѣбѣ. Оба слова встречаются в одинаковых фразах: „и абѣ обраштета осьла привазано и жрѣбѣ съ нимъ“ (Мф. XXI, 2); „и абие въходашта въ нѣхъ (в *вьсь*, селение) обраштета жрѣбъць привазанъ“ (Мрк. XI, 2); русск. *жеребец*, *жеребя*, *жеребенок*, первое слово употребляется совсем с иным значением: „некладеный конь“, „самецъ оселъ, верблюд“; болг. *жеребенце* — „жеребеночек“, *жеребе* — „жеребенок“;

¹См. „Известия АН СССР. Отделение литературы и языка“, т. IX, вып. 5. М., стр. 389 и далее.

серб. *ждријебе* — „жеребенок“; слов. *žrebe* — то же знач.; чешск. *hříbe* — то же знач., *hřebec* — „жеребец“; польск. *žrebię, žrebak* — „жеребенок“.

Тельць: „закла отць твои телець оупитѣны“ (Лк. XV, 27), т. е. упитанного теленка; русск. *теля, телок, теленок, теличка*; болг. *теленце*; серб. *теленце*; слов. *teles*; чешск. *teles* — „молодой бычок“; польск. *cielę*.

Юньць, юньць, τῆρος — „бык“, „вол“: „се обѣдь мои оуготовахъ юньци мои и оупитанаа исколена и всѣь готова“ (Мф. XXII, 4); „еда ѣмь мѣса юнѣча ли кръвь козьлѣж пѣж“ (XLIX, 13); русск. в указанном значении не имеет параллели, так как *юнец* означает „новобрачный“; болг. *юнец* — „бычок“ или „молодой осел неук“; серб. *јуне* — „молодой бык“, *јунац* — „молодой вол, бык“; слов. *junec* — „молодой вол“, „племенной бык“; чешск. *junec* — „молодой вол, бычок“; польск. *juniec*.

Вепрь — „дикий кабан“: „Узоба і вепрь отъ лѣга“ (LXXIV, 14), т. е. „пожрал его кабан из лесу“ (лесной); русск. *вепрь* и *веперь* (перм., 2) — „дикий кабан“, „боров“.

В других языках: болг. *вепър* — „кабан“, „боров“, например: *Див като вепър* (129); серб. *вепар* — „боров“; слов. *veper* — „дикий кабан“; чешск. *vepř* — „боров“, „свинья“; польск. *wieprz* — „боров“.

Свиниѣ: русск. *свинья*; болг. *свинья*; серб. *свиња*; слов. *svinja*; чешск. *svine*; польск. *swinia*.

Козьль, козьла, козьль козьлиштъ: „пастырѣ разлѣчаатъ овьца отъ козьлиштъ“ (Мф. XXV, 32); русск. *козел, козлище, козля, козленок, козелий, козлий, козий*; болг. *козел, козле, кози*; серб. *козел, козли, козле, козју*; слов. *kozel, kozlič, kozle, kozji*; чешск. *kozel, kozle, kozi*; польск. *kozel, kozle*.

Овьнь, овьнь, овьца, овьчиц, овьча: в древнерусской оригинальной литературе не так часто, но встречается слово *овень* в значении „баран“, а также „стенобитное орудие“: *А се покони вирнии . . . вирнику взяти 7 ведер солоду на неделю, же овен любо полоть, любо 2 ногате. . .* (Русск. Правда, статья 9 пространной, статья 42 краткой); *Явился въ Киевѣ на церкви. . . Михаила Златоверхаго птица незнаема, величствомъ бѣ со овна и сіяше всякими цвѣты* (Ник. лет., 1109 г.);

*Нача козла погоняти,
Козлом овна побивати,
В лугу овцу поимати,
Волну и млеко собирати
Тем себе сыт перебувати* (70, ч. II, стр. 310);

И бысть яко услыша Тит плачь во градѣ повелѣ стѣну разбивати овны (Хроногр., 1512 г.)¹.

Приведенные примеры делают возможным предположение, что в старину русский язык знал слово *овень* в значении „баран“, но оно едва ли было распространенным так же, как *овец* — в значении „баран“ (см. 1, 2). Параллели к другим словам: *овца, овечий, овча* — „ягненок“, „молодая овца“; болг. *овен, овца, овчи*; серб. *ован, овца, овчија*; слов. *oven, ovsa, ovčji, ovče*; чешск. *ovse, ovši*; польск. *ovsa, owczy*.

Агньць: „горы да възиграсте съ ѣко овьни і хлѣми ѣко агньци овьчиѣ“ (СХІІІ, 4, 6); русск. *ягня, ягнища, ягненок*; болг. *агне, ягне*; серб. *јагње, јаганци*; слов. *jaǵniēs*; чешск. *jeňnes*; польск. *jaǵnię*.

¹ Полное собрание русских летописей, т. 22, стр. 327.

Пьсь, пьсьи: русск. *пес.*, *песий*, *псиный*; болг. *пес*, *песи*; серб. *пас*, *пасји*; слов. *pes*, *pasji*, *pesji*; чешск. *pes*, *psi*; польск. *pies*.

Из домашних птиц встречаются только названия: **кокотъ, коуръ, кокошь**. Слова *кокотъ* не знает Зограф. ев., там только *коуръ*. Ввиду отсутствия соответствующих мест (Мф. XXIII, 37; Лк. XIII, 34 — утеряны листы), в Зограф. ев. не встречается слова *кокошь*. В Син. пс. нет ни того и ни другого слова.

Славянские языки дают такие параллели к названным словам: русский язык не знает слова *кокот*, но в нем широко известно на юге *кочет*, повидимому, восходящее к *кокотъ*. Слова *кокот* в значении „петух“ не знают украинский и белорусский языки. В русском и украинском языках в значении „петух“ известно *кур*. Русский язык не знает слова *кокош*, но укр. *кокош* — „петух“, *кокошка* — „курица“.

В использованной нами болгарской литературе не зафиксировано слово *кокот* — „петух“, вместо него употребляется *курец*, *курак* — „скопленный петух“, *кокошка* — „курица“; серб. *кокот* — „петух“, слова *кур* в использованных словарях не обнаружено, но в хорватском известна фраза *kurje oči* (161, I, стр. 607), следовательно, слово *kur* было известно и у южных славян, *кокош* — „курица“; слов. *kokot* — „петух“, *kur* — то же знач., *kokoš* — „курица“; чешск. *kokot* и *kohout* — „петух“, *kuře* — „дыпленок“, *kokeš* — „курица“; польск. *kokot*, *kogut*, *kur* — „петух“, *kokoš* — „курица“.

Если прав Ягич, утверждающий, что дошедший до нас список Мар. ев. выполнен сербом, то в этом случае понятно игнорирование в этом евангелии слова *коуръ*, потому что в сербском языке, повидимому, с древних пор более обычным было слово *кокот*. В таком случае *коуръ* Зограф. ев. следует признать более древним словом в текстах церковных книг, которое в Мар. ев. подверглось замене словом *кокотъ*.

Пасти, пастоухъ, пастырь: русск. *пасты*, *пастух*, *пастырь*; болг. *паса*, *пастир* — „пастух“; серб. *пасты*, *пастир*, *пастух* — то же знач.; слов. *pastir*, *pastuh*, *pasti* — то же знач.; чешск. *pasti*, *pastir*, *pastuch* — то же знач.; польск. *pasć*, *pastuch*.

По мнению Ягича, „*пастырь* (ποιμήν) в древнейших текстах предпочтительнее, чем *пастоухъ*, в Мар. только первое, в Зограф. только 2 раза *пастоухъ*, остальное *пастырь*“¹.

Паствина, паствиньни встречаются только в Син. пс., в ев. вместо них употребляется **пажить**: „мы же людие его і овыѣ паствини его“ (ХСІХ, 3); „кто... вьнидетъ и изидетъ і пажить обратеть“ (Ио. X, 9). На месте *паствина* и *пажить* в греческих текстах стоит ποιμήν — „пастбище“.

В современном русском языке нет слова *паствина*, оно встречается в древнерусских текстах, например, в переводе Хр. Георг. Ам. Вероятность существования такого слова в древности в отдельных восточнославянских диалектах подкрепляется укр. *паства* — „пастьба“, *пастивень* — „отгороженная под пастбище земля вблизи жилья“; русск. *пажа*, *пажить*, — „луг или поле, где пасется скот“..., „выгон“... (I, III, стр. 9—10), *пажити* — „пастбища“ (113); в болгарских словарях не обнаружены слова: *паствина* и *пажит*, вместо них употребляется *паша* (из *пасја*); серб. *паша*, но Плетершник в слов. словаре приводит

¹ V. Jagic. Entstehungsgeschichte der altkirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913, стр. 291—292.

как заимствованное из серб.-хорв. *pastvina* — „пастбище“; чешск. *pastvina* — „пастбище“, „выгон“, *pažit* — „место, где растет трава“, *pažitka* — „мелкий лук, резанец“; польск. *pażyc*, *pażec* — „мураба“, „травник“.

Можно думать, что слово *паствина* попало в псалтырь или в Моравии или в Паннонии на место первичного *пажить*.

Сѣно: „азъ ѣко сѣно исохъ“ (СІ, 12); „въ образъ тельца ѣдѣща сѣно“ (СV, 20). Это слово общеславянское, ср.: русск. *сено*; болг. *сено*; серб. *сено*, *сијено*; слов. *sepo*; чешск. *sepo*; польск. *siano*.

В качестве корма упоминается **рожьць:** „і желааше насытити чрѣво свое отъ рожець ѣже ѣдѣвахъ свиниѣ“ (Лк. XV, 16); греческ. *κεράτιον* — „стручок“, „сладкие рожки“; русск. *рожки* — „рожковое дерево“ (*ржаные*), *рожки* — „спорынья“; болг. *рожков* — „рожок“ (бот.), „сладкий стручок“; серб. *рожац* — „растение роговик“; слов. *rožica* — „цветок“, „сорт яблок“, „спорынья“; чешск. *rožec* — „растение“ (какое-то).

Питомы(и), оупитѣны(и): „закла емоу (блудному сыну) телець питомы“ (Лк. XV, 30); „приведѣше телець оупитѣны заколите“ (там же, 23).

Питомы(и): русск. *питомый*, например: *я уже питомый*, т. е. „я уже выпил, утолил жажду“, *питомец* — „вскормленник“; болг. *питомен* — „прирученный“; серб. *питом* — „возделанный“, „обработанный“, „прирученный“; слов. *pitot* — то же знач.; чешск. *pitomy* — „глупый“.

Таким образом, русск. *питомец*; серб. и слов. *питом*, *pitot* несколько приближаются к значению разбираемого слова.

Оупитѣныи: русск. *упитанный* — „откормленный“; болг. *упитомявам* — „приручаю“; серб. *upitati se* — „наестся“; слов. *upitati* — „откармливать“.

Слово **ѣсли** указывает на существование специальных стойл, где ставились кормушки, или ясли: русск. *ясли*; болг. *ясла*; серб. *jasle*, *jasli*; слов. *jasli*, чешск. *jesle*; польск. *jasły*.

В евангелии рассказывается: „въ соботѣ не отрѣшаатъ ли своего волоу ли осѣла отъ ѣслии и вѣдѣ напаѣать“ (Лк. XIII, 15): русск. *отрешить* — „отделить“, „отвязать“ и др.; болг. *отрешвам* — „отвязывать“; серб. *odriješiti* — то же знач.; слов. *odrešiti* — то же знач.

Сюда же относятся *привязати, връвии*.

Привязати: русск. *привязать*; болг. *привързам* (другое по корню слово); серб. *privezati*; слов. *privezati*; чешск. *přivazati*; польск. *przywijać*.

Заклати: „закла отъ твои телець“ (Лк. XV, 27); „вмѣниша ны ѣко овцѣ на заколенье“ (XLIII, 23); русск. *заколоть*, *закаланье*, *закалыванье*, *закол*; болг. *закалам*, *закаляне*, *заколеане*; серб. *zaklati*, *zaklaње*; слов. *zaklati*, *zaklanje*; чешск. *zaklati* — „колоть“; польск. *zakłuć* — „закололо“ (например, в боку).

Мѣсо: русск. *мясо*; болг. *meso*; серб. *meso*; слов. *meso*; чешск. *maso*; польск. *mięso*.

Роуно — „шерсть“: „сѣнидетъ ѣко дождь на роуно“ (LXXI, 6); греческ. *ποκος*; русск. *руно* — „шерсть“, „трава по пожне“, „озимые всходы“; болг. *руно* — „шерсть“, вид травы; серб. *руно* — „зеленая трава“; слов. *gupo* — „шерсть“; чешск. *goupno* — то же знач.; польск. *gupo* — то же знач.

Масло: Зограф. ев. (Лк. X, 34) вместо *олѣи*; русск. *масло*; болг. *масло*; серб. *масло*; слов. *maslo*; чешск. *maslo*; польск. *masło*.

Млѣко: русск. *молоко*; болг. *мляко*; серб. *млијеко*, *млеко*; слов. *mleko*; чешск. *mleko*; польск. *mleko*.

Оусние: „1 поѣсъ оусниѣнъ о чрѣслѣхъ его“ (Мрк. I, 6) — „пояс кожаный“, др.-русск. *усниный* — „кожаный“, „сыромятный“, например: *И оному мнущу усние и разнѣвася и проторже руками (1)* (В. Даль); совр. русск. *усной* — „волос“, отсюда: *усная щетина*, которые свидетельствуют, что в прошлом действительно в русском языке было слово *усние*, *усниный*. По свидетельству В. Даля, в его время кое-где говорили: *усма*, *усмарь* — „кожа“, „кожевник“, „скорняк“; болг. *усмен* — „выделанная кожа“, *усмар* — „кожевник“; серб. *усмина* — „голенища“; слов. *usnje* — „дубленая кожа“, *usnjen* — „кожаный“; чешск. *usne* — „дубленая кожа“, *uspeny* — „кожаный“.

Из продуктов птицеводства упомянуто только **айце**, потому что переводимый текст не требовал иных терминов этой отрасли хозяйства: „котерааго же отъ васъ ода въспросить снѣ хлѣба... или аште просить аица еда по(да)сть емоу скорьпи“ (Лк. XI, 11—12); русск. *яйцо*; укр. *яйце*; болг. *яйце*; серб. *jajje*, *jaje*; слов. *jajse*; чешск. *vejse*; польск. *jaje*.

Разумеется, что разбираемые памятники письменности не отразили всех терминов, относящихся к животноводству и птицеводству.

3. Садоводство

Садъ: русск. *сад* — „фруктовый сад“; болг. *сад* — „плантация“; серб. *сад* — „молодой сад, преимущественно виноградный“; слов. *sad* — „плод“, „фрукт“; чешск. *sad* — „фруктовый сад“; польск. *sad* — то же знач.

Виноградъ — „виноградник“: русск. *виноград* — „растение и плоды“, а в значении сада — „виноградник“; в болгарских словарях нет такого слова; серб. *виноград* — „виноградник“; слов. *vinograd* — то же знач.; чешск. *vinohrad* — то же знач. Памятники древнерусской письменности не зафиксировали слова ***виногородъ**. Исходя из этих данных, вслед за Л. А. Булаховским, следует признать, что *виноградъ* не является восточнославянским словом. В Син. пс. в значении современного *виноград* употребляется *вино*, ср.: „зби градомъ вина ихъ і чрыница сланоѣ“ (LXXVII, 47). В Травнике списка 1534 г. читаем: *подобны вѣтвиемъ диково вина*. Последний пример указывает на то, что восточнославянским языкам также было известно *вино* в значении „виноград“. Кроме того, в памятниках древнерусской письменности в том же значении употребляются *виничина*, *виничие*, например: *Обстраніе не имать лѣсу, ниже землю земледѣлаемую, за еже есть каменіста, токмо имать дрѣвеса плодоносная и виничія* (Проскинитарий Арсения Каллуда, 1686 г.)¹.

Слово *виноградъ* в памятниках древнерусской письменности встречается преимущественно во фразах из церковных книг. Характерно, что в одном памятнике XVI в. сказано: *Лозня же виноградъ есть, изъ него же ягоды виноточны, глаголаемы по татарски изюмы, а по писанию гроздие*. Повидимому, наши предки виноград именовали *лоза* или *лозня*, а также *вино*.

¹ „Памятники древней письменности“, т. XLVI. СПб., 1883, стр. 6.

Лоза, лозье, лозьнѣ — обозначают понятие „виноградная лоза“: русск. лоза — „прут“, а также „виноградная лоза“, лозье — „ветви“, „прутья“, лозный — к виноградной лозе относящийся; болг. лоза — „виноград и его лоза“, лозе — „виноградник“, лозен; серб. лоза, лозје — „виноградник“; слов. loza — „лес“, „роща“; словац. loza — „виноградный черенок“; польск. łozа — „ивовый кустарник“, łozowy — „ивовый“.

Гроздь, грозны — „кисть плодов“, „виноград“: русск. гроздь, гроздьё — „кисть плодов“, в частности, и винограда; укр. грозно — то же знач.; болг. грозд — „виноград“, „крыжовник“; серб. грозд, гроздје — „виноград“; слов. grozd, grozdje — „виноград“, „виноградная кисть“, „изюм“; чешск. hrozn, hrozen — „гроздь винограда“; польск. grono — „гроздь“, „кисть“, winne grono — „кисть винограда“.

Кроме винограда, из плодовых деревьев упоминаются **съмоковница** и **маслина**.

Из плодов, кроме винограда, упоминаются только **плодъ** и **чръница**.

Плодъ — общее название фрукта, ср.: „дрѣво добро и плодъ его добръ“ (Мф. XII, 33), отсюда **плодити** са, **плодовитъ**; русск. плод, плодиться, плодовый, плодовит; болг. плод, плоден, плодовый (последнее только у Младенова, форма для болгарского языка книжная); серб. плод — „фрукт“, плодиту се; слов. plod, ploditi se, plodovit; чешск. plod, ploditi; польск. plod, plodzić się.

Чръница — „ягода“: „изби градомъ вина ихъ і чръницѣ слоножъ“ (LXXVII, 47); русск. черница, черника, чернига — „черника“ (куст и ягоды); болг. черница — „тутовое дерево и его ягоды“; польск. czernica — „черника“.

Из орудий садоводства упомянуты только два: **лопата** и **секъира**, кроме того, еще **точило** — пресс для выжимания виноградного сока.

Лопата и **секъира** — общеславянские слова, употребляющиеся во всех славянских языках.

Точило: русск. точило — „гнет“, „пресс“, „жом“ и т. п.; болг. точило — „давальня“; серб. точило — „спуск для дров“ (скат?); слов. točilo — „пресс“; чешск. točidlo; польск. toczydło — „точило“, „шлифовальный камень“.

Сушило должно обозначать сушильню, в тексте же сказано: „і кости моя ѣко сушило сосъжъ съ“ (Cl, 4), в греческ. φρυγίον; но употребление слова сушильня в этом контексте (кости мои высохли как сушильня) не оправдано; русск. сушило — „сушильня“; болг. сушило — то же знач.; серб. сушило — „сушенье“, „просушивание“; слов. sušilo — „сушенье“, „сушильня“; чешск. sušidlo, но большей частью: sušarna — „сушильня“; польск. suszarnia.

Термином **винарь** передано понятие „садовник“: русск. винарь — „винодел“; болг. винар — „винодел“, „виноторговец“; серб. винар — „виноторговец“; слов. vinar — „виноградарь“, „виноторговец“; чешск. vinar — „виноградарь“, „винодел“; польск. winiarz.

4. Термины, обозначающие другие отрасли хозяйства

Рыба, рыбаца: русск. рыба, рыбаца, рыбарство, рыбаць. Последнее слово А. Преображенский ошибочно отнес к церковнославянизмам, тогда как В. Даль приводит рыбаць (новг.) — „рыбак“, „рыболов“, в „Опыте областного великорусского словаря“ — рыбаць — „птица-

рыболов“; болг. *риба, рибица, рибичка, рибар*; серб. *риба, рибица, рибар*; слов. *riba, ribica, ribištvo, ribar*; чешск. *ryba, rybička, rybitva* — „рыбак“, *rybař*; польск. *ryba, rybitw* — „рыбак“, „птица-рыболов“, *rybarz*.

В Мар. ев. сказано: „и видѣвъ дѣва корабица стоѣшта при езерѣ рыбѣтвы же ошедѣше отъ неѣ плакаахѣ мрѣжа“ (Лк. V, 2), в Зограф. ев. вместо *рыбѣтвы* читаем: *рыбари*.

Пожалуй, *рыбитва* — моравизм, заменивший первоначальное *рыбарь*.

Ловити, ловѣць, ловитва: „вметѣте мрѣжа ваша въ ловитвѣ“ (Лк. V, 4); русск. *ловить* (рыбу), *ловец*, *ловитва* (если последнее, приведенное В. Далем, не книжное слово); болг. *ловя, ловец, ловач, ловитба*; серб. *ловити, ловац*; слов. *loviti, lovec, lovitev*; чешск. *loviti, lovec*; польск. *łowić, łowiec*.

Удица: „шедѣ въ море вѣврѣзи ждицѣ и ѣже имеши прѣжде рыбѣ възми и отврѣзь оуста еи“ (Мф. XVII, 27); русск. *удица, удочка, уда*; болг. *вѣдица*; серб. *удица*; слов. *odica*; чешск. *udice*; польск. *węda*.

Мрѣжа: русск. *мережа* (с.-в.) — „рыболовная снасть“; болг. *мрежа* — то же знач.; серб. *мрежа* — то же знач.; слов. *mreža* — то же знач.; чешск. *mříže* — „сетка“, „решетка“; польск. *przeża*.

Неводъ — „рыболовная снасть“: „неводоу вѣврѣженоу въ море“ (Мф. XIII, 47); русск. *невод* — „самая большая рыболовная снасть“, например: *Впереди невода рыбы не ловят*; *Был неводок, годился, да изневодился*; болг. *невод*.

Бѣчела, сѣтъ, медь, воскъ: „они же даша емоу рыбы печены часть 1 отъ бѣчель сѣтъ“ (Лк. XXIV, 42); „ѣдъ акриди и медь дивни“ (Мрк. I, 6); „убидѣ мѣ ѣко бѣчелы сѣтъ“ (СХVIII, 12); „слаждѣша паче меда и сѣта“ (XVIII, 11); „ишезнѣтъ ѣко таетъ воскъ отъ лицѣ огнѣ“ (XVII, 3).

Бѣчела: русск. *пчела*, др.-русск. *бѣчела*; укр. *бджола*; болг. *пчела*; серб. *чела, пчела*; слов. *čela, mčela, včela*; чешск. *včela*; польск. *pszczola*.

Воскъ: русск. *воск*; болг. *воскъ*; серб. *восак*; слов. *vosek, vosk*; чешск. *vosk*; польск. *wosk*.

Медь: русск. *мед*; болг. *мед*; серб. *мед*; слов. *med*; чешск. *med*; польск. *miod*.

Сѣтъ: русск. *соты, сот*; болг. *сѣтъ*; серб. *сам*; слов. *sat*. Западно-славянские языки этого слова не употребляют, ср.: чешск. *voštiny*; польск. *plaster miodu*.

Об охоте свидетельствуют термины *ловь, ловѣчь, сѣти*, употребленные в таких предложениях: „убѣста мѣ ѣко левъ готовъ на ловѣ“ (XVI, 2); „оупѣваѣ на нь ѣко тѣ избавитъ мѣ отъ сѣти ловѣча“ (XC, 4).

Ловь, ловѣчь: русск. *лов* — „охота“, „ловля“, например: *Много ли лову? Какова пса ловля, такова ему и кормля*; *ловчий* — „охотник“, вообще это слово — охотничий термин, ср.: *ловчая собака, ловчая птица; ловчий* — „главный псарь“ и т. п.; болг. *лов* — „охота“, „лов“, *ловчия* — „охотник“, „ловец“; серб. *лов* — „охота“, *ловац* — „охотник“; слов. *lov* — „охота“, *lovec* — „охотник“; чешск. *lov* — „охота“, *lovčí* — „охотник“; польск. *łowu* — „охота“.

Сѣти — „силки“: русск. *сети* (рыболовные, птицеловные, на зверей — „тенета“); болг. *сетка* — „рыболовная снасть“, чешск. *sít* — „сеть“; польск. *sieć* — „сеть“, „невод“, „тенета“.

ЖИЗНЬ, ПЛЕМЯ, РОД, СЕМЬЯ, РОДСТВЕННЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В анализируемых памятниках слово **жити**, кроме основного значения, употребляется еще для обозначения постоянного или длительного пребывания в одном месте. Например: „единого просихъ от гѣ того възштѣ. Да живѣ въ домоу гнѣ всѣа дѣни живота моего“ (XXVI, 4); „блажени живѣштеи въ домоу твоємъ въ вѣкѣ вѣкомъ въсхвалѣтъ сѣа“ (LXXXIII, 5); „изволихъ примѣтати сѣа въ домъ ба моего паче неже жити въ сѣлѣхъ грѣшничихъ“ (LXXXIII, 11).

Наоборот, словом **витати** преимущественно обозначается временное, недлительное пребывание на одном месте. Так, в притче о пяти хлебахъ говорят ученики Иисусу: „отъпоусти народы да шедше въ окръстѣнаѣа вси і села витѣтъ і обрѣштѣ брашно ѣко съде на поусть мѣстѣ есмѣ“ (Лк. IX, 12), т. е. пусть народ, идя в деревни и села, найдет там ночлег и еду; „і видѣвъше вси рѣптаахѣ глѣште ѣко къ грѣшнѣж мѣжю въниде витѣтъ“ (Лк. XIX, 7),—речь идет о мытаре Закхее, к которому зашел Иисус гостить; „обѣсѣа мѣа ѣко левъ готовъ на ловъ и ѣко скоумень обитаѣа во сѣкровиштѣхъ“ (XVI, 12), т. е. как львенок, пребывающий (сидящий) в укрытии (засаде). Здесь, в последнем примере, слово *обитаѣа* нельзя понимать, как „львенок, живущий“..., а только — „сидящий, пребывающий временно в засаде, чтобы броситься на добычу“.

Даже слово **обитѣль** преимущественно употреблено в значении „временное жилье“, ср.: „і идеже аште вънидетъ рѣѣта гноу домоу ѣко оучитель глѣтъ кѣде естѣ обитѣль идеже пасхѣ съ оученикы своими сѣнѣмъ“ (Мрк. XIV, 14).

Итак, словами *витати*, *обитати* и т. д. обозначается временное пребывание в том или ином месте.

В этом же значении слово *витати* было известно, частично известно и сейчас, русскому языку. В договоре Олега 907 г.: *Приходяще Русь да витають у святого Мамы*. В договоре 944 г.: *И приходящимъ имъ да витають у св. Мамы; Всему роду птичему тихо виталище*¹; *Витай королю великии к намъ къ своимъ работ*². В последнем примере — в значении „приезжай“, „гости“. Оно встречается в „Житии протопопа Аввакума“, причем не в церковнославянских фразах, а там, где автор рассказывает об издевательствах над ним Пашкова: *В горахъ техъ обрѣтаются змеи великие, в нихъ же витають гуси и утицы*³. *На те горы выбивалъ меня Пашковъ со зверьми, и со птицами витають*⁴.

В разбираемых памятниках в значении „жизнь“ употребляется **животъ**, один раз **житие**, в Мар. ев. **жити**: „въ неправеднѣмъ жити“ (Лк. XVI, 11); другой раз *житие* употреблено в значении „имущество“, „средства к жизни“: „ѣко вѣдовица си оубогаа... вѣврѣже (в газофилакию.— А. Л.)... всѣ елико имѣаше вѣврѣже всѣ житие свое“ (Мрк XII, 43—44). Слово **жизнь** не встречается в разбираемых памятниках, но оно известно, например, Ассеманиеву евангелию. Встречается слово **житель**: „і шедъ приѣѣи сѣа (блудный сын.— А. Л.) единомъ отъ жителя тоѣа страны“ (Лк. XV, 15). Встречается и прилагательное **житискѣим**: „сластьми житеискѣими“ (Лк. VIII, 14).

¹ Стих. „Похвала пустыне“. — Рукопись бывш. Синод. б-ки, № 832, л. 550 об.

² „Римские деяния“, вып. 1—2. СПб., 1877—1878, стр. 43.

³ „Житие протопопа Аввакума“ — Academia, М.—Л., 1934, стр. 87.

⁴ Там же, стр. 88.

Приведем параллели к перечисленным словам: русск. *жизнь, живот*, например: *живота или смерти? животы не жалеть*, т. е. жизни; *житье* — „жизнь“: *не житье с волками и собаке; житье-бытье: у него житья-бытья всего один кафтан*; ср. еще укр. *життя* — „жизнь“; *житель*, например: *он житель севера; житейский* — „обиходный“, „бытовой“, также „к жизни относящийся“; болг. *житие* — у Герова, но это слово по своей форме неболгарское, у Младенова — *жител*; серб. *жиће* — „жизнь“, „житье“; слов. *živenje, žitelj*; чешск. *žiti* — „имение“, „имущество“; польск. *liczowu*.

Греческ. *ἀλλόφυλος* и *ἀλλογενής* наши памятники передают термином **иноплеменьникъ**, которое по имеющимся материалам зафиксировано только в словарях двух языков: русск. *иноплеменник* — „уроженец другого племени или народа“; слов. *inoplemenik* — то же знач.

Наряду с словом *иноплеменьникъ* употребляется еще **колѣно**, которым передается греческ. *φυλή* и *γόνος*: „отъ колѣна асоурова“ (Лк. II, 36); „сѣдаште объма на десете колѣнома израилевома“ (Лк. XXII, 30); русск. *колѣно* — „род или поколение, отродье, племя“, ср.: *Князья Одоевские от колѣна Рюрикова; Колѣном зовут большака, старшего в семье, или наличного родоначальника* (смол., 1); болг. *коляно* — „род“, „поколение“, „племя“, „кровь“, „порода“; в тех же значениях: серб. *кољено*; слов. *koleno*; чешск. *rokoleni*; польск. *rokolenie*.

Чаще, чем *колѣно*, употребляется термин **родъ**: „родъ лѣжавъ и любодѣи“ (Мф. XII, 39); „родъ градъи“ (XXI, 31) и т. п.; русск. *род* — „поколение“, „родня“ и др.; болг. *род*; серб. *rod*; слов. *rod*; чешск. *rod*; польск. *rod* — значения у всех близки к русскому.

В значении же „родственник“ или „близкий человек“ употребляются **ближика, ближний искръ, искрънии**: „дроузи мои і ближикъи моиа прѣмо мнѣ приближиа сѣа сташа і ближни мои далече сташа“ (XXXVII, 12). В приведенном примере *ближика* — „близкий“, а *ближни* — „приближенный“. Слово *ближика* в разбираемых евангелиях не встречается, вместо него употребляются *искръ, искрънии*: „градъ.. свхарь искръ вси ѣже дастъ иѣковъ иосифу сноу своему“ (Ио. IV, 5); „кто естъ искрънии мои“ (Лк. X, 29); в Сав. кн. и Остр. ев. вместо *искръний* написано *ближнии*.

В древнерусском языке употребительны *ближика, ближий и ближний*. Так, в договоре 911 г.: *да возвратиться имѣние* (умершего в Византии. — А. Л.) *малым ближикамъ в Русь; Княземъ же вѣмъ слышавшимъ такую погыбель о братвѣ своей и до боярѣ, возпиша вси, и бысть плачь и стенанье, овѣмъ бо братья избита и изрымана, а дръгемъ отци и ближики* (Лавр. лет., 1186 г.) — речь идет о несчастном походе Игоря на половцев; *Аже буд(у)ть в дому дѣти мали, а не джи* (дюжи. — А. Л.) *са буд(у)ть сами собою печаловати, а мати имъ поидеть за мужь, то кто имъ ближий будетъ, тому дати на руцѣ с добыткомъ и с домомъ, донѣже возмѣгутъ* (66); *А который человекъ умретъ без духовные грамоты, а не будетъ у него сына, ино статок весь и земли дочери, а не будетъ у него дочери, ино взяти ближнему от его рода* (Судебник Ив. III)¹.

Эти три формы заменялись одна другой. Так, приведенная статья из Русской Правды в списке XV в. читается со словом *ближний* вместо *ближий*. Даль приводит *ближник* (ряз.) — „сосед“, „товарищ“, „друг“,

¹ „Акты исторические“, т. I. СПб., 1841, стр. 149.

„приятель“, „родня“, „сводный брат“. Наши словари XVI—XVII вв. приводят *ближик* — „родственник“, „ближний друг“.

Таким образом, с уверенностью можно говорить о существовании в русском языке слова *ближика* и *ближик* так же, как *ближий* и *ближний*. Слово *ближей* — „близкий“ типично для современного белорусского языка.

В других языках: болг. *ближни* — „близкие“, „сродники“; слов. *blžica* — „соседство“, *blžnji* — „родственники“, „близкие“; чешск. *blžni* — „ближний“; польск. *blizni* — то же знач.

Что касается слов *искръ*, *искрънии* в значении *ближика*, *ближьнии*, то они имеют убедительные параллели только в серб. *искръи* — „ближний“ и слов. *iskrnji* — то же знач.

В значении „родня“, греческ. συγγενής, употребляется *жжика*. Слово это было общеславянским, но сейчас почти всюду вышло из употребления.

Понятие „близкий человек“ обозначается словами **друоугъ** и **подроугъ**: „друоугъ ми приде съ пѣти“ (Лк. XI, 6). В Зогр. ев.: „взлюбихи... подруга своего ѣко самъ са“ (Лк. X, 27); в Мар. ев.: „и искрънѣаго“.

Параллели: русск. *друг*, *подруга*; болг. *друг*, *подруг* — „товарищ“; серб. *друг* — „другой“, „иной“, *подруг* — „высокий человек, достигающий полуторного роста“, например: *подруг она*, *подруг стотина* и т. п.; слов. *drug* — „иной“, „другой“; чешск. *druhy* — „второй“, *podruh* — „наемный“; *sudruh* — „товарищ“; польск. *drug* — „второй“, „иной“.

Общим термином, обозначающим отца с матерью, является **родитель** (дв. ч.), **родители** (мн. ч.): „въвѣсте родительъ отроча“ (Лк. II, 27); „въстанѣтъ чада на родителя“ (Мрк. XIII, 12); русск. *родитель* — „отец“, „мать“, *родители* — „отец и мать“, „предки“; болг. *родител* — „отец“, *родители* — „отец и мать“; серб. *родитель* — „отец“, *родители* — „отец и мать“; слов. *roditelj* — „отец“, „производитель“, *roditelji* — „отец и мать“; чешск. *roditel* — „отец“.

Со словом **отьць** связаны **отьчь**, **отьцьство**, **отьцьствие**: „и поклонѣтъ сѣа прѣдъ нимъ въсѣ отьцьства ѣзъчѣна“ (XXI, 28). В ев. в том же значении **отьцьствие**: „и приде въ отечьствие свое“ (Мрк. VI, 1); русск.: *отец*, *отчий*, *отечество*; болг. *отец* (ц.-сл.?), обыкновенно: *баща*, *тапка*, *бащин*, *бащиния*; серб. *отац*, *отачки*, *отачанство*; слов. *oče*, *očastvo*; чешск. *otec*, *otectví*; польск. *ojciec*.

Мати, **матерьнь**, **матерьство** — последнее означает „старшинство“, „матерость“: „и до старости матерьства... не остави мене“ (LXX, 18); русск. *мать*, *мати*, *матерний*, *материнский*, *матерство* — последнее то же самое, что и „материнство“; болг. *майка*, *мати майкин*; серб. *мајка*, *мати*, *мајкин*; слов. *mati*, *materinji*; чешск. *mati*, *materšky*; польск. *mai*, *macierzynski*.

Дѣти, **дѣтиштѣ**: „кому оуподобля родось подобенъ есть дѣтищемъ сѣдѣштемъ на трѣжиштихъ“ (Мтф. XI, 16); прилагательное **дѣтъскъ**: „пси подѣ трапезоѣ ѣдатъ отъ кроушицъ дѣтъскъ“ (Мрк. VII, 28); русск. *дети*, *детище* — „сын“ или „дочь“, *детский*; болг. *дете*, *детище* (увелич.); серб. *дијете*; слов. *dete*; чешск. *dite*, *detsky*; польск. *dzieci*, *dziecku*.

Форма прилагательного **дѣтъскъ** не имеет параллелей в южнославянских языках, ср.: болг., *детински*; серб. *дјетиньски*; слов. *detinski*.

Другие термины, обозначающие детей: *чадо*, *младенць*, *прѣвѣньць*, *иночадѣ*, *иштадие*, *сынѣ*, *дѣшти*, *отрокъ*, *отроковица*, *юноша*.

Чадѡ, чадѣце являются терминами, обозначающими понятие „дитя“, „дети“: „чкъ етеръ имѣ двѣ чадѣ“ (Мф. XXI, 28); русск. *чадо, чадушко, чадище* — „дитя“, „ребенок“, „сын“, „дочь“, ср.: *Отец с сошкой, а чада с ложкой; Одно чадо, да и то чало*; болг. *чедо, чедице* — то же знач.; серб. *чедо, чеданце* — то же знач.; ст.-чешск. *čad, čada*; ст.-польск. *czędo*.

Иночадѣ — „единственное дитя“: „изношаахъ оумерошъ снѣ иночадѣ матери своей“ (Лк. VII, 12). Это слово в современных славянских языках параллелей не имеет.

Прѣвеньць: „роди снѣ свои прѣвеньць“ (Лк. II, 7); русск. *первенец, первак* — „первороденный“; болг. *първичък*; серб. *првијенац*; слов. *prvenec*, но это слово в словенском языке употребляется только по отношению к детенышам животных; чешск. *prvenec* — „первый сын или дочь“; польск. *pierwiastka*.

Младеньць, младньчъ, младъ: „обращете младенецъ повить лежаштъ въ вслехъ“ (Лк. II, 12) — речь о только что родившемся ребенке. Параллели: русск. *младенец* (20), *молоденец* — „малое дитя“, местами: „молодец“, *молоденичий, молодой, молод*; болг. *младенец* — „малое дитя“, „новобрачные“; серб. *млади, младенци* — „новобрачные“; слов. *mladenec* — „юноша“, „молодой человек“, *mlad*; чешск. *mladenec* — „холостяк“, *mladič, mlady* — „молодой“; польск. *mlodzieniec* — „юноша“, *mlody* — „молодой“.

Ишчадіе, в выражении: „ишчадѣ ехидънова“ (Мф. XXIII, 33), — „потомок“, „поколение“; русск. *окрѣтъ живущей... чюцкое ишчадіе*¹; *И с того града Азова отъ бусурманские веры, Агаренского изчадія поганского языка... чинилось пакость великая... отчине* (Донские дела, 1594—1640 гг.)²; *Уродил бог чадище — ишчедище*. (I, IV, стр. 1280); *ишчадіе* — сын или дочь, детеныш, племя, рожденный; больше говорится поносительно, в укоризненном смысле: *чадо из ряду вон* (1); укр. *сцадок*, т. е. *ишчадок, счадок* — „потомок“.

В других языках: чешск. *scedie* (стар.) — „потомство“; (65); ст.-польск. *do szczędu*, совр. *do szczętu* — „до основания“ — свидетельствуют о том, что этим языкам было известно слово *ишчадіе*.

Нужно заметить, что общеславянский корень *удъ* в значении „род“ употребителен до сих пор в болгарских говорах.

Сънь: русск. *сын*; болг. *син*; серб. *син*; слов. *sin*, чешск. *syn*; полск. *syn*.

Дъшти: русск. *дочь, дочи, дочерь*; болг. *дъщеря*; серб. *khi, wħi, ћер*; слов. *hči; hki, šči*; чешск. *dcerá*; польск. *cośa*.

Юноша, юность, юнь: „чѣти отца и матерь... гла емоу юноша всѣ си съхранихъ отъ юности моеѣ“ (Мф. XIX, 19—20); русск. *юноша, юныш, вьюноша, вьюнош* — „малый с 15 до 20 лет“, *юность, юный*; болг. *юност*; серб. *јунош* — встречается изредка в песнях в значении „млади“; слов. *jupoš* — „благородный малыш“, „учащийся“; польск. *junosza*.

Близньць: русск. *близнец*; болг. *близнак*; серб. *близанак*; слов. *bliznjak*; чешск. *bliznec*; польск. *bliznięta*.

Здесь же следует упомянуть о словах **братъ, братръ, братиѣ, братриѣ** и **сестра**: русск. *брат, братья, сестра*; болг. *брат, сестра*;

¹ „Повесть о Борисоглебском монастыре“. — Рукопись бывш. Троицкой лавры № 782, л. 453 об. (XVI в.).

² „Русская историческая библиотека“, т. 18, кн. 1. СПб., 1898, стр. 636.

серб. *brat, sestra*; слов. *brat, brater, bratja, sestra*; чешск. *bratr, brat, sestra*; польск. *brat, sestra*.

Форма *брабрь, брапривъ* может быть признана или моравизмом, или паннонизмом.

В значении „семья“ или „слуги“ всего один раз в евангелии встречается слово **челѣды**: „къто оубо естъ вѣрныи приставникъ и мѣдры егоже поставитъ гъ надъ челѣдиѣ своѣѣж“ (Лк. XII, 42); в греческ. *ἑραπεία*, лат. *familia*. В древнерусских текстах это слово употребляется преимущественно в значении „слуги“, например: *Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажьгоша, а житие ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челядь* (Новг. I лет. 1209 г.). Много примеров на это слово с указанным значением приведено И. Срезневским в „Материалах для древнерусского словаря“. Совр. русск. *челядь* — „ребята“ (вологодск., 62, в. II, стр. 91), „ребятишки“ „малые дети“ (83), „дети школьного возраста“ (сиб. 108), „дети“ (перм., 104), *челедь* — „ребятишки“ (88), *челядня* (новг., твр.) — „большая семья“ (2); болг. *челяд* — „семья“, „дети“, „члены одного рода“; серб. *челяд* — „семья“, „женщина-хозяйка“; чешск. *čeled* — „семья“, „дети“, „слуги“, „род“; польск. *czeledez* — „семья“, „домочадцы“.

Посагати — „вступать в брачные отношения“: „въ вѣскрѣшение бо ни женатъ сѧ ни посагати“ (Мф. XXII, 30); „вѣка сего женатъ сѧ и посагати“ (Лк. XX, 34).

Разбираемое слово известно русскому языку с древних пор до XIX в. Приведем некоторые примеры: *За пущенаго къ времени от жены по невѣжеству посагшия и по семь поущена бывъши, зане възвратитися къ нему первѣи, блудъ оубо створи невѣжствомъ* (XII в.)¹; *Тъ же Феоста законъ устави женамъ за единъ мужъ посагати и ходити говѣюще, а иже прелюбы дѣюще казнити повелѣваше* (Ипат. лет., 1114 г.).

Византийские цари Константин и Василий ответили князю Владимиру: *не дост(о)итъ крестьяномъ за поганая посягати и даяти, аще ли ся крестиши, то приимеши се* (т. е. их сестру — А. Л.) *в жены* (там же, 988 г.); *И мы себѣ о томъ помыслили, что мы ещо въ лѣтѣхъ юношескихъ, и намъ безъ посягненія браку быти невозможно* (Пам-ки дипл. снош. Моск. гос-ва, 1563 г.)²; *Чинъ женитбы ихъ* (германцев. — А. Л.), *мужской полъ въ 25 лѣтъ, а женской въ 20 лѣтъ посягаются* (1670 г.)³; *Ежели кто один изъ нихъ какими ни естъ приключившимися резонами отлучитя, ни за кого иногo не посягать и до смерти пребывать въ дѣвической чистотѣ*⁴; *„Мужъ замужней повиненъ принять прозвище того, отъ кого получитъ независимое (оставая свое) онъ и его наслѣдники, а дѣвицѣ или вдовѣ не посягать за такого, который не приметъ прозванія“* (1714 г.)⁵.

В приведенных примерах *посагати* или *посягати* означает как „вступление в брачные отношения“, так и „выход замуж“.

Употребительны формы существительного и прилагательного от основы **посаг** — (**посяг** — то же знач.). Так, в Лавр. лет. под 1128 г.: *И повелѣ ей устоити ся во всю тварь цесарьскую, якоже в день*

¹ „Труды и летопись занятий Общества истории древностей российских“, ч. IV, кн. I. 1828, стр. 126.

² „Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским“, т. III. СПб., 1892, стр. 220.

³ „Книга, глаголемая космография“. СПб., 1878—1881, стр. 43.

⁴ „Гистория российского матроса Васялия Кариотского“, XVIII в.

⁵ „Памятники истории крестьян“. М., 1910, стр. 93.

посага (в Радзив. сп. — *посага*. — А. Л.) *ея*, и *свсти* на постели *свѣтлѣ* в *храминѣ*, в совр. говорах — *посаг* (твр.) — „свадьба“ (2), *посага* — „приданое“ (там же), то же у Даля с пометой „орл.“, *посажное* — „приданое“ (3), *посажный* — „отец и мать в свадебной процедуре“ и т. д.; укр. *посага* — „приданое“, *посагувати* — „наделить приданым“; белорусск. *посага*, *посага* — „приданое“; чешск. *posahati* — „схватывать“, „поймать“, „доставить“, *posah* — „приданое“; польск. *posag* — „приданое“.

В южнославянских словарях параллелей к разбираемому слову не найдено.

Непраздънаа: „написати сѧ съ мариеѭ обрѣченѣѭ емоу женоѭ сѣштеѭ непраздъноѭ“ (Лк. II, 5); русск. *непорозжая*, *непорожня* — „беременная“ (1); *непорожня* — „беременная“ (2); болг. *непраздна жена* — „беременная“.

По нашим данным, параллели к разбираемому слову имеются только в русском и болгарском языках.

Родити, раждати, рождение, рождество: русск. *родить*, *рожать*, *рожанье*, *рожество* (книжн. <Р>); болг. *родя*, *рождам*, *рождение* (из русск. яз.), *рожба*, *рождество* (книжн.); серб. *родити*, *рађати*, *рођење*, *рожанство*, последнее слово только в значении церковного праздника; слов. *roditi*, *rojati*, *rojenje*; чешск. *roditi*, *rozeni*; польск. *rodzić*, *rodzeństwo*.

Рождество; кажется, не имеет параллелей. Возможно, что это слово было калькой, передающей γενεσις.

Въспитѣти — „вскармливать“, „воспитать“: „и приде въ назаретъ въ немъже бѣ въспитѣнъ“ (Лк. IV, 16) — убедительных параллелей не имеет.

Невѣста: „и мѣи невѣстѣ женихъ естъ“ (Ио. III, 29), в приведенном примере *невѣста* — „помолвленная, сговоренная замуж“, а в примере „и раздѣлатъ сѧ... свекры на невѣстѣ своѣ и невѣста на свекровь своѣ“ (Лк. XII, 53) — слово *невѣста* — „сноха“, „невестка“; русск. *невеста* — „помолвленная, сговоренная замуж“, в значении „сноха“ употребляется *невестка*; болг. *невяста* — „сноха“, „невеста“, „молодая женщина“; серб. *невјеста* — „молодуха“, „невестка“; слов. *nevesta* — „помолвленная, сговоренная замуж“, „сноха“, „жена брата“; чешск. *nevěsta* — „взрослая девушка“, „невеста“; польск. *niewiasta* — „женщина“.

Женихъ: русск. *жених*; болг. в использованных словарях и материалах нет слова *жених* в значении „собранный обручиться“, а встретилось только слово *женихѣл* — „сват“; серб. *женик* — „жених“; слов. *ženih* — то же знач.; чешск. *ženich*; польск. *ženich*.

Обрѣчити: „посѣланъ бысть анѣль... къ дѣвѣ обрѣченѣ мѣжеви емоу же има носифъ“ (Лк. I, 26—27); русск. *обручить*, *обручать*. Например: *Уж я девица сговоренка, сговоренка, обрученка, за дѣтнушку мужиченка* (из песни); *обрученик* — „жених“, *обрученка* — „невеста“; болг. *обрѣка* — „сговор, помолвка невесты“; серб. *обручати* — „осрамить“, к разбираемому слову отношения не имеет; слов. *obročiti*, собств. *zaročiti* — „помолвить, обручить дочь“; чешск. *obručiti* — „заручиться“, „уверить“; польск. *zaręczyć* — „поручиться“.

Женити сѧ: „въ дъни ноевы... ѣдѣхѣ пиѣхѣ женѣхѣ сѧ посагахѣ“ (Лк. XVII, 26—27); „продиѣды ради... ожени сѧ еѭ“ (Мрк. VI, 17); русск. *жениться*, *ожениться*; болг. *женя се*, *оженвам се*; серб. *женити се*, *оженити се*; слов. *ženiti se*, *oženili se*; чешск. *ženiti se*, *oženiti se*; польск. *ożenić się*.

Бракъ, брачьнъ — „свадьба“, „свадебный“: „Сътвори бракъ сноу своему“ (Мф. XXII, 2); „не имъ одѣваниѣ брачьна“ (там же, 12).

По свидетельству А. Соболевского, слово *бракъ* в памятниках старославянской письменности передает два греческих термина: *γάμος* — „свадьба“, „брак“ и *ἄριστον* — „пир“, „завтрак“, „обед“¹. В Син. пс. слово *бракъ* совсем не употребляется.

Параллели: русск. *брак, браки, брачный*; болг. *брак* — „свадьба“, „пир“, *брачен*; серб. *брак* (ц.-сл.).

По мнению А. Преображенского, к которому кажется присоединяется и А. Соболевский², слово *брак* в русском языке из церковнославянских книг.

Жена употребляется в значении „жена“, „супруга“ и „женщина“: „бѣдѣ снѣи его снѣи и жена его вдова“ (СVIII, 9); „и се жена крѣвоточива... пристѣпши съзади прикоснѣ сѣ вѣскрили ризы его“ (Мф. IX, 20); **женьскъ**: русск. *жена* — „супруга“, во втором значении в совр. языке — „женщина“, *женский*; болг. *жена* — „женщина“, „супруга“, *женски*; серб. *жена, женски*; слов. *žena, ženski*; чешск. *žena, žensky*; польск. *żona, żeński*.

Мѣжь — „супруг“, „мужчина“: „гла еи ис иди призови мѣжь твои и приди сѣмо“ (Ио. IV, 16); „вѣдѣшихъ же бѣ мѣжь вѣко пѣть тысѣщъ развѣ женѣ и дѣтеи“ (Мф. XIV, 21); **мѣжьство**: „изводиѣ окованыѣ мѣжьствомъ“ (LXVII, 7); **мѣжьскъ** (полъ), **мѣжати сѣ**: „Потрѣпи гѣ мѣжати сѣ“ (XXVI, 13); русск. *муж* — „супруг“, „мужчина“, *мужество* — „состояние возмужалости“, „стойкость“, „доблесть“ и т. д., *мужской* (пол), *мужаться* — „крепиться“, „не падать духом“; болг. *мѣж* — „супруг“, „мужчина“, *мѣжа се* — „выходить замуж“, *мѣжество* (если не книжн.), *мѣжки*; серб. *муж* — „супруг“, „мужчина“, *мужевљи* — „супружеский“; слов. *mož* — то же знач., *možiti* — „женить“, „выдавать замуж“; чешск. *muž* — то же знач., *mužstvo* — „войско“, „команда“, *mužsky* — „мужской“; польск. *mąż* — „супруг“, *męstwo* — „мужество“, *męski* — „мужской“.

Бештадъ, бештадие, баштадънъ: „имы женѣ и тѣ бештадѣ оумьреть“ (Лк. XX, 28), в Зограф. ев. *бештадънъ*. Встречается и такое словосочетание: „Бештадие дши моеи“ (XXXIV, 12).

Русск. *бесчадие, бесчадство* — „неименье или утрата детей“, „бездетность“, например: *По бесчадству своему взяли приемыша; Не одна смерть, и неогество бесчадит; Обесчадила нас злая судьба* (I); болг. *безчеден, безчеледен*.

В словарях других языков соответствующие параллели не найдены.

Неплодъ: русск. *неплода, неплодка* (о женщине); болг. *неплода*; хорв. *neploden*; слов. *neploden, neplodnost*; чешск. *neplodny*; польск. *nieplodność*.

Разведенная жена в евангелиях именуется **подъпѣга**. Этому слову в греческих текстах евангелий соответствует *ἀπολελυμένη* — „отпущенная“, „разведенная“, „разлученная“, а в лат. *dimissa* — „отпущенная“, „уволенная“.

Трудность анализа приведенного слова заключается в том, что оно в памятниках письменности имеет неустойчивое правописание. Так, в Зограф. ев.: „Всѣкъ поуштаѣи женѣ своѣ развѣ словесе любо-

¹ А. Соболевский. Несколько заметок по славянскому вокализму и лексике. — РФВ, 1914, № 2, стр. 445 и далее.

² Там же.

дѣлааго творить ѿ прѣлюбѣ дѣати і иже подѣпѣгѣ поемлетъ прѣлюбѣ дѣеть“ (Мф. V, 32). Это место точно так же читается в Мар. ев., но ниже, Мф. XIX, 9 — „і женаи са подѣпѣгоѣ прѣлюбѣ творить“. В этом месте в Зограф. ев. *подѣпѣгоѣ*. Правда, это место — поздняя вставка. Здесь написание **ѣ** может быть объяснено двояко: 1) ассимиляцией **ѣ** в **ѣ** перед следующим мягким слогом **-пѣ-**, 2) неумением южнославянского писца различать **ѣ** и **ѣ**. В Ассем. ев. это место читается так же, как и в Мар. ев., а в Остр. ев. же читается *потѣбѣгоѣ*. В Клоцовом сборнике еще другое написание: „вѣсѣкъ прилѣпѣѣи са потѣпѣзѣ прѣлюбѣ дѣеть“ (изд. Копитара).

Свекры: форма *свекры* до сих пор широко известна русским говорам. Форма *свекры* отмечена в „Опыте областного великорусского словаря“ как моск., новг. и тамб. (стр. 199), в „Трудах Московской диалектологической комиссии“ это слово приведено как калуж., тульск., ряз., моск. Это слово в форме *свекра* отмечено В. Чернышовым в Мещовском уезде¹, а в самом Мещовске он зафиксировал и форму *свекры*². Форма *свекра* отмечена В. Г. Богоразом в Колымском областном словаре (стр. 129).

По этим, не исчерпывающим данным выходит, что *свекры* употребительно преимущественно в южных говорах, но оно было не чуждо и северу.

В других языках: болг. *свекърва*; серб. *свекрва*; слов. *svekrva*; чешск. *svekra*; польск. *swiekra*.

Тѣсть, тѣшта: русск. *тѣсть, тѣща*; болг. *тъст, тѣща*; серб. *таст, ташта*; слов. *tast, tašča*; чешск. *test, testa*, но в обыкновенной речи: *tchan, tchyne*; польск. *teść, teściowa*.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ДРУГИХ МАТЕРИАЛОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В ДАННОЙ РАБОТЕ

Русский язык

1. В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV. Изд. 4-е, СПб.—М., 1913—1914.
2. Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
3. Дополнение к Опыту областного великорусского языка. СПб., 1858.
4. А. Подвысоцкий. Словарь архангельского наречия. СПб., 1885.
5. А. Грандильевский. Родина М. В. Ломоносова. СПб., 1907.
6. П. Симоны. Словарь областных слов, употребляемых в Устье Великом. — „Живая старина“, вып. III—IV, СПб., 1899.
7. Г. Куликовский. Словарь областного олонечного наречия. СПб., 1898.
8. П. Певин. Словарик Заонежья. Петрозаводск, 1896.
9. Я. Светлов. О говоре жителей Каргопольского края (Олонец. губ.). — „Живая старина“, вып. III, СПб., 1892.
10. Ф. И. Эрмани. Дополнение к Опыту областного великорусского словаря по Новгородской губернии. — „Ученые записки Казанского университета“, 1857, кн. II.
11. В. Ф. Соловьев. Особенности говора Новгородского уезда Новгородской губ., СПб., 1904.
12. М. Синезерский. О говоре жителей Левочской вол. Боровичского уезда. — „Живая старина“, вып. III—IV. СПб., 1895.
13. Диалектологический материал по Новгородской губ. — „Р.Ф.В.“, 1914, т. 71.
14. Шайтанов. Особенности говора Кадниковского уезда Вологодской губ. — „Живая старина“, вып. III—IV. СПб., 1895.

¹ „Материалы для изучения говоров и быта Мещовского у.“. СПб., 1901, стр. 162.

² „Дополнения к сведениям о говоре г. Мещовска“. СПб., 1900, стр. 35.

15. Диалектологический сборник Вологодского пединститута, вып. I—III. Вологда, 1941—1946.
16. М. К. Герасимов. Словарь уездного череповецкого говора. СПб., 1910.
17. М. Н. Васнецов. Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1908.
18. Д. К. Зеленин. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губ. СПб., 1903.
19. Д. К. Зеленин. Особенности говора русских крестьян юго-восточной части Вятской губ. — „Живая старина“, вып. I. СПб., 1901.
20. И. Т. Смирнов. Кашинский словарь. СПб., 1901.
21. С. А. Копорский. Архаические говоры Осташковского района Калининской области. — „Ученые записки Калининского пединститута“, т. X, вып. 3. 1945.
22. В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
23. Е. Якушкин. Материалы для словаря народного языка в Ярославской губ. Ярославль, 1896.
24. Дополнение к „Материалам для словаря народного языка в Ярославской губ. Е. Якушкина“. Ярославль, 1926.
25. В. Волоцкий. Сборник материалов для изучения ростовского (Ярославской губ.) говора. СПб., 1912.
26. А. Бзлов. Народный говор в Пошехонском уезде Ярославской губ. — „Живая старина“, вып. IV. СПб., 1893.
27. С. А. Копорский. О говоре севера Пошехонско-Володарского уезда Ярославской губ. Ярославль, 1929.
28. В. Володарский. Областные слова Рыбинского уезда Ярославской губ. — „Живая старина“, вып. III—IV. СПб., 1902.
29. А. Балоб. По говору Любимского уезда. — „Живая старина“, вып. I—II. СПб., 1900.
30. Ф. Покровский. Особенности в говоре населения, расположенного по реке Письме Костромской губ. — „Живая старина“, вып. III—IV. СПб., 1895.
31. Ф. Покровский. О народных говорах северо-западной части Костромской губ. — „Живая старина“, вып. III—IV. СПб., 1897.
32. М. А. Колосов. Заметки о языке и народной поэзии в области северно-великорусского наречия. СПб., 1877.
33. М. Н. Макаров. Опыт русского простонародного словотолковника.
34. П. К. Симони. Материалы для истории русской лексикографии. СПб., 1899.
35. В. И. Чернышев. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда. СПб., 1900.
36. А. В. Миртов. Донской словарь. Ростов-на-Дону, 1929.
37. В. Ф. Соловьев. Особенности говора донских казаков. СПб., 1902.
38. В. Ф. Поликарпов. Нижнедевицкий словарь. Воронеж, 1913.
39. А. Путинцев. О говоре местности „Хворостань“ Воронежской губ. — „Живая старина“, вып. I. СПб., 1906.
40. П. Тиханов. Брянский говор. СПб., 1904.
41. Е. Ф. Будде. О говорах Тульской и Орловской губерний. СПб., 1904.
42. Е. Ф. Будде. Исследования особенностей рязанского говора. — РФВ, т. XXVIII. СПб., 1892.
43. Е. Ф. Будде. О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губерниях. — „Известия ОРЯС АН“, т. III, кн. 3.
44. А. И. Сахаров. Язык крестьян Ильинской волости Волховского уезда Орловской губернии. СПб., 1900.
45. М. Г. Халанский. Народные говоры Курской губ. СПб., 1904.
46. М. Г. Халанский. Сведения и заметки о некоторых особенностях народного говора в северной части Путивльского уезда Курской губ. — РФВ, № 4. СПб., 1886.
47. М. А. Караулов. Говор гребенских казаков. СПб., 1902.
48. Извлечення из сборника сказок и преданий Самарского края, собранных и записанных Д. Н. Садовниковым. — РФВ, т. X, I. СПб., 1899.
49. А. Мотовилов. Симбирская молвь. СПб., 1888.
50. С. Булич. Материалы для русского словаря. — РФВ, т. XXI, № 2, 1889.
51. С. Булич. Материалы для русского словаря. — „Известия ОРЯС АН“, т. I, кн. 2. СПб., 1896.
52. Л. Воецкий. О русском наречии в Чистополе. 1853.
53. М. Навроцкий. Областные слова, употребляемые в Царевококшайском уезде. 1852.
54. Н. Я. Данилевский. Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1869.
55. Дополнения и заметки Я. К. Грота к Толковому словарю В. Даля. — „Сборник ОРЯС“, т. VII. СПб., 1870.

56. В. П. Ярков. Народные слова и прозвища, записанные в Сысертском заводе Пермской губ. — „Живая старина“, вып. IV. СПб., 1899.
 57. А. Б. Карпов. Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых уральскими казаками. Уральск, 1913.
 58. Сибирские слова. — „Живая старина“, СПб., 1915.
 59. Д. Н. Анучин. Материалы к областному словарю сибирского наречия. — „Известия Красноярского подотдела вост.-сиб. отделения РГО“, т. I, вып. VI, Красноярск, 1904.
 60. Список тобольских слов и выражений. — „Живая старина“, вып. IV. СПб., 1899.
 61. В. Г. Богораз. Областной словарь колымского наречия. СПб., 1904.
 62. Труды Московской диалектологической комиссии, вып. 1—12, 1908—1931.
 63. Материалы для изучения великорусских говоров, вып. I—XI, 1903—1922.
 64. Н. В. Горяев. Опыт сравнительного этимологического словаря литературного русского языка. Тифлис, 1896.
 65. А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, вып. 1—14. М., 1910—1914. Последний выпуск в издании: „Труды Института русского языка Академии Наук СССР“, т. I, 1949.
 66. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I—III. СПб., 1893—1912.
 67. Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937.
 68. Слова из великорусских былин. — „Памятники и образцы народного языка и словесности“, изданные II Отд. АН. СПб., 1853.
 69. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1938.
 70. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. I—III. М., 1910.
 71. Великорусские народные песни, изданные А. И. Соболевским, т. I—VII. СПб., 1895.
 72. Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Вятской губ. Пг., 1915.
 73. Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губ. Пг., 1914.
 74. Русские сказки. — „Живая старина“, вып. II—IV. СПб., 1912.
 75. Н. Ф. Калининков. Орловские сказки. Часть набранной, но неизданной книги.
 76. Е. В. Барсов. Причитания северного края, ч. I—II. М., 1872—1882.
 77. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Собрал и приготовил к печати Павел Симои. СПб., 1899.
 78. Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 3-е, СПб., 1884.
 79. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Л., 1926.
 80. Новгородская летопись по Синодальному списку. СПб., 1888.
 81. Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871.
- Z* Использованы следующие рукописные словари словарного сектора Института языкознания Академии Наук СССР:
82. П. Дилекторский. Несколько слов о говоре крестьян Двиницкой вол. Кадниковского уезда Вологодской губ., 1896. Рукопись хранится под № 25.
 83. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Собрал на месте и составил Прокопий Дилекторский. № 27 и № 276. Рукопись под № 276 не имеет нумерации листов.
 84. Н. Иваницкий. Дополнение к словарю вологодских слов. Слова Сольвычегодского уезда. № 39.
 85. Н. Иваницкий. Материалы для словаря вологодского говора. Без номера.
 86. П. Баженов. Сборник областных слов Вологодской губ. Без номера.
 87. А. Фортунатов. Дополнения к Вологодскому провинциальному словарю. Дело 24, № 114.
 88. М. Романов. Словарь своеобразных слов в народном говоре Усьянской-Дмитровской вол. Северо-Двинской губ. Дело 36, № 199.
 89. Слова Олоонецкого наречия, собранные О. С. Тучемской, 1915. Дело 24, № 110.
 90. К. Филимонов. Слова Ежемозерского наречия. Дело 24, № 111.
 91. Пояснительные комментарии к части II деревенских частушек, записанных в Оятском районе Лодейнопольского округа Ленинградской области. Дело 33, № 189.
 92. Иваницкая. Слова и примеры. Записи произведены в Ленинградской области. № 3.
 93. М. Вечеславов. Тотемский провинциальный словарь. № 2.
 94. А. Марков. Областные великорусские слова центральных губерний. Дело 16, № 65.
 95. Д. А. Марков. Словарь Ветлужского края. Дело 35, № 197. (Рукопись на отдельных листах, которые не пронумерованы. Слова в алфавитном порядке не расположены).

96. М. Ку克林. Слова и выражения яренжан. Дело 16, № 56.
97. Г. Верещагин. Словарь местных слов и выражений, употребляемых жителями Вятской губ. № 1.
98. В. Водарский. Сборник простонародных слов Шуйского уезда, 1920. Дело 33, № 177.
99. С. Леонов. Слова и выражения, употребляемые в д. Мануйлове Ржевского уезда Тверской губ. Дело 16, № 59.
100. В. Водарский. Сборник некоторых слов областей Терской и Кубанской. Дело 2, № 13.
101. Особенности кочетковского говора (Донской области). Составил М. Калымков. № 6.
102. В. И. Тростянский. Диалектологические и этнографические материалы, собранные в Воронежском уезде. Дело 24, № 109.
103. Областные слова, собранные С. Черепановым. Екатеринбург, 1854. Дело 24, № 116.
104. А. Луканин. Сборник простонародных слов, употребляемых в Пермском, Курганском, Осинском, Оханском, Соликамском и Чердынском уездах Пермской губ., 1849—1856. Дело 31, № 173.
105. А. В. Миртов. Уральский словарь. Пермь, 1930. Дело 296, № 30. — Рукопись состоит из 38 ученических тетрадей.
106. Местные выражения Ишимского округа Тобольской губ. Дело 16, № 65. — Автор не обозначен.
107. Материалы для словаря местного наречия Нерчинского края. Собрал Н. А. Нович. Дело 16, № 70.
108. П. С. Пахомов. До 470 слов, употребляемых в речи крестьян, живущих по среднему и нижнему течению реки Ангары, собранные в 1906—1907 гг. № 33.
109. Народные слова Яновской волости Новоторжского уезда Тверской губ. Записаны Н. А. Елоховым. Рукопись без номера.
110. Шалфеев. Словарь. Дело 25, № 127. — Дата и место написания не обозначены.
111. Я. Горожанский. Дополнения к Толковому словарю Даля. Дело 2, № 21.
112. В. Лихтенштадт. Словарь живого великорусского языка В. Даля. Материалы для V тома. Дело 86, № 16.
Рукописи Архива Академии Наук СССР:
113. Домашние записки, в виде лексикона, о непонятных словах, употребляемых большей частью простонародьем во Владимирской губернии и уездах, составленные Гороховецкого уезда с. Кутли священ. Иоанном Андреевым Белиным... 1870. Фонд 9, опись 4, № 16.
114. Сборник слов народного языка, встречающихся в Сибирском разговорном наречии. Составил Иосиф Дубле. Иркутск, 18—27/II—93 г. Фонд 197, опись 2, № 328.
115. Простонародное наречие. Фонд 9, опись 4, № 16.
Мы просмотрели 67 рукописей в Архиве Всесоюзного географического общества в Ленинграде, в которых имеются списки областных слов. Поскольку в этих рукописях оказались преимущественно известные нам слова, мы решили не приводить здесь списка этих дел. Ссылки на них приведены так: РГО, т. е. материалы Русского географического общества, далее латинской цифрой обозначается разряд архивного описания, а арабской — № дела, например: (РГО, XII, 34), под этим грифом, в частности, значится В. Семенов. Список некоторых слов и выражений, записанных в Барнаульском, Томском и Кузнецком округах Томской губернии.
Кроме того, просмотрена и использована картотека Древнерусского словаря, частично — картотека современного русского литературного языка словарного сектора Института языкознания Академии Наук СССР.

Старославянский язык

116. Зографское евангелие, изданное В. Ягичем, Берлин, 1879.
117. С. Северьянов. Синайская псалтырь. Пг., 1922
118. И. В. Ягич, Мариинское четвероевангелие. СПб., 1883.
119. Fr. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865.

Украинский язык

120. Б. Гринченко. Словарь украинского языка, т. I—IV. Киев, 1907—1909.
121. Малорусско-немецкий словарь. Уложили Е. Желеховский и С. Недільский, т. I—II. Львів, 1886.

122. Ф. Пискунов. Словарь живого народного, письменного и актового языка русских южан Российской и Австро-Венгерской империи. Киев, 1882.
 123. И. Свенцинский. Опыт сравнительного словаря русских говоров (галицко-бойковский говор). — „Живая старина“, вып. I—II. СПб., 1900.

Белорусский язык

124. И. И. Носович. Словарь белорусского наречия, СПб., 1870.

Болгарский язык

125. М. Арнаудов. Фолклорни приноси от родопско. София, 1930.
 126. Никола Арнаудов. По-редки думи от Неврокопски говор. — Мак. преглед, год. X, кн. 1 и 2, 1936.
 127. Български тълковен речник, т. I, свезка 1—11, София, 1927—1950.
 128. Ив. Георгиев. Материали за речник по велешкия говор. София, 1904.
 129. Н. Геров. Речник на български език, т. I—V. Пловдив, 1895—1904.
 130. А. Дювернуа. Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати. М., 1885—1887.
 131. П. Живков. Народни песни от Трънско. София, 1905.
 132. Хр. Константинов. Материал за изучаване Родопското наречие. — Сборник за народни умотворения и народопис, 1889, кн. 1, 1890, кн. 2.
 133. П. А. Лавров. Сборник Верковича. I. Народные песни македонских болгар. Пг., 1920.
 134. Л. Милетич. Из живота на българите в Солунско. — Мак. преглед, год. VIII, кн. 1, 1932. Напечатаны рассказы деда Трайко из села Ватилък про свою жизнь.
 135. Л. Милетич. Книжнината и езикът на Банатските българи. София, 1900.
 136. Л. Милетич. Към особенностите на гевгелийския говор. — Мак. преглед, год. VIII, кн. 2, 1932.
 137. Л. Милетич. Към речника на говора в селата Сухо и Високо. — Мак. преглед, год. X, кн. 3 и 4. София, 1936.
 138. Л. Милетич. Найстариният днес български говор е в Македония. — Мак. преглед, год. IX, кн. 1 и 2, 1938.
 139. Д. Мирчев. Бележки по кукушко-воденския говор. София, 1901.
 140. Д. Мирчев. Бележки по прилепския говор. София, 1904.
 141. Кирил Мирчев. Един Неврокопски български сборник с гръцко писмо от края миналия век. — Мак. преглед, год. VII, кн. 2 и 3, 1932.
 142. Кирил Мирчев. Принос към словаря на неврокопското наречие. — Мак. преглед, год. VIII, кн. 2, 1932.
 143. Кирил Младенов. Народни песни от Мегленско. — Мак. преглед, год. X, кн. 3 и 4, 1936.
 144. С. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
 145. С. Младенов. Към вопроса за езика и нац. принадлежност на Ново Село. — Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, кн. 18, София, 1901.
 146. Mieczysław Małeck i. Dwie gwóry macedońskie (Sucho i Wysoka) w Sołuńskiem. Część II. Słownik, Kraków, 1936.
 147. Г. Палашев. Характерни думи из говора на банатските българи. София, 1904.
 148. Памятники болгарского народного творчества, вып. I. Сборник западноболгарских песен со словарем. Собрал Влад. Качановский. СПб., 1882.
 149. Т. Панчев. Дополнение на българския речник от Н. Геров. Пловдив, 1908.
 150. А. М. Селищев. Полог и его болгарское население. София, 1929.
 151. Кр. С. Стойчев. Тетевенски говор. София, 1915.
 152. Цв. Годоров. Говорът на град Лом. — Сборник за народни умотворения и книжнина, кн. 41. София, 1936.
 153. Цв. Годоров. Северозападните български говори. — Там же, кн. 38. София, 1930.
 154. Б. Цонев. Кои новобългарски говори стоят най-близу до старобългарски в лексикално отношение. — Списание на българската Академия на науките, кн. XI, № 7. София, 1915.
 155. Б. Цонев. Руско-български паралели. — „Славянски глас“, кн. 1. София, 1902.
 156. Сава К. Чукалов. Пълен руско-български речник. 1947, стр. 1351.

Сербо-хорватский язык

157. Z. Даничић. Рјечник из књижевних старина српских, т. I—III. Београд, 1863—1864.
 158. Вук С. Караџић. Српски рјечник. Београд, 1935.
 159. Српски диалектолошки зборник, књ. 1—7. Београд, 1912—1935.
 160. F. Iveković i Ivan Broz. Rječnik hrvatskoga jezika т. I—II. 1901.
 161. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika т. I—VII. Zagreb, 1880—1916.

Словенский язык

162. M. Pleteršnik. Slovensko-nemški slovar, т. I—II, Ljubljana, 1894—1895.

Чешский язык

163. J. Gebauer. Slovník staročeský, т. I—II. Praha, 1903—1916.
 164. J. Holub. Stručný slovník etymologický jazyka česko-slovenského. Praha, 1937.
 165. J. Jungmann. Slovník česko-německý, I—V. Praha, 1835—1839.
 166. Fr. Kott. Česko-německý slovník, т. I—VII. Praha, 1878—1893.
 167. Fr. Šunek. Slovník staré češtiny. Praha, 1947.
 168. Pavel Vaša a František Travníček. Slovník jazyka českého. Praha, 1946.

Польский язык

169. A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego, 1927.
 170. S. B. Linde. Słownik języka polskiego, т. I—VI. Lwów, 1854—1860.
 171. Słownik gwar polskich, ułożył Jan Karłowicz, т. I—VI. Kraków, 1900—1911.

Другие словари

172. Краткий словарь шести славянских языков, под ред. Ф. Миклошича. СПб., 1885.
 173. E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908—1913.
 174. Fr. Miklosich. Etymologische Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

К. И. Ходова

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЛЕКСИКОЙ ДРЕВНЕРУССКОГО СПИСКА „ЖИТИЯ НИФОНТА“ 1219 г.

Мы поставили перед собой задачу исследовать словарный состав „Жития Нифонта“ пространной редакции, самым древним из дошедших списков которого является русский список, выполненный в Ростове в 1219 г.¹ Русские языковеды, занимавшиеся изучением памятника, высказывали разноречивые мнения по вопросу о происхождении его перевода. Проф. Н. Н. Дурново помещает „Житие Нифонта“ как краткой редакции (в составе Выголексинского сб. XII в.), так и полной, по ростовскому списку, в перечне русских и предположительно русских переводов домонгольского периода². Судя по отдельным замечаниям Б. М. Ляпунова, посвятившего языку памятника специальную статью³, можно думать, что он считает его списком с южнославянского оригинала⁴. Наконец, проф. П. О. Потапов, поместивший в качестве предисловия к тексту, подготовленному к печати А. В. Рыстенко, статью „Де-кілька слів про значіння текстів Життя Нифонта“, на основании некоторых наблюдений приходит к выводу, что ростовские переписчики «Жития Нифонта» имели перед собой южнославянский оригинал, может быть, сербский⁵.

Существующие словари древнерусского и старославянского языков, опирающиеся на материалы письменных памятников, несмотря на свою неполноту, являются ценнейшими пособиями для исследований в области лексики древних памятников. Совпадение лексики памятника с данными того или иного словаря может пролить свет на языковую обстановку, в которой происходило создание произведения. С другой стороны, интересно отметить и проанализировать лексику памятника, не нашедшую отражения в словарях. Прежде всего, перечень такой лексики дополнит словари.

¹ Рукопись № 35 бывшей библиотеки Троице-Сергиевой лавры. В настоящее время рукопись находится в рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Мы пользовались изданием „Жития Нифонта“ проф. А. В. Рыстенко. „Матеріали з історії византійсько-слов'янської літератури та мови“. Центрально-наукова бібліотека м. Одеси, 1928. Все указания на страницы ниже даются по этому изданию.

² Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка. Часть I. Брно, 1927, стр. 74.

³ Б. Ляпунов. Проф. А. В. Рыстенко и напечатанные им тексты „Жития Нифонта“. — „Известия одесского библиографического об-ва при Новороссийском университете“, т. V, вып. 3—4. Одесса, 1917, стр. 85.

⁴ Ср. стр. 94: „В словаре Жития интересны следующие особенности, напоминающие такие же в других древних текстах, списанных на русский с южнославянских оригиналов: ...“ (далее следует список слов).

⁵ А. В. Рыстенко. Ук. соч., стр. 16.

Было произведено сравнение словарных данных Ж. Н. с материалами словарей Миклошича¹ и Срезневского². Значительный слой лексики Ж. Н. оказался не отраженным этими словарями, несмотря на то, что данные этого памятника вообще привлекались обоями. В Lexicon'e Миклошича отсутствуют упоминания о 143 словах, а в словаре Срезневского нет 163 слов, встречающихся в Ж. Н.

Прежде всего отделяем кальки, не отмеченные словарями.

1. *безбожьнѣ* 284₂₀, ἀθέως.
2. *бесмьртнь* 266₂₄, 285₂₁, ἀθάνατος.
3. *благоосвѣщенъ* 375₇, θεοφωτος.
4. *благословіе* 262₂₆, θεολογία.
5. *благооутробіе* 285₂₅, εὐσπλαγγνία.
6. *богопоущенъ* 329₂₁, θεήλατος.
7. *надругати* сЛ 316₃₁, καταγελαῖν.
8. *всвѣтъль* 304₁₃, ὀλοφωτος.
9. *добровояннѣ* 307₇₀, εὐωδία.
10. *доброоуханіе* 306₂₆, εὐωδία.
11. *коумирслужьбникъ* 342₂₁, εἰδωλωλάτρης.
12. *мотылоядць* 257₂₃, κοπροφάγος.
13. *поразоуменіе* 375₂₆, κατανόησις.

Кальки греческих слов оригинала не могут дать указаний на этническую принадлежность языка перевода. В других памятниках эти слова могли не встречаться потому, что язык греческого оригинала был там иным.

Во вторую группу выделяем славянские сложные слова, не связанные так тесно с греческим оригиналом.

1. *злоглашениѣ* 279₂₃, τραγωδία.
2. *лихвоимць* 322₁₀, τοκιστής.
3. *лихвотвора* 353₃₃, τοκιστής.
4. *присноблаженъ* 307₁₉, μακάριος.
5. *присновъзносити* сЛ 258₂₉, ἐπαίρεισθαι.
6. *лихомьрънъ* 377₂₉, ἄχρος.
7. *всьеблденіе* 273₂₆, φλυαρία.

Сложные слова вышеуказанного типа говорят об индивидуальной манере переводчика, именно о его пристрастии к словосложению.

Особо, в третью группу, выделяем иноязычные слова, чаще всего грецизмы:

1. *Алаксалъ* сЛ, ἀλλάξας: „... и^нрѣю же хотащю т в о р и т и литоургию бж^твѣвноую слоужьбою и бѣ ститель *алаксалъ* сЛ хота пѣти...“ 337₅. Глагол *алаксати* сЛ отмечен словарем Срезневского (ἀλλάσσειν — „облачаться“) в Сборнике Гр.-Серг. лавры XII в.

2. *Аргастиръ* 326₁₈, ἐργαστήριον — „лавка“ (?), „мастерская“ (?). Слово в таком виде не зафиксировано ни одним из словарей. Срезневский отмечает лишь *ергастиръ*, ἐργαστήριον — „рабочая комната“ в Беседах Иоанна Златоуста к антиохийскому народу по рукописи XIV в. бывшей Моск. Син. б-ки, стр. 118.

3. *Псифия* 274₅, μουσίον — „мозаика“. По „Материалам“ Срезневского можно убедиться, что греческое μουσίον в текстах восточнославянского происхождения передается обычно другим грецизмом — словом *моусия* (странник игумена Даниила по изданию Норова, Путешествия игумена Даниила по святой земле начала XII в., Послания Поликарпа игумену

¹ Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865.

² И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I—III. СПб., 1893—1912.

Акиндину о киево-печерских подвижниках и др.). В данном случае переводчик передал греч. *ψυβίων* словом *псифия*, что значит не „мозаика“, а „смальта“. Слово *псифия* в значении „смальта“ мы встретили лишь в среднеболгарской летописи Манассии¹.

4. Сюда же добавим еще одно слово, которое от трех упомянутых выше отличается тем, что является, повидимому, не грецизмом по происхождению. Это — *креоуть* — „юг“, которое входит в состав своеобразной глоссы: „...иштитя и разоумомъ яже отъ сѣвера до *креоута* рекъше до оуга...“ 379₂₄ (...ὁ ἀρχιδιῶν ἐν συνέσει τὰ ἀπὸ βορείων ἕως ὀρεδρον, καὶ ἀπὸ ἀρχιδίων ἕως γερὰδ... 183₁₆).

Слово *γερὰδ* неизвестно греческим словарям. Нам не удалось выяснить, какое слово лежит в его основе.

В следующую, четвертую группу слов, не известных словарям Миклошича и Срезневского, выделяем такие, которые возникли в результате описок и искажений, допущенных переписчиками при копировании текста.

1. В тексте не раз встречаются формы действительных причастий настоящего времени от глагола, не отмеченного словарями: „да аще оулоучитъ *дрѣжущю* сѧ дшею и мнозѣми безаконии обѣятоу быти и кгда речена боудеть надъ нимъ молитва си...“ 305₇; „...въ послѣднии ча^ѣ преставления *ихъ* имоуть великоу оутѣхоу кгда творима ксть на *дрѣжущимъ* сѧ дшею...“ 307₁₅; „...кгда же приближисѧ къ одроу и нача слъзити и молити сѧ надъ отроковицею вьнезапоу *дрѣжущия* сѧ дшею нача роуцѣ горѣ простирати...“ 324₂₀; „...и се кси *дрѣжущимъ* сѧ оутѣшеникѣ и застоупникѣ до вѣка...“ 346₃₄.

В греческом тексте во всех этих случаях находим падежные формы от причастия *ψυχορραγῶν*. Не являются ли названные выше славянские формы искаженными причастиями от глагола *трѣзати* сѧ? Ср. формы, отмеченные Срезневским: *трѣжетъ* — „терзает“ в Златоструе XII в. и *трѣжетъ* в Супр. р. Наше предположение подкрепляется еще и тем, что причастие *ψυχορραγῶν* переводится однажды как *трѣжа* сѧ (от *трѣзати* сѧ) в Ж. Н.: „...и лежаше *трѣжа* сѧ и жюя языкъ свои дондеже тѣ съпавъ...“ 326₂₈.

2. *Плѣнькъ*, *κλιμων*: „...оуслыши хоудокъ моѣ молениѣ и всѧ плавающая и въ поуть ходащая и троужающая сѧ и *плѣнькы* и о спсени ихъ помысль сѣтвори...“ 378₁₂₋₁₅. Первоначально, было, повидимому, *плѣньникъ*.

3. *Пролащаникѣ*, *ταυτομός* — „потягивание“: „...смысла чиста не баше въ немъ нѣ тъкмо сънѣ и зѣяниѣ и *пролащаниѣ* и лѣнѣсть припаде кмоу велика...“ 263₁₁. Поместив в своем словаре этот пример из Ж. Н., Срезневский замечает: „вместо пролащаникѣ“. В „Словаре церковнославянского и русского языка“, составленном П. Отд. АН в 1847 г., т. II, стр. 588, есть слово *проляцание* с пометкой: „церковное. То же, что потуги (Сборник, 206)“.

4. *Скомраньць* — „скворец“: „...преобразиже сѧ дияволь въ птицю рекомоу *скомраньць* вьрже сѧ съ горы долоу...“ 254₂₈ (...στρουθῖον τὸ εἶδος ὡς ψάρι). В сноске А. В. Рыстенко указывает: „Было: „сковранецъ...“, но киноварью в переделано на м“. Словари отмечают это слово в виде *сковраньць* в Шест. Ио. Экз. и в некоторых старославянских памятниках сербской редакции. Ср. болг. *сковран*, *сковранец* —

¹ „...написана шаровы и псифиями...“ См. „Cronica lui Const. Manasses“. Text si glosar de Joan Bogdan. București, 1922, стр. 150.

„скворец“, приведенное в статье Л. А. Булаховского „Общеславянские названия птиц“¹.

5. *Върьствѣникъ*, *περιστασιός*. Есть все основания предполагать, что в оригинале было *врѣтѣникъ*. В значении *περιστασιός* в Панд. Ант. XI в. употребляется *врѣтѣникъ*. В подобных же значениях это слово встречается еще в Богосл. Иоанна Дамаскина в рукописи XVI в. и Панд. Ник. (см. Срезневский).

В Ж. Н. наблюдаем: „... аныгъли бии схожаху множество бещисльно иже дша члвчъскы възношахоу ини же чърни на въздоусѣ стояхоу подвигъ имоуще и върьствѣникъ кже възхытити и оудържати“ 316₂.

6. *Бесквърньнѣ*, *ἀναψαχτός*: „... и тако прочеъ *бесквърньноюу* жьртвоу сконьчаша...“ 366₆. В данном случае наблюдаем искаженное *бескврѣнѣ*, о чем можно судить по значению греческого слова в оригинале. Замечательно, что эта ошибка встречается не только в Ж. Н. Так, Срезневский заметил ее еще в Ефр. кормчей бывшей Моск. Син. б-ки около 1100 г.

7. *Съмѣшениѣ* 301₂, 379₁₅, *ρίπη ὀφθαλμοῦ* — ошибка вместо *сѣмѣжениѣ* (ока). Последнее часто встречается в древних памятниках. Срезневский указывает глагол *сѣмѣжити* в Палее XIV в., Гр. Наз. XI в. и в других, между прочим, и в Повести временных лет под 6582 г.

8. *Разнѣти сѧ*, *ἐξέρχουσαι*: „... и *разнѣте сѧ* нозѣ кго и пѣрсти отпадоу жиламъ бо всѣмъ изгнившамъ...“ 329₂₅. Пример этот, отсутствующий у Миклошича, дан в словаре Срезневского. Срезневский думает, что это испорченное *разгнѣти сѧ*. В самом деле, форма 3-го лица двойств. ч. аориста от предполагаемого глагола была бы *разнѣте сѧ*, что очень близко к написанию Ж. Н. Однако не является ли это написание безошибочным и не значит ли оно „разошлись“?

9. *Намърти* (?), *πίεζουσαι*: „... зимоу *намърше* отъ наготы...“ 329₂₉. Не ошибка ли это вместо *намързти*? Ср. *намързти* в Пат. Син. XI в. (Срезневский).

10. *Соумлѣти сѧ*, *συστέλλειν*: „... дша же та трепеташе страха лютости ихъ и соумлѣше сѧ въ роукахъ соущи англъ бии...“ 318₁₇.

Словарь Срезневского фиксирует глагол *соумлѣти сѧ*, который в значениях „сомневаться“, „не доверять“ найден в Панд. Ант. XI в., в значении „бояться“ в Изб. 1073 г. и Изб. 1076 г., в значении „удивляться“ в Мин. Чет. апр. по списку XV в. Моск. Син. б-ки, в значении „трепетать“, „благоговеть“ в Изб. 1076 г., Супр. р.

11. *Дроухлѣ*, *τεταλαπωρημένος*: „... и видѣхъ оуныла и *дроухла* кго зѣло якоже и пѣтицю въ безмѣрнѣ тихости сѣдѣща...“ 373₁. В памятниках есть: *драхлѣ* (Пат. Син. XI в., Супр. р., некоторые церковные памятники русского происхождения), *драхлѣство* (Изб. 1076 г.), *драхлѣблѣщный* (Панд. Ант. XI в.), *драхловати* (Гр. Наз. XI в., Октоих XII в.), *драхлѣсть* (Мин. 1096 г.), *драхлѣта* (Гр. Наз. XI в., Пчела XV в.). В Ж. Н.: *драхлѣ* 275₁₈, *драслѣ* 342₁₅, *драслѣнѣ* 266₁₇, *драслѣльствѣмъ* 373₅. Рассматриваемый корень с ж мы нигде, кроме Ж. Н., не наблюдаем. Заметим, однако, что Г. А. Ильинский говорит о двух праславянских формах этого слова: **dręchlъ* и **dręchlъ*².

12. *Причьсомъ*: „... кгда же ли начьнемъ величати сѧ или тыщесловиѣ творити *причьсомъ* тѣгда обращѣтъ сѧ жьзль тѣ на главы наша...“ 315₁₅.

¹ „Известия АН СССР. Отделение литературы и языка“, т. 7, вып. 2. М., 1948, стр. 117.

² Г. А. Ильинский. Звук *ch* в славянских языках. — „Известия ОРЯС“, 1915, т. XX, кн. 3, стр. 108.

Если это искажение, что, впрочем, не вполне ясно, то только от слова *причьтъ*, встречающегося в значениях „состав“, „совокупность“, „собрание“, „сбор“ и др. в древних памятниках, как нерусских, так и русских.

13. *Въплощеник* вместо *въплъченик*, *παράταξις*: „... дивной воинство на слоуженик твои споусти въ днь онъ съ всѣмъ, блжныи и трестымъ *въплощеникмь*...“ 309₁₀. Что касается написания *въплъченик* — „ополчение“, то оно замечено Миклошичем в Супр. р., Изб. 1073 г. (См. Lexicon).

14. *Престраженик*: „... многы же пакости и *престражения* ѿ ревнующихъ присно рабомъ биймь...“ и т. д. (*πολλὰς ἀκλήσεις καὶ θροσμούς...* 185₃₀). Возможно, это слово следует сблизить с именем существительным *прѣстраненик* *πλαγίότης* — „уклонение“, которое Срезневский отметил в Гр. Наз. XI в.

15. Особого типа искажение наблюдается в написании *накоупанѣза*: „... и се врата красна и висока акы камыкъ акы *накоупанѣза* видомъ...“ 374₁₄ (*καὶ ἰδοὺ πύλη ὄραία εἰς ὕψος ἔλη βρύουλιθος ὡς πάξιον τῆ θέξ*). Это искажение идет не из русского списка, а, повидимому, из южнославянского перевода. По объяснению акад. И. И. Толстого, греческ. *πάξιον* не имеет смысла и представляет собою какую-то порчу, может быть слова *ἐπάξιον* — „достоинное“, если бы можно было здесь предположить конструкцию *ἐπάξιον θέαμα*. Неправильный и непонятный греческий текст при переводе мог быть передан искусственно составленным созвучным славянским словом.

Установив (иногда предположительно) первоначальное звучание искаженных слов, мы убеждаемся в том, что многие из них в правильном своем виде отмечены словарями в древних текстах, притом чаще всего — в текстах нерусского происхождения.

В заключение отметим одно искажение, в котором не виноваты ни переводчик, ни переписчики. Оно принадлежит издателю текста, проф. А. В. Рыстенко, который неправильно сгруппировал слова: „... онъ же не идаше на та дѣла нъ прѣхожаше *оуча тоимѣца* блудмъ гоуба себе...“ 329₃, — в результате чего получилось несуществующее слово *тоимѣца*¹. Мы предлагаем другую группировку: „... нъ прѣхожаше *оу чатоимѣца*, блудмъ гоуба себе...“ Ср. *цатокмица* — „блудница“ в Сб. 1348 г., 46 об. С другой стороны, если ориентироваться на греческий оригинал (*ἡρεῦνα τὰ μιμάρια*) и на разночтения по спискам Ж. Н., сообщаемые Рыстенко, можно здесь предположить также первоначальное написание *чатоимѣще* — „место, где берут деньги“. Так же в списке Ж. Н., помещенном в Великих Четьях-Минеях.

В следующую, пятую группу, выделяем такие слова, отсутствующие в словарях с указаниями на другие памятники, которые образованы от весьма распространенных в славянских языках или известных этим языкам корней или основ с помощью разного рода аффиксов.

Помещенный ниже в сопровождении примечаний перечень этих слов явится полезным дополнением к существующим словарям, тем более что многие из привлеченных нами слов не отмечаются словарями.

1. *Възмоутънок*: „... дьяволе горкыи *възмоутънок* видѣниѣ и омрачено обличѣнѣ юго...“ 303₄ (*τοῦ διαβόλου τὸ πικρόφουρον εἶδος*). Словарь Срезневского фиксирует формы: *възмоутити* (Изб. 1073 г., Панд. Ант. XI в., Хр. Георг. Ам., Кир. Тур.) и *възмоутъ* (Хр. Георг. Ам.).

¹П. О. Потапов. — „Де—кілька слів про значіння текстів Життя Нифонта“, стр. 16.

2. *Върѣяти* сѧ: "...а слѣпыи слѣпа вода оба въ брѣгъ *вѣрѣи-та* сѧ..." 324₁₈ (ἐπί κρημνοῦ φέρονται 119₇). Глагол *вѣрѣяти* Срезневский отметил в Гр. Наз. XI в., Мериле праведном XIV в.

3. *Изгоубитель* 282₂, 282₄, *сапрѣа*, *сапрѣос*. См. ниже *изгоубительство*.

4. *Изгоубительство*: "...бѣ члвкъ именьмъ иофиль тѣ же бѣ мнѣ другъ иже многашды блазнаше моѣ *изгоубительство*..." 326₁₄ (καὶ πολλὰκις ἐμαχάρειεν τὴν ἐμὴν σαδρότητα... 121₁₈).

В памятниках есть: *изгоубити* (Мин. 1096 г., Жит. Бор. и Гл., Новг. 1 лет., Пов. вр. лет), *изгоубляти* (Панд. Ант. XI в.).

5. *Комаровъ*: "...а нѣ комаровы силы имы..." 368₃₂ (καὶ μηδέ κώνωπος ἰσχύον κίχτημένος 173₂₇). Имя существительное *комаръ* 278₃ часто встречается как в южнославянских, так и в восточнославянских по происхождению текстах. Прилагательное словарями не отмечено.

6. *Прѣлацати* сѧ¹: "...оувѣдѣше же юго лоукавии бѣси крѣпаше сѧ яко не *пролацати* сѧ ни зяти..." 369₃ (τὰ πονηρὰ δαίμονια διαχυρίζομενον τοῦ μη χασμφοδῶν 173₃₂). Ср. *пролацающа* сѧ 369₁₄. Глаголов *пролацати* и *пролацати* сѧ в словарях нет, но *лацати* с другими приставками встречается. Так, Востоков отметил *прѣлацати* в значении „натягивать сети“ в Ио. Злат. XV в. (т. II, стр. 125).

Срезневский упоминает глагол *налацати* в значении „натягивать“, „напрягать“ (Мин. праздн. XII в., Мин. 1097 г., Панд. Ант. XI в.). Срезневский отмечает также и форму *налащи* — „натянуть“ — в книге Иова по сп. 1499 г. По этому поводу Ягич писал: "...к признакам древнейшей редакции надо причислить еще перевод глагола ἐντείνω не словом *напразати*, а менее известным *налацати*, в совершенном виде *налащи*: *налаща*, *налаци* в Син. пс. Старые южнославянские списки и переводчик Панд. Антиоха знали еще *налацѣи*. В Остромировом ев., напротив, *напрази*, как и обыкновенно в поздних текстах. Глагол *nalacati* знают хорватские словенцы до сих пор, он внесен и в словарь Белостенца. С предлогом *сѣ* имеется еще *сѣлаща* и *сѣлаци* вм. *сѣмѣрити*; последнее место читается точно так и в Чудовской, а предыдущее в Болонской псалтыри"². Ср. имя существительное *пролацаник*, о котором сказано выше.

7. *Недовѣдѣти*, ἀπορεῖν; "...воле како ма въскорѣ познаша сде *недовѣдѣ*..." 365₁₁. К этому глаголу в данном значении ближе всего имя существительное *недовѣдениѣ* — „затруднение“, отмеченное Срезневским в Гр. Наз. XI в. Затем есть *недовѣдениѣ* — „неведение“ в Богосл. Ио. Экз.; *недовѣдети* сѧ — „не быть узанным“ в Изб. 1073 г. и, наконец, *недовѣдомыи* — „недоступный знанию“ в Изб. 1073 г., у Кир. Тур., в Богосл. Ио. Экз. и в ряде житий.

8. *Одѣшенъ*, ἐξήχος; "...и бѣше нищъ хода же тѣкмо оусты шыпташе озирая сѧ и ови глахоу *одѣшенъ* ксть..." 300₁₂. Срезневский квалифицирует данную форму как причастие прошедшего времени от глагола *одѣхнуоти*, ставя этот глагол под знаком вопроса и сравнивая его с формой *одѣхнутися* (т. е. „задохнуться“), найденной Востоковым в Царственном летописце. Может быть, форму *одѣшенъ* можно сблизить с *надышенъ* — название болезни. Последнее является предположе-

¹ Проф. П. О. Потапов считает это слово неясным с точки зрения происхождения и распространения. — Ук. соч., стр. 16.

² Ягич. Отчет о присуждении Ломоносовской премии за 1883 г. — Сб. ОРЯС, т. XXXIII, № 2, СПб., стр. 48.

нием Срезневского и, вероятно, ближе к истине. Следует отметить, что *ἐξήχος* в другом месте Ж. Н. переводится словом *оуродъ*: „... и сѣдаше на камъни палимъ огньмъ въсь днь аще придаше кто к нему видѣти и хота твораше са оуродъ гла еи пришьль ѳси сѣмо да ма оубиѳши“ 302⁷⁻¹⁰.

9. *Отлагътити*, βαρύνειν: „... дшю осквърнихъ оумъ мой омрачихъ срде *отлагътихъ* обѣданиѳмъ пьянствомъ...“ 310⁷. В словаре Срезневского встречаются формы *отлагъчати* — „обременять“ (Мин. 1097 г., Юрьев. ев., Изб. 1076 г. и др.) и *отлагъчити* — „обременить“, „отяготить“ (Остр. ев., Мин. 1096 г., Новг. кормчая 1282 г.).

10. *Пооучительнъ*: „... слова *пооучительна* съчиноваше...“ 367⁵ (*λόγους διδακτικλοὺς συνέτασεν* 172⁴). В памятниках есть *пооучити* (Нест. Жит. Феод.), *пооучитися* (Мин. сент. новг. XII в., Гр. митр. Алексея 1356 г.).

11. *Правдѣ*, δικαίως: „... законнѣ и *правдѣ* наставляя ихъ...“ 367¹⁰. Вероятно, перед нами не отмеченное еще словарями славянское наречие. Впрочем, в Изб. 1073 г. есть наречие *правдѣнѣ* — „справедливо“ (см. у Срезневского). Возможно, что наше *правдѣ* есть испорченное *правдѣнѣ*.

12. *Оужастѣнѣ*, ἐκπληκτικῶς: „... простърль ѳси роуцѣ на нбо стенли *оужастѣнѣ*...“ 277²⁸. Наречие словарями не отмечено. У Срезневского находим прилагательное *оужастѣнни* — „изумительный“ (Мин. 1096 г., Панд. Ник.), „сильный“, „великий“ (Пал. XIV в.), „приведенный в негодование“ (Мин. Чет. февр. по сп. XV в.).

13. *Безбожнѣ*, ἀθέως: „... приношу предѣ са грѣхы своя яже *безбожнѣ* створихъ“ 284²¹. Ср. часто употребляемое имя прилагательное *безбожнѣ*.

14. *Болѣпнѣ*, εὐσόφως: „... и ставъ с нимъ пояше *болѣпнѣ*...“ 315³¹; „... почивающе *болѣпнѣ* с прибытъкъмъ...“ 331¹⁹.

15. *Чюднѣ*, θαυμαστῶς: „... и веселяше са *чюднѣ* дхѣмъ...“ 346¹⁷.

16. *Правдѣднни*, δικαιομα: „... отвѣщавахоу же к нимъ англи глаше *правдѣднни* никакая же достоинъ...“ 317⁷. Перед нами имя существительное, еще не отмеченное словарями. Ср. *правѣднни*, упомянутое Ягичем¹.

17. *Пробирати* воя. В словаре Срезневского приведен пример из Ж. Н. с текстом: „... клѣчая и смоущая и *пробирая* и чѣты воя своя...“ — 350³² в изд. Рыстенко (*στρατολογῶν καὶ ἀριθμῶν τὰ στρατεύματα αὐτῶν* 153³⁴). Срезневский, однако, неверно понял значение слова. Он предположил, что *пробирати* значит „перебирать“. В соответствии с греческим оригиналом оно здесь означает „вербовать солдат“, „набирать войско“.

18. *Проплюноути*, πτύειν: „... съ слинами *проплюноу* изъ оустъ...“ 326²⁹. Наиболее близкой формой является глагол без приставки, широко известный.

19. *Содомьскы* 257²¹, σοδομ:τικῶς. Наречие, образованное от прилагательного *содомьскъ*, широко отраженного словарями и отмеченного в Ж. Н., 277²¹.

20. *Спѣшьноу*, μετὰ σπουδῆς: „... сню же великоюу млтвоу тгда въчннихъ и *спѣшьноу* написахъ...“ 307¹². Наречие не известно словарям. Близкое к этому наречию имя прилагательное *спѣшьнѣ* Срезневский отмечает в Богосл. Ио. Экз., Ио. Леств. XII в. и др.

¹ Jagić. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913, стр. 289.

21. *Стояльце* <?>, *стояльць* <?>, λαμπάς: "...*стояльца* бо държать ангѣли въ младенць мѣсто..." 357₁₉. Словарь Срезневского отмечает имя существительное *стояло* со значениями „подножие“, „ступень“, „основание“, „весы“, „стоящий предмет“. Последнее широкое значение слова приближается к нашему.

22. *Стояньница*, λαμπάς: "...яко *стояньница* свѣтлы въсходахоу на нбо..." 338₃₀.

23. *Съгладити*: "...яко бърниѣ поутѣ *съгладивъ*..." 342₂₈ (καὶ ὡς πηλον πλατειῶν λεάνας χυτόν 142₃). Срезневский указывает на глагол *гладити* в Пат. Син. XI в., Панд. Ант. XI в., Панд. Ник.

24. *Слещи*, καταπίπτειν: "...по малѣ врѣмени *слеже* и бѣ болѣзнь нго люта..." 298₈, — отмечен только несовершенный вид *сълежати* в Остр. ев., Кир. Тур., Мин. 1096 г. и др. памятниках (см. Срезневский).

25. *Съчиновати*: "...яко овгда предѣ народѣмъ бесѣдоуя и поуча люди овгда же мѣльча словеса поучительна *съчиноваше*..." 367₄ (λόγους διδασκαλικούς συνέτασεν 172₄). В словаре Срезневского отмечено имя существительное *съчиновленикѣ*, σύνταξις (Гр. Наз. XI в.).

26. *Оупаситель*, σωτήριος. В словаре Срезневского отсутствует. Глагол *упасти*, впрочем, в значении „устеречь стадо“, Срезневский нашел в Остр. ев., Мин. 1097 г. и у Кир. Тур., а в значении „сохранить“, „спасти“ дважды в Псковской летописи. В Ж. Н.: "...вижь се вышнии чловѣкъ свѣтило великѣ доблии *оупасителю*..." 279₃₃.

27. *Оуплѣняти* — „пленять“ "...воле како дѣша члвка сего *оуплѣняма* късь яко сице приобидить страхъ бии..." 273₁₂. Свободный перевод с греческого. В памятниках, изученных Срезневским, этот глагол не отмечен.

28. *Нап[ѣ]мъ* <?>, *нап[ѣ]ма* <?>, 329₁₀, 329₁₂ и 329₁₅, μισθιος — „наемный рабочий“, „ремесленник“ (в отличие от „раба“). Рыстенко указывает для этого слова варианты из других списков: *рабы* и *дѣти*. Грамматический род имени существительного по контексту определить невозможно. Проф. Потапов пытался сблизить это слово с *напѣство*, μισθαρνία, зафиксированным в словаре Востокова с цитатой из Гр. Богосл., а также с современным сербским глаголом *напатити* — *напатим* — „приобретать“, „наживать“, „зарабатывать“¹. Срезневский отмечает имя существительное в виде *напѣта* только в Ж. Н. В то же время он указывает на существование слова *напѣ* в Исх. XII, по сп. XIV в., Исх. XXII, 1499 г., Иов. VII по сп. XVI в., Гр. Наз. XI в., Панд. Ант. XI в. и ряде житий.

Слово *напѣ* отмечено в описании рукописей Моск. Син. б-ки, т. I, стр. 15: Исх. 22.15 "...аще ли *напѣ* е^с (наемник, μισθωτός, так это перев. и Левит 22₉ 40.52) да будетъ ему за напада (чит. *напдоу*) цена наемная (ἀντιμισθοῦ, так это пер. и Втор. 24, 13, 14)".

В „Сведениях и заметках..." XLI—LXX, стр. 365 Срезневский отмечает слово *напѣ* в Мин. Чет. февр. по сп. XV в. Ср. также *напѣда*, *набѣда* (Срезневский).

* * *

Перейдем теперь к рассмотрению такой лексики Ж. Н., которая зафиксирована словарями древней славянской письменности, но отмечена ими в очень небольшом количестве памятников и, на основании

¹ П. О. Потапов. — Ук. соч., стр. 16.

этого, может быть квалифицирована как лексика неширокого распространения в древних литературных языках.

Ниже эта лексика приводится с указаниями на памятники, в которых она отмечена словарями.

1. *Безвѣсти* 255₉, 277₂ ἀφανής, ἄφαντος и др. Миклошич — Супр. р.
2. *Безлобїе* 310₁, ἀλαχία. Миклошич — Супр. р., Жит. Саввы серб., Изб. 1073 г., Срезневский — Панд. Ант. XI в., Хр. Георг. Ам., Ио. Леств. XII в.
3. *Беззвѣщъствьнъ* 374₁₅ (в неточном переводе). Миклошич — Панд. Ант. XIV в. (сербский список), Тип. Хил. XIV в., Срезневский — Гр. Наз. XI в.
4. *Бесплътнъ* 275₆, ἀσαρκος: „... стый же чююще сѧ яко бесплътнъ...“ Миклошич — Супр. р., Изб. 1073 г., Ио. Леств. XII в., Патер. XIV в. в сербск. сп., Срезневский — Богосл. Ио. Экз. и Златоструй XII в.
5. *Блазна* 259₃, σκάνδαλον. Миклошич — Супр. р.
6. *Блазныи* 277₁, ἀγαθήτης. Миклошич — Супр. р., Изб. 1073 г., Ио. Леств. XII в., сербск. сп. Патер. XIV в., Срезневский — Богосл. Ио. Экз., Златоструй XII в.
7. *Ближнь* 283₇, 361₁₂, πλησίος — на месте древнейшего *искръ* в этом значении¹. Миклошич — Остр. ев., Супр. р., Панд. Ант. XI в. и некоторые более поздние памятники.
8. *Боговидьнъ* 371₁₄, θεοειδής. Срезневский — Изб. 1076 г.
9. *Бѣсовьнъ* 283₂₃: „... прельсти ѡже ѿ смрада бѣсовьнаго...“ (ἐκ τῆς δυσωδίας τρεφόμενων δαιμόνων 53₃₀). Миклошич — сербск. Законник XVII в., Срезневский — Майская служ. Мин. XI в. Ср. *бѣсовьнъ* в Хр. Георг. Ам. (Истрин, III, 45).
10. *Бѣсьнъ* 306₁₇, δαιμονικός. Миклошич — Супр. р., Остр. ев., Срезневский — Панд. Ант. XI в.
11. *Велелъпыи* 350₂₁, μεγαλοπρεπής. Миклошич — Супр. р., болг. псалтырь XII в., Срезневский — Гр. Наз. XI в.
12. *Въздържатель* 304₁₈, ἐγκρατής. Миклошич — сербск. Патер. XIV в., Изб. 1073 г.
13. *Въплъчениє* 303₁₀, παραταξίς. В Ж. Н. *въплощениє* (ошибочно). Миклошич — Супр. р., Изб. 1073 г. Срезневский — Изб. 1073 г. Кир. Тур.
14. *Въплъчити са*, παρατάσσεισαι. В Ж. Н. *въплъчитя са* 351₃ и *въплъчити са* 303₃, στρατεύεσθαι. Миклошич — Супр. р., Изб. 1073 г., один из памятных сербск. письм. XVI в. (Пятикнижие и некоторые другие части Ветхого завета).
15. *Въслати* 366₂₇, ἀναπέμπειν. Миклошич — Панд. Ант. XIV в., сербск. Мин. Караджича.
16. *Въсынениє* 262₂₇, υιογενεσία. Миклошич — Супр. р., апостол Шишатовачского мон., Срезневский — Панд. Ант. XI в.
17. *Господъствиє* 271₂₅, κυριότης. Миклошич — Супр. р.
18. *Гръзновиє* 302₁₂, βότρυς. Миклошич — Супр. р., Срезневский — Праздничная служебн. Мин. XII в.
19. *Доброоутробиє* 303₁₉, 305₆, εὐσπλαγγνία, τὰ σπλάγγνα. Миклошич — Ио. Леств. XII в.
20. *Дрѣзати*. В Ж. Н. формы от причастия ψυχορραγών — *дрѣзющю* са 305₇, *дрѣзющимъ са* 307₁₅, *дрѣзющия са* 324₂₀, *дрѣзющим са* 346₃₄, *дрѣзѧ са* 326₂₈, *дрѣзѧше са* 322₉. Миклошич — Супр. р.; Срезневский — Златоструй XII в.
21. *Къство* 275₂₅, φύσις. Миклошич — Супр. р., Изб. 1073 г.

¹ Ср. Jagić. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache, стр. 951.

22. *Злобникъ* 352₂₅, *ταλχίπυρος*. Миклошич — сербск. историч. памятники, им изданные.
23. *Злодѣство* 280₁, *κακούργια*. Миклошич — Супр. р.; Срезневский — Мин. 1096 г.
24. *Изволениѣ* 311₂₂, *προαίρεσις*. Миклошич — Супр. р.; Ср. *изволение* в значении *προαίρεσις* в Хр. Георг. Ам. (Истрин, III, 155).
25. *Исполѣти* 372₂₃: „огньмъ исполѣти“ (*πυρί γεέννης ἐκτεφοῦσθαι* 177₁₅). Срезневский отмечает глагол *исполѣвати* в Прол. XIV в.
26. *Истиньнѣ* 276₂₅, *ἀκριβῶς*. Миклошич — Супр. р.
27. *Кръшня*, *γρόνθος* — *кършня* 253₃, *кършня* 321₁₉. Миклошич — Гр. Наз. XI в., Ио. Леств. XII в., Срезневский — Ио. Злат. XV в.
28. *Льгальница* 375₁₇, *λοιτῶν*. Срезневский — Гр. Наз. XI в., Златая цепь около 1400 г.
29. *Облобизаниѣ* 306₇, *φίλημα*. Миклошич — болг. Номоканон 1262 г.
30. *Обѣданиѣ* 255₁₈, 310₇, 317₁₇, *γαατριμαργία, κραπάλη, καρηβασία*. Ср. это же слово в Панд. Ант. XI в. (по указанию Срезневского).
31. *Опаснѣ* 352₂₅, *ἀκριβῶς*. Миклошич — болг. сп. XIV в. диалогов папы Григория и Петра дьякона, Срезневский — Изб. 1076 г.
32. *Пожьнениѣ* 326₂₄: „...приближи са сьрпъ *пожьнения* ѿго...“ (*τὸ δρέπανον τοῦ θερίζει αὐτόν* 121₂₉). Миклошич — сербск. Патер. XIV в., Гр. Наз. XI в.
33. *Покажениѣ* 289₃, *θυμίσις*. Сопоставляем с *покаждениѣ*, которое Миклошич отметил в Тип. Хил. XIV в.
34. *Поспѣшениѣ* 297₁₁, *σπουδή*. Миклошич — Супр. р., сербск. Жит. Симеона, написанное Стефаном. Ср. *поспѣшение* в Хр. Георг. Ам. (*σπουδή*).
35. *Потворяти* 331₂₁: „... есть обычай корабльникомъ *потварат* корабль...“ (*ἰνακλινοῦν τὰ πλοῖα αὐτῶν* 127₃₂). В данном значении глагол ближе всего к Златострую XII в., где наблюдается большое сходство с Ж. Н.: „... корабленици... стѣны корабля *потваряють*...“ (см. Срезневский, II).
36. *Потьщити* 269₁₃, *σπουδάσειν*. Миклошич — Супр. р.
37. *Превори* 260₅. В Ж. Н. *τὰ μαζώματα* — в неправильном переводе. Срезневский отметил *прѣвора* в Шест. Ио. Экз. XV в.
38. *Примыслиѣ* 369₁₈, *μαγγάνεια*. Миклошич — Номоканон 1262 г.
39. *Притраньныи* 327₃, *φοβερός*: „... и бѣ и видѣти оудроучень *притраньноюю* тоу моукоу приѣмлюща...“ В других списках *пространную, пристрашноую, пристранную*. (Прим. Рустенко). Любопытно, что такое написание не случайно и характерно не только для нашего памятника. Срезневский его отметил в русск. списке поучений Кир. Иерус., Изб. 1073 г., Мин. Чет. февр., Супр. р., Ефр. Сир. XIII в., Златоструе¹.
40. *Прѣдъставляти* 255₁₇: „... язь тыа кдинъ яже мнѣ *прѣдъставляши*...“ (*καὶ φάγε αὐτός μᾶλλον, ἅπερ ἐμοὶ προσενεῖς* 21₃₂). Миклошич — Беседы Ио. Злат. 1574 г. сербск. ред.
41. *Прѣподобьнѣ* 371₃, *ἀσίσως*. Миклошич — Супр. р.
42. *Прѣсквьрньнѣ*. В Ж. Н. *πρεσκвьрньне* 253₁₁, *παμμίαρε*. Миклошич — Диоптр. XV в. болг. ред., Супр. р.
43. *Прѣстоуплениѣ* 358₁₀, *πράβασις*. Миклошич — Супр. р., Панд. Ант. XIV в. сербск. ред., Срезневский — Мин. 1096 и 1097 гг., Панд. Ант. XI в., Мин. пут. XI в., Богосл. Ио. Экз.
44. *Радостьнѣ* 341₂₄, *περικαρῶς*. Миклошич — сербск. Пролог XVII в.
45. *Раздражаниѣ* 319₁₁, *παροξυσμός*. Миклошич — сербск. сп. XIV в., Панд. Ант.

¹ Ср. *пристранныи, пристраньныи*. Срезневский, III.

46. *Расслабленіе* 360₂₀, *ραδυμία*. Миклошич — сербск. Пролог XIV в.
47. *Родъство огньнок* 253₃₀, *πύρ τῆς γέεννης*. Ср. такую же ошибку в Сб. Михановича XIII в. сербской ред. и Златоструе XVI в. Срезневский обнаружил эту же ошибку в Супр. р. и Изб. 1073 г.
48. *Рождство огньнок*: "...повѣдаю тебѣ оканьнѣ жестокою муокою *рождство огньнок*..." См. также 255₅ (*γέννη τοῦ πυρός 21₂₁*). Срезневский нашел такое же написание в Панд. Ник.
49. *Самовидьно* 351₂₁: "... самовидьно очивѣсть приходить..." Миклошич — сербск. Мин. Вука Караджича.
50. *Скомраньць* 254₂₈, *ψάρ*. Сопоставляем со словом *сковраньць*. Срезневский, как указывалось, нашел это слово в Шест. Ио. Экз., Миклошич — в сербских памятниках.
51. *Стобориѣ* 292₁₅, 292₂₃, *στάβαρα* — „колоннада“. Срезневский — Изб. 1076 г., Миклошич — в виде *стоборъ* — сербск. Жит. Александра Великого XVI в.
52. *Стрѣпѣтливъ* 328₃₀: "... бѣ *стрѣпѣтливъ* и сквърнитель зълъ..." (*ὁ τοιοῦτος ἦν πολύτροπος ἀκάθαρτος 124₁₀*). Миклошич — Ефр. Сир. XIV—XV в.
53. *Съставленіе* 367₅, *σύνταγμα*. Миклошич — Супр. р., Срезневский — Гр. Наз. XI в.
54. *Сътроужати* 265₂₅: "... ты бо вѣси ги како ми *строужаѣтъ*, врагъ мой..." (*πῶς μέ συνεῖχεν ὁ ἐχθρὸς βυθίζων με ἀπάρτιεν τῇ ἀπαστία... 34₁₁*). Миклошич нашел в виде *сътроуждати* в Панд. Ант. XI в., Срезневский — там же.
55. *Таино* 339₂₈, *μυστικῶς*. Миклошич — Супр. р. _____
56. *Тѣпаниѣ* — в Ж. Н. — *κρότος*: "... бѣ бо сердце ѿго *тѣпаниѣ* и гром испоущая..." 337₁₃. И Миклошич, и Срезневский отмечают у Кир. Иерус. и в Шест. XVI в.
57. *Тажьць* 311₂₉, *βαρέως*. Миклошич — Супр. р.
58. *Оудворити са*: "... оуповаю бо великъмъ подвигомъ дойти ѿго идеже *оудворилъ са* ксть..." 367₂₇ (*ὅπου ἀυλίζεται... 172₂₅*). Миклошич — Остр. ев.
59. *Оумыгноути* 373₂₈, *ὀπνεῖν*. Миклошич — Ефр. Сир., Патер. XIII в. Михановича.
60. *Оуязвати* (так!) 343₁, *τιτρώσκειν*. Срезневский — Изб. 1076 г.
61. *Чародѣискъ* 351₁₃, *μαγικός*. Миклошич — сербск. Мин. XVI в. (Мих.).
62. *Чадолубьць* 337₁₉: "... повѣда ми яко оць *чадолубьць*..." (*πατήρ φιλόστοργος 134₁₅*). Миклошич — Шест. Ио. Экз. XIII в.
63. *Яснѣ* 272₁₅, *ὀξέως*. Миклошич — Супр. р., Срезневский — Мин. 1096 г.

Примеры, приведенные выше, немногочисленны, потому что они отражают такую лексику Ж. Н., которая отмечается в наименьшем количестве других памятников, и, следовательно, лексику очень редкую вообще, отклоняющуюся от основной части общего словаря, принятого в древних славянских литературах.

Перечисленные редкие слова встречаются по преимуществу в списках с произведений, созданных бесспорно или предположительно в восточно-болгарский период древней славянской литературы, а именно, чаще всего, в компиляциях и переводах Иоанна Экзарха, Изборнике 1073 г., Златоструе, Пандектах Антиоха, поучениях Кирилла Иерусалимского, Лестнице Иоанна Климакса, Номоканоне 1262 г., поучениях Григория Назианского, Супрасльской рукописи.

«ЖИТИЕ НИФОНТА» И ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ И. В. ЯГИЧА

Лексические варианты, применявшиеся в старославянских текстах при передаче греческих слов, сообщены Ягичем в качестве приложений к его труду, посвященному истории формирования старославянского языка¹.

Останавливаясь на причинах возникновения словарных вариантов, Ягич указывает на то, что исходным пунктом отклонений при передаче одного и того же греческого слова не всегда была разница в месте и времени выполнения перевода². Лексические варианты зачастую возникали из стремления передать греческое слово точнее, чем оно передано в других текстах. Некоторые варианты получались в результате непонимания переводчиком греческого слова оригинала. Другие — как случайная замена одного синонима другим. В ряде случаев можно говорить лишь о традиционном употреблении того или иного слова или выражения в близких по происхождению памятниках, а не связывать лексические варианты с местными словарными особенностями живого языка переводчика. Таким образом, не во всех, а лишь в некоторых случаях лексические варианты можно связывать с разницей в словарном запасе живого языка переводчиков. Ягич, несомненно, прав.

Из лексических параллелей, привлеченных Ягичем, для нашей работы оказались бы наиболее ценными те, которые характеризовали бы особенности живого местного языка переводчиков, или те, которые последовательно употреблялись в одной какой-нибудь группе памятников в отличие от другой группы, ярко характеризую эти памятники. При рассмотрении лексики Ж. Н. в сравнении с материалами Ягича мы и обращались только к этой группе фактов, сообщаемых им.

В § 54 (стр. 281—299) Ягич сообщает различные слова с одинаковым корнем, употреблявшиеся в разных текстах для передачи одного и того же греческого слова. Словарные особенности Ж. Н. совпадают, в большинстве случаев, со словарными явлениями, отмечаемыми систематически Ягичем в текстах более поздних, а не древнейших глаголических. Отметим из них следующие.

1. В Ж. Н. встречается вариант *братъ, братия*, как в Остр. ев., Чуд. пс., Супр. р. и Савв. кн., а не *братръ, братрия*, как в древнейших глаголических текстах.

2. В Ж. Н., так же как и в поздних текстах, наблюдаем глагол *бъсити са* 351₂₅, *лусѡѡ*, а не *бъсьновати*, как в древнейших. (Ягич приводит эти варианты как слова, передающие греческ. *δαμονίζομαι*.)

3. Глаголы *възалъкати* и *алъкати*, по мнению Ягича, основанному на наблюдениях над их употреблением, являются более древними, чем *лакати, възлакати*, при передаче греческ. *πεινάω*. В Ж. Н. *алъкати* 256₂₉, 378₁₆ *νηστεύειν, διψειν*.

4. Характерен перевод греческ. *ἀποδίδομι* глаголом *отъдати* 330₁₅, как и в Чуд. пс., а не *въздати*, как в большинстве евангельских текстов и других текстах псалтыри.

5. В Ж. Н. греческ. *δανείσασθαι*, как и в поздних текстах, переводится то *въ заимъ дати* 345₅, то *възати* 330₁₄. В ранних — *затиати*.

6. Следует отметить наличие в тексте Ж. Н. слова *прельсть* 344₂₈, передающего греческ. *πλάνη*, так же, как и в Супр. р. Ср., однако, *лъсть* 281₄, как в древних текстах.

¹ См. ук. соч., стр. 281—489.

² Там же, стр. 262—265.

7. Ἐξουσία переводится в Ж. Н. словом *власть* 253₁₆ и др., как в более поздних текстах, а не словом *область*, как в древнейших.

8. В Ж. Н. наблюдается употребление имени прилагательного *слабень* 324₃, а не *ослаблень*, как в древнейших текстах.

9. Ягич указывает на замену слова *правьда* словом *правьни* в более поздних текстах. В Ж. Н. — *правьдыни* 317₈, *δικαίωμα* (может быть, по ошибке), но в то же время *правьда* 271₆, 290₁₅, *δικαιοσύνη*, *δικαίωμα*.

10. Κρίμα переводится в Ж. Н. словом *судьба* 328₅, как в поздних текстах. В более ранних — *сждъ*. См. также в Ж. Н. *судъ* 260₂₃, *κρίμα*.

11. В Ж. Н. *трава* 301₂₀, *βοτάνη*, как в поздних текстах. В ранних — *трѣва*.

12. *Оутѣшениѣ*, *γαλήνη* 290₁₀, *παράμυθια* 294₅ в Ж. Н. употребляется наряду с *оутѣха* 307₁₄, *παράμυθια*. Последнее слово Ягич считает древнейшим лексическим вариантом.

13. Μέρис передается словом *оучастие* 338₁₂, а не *часть*, как в древних текстах. Впрочем, *часть* см. в Ж. Н. 331₁₂ в значении *μέρος*.

* * *

В § 56 (стр. 322—421) Ягич сообщает различные славянские слова и выражения, употреблявшиеся в разных старославянских переводах при передаче одного и того же греческого слова. Обнаруживается много совпадений между лексикой Ж. Н. и теми словарными вариантами Ягича, которые им признаются древнейшими.

Имеются, впрочем, и такие случаи, когда греческое слово переводится славянским более позднего происхождения. Приведем примеры:

1. В Ж. Н. *врачь*, а не *балии* передает греческ. *ιατρός* 298₁₀.

2. Для передачи греческ. *ἀνατιφρέτως* употребляется слово *съпроста* 284₂₃, а не *безъ сжмьнѣния*, как в древних текстах.

3. *Εὐαγγελισασθαι* переводится не глаголом *благовѣстити*, как в древнейших текстах, а не отмеченным Ягичем словом *повѣдати* 255₃ и др.

4. Для передачи глагола *πλανόμαι* в Ж. Н. используется поздний вариант *прельщеноу быти* 368₁₄, а не *блоудити*, как в древних текстах.

5. *Πλεῖον* передается словом *множаи* 266₉. Ср. поздний вариант *множаѣ*, приведенный Ягичем. В древних текстах здесь *болѣ*.

6. *Πηλός* переводится и древним *бърниѣ* 280₁₂ и более поздним *калъ* 386₂₂, 369₃₀.

7. Для передачи греческ. *αἰγιαλός* в Ж. Н. используются слова: *соухо* (ср. *соух* в Ассем. ев.) и *приморие* 294₇. Последнее Ягич не отметил нигде. Ср. *при мори* в Христиноп. ап. *Бръгъ* — *αἰγιαλός* не отмечено.

8. *Μωρός* в Ж. Н. переводится словом *оуродъ* 282₈, а не *боуи*, как в древнейших текстах.

9. *Καῖων* передается в Ж. Н. словом *знои* 302₆, а не *варъ*, как в древнейших текстах.

10. *Εὐδία* переводится в Ж. Н. словом *отишиѣ* 315₁₆, а не *ведро*, как в древнейших текстах.

11. *Υβρίζω* передается в Ж. Н. глаголами *корити* 256₇ и *оукорити* 317₇, как в поздних текстах.

12. *Τίμιος* переводится в Ж. Н. словом *чьстьнь* 370₂₅, а не *драгъ*, как в большинстве древних текстов.

13. Для греческ. *θαρσεῖν* наряду с древним вариантом *дързати* 309, употребляется более поздний *оуповати* 253₃₁.

14. *Ῥάβδος* передается и древним *жъзль* 313₅, и более поздним *палица* 256₃.

15. В Ж. Н. часто встречается имя прилагательное *проныривъ* (255₃₂ и др.), которое Ягич расценивает как болгарскую параллель к древнейшему *зълъ*, *xxhός*, *πονηρός*. Но ср. также *зълъ* 284₈, 282₅ — *πονηρός* и *xxhός*.

16. *Инь* в значении *μόνος* в составе сложных слов в Ж. Н. отсутствует. Как характерно для поздних текстов, *μόνος* переводится словом *юдинъ*. См. *юдиночадноу* 348₃₂.

17. *Πλησίος* передается словом *ближьнь* 361₁₂, 283₇, а не *искръ*, как в древнейших текстах.

18. *Ἀφίημι* переводится в Ж. Н., так же как в поздних текстах, глаголом *оставити* 262₇, 293₁₃, 302₃₀, а не *испоустити*, как в древнейших.

19. *Ἀμπέλως* переводится в Ж. Н. словом *виноградъ* 301₂₇, а не *лоза* 360₂₉, как в древнейших текстах. Но ср. *лозиѣ*, *κλήμα*.

20. Для перевода греческ. *κώνωψ* древнейшим вариантом, по наблюдениям Ягича, является слово *мъшица*, *моушица*. В Юрьев. ев. и Добр. ев. — *комаръ*; в Ж. Н. — *комариѣ* 277₁₄, *комаръ* 287₂₆. Ср. также прилагательное *комаровъ* 368₃₂.

21. Для передачи греческ. *λογίζομαι* употребляется глагол *помысли* — *помышлати* 258₁, 362₂₇ и др., как в поздних текстах, а не *непъщевати*, как в древнейших.

22. В Ж. Н. отмечен глагол *небрещи* 329₁₂, передающий греческ. *μῆδεν μελεῖν*, что, по данным Ягича, есть позднейшая замена первоначального *неродити*. Отметим также глагол *прибидѣти* 273₁₂, *καταφρονεῖν*, употребление которого характерно для Остр. ев. и Трн. ев.

23. *Ἀύλειν* передается в Ж. Н. глаголом *свирати* 277₂₂, как это преимущественно наблюдается в более поздних текстах, а не *пискати*, как в Мар. ев.

24. Глагол *πληθύνω* переводится в Ж. Н. *оумножити* сЛ 354₃₄, а не *плодити* сЛ, как в древнейших текстах.

25. Употребление глагола *язвити* (ср. в Ж. Н. *язвити* 260₆, *πληγὴν δοῦναι*) на месте *побити* Ягич считает признаком более поздних текстов.

26. Для передачи глагола *μένω* в Ж. Н. встречаем *пребывати* 264₂₃, что, по наблюдениям Ягича, характеризует поздние тексты. Употребляется, однако, и *пождати* 280₃₀. Последний глагол обычен в древнейших переводах.

27. Характерным явлением поздних текстов Ягич считает перевод глагола *πέμπω* славянским глаголом *поустити*, а не *посълати*. В Ж. Н. — *поустити* 305₁₈, *поущати* 275₂₈. Но ср. *посълати* 280₂₇.

28. Для передачи *παράδεισος* в Ж. Н. употребляется имя существительное *порода* 259₂₉, 287₄. Ср. *породьнъ* 306₃₁, *τοῦ παραδείσου*. Так же в поздних текстах, в древних памятниках — *раи*.

29. Для передачи *ποιμνὴ* в Ж. Н. употребляется не только древнейший словарный вариант *стадо* 367₈, но и поздний *паства*. Последнее Ягич отметил в Супр. р.

30. В Ж. Н. отсутствует глагол *тети*, употреблявшийся в древнейших памятниках для передачи греческ. *μαστιγώω*. В этом значении встречаются только *бити* 296₉, *обранити* 368₂₅.

31. Как и в поздних текстах, глагол *ῥαπίζω* переводится в Ж. Н. словом *заоушати* 288₇, а не *оударити*, как в древних.

32. Глагол ἐμφράττω переводится, так же как в других поздних текстах, славянским *заградити* 273₃₁. В древнейших памятниках обычно *заѣати*.

33. Наречие *ядро* в Ж. Н. отсутствует. Есть только *въскорѣ* 357₃₁, *бързо* 370₅. Последнее отмечено Ягичем в значении *ταχέως* дважды в Трн. ев.

* * *

В Ж. Н. встречаются следующие лексические варианты, характерные для древнейших текстов и заменяемые в более поздних текстах другими словами:

1. *Пастырь* 363₁ — вместо *пастоухъ*.
2. *Попель* 369₃₀ — вместо *пепель*.
3. В значении *πόλεμος* *брань* 315₃ — вместо *рать*.
4. *Дрлхлѣ* 275₁₈, *драсълъ* 342₁₅, *драсельнѣ* 266₁₇ (последние два примера особенно архаичны) — вместо *сѣтънѣ* (Супр. р.).
5. Греческ. *τύραννος* переводится словом *моучитель* 253₂₂ — вместо *томитель* (Ио. Экз.).
6. Греческ. *κληρονομεῖν* переводится глаголом *наслѣдовати* 293₅ — вместо *причастити сѧ*.
7. Греческ. *θυσιαστήριον* переводится *олтарь* 313₂₂ — вместо *жрътвникѣ*, *трѣбникѣ*.
8. Греческ. *λεπρός* переводится *прокаженъ* 287₃₁ — вместо *пеготивѣ* (Супр. р., Ио. Экз.).
9. Греческ. *πέλαγος* переводится *поучина* 331₂₉ — вместо *ширина* (Трн. ев.).
10. Греческ. *ὀπίδηα* переводится *сапогъ* 267₆ — вместо *обувь*, *обуштель*.
11. Греческ. *μυρία* переводится *тма* 286₆, *μυρία* — *тьма* 300₄, 286₃₃ — вместо *несѣвѣда* (Ио. Экз., Супр. р.).

В свете лексических данных, добытых Ягичем на основе тщательного изучения языка старославянских переводов, обнаруживается близость словаря Ж. Н. к лексическим вариантам поздних, восточно-болгарских текстов. Древние варианты встречаются редко.

«ЖИТИЕ НИФОНТА» И ОТДЕЛЬНЫЕ СТАРОСЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ

В книге В. Погорелова „Толкования Феодорита Киррского на Псалтырь в древне-болгарском переводе“¹ дается подробное описание языковых особенностей Чудовской псалтыри XI в., заключающей в себе толкования Феодорита Киррского.

На основании некоторых фактов, в том числе лексических, проф. Погорелов приходит к выводу, что перевод „Толкований“ выполнен в Восточной Болгарии, при дворе царя Симеона, и присоединен к древнейшему переводу псалтыри, несколько переработанному со стороны словоупотребления тем же переводчиком.

Большую ценность имеют сообщаемые Погореловым новые лексические явления в псалтыри и „Толкованиях“, противопоставленные древнейшим, характерным для первоначальной редакции псалтыри².

Значительное количество новых лексических явлений, отмеченных Погореловым, совпадает со словарными особенностями Ж. Н.

¹ Варшава, 1910.

² См. ук. соч., стр. 122—227.

Особенно интересны следующие совпадения:

1. *Въздохъ*, ἀήρ — на месте древнейшего *аерь*. Ср. в Ж. Н. *на въздохустъ* 275₁, ἐν τῷ ἀέρι.

2. *Влѣзе*, εἰσῆλθε. Ср. в „Толкованиях“ *извлѣзше*, ἐξελθέντες — вместо старого *въниде*. В Ж. Н. *вълазѣща* 300₂₁, εἰς ἐρχόμενον, *влѣзохъ* 308₂, εἰσῆλθον и др., но *вънити* 304₈ — εἰσελθεῖν, *извлѣзшимъ* 284₉ — ἐξερχομένων, *извлѣзе* 273₂₀ — ἐξῆλθεν и др.; но *изидоша* 292₁₈ — ἐξερχονται.

3. *Прѣзоръ*, ὑπερηφάνια — вместо старого *грѣдыни*. Ср. в Ж. Н. в этом значении *презьрство* 271₃₀, но *грѣдыни* 282₁₂. Ср. также *презорство*, ἔπαρσιν 281₁₀ и *презорство* 358₁₈, ἀλαζονεία.

4. *Величавъ и прѣзоривъ*, ὑπερήφανος — на месте старого *грѣдъ*. Ср. в Ж. Н. *величавымъ* 358₂₀, ὑπερηφάνους. Ср. также *презоривый* 255₂₉.

Погорелов объясняет замену имени существительного *грѣдыни* в поздних текстах другими словами тем, что корень *грѣд-* в языке восточноболгарских переводчиков имел другие значения. Он указывает на *грѣдъ* — φοβερός в языке Ио. Экз. и некоторых других произведений. Ср. в Ж. Н. *грѣдъ* — φοβερός.

5. *На храмъ*, ἐπί δόματι — вместо старого *на зѣдъ*. Погорелов объясняет эту замену тем, что слова *зѣдъ*, *зданиѣ* у восточноболгарских переводчиков имели другие значения, в частности, слово *зданиѣ* служило для передачи греческ. κτίσις πλάσμα.

В Ж. Н. также очень употребительно слово *храмъ* в значениях „здание“, „постройка“ (см. 268₂₁, 269₁₇, 275₁₂, 363₃₀, 371₂₂). Только однажды *зданиѣ* 375₂₁ = ὀικοδομή.

Несомненно, преобладающим является в Ж. Н. другое, восточноболгарское значение для слова *зданиѣ* 264₂₃, 266₄, 304₁₉, 306₂₅ — πλάσμα.

6. Чрезвычайно показательно для характеристики перевода Ж. Н. совпадение в использовании глаголов *исповѣдати* и *сповѣдати* (*сповѣдѣти*) в Ж. Н. и „Толкованиях“. Погорелов отметил в тексте псалтыри использование формы *сповѣдѣ*, διηγῆσαι, на месте древнего *исповѣмь*, а в „Толкованиях“ — перевод глагола διηγείσθαι или *повѣдати*, *повѣдѣти* или *сповѣдѣти*.

Глагол *исповѣдати* в „Толкованиях“ употребляется лишь в значениях ὁμολογεῖσθαι, ἐξομολογεῖσθαι, ἐξαγγέλλειν. В Ж. Н. для перевода διηγείσθαι употребляются глаголы *повѣдати*, *сповѣдати* (см. *повѣдающе* 278₇, *повѣдѣ* 301₁₉ и др.).

Что касается глаголов *исповѣдати* и *исповѣдѣти*, то они, также как и в „Толкованиях“, передают греческ. ἐξαγγέλλειν 357₃₁, ὁμολογεῖσθαι 368₂₁, но также и ἀναγγέλλειν 298₂₆.

7. *Блоудѣщааго* τὸν πορνέοντα в псалтыри употребляется на месте более древнего *любѣ дѣжша*. Ср. в Ж. Н. *сѣблоужю* 264₁₆, *блоудъ створи* 316₁₀.

8. *Ненавидѣти*, βδελύσσειν наблюдается и в „Толкованиях“ и в Ж. Н. 258₂₈. Ср. также *възненавиди* 269₂₈. В древних текстах — *мрѣзити*, *мрѣзѣти*.

9. *Многашѣды*, πολλάκις в „Толкованиях“ совпадает с таким же переводом в Ж. Н. 261₉. В первоначальной редакции псалтыри — *мѣножищею*.

10. *Масло*, ἔλαιον — вместо древнего *олѣи* — наблюдается в поправках к псалтыри и в других поздних текстах. Ср. в Ж. Н. 278₂₉.

Часто наблюдается использование и старых и новых (по Погорелову) словарных вариантов. Так, οἰκτεῖρειν в древнем тексте псалтыри переводится *миловати*, в новых текстах — *оущедрити*. В Ж. Н. в этом значении есть и *миловати* 358₃, и *оущедрити* 305₁₆ и др.

Иногда в Ж. Н. обнаруживается новый, не отмеченный Погореловым способ передачи греческого слова.

Так, ἐπιτηδεύω переводится как *хитрость* 345₁, *оухищрение* 351₃₀, тогда как в других текстах — *начинание*, *хоудожство*, *оумышление*, *оумьник*, *похотьник*, *вѣдѣланик*, *нравъ*, *ремество*, *кѣзнь*.

В других случаях используется только древнейший лексический вариант (очень редко). Так, при передаче греческ. ἔθνος в Ж. Н. находим слово *языкъ* 349₆, а не *народъ*, как в поздних старославянских текстах.

В работе проф. В. Погорелова „Опыт изучения текста Саввиной книги“¹ приведены лексические поправки восточноболгарского происхождения, внесенные исправителем в евангельский текст при переработке глаголического оригинала².

Характер поправок убедил проф. Погорелова в том, что Савв. кн. является автографом исправителя и текстом восточноболгарского происхождения.

Как известно, к такому же выводу пришел ранее проф. В. Н. Щепкин на основании изучения звуковых и орфографических особенностей памятника³.

При рассмотрении поправок, имеющих наиболее яркий восточноболгарский облик, обнаружился ряд совпадений с лексикой Ж. Н.

Так, греческ. ὄρα и в Савв. кн. и в Ж. Н. переводится словами *врѣма* 284₄ и *часъ* 254₁₉, а не *година*, как в более ранних памятниках.

Большой интерес имеет совпадение одной поправки, сделанной единственным раз в начале Савв. кн.: *молитву дѣйте*, προσεύχομαι — вместо *молите*, наблюдаемого в этом месте в других евангельских текстах, с выражением *млтвоу дѣта* 266₃₂, προσευχόμενος в Ж. Н. Кроме того, в Ж. Н. наблюдается параллельное использование и древней, и новой восточноболгарской лексики при переводе ряда греческих слов.

Например, в Ж. Н. мы встречаем и древнейшее *просити* 356₂—αἰτέω, но также и *молити* 297₆ и др. (очень часто). Наблюдается новое слово *болѣзнь* ἄσθενεια 297₂₇ и мн. др., но в то же время и древнейшее *недоужнь* 325₁₄, ἀσθενής. Наряду с новым лексическим вариантом *жизнь*—ζωή 260₁₀ и мн. др. встречается и слово *животъ* (гораздо реже) 276₁₅ и 359₁₈, 360₆—в цитатах. Ἐισέρχομαι передается и старым *вънити* 304₈, и новым *влѣзти* 300₂₁, 308₂. Отметим древнее *домъ* 293₁₃—οἶκος и более новое *храмина* 356₃₄ употребляемое, впрочем, для передачи греческ. κελύβιν.

Вместе с тем в ряде случаев можно найти сохранение древнейших лексических вариантов: ἐπιθυμεῖν — *желати* 311₂₂, а не *жадати*; σαπρός — *зѣлъ* 276₂₄, а не *прахнень*, *гниль* (но *гниль* 282₂, βέβηλος; *прах* 269₂₉, 372₄, γοῦς κοιωτότος); θύρα — *двери* 299₁₄, *дверми* 295₃, а не *врата* (слово *врата* в Ж. Н. передает греческ. πύλη), ἀρχαῖς — *всхытати* 267₁₄ и *всхытити* 325₁₇, а не *похватити* (но *похватити* 299₃, = δράσασεσθα).

При сравнении лексики Ж. Н. со словарными вариантами отдельных старославянских памятников мы пользовались только данными проф. Погорелова.

Мы не привлекаем для сравнения материалов Вондрака⁴, А. В. Михайлова⁵, проф. Евсеева⁶, так как лексика памятников, изученных этими авторами, отчасти отразилась в словарях, которыми мы пользовались.

¹ Из наблюдений в области древнеславянской переводной литературы. — „Sbornik filosofické faculty University Komenského v Bratislavě“. Ročník V, 1927, стр. 46—49.

² Ук. соч., стр. 36—38, 77, 84.

³ Рассуждение о языке Саввиной книги. СПб., 1899.

⁴ Vondrák. O mluvě Jana, Exarcha Bulgarského. Praha, 1896.

⁵ Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Вып. 1. Варшава, 1905.

⁶ Книга пророка Исаии в древнеславянском переводе. СПб., 1897; Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905.

ЛЕКСИКА «ЖИТИЯ НИФОНТА» И ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

Лексические явления Ж. Н. характеризуются чертами некоторого сходства с современными южнославянскими языками, в особенности, с болгарским.

Рассмотрим некоторые примеры.

1. *Лѣгалница* 375₁₇, *χοιτών*. Ср. болг. *лѣгало* — „постель“ (Геров, III, 29); сербск. *легало* — „ложе“, „постель“ (Караджич, 335). Слово *лѣгало* отмечено Лавровым в новоболгарском сборнике Тихонравова XVIII в.¹

2. *Сторориѣ*, *στάβαρα* — „колоннада“ <?>, „ограда“ <?>: „... и придосте къ *сторорию* златѣмъ покровену и скважънами златаго *сторорія* оузрѣста ины двѣри и полаты ины...“ 292₁₅₋₁₇. См. также 292₂₃. Срезневский указывает на употребление этого слова в Изб. 1076 г. в значении „колоннада“, Миклошич отмечает слово *сторорѣ* в сербском житии Александра Великого XVI в. По данным Герова это слово со значением „дощатый забор“, „деревянная стена“ имеется в болгарском языке. Ср. сербск. *сторорје* — „забор вокруг двора“.

3. *Чъпагъ*, *κόλπος* — „выпуклость, образующаяся на груди от подпоясанного платья“ <?>, „карман“ <?>: „... и възъмъ дастъ сопѣльнику сребрѣницу онъ же ю примѣ въврже ю въ *чъпагъ* свои...“ 343₃₄. Ср. сербск. *чопагъ* — „карман“.

4. *Изоувати*, *ἐκβάλλειν* — „снимать обувь“: „... хода бо *изоуваше* сапога своя и полагаше на земли...“ 267₆. Ср. совр. болг. *изувам* — „снимать обувь“, „разувать“ (Геров, II).

5. *Брадѣвъ* (*брады* <?>), *ἀξίνη* — „секира“, „топор“: „... възлежашю же рабоу бию малѣмъ сънѣмъ и се приде надъ нь дяволь държа *брадѣвъ* хота оубити юго...“ 278₂₂. Ср. болг. *брадва* — „топор“ (Геров, I), серб. *брадва*.

6. *Тоягъ*, *ράβδος* — „палка“, „трость“: „... и абѣ възъмъ *тоягъ* тольми са бияше по стегнома якоже и масомъ посинети...“ 257₁₇ (в более поздних русских списках *трость*. Прим. Рыстенко). См. также 277₂₆, 312₂₀. Ср. болг. *тояга* (Болгарско-русский словарь, 397; Геров, V, 349).

7. *Окракъ* — „ноги“: „... напоследѣкъ нача хода просити нагъ съ многѣмъ плачѣмъ моучимъ ѿ стоудения исхожаше бо оуже ѿ *окракоу* юго кръвь...“ 329₁₉ (*ατρα χέεσθαι ἐκ τῶν ἄκρων αὐτ ου*). (В более поздних русских списках *от тѣла* — прим. Рыстенко). Ср. болг. *окракъ* — „окорок“ (Мичатек, 351). Бернекер указывает на существование в словенском языке этого слова в значении „передние ноги свиньи“ (см. *Slavisches etymol. Wörterbuch*, 571). В этимологическом словаре Преображенского (297) также называется словенское *окракъ* — „pes suillus“.

8. *Оустъна*, *χείλη* — „губа“: „... *оустънама* гыбасте малы и всь акы склаба са...“ 308₃₅, см. также 333₂₁. Ср. *оустънѣ* 295₂₀ (двойственное число). Ср. болг. *устна* — „губа“ (Геров, V).

9. *Отокъ*, *οὐχῶμα* — „опухоль“: „... и се приде къ немуу жена имоущи болѣзнь воубьноу... и помаза лице юя по всемоу *отокоу* и тоу абѣ бы цѣла...“ 313₈₋₁₄. Ср. болг. *отокъ* — „опухлость“, „нарыв“, „отек“ (Геров, III), сербск. *оток* — „отек“, „опухоль“.

10. *Живосънни* в сочетании *звѣрь живосънни*, *ζῶον* — „дикий зверь“: „... и стояше *живосънни* тѣ звѣрь оукрощентъ...“ 312₂₂.

¹ См. Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка. М., 1893. Приложения, стр. 62—176.

11. *Ogrǫvati* mou быти, *πυροῦσθαι* — „освещаться“, „озаряться“: „... акы свѣща горюща исхожаше изъ ноздрѣи ꙗго ꙗгда дыхаше и *ogrǫvati* бываше ѿ стго дха...“ 314₁₁. Ср. болг. *ogrǫvam* — „освещать“, „озарять“, „огреть“ (Мичатек, 347), *ogrǫvam* — „подогреть“, „освещать“, „озарять“ (Болгарско-русский словарь, 228).

12. *Сухо*, *αἰγιαλός* — „суша“, „морской берег“: „... морѣ сѧ ꙗгда възмоутитъ како ти начнетъ вълны издрѣяти на *сухо*...“ 294₇. Ср. *сухо* в Супр. р., *ἄραφος*¹. Ср. совр. болг. *сухо* — „сухое место“ (Героу, V).

13. *Камыкъ*, *βυβλίθος* — „драгоценный камень“: „... и се врата красна и высока акы *камыкъ*...“ 374₁₃.

Слово очень характерное для большой группы старославянских памятников. Из русских замечено только в Жит. Феод. Ср. болг. *камик* — „камень“ (Героу, II), *камѣк* — „камень“ (Болгарско-русский словарь, 147), сербск. *камик* в этом же значении.

14. *Воле* (междометие) в Ж. Н. чаще всего передает греческ. *ἄρα*: „... и чюжаше сѧ въ себе гла *воле* како азъ сѣмо възидохъ...“ 268₃ и др.

Слово отмечено еще в древних текстах южнославянского происхождения. Описывая в „Сведениях и заметках ... XLI—LXX“ Февральскую книгу Мин. Чет. по списку XV в., Срезневский отметил в ней слово *воле* (см. стр. 384). Как известно, Срезневский считал названную книгу очень близкой по языку к Супр. р.

15. *Сажецъ*, *σαχίον* — „грубая ткань“, „вретище“: „... ꙗгда хоташе прияти мало сѣна пѣрвѣѣ полагаше камень на земли и върхоу его полагаше малъ *сажець*...“ 278₉. Как видно из сравнения славянского и греческого слов, в славянском *сажець* использован греческий корень. В старославянских памятниках встречается *сагъ*, передающее греческ. *σάχος*, *σαχίον*. Ср. *сажище* — греческ. *σάχος* (Срезневский 239, 244). В сербском языке *сагъ* — „ковер“.

16. *Вѣитъ*, *κλάδοι* — „ветви“: „... садовиѣ имѣя плоды красны и *вѣитъ* до земла преклонъ сѧ...“ 292₄. Ср. *вѣтѣ* — „ветвь“ в Юрьев. ев. 1119 г. и *вѣитъ* в Остр. ев. В русских оригинальных памятниках не отмечено. Ср. болг. *вѣи*, *вѣйка*.

ЯВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ СЕМАНТИКИ

До сих пор в нашей науке обращалось мало внимания на семантические различия в области русской и старославянской лексики. Между тем сравнительное изучение семантики древних восточнославянских слов и семантики слов южнославянских дает очень любопытные результаты и помогает выделить местный восточнославянский и местный южнославянский лексические слои, особые по своим семантическим признакам.

Анализ значений слов связан с большими трудностями. Необходимо учитывать исторические изменения значений слов и привлекать для сравнения слова из памятников приблизительно одной и той же эпохи, что ограничивает круг привлекаемых памятников. Это затруднение усугубляется еще и тем, что словари Срезневского и Миклошича включают в свой состав показания далеко не всех древних памятников, а между тем эти словари являются основными пособиями для работы. Несмотря на указанные затруднения, при наличии сравнительно неболь-

¹ См. A. Margulies. Der altkirchenslavische Codex Suprasliensis, гл. 2. Wortschatz, Heidelberg, 1927, стр. 84.

шого материала для наблюдений вполне реально обнаруживаются особенности в семантике некоторых русских слов, созвучных со старославянскими или возводимых к единому древнейшему звуковому виду.

В результате наших наблюдений, сделанных на материалах Срезневского и данных Ж. Н., мы установили в ряде случаев семантические расхождения в словах, взятых из различных лексико-семантических сфер древних славянских языков.

Эти расхождения не всегда очень резки. Их существование может быть объяснено различным развитием единого, древнего значения. В ряде случаев нужно говорить не о разных значениях, а о разных оттенках значений. В большинстве случаев расхождение касается не всей совокупности оттенков значений наблюдаемого слова, а только лишь некоторых элементов его семантической структуры.

1. В лексике, относящейся к земледелию, наряду с полным совпадением значений многих слов в восточнославянских и южнославянских языках, обращает на себя внимание неполное совпадение на русской и старославянской почве семантической структуры слова *зърно*. Если в древнерусских текстах, начиная уже с самых древних, *зърно* имеет значение „семена растений, особенно злаковых“, а также маленькой частицы чего-нибудь, видом напоминающей зерно (Иллар. Зак. и благ., русские грамоты, Хр. Георг. Ам.), то в памятниках южнославянского происхождения наряду с указанным наблюдается и другое, которое может быть передано словом *ягода* (см., например, Ио. Леств. XIV в.).

В Ж. Н. так рассказывается о винограднике: „... и помалоу начеть цвисти и на преди пойдут растуоща *зърна*...“ 360₃₂, где *зърна* значит „ягоды“, „виноградины“. То же в следующем примере:

„... якож гръзнъ многа *зърна* иматъ вса же та ѿ того же гръзна соуть...“ 280₁₀, ρώγες.

С данными памятников интересно сравнить совр. болг. *зърно*, одним из значений которого является значение „ягода“ (Геров, II).

2. Не вполне совпадают в русских и старославянских памятниках значения слова *садъ*. В древних русских памятниках (Ипатьевской летописи, Псковск. 1 лет.) слово *садъ* значит „участок земли, засаженный деревьями или кустами“ или „деревья“. Повидимому, это значение и характеризует слово *садъ* в русском литературном языке Киевского периода. Между тем в текстах южнославянского происхождения наряду с указанным можно встретить и другое значение этого слова, именно — „посаженное дерево“. В таком значении Срезневский отмечает слово *садъ* в книгах ветхого завета, в Изб. 1073 г., в поучениях Гр. Наз. XI в., Панд. Ант. XI в., Богосл. Ио. Экз. и в двух русских религиозных памятниках: Жит. Андр. Юр. и Жит. Бор. и Гл. В последних двух памятниках мы, возможно, встречаемся с семантическим заимствованием, так как *садъ* — „посаженное дерево“ не отмечено в русских диалектах. В „Толковом словаре“ Даля в качестве особых значений слова *сады* отмечены лишь следующие: „семенной ячмень“ (арх.) и „присадки“, „деревья для посадки, вырытые с корнем“ (сиб.) — т. IV.

В Ж. Н. *садъ* — „дерево“, „плодовое дерево“: „... измирахоу скоти ихъ и нивы погарахоу и всакъ *садъ* оувдаше“ 300₁₅; „... и видѣ ины *сады* иже бахоу от горы до долоу обрасли плоды добровоньными...“ 292₁. Ср. совр. болг. *сад* — „молодая виноградная лоза“ (Геров, V).

3. Не вполне совпадают в старославянских и древнерусских памятниках значения слова *годъ*. Если ст.-сл. *годъ* значит „неопределенное время“, „пора“, то др.-русск. *годъ* — „двенадцать месяцев“ (Срезневский).

В Ж. Н. *годъ* 353₂₂, *καιρός* — „пора“, „время“. Греческ. *καιρός* переводится словом *годъ*, по свидетельству Lexicon'a Миклошича, в большом количестве древних памятников, в том числе в Супр. р., Лествице Иоанна Синайского и ряде сербских списков древних славянских текстов. Но уже в древнерусских памятниках *годъ* — „двенадцать месяцев“. Любопытно отметить, что в Хр. Георг. Ам. словом *годъ* переводится греческ. *ἐνιαυτός*, иначе говоря, это слово там употребляется в современном русском значении¹.

Ср., с другой стороны, показания болгарских диалектов, совпадающие с данными старославянского языка: „год в значение на време, стгодно време, стб. годъ имав Прилеп и Охрид: *от-год до год*, или *от-году до году*“².

4. *Сѣмѣя*, *οἱ οἰκέται* — „челядь“, „рабы“, „домочадцы“: „... онъ же ничсоже не брѣгъ *ѡгна* напты своя яко да быхъ азъ былъ и чада моя и *сѣмѣя* моя живи были бѣ бо имѣя многуо челадь...“ 329₁₃. Как можно заметить, *напты*, т. е. наемники, в этом отрывке противопоставлены *семе*, т. е., повидимому, слугам, рабам, живущим постоянно в богатом доме. Точно такое же значение связывается с этим словом в большой группе старославянских памятников. Ср. *сѣминь* — „слуга“ в Златоструе XII в., *сѣмянинь* — „слуга“ в Прол. XV в. Разбирая лексику Мин. Чет. февр. по сп. XV в., Срезневский обращает внимание на присутствие там слова *сѣмѣя* — „рабы“ (см. „Сведения и заметки ...“ XLI—LXX, стр. 386):

В русских книгах, начиная от произведений Кир. Тур., слово *семья* — „семейство“. Как можно заметить, для русских текстов характерно употребление *е*, а не *ѣ* в корне этого слова (Срезневский, III, 893).

Проф. П. Я. Черных в статье „Учение И. В. Сталина о словарном составе и основном словарном фонде языка“ называет слово *семья* в числе восточнославянских, не известных или почти не известных другим славянским языкам³. Вероятно, он имеет в виду это слово в его значении, совпадающем с современным русским. Ср. замечания о слове *семья* проф. Б. А. Ларина в его статье „Из истории слов“⁴.

5. *Столъ*, *σκάμνος* — „скамья“: „... и потомъ паки спашю кмоу на *столъ* црковньмъ пришьдъ дияволь ста на ногу блженаго ...“ 258₆ (см. также 258₈).

Такое значение слова типично для старославянских переводов. Срезневский отметил его в Пат. Син. XI в., Златоструе до 1200 г. и ряде житий, входящих в состав Мин. Чет. Для русских памятников характерно другое значение этого слова: или „престол“, как, например, в „Слове о полку Игореве“, или „стол“, как, например, в Лаврентьевской летописи. Лишь в Жит. Феод. слово *столъ* имеет значение старославянское (Срезневский, III, 516—517). Ср. болг. *столъ* — „стул“, „скамья“, „лавка“ (Геров, V), сербск. *сто* — „стул“, „седалище“ (Караджич).

6. *Зданиѣ*, *πλάσις* — „создание“, „творенье“ (в применении к человеку, как созданию бога): „... не остави мене до коньца погыбноути *зданиѣ* своѣго...“ 266₃; „... оканьне доколѣ моутишѣ *зданиѣ* бик...“ 264₂₃; „... прѣбныя и правдники на славоу и чсть *зданиѣ* десница

¹ См. В. М. Истрин. Словоуказатель, т. III, стр. 226.

² Понев. История на българский езикъ, I, 73. София, 1919.

³ Сб. „Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина“. М., 1950, стр. 75.

⁴ Сб. „Памяти акад. А. В. Щербы“. Л., 1951, стр., 195—97.

твоюя...“ 304₁₉, „...вѣдка приде свѣтлыи и красныи на хоудоѣ *зданиѣ* приде радость и животъ“ 306₂₄.

Только один раз, на стр. 375₂₄, *зданиѣ* употребляется в значении „постройка“. В значении „творенье“, „создание“ Срезневский отмечает это слово преимущественно в переводных памятниках южнославянского происхождения: Гр. Наз. XI в., Изб. 1073 г., Бог. Ио. Экз., Афан. Алекс. сл. на ариан, но в то же время в Договоре Олега 911 г. (по Ипат. сп.).

В значении „строение“, „постройка“ слово *зданиѣ* встречается и в южнославянских, и в восточнославянских памятниках.

7. Семантическое расхождение можно обнаружить и в области прилагательных-эпитетов.

Так, имя прилагательное *гърдѣ* в русском языке издавна имеет значения „исполненный гордости, чувства собственного достоинства или превосходства“, „важный“, „величавый“, „высокомерный“. Интересно, что эти значения связываются со словом *гърдѣ* уже в древнейших русских переводных памятниках, например, в Хр. Георг. Ам. Ср. такое же значение этого прилагательного в Повести временных лет (Срезневский, I, 614). Между тем в южнославянских текстах наряду с указанным наблюдается и другое, очень распространенное значение слова. Там *гърдѣ* — „страшный“, „ужасный“ и „удивительный“. Миклошич отметил *гърдѣ*, φρικτός, φοβερός в Супр. р., Изб. 1073 г. и некоторых сербских списках с болгарских памятников; Срезневский — в Изб. 1073 г., Пат. Син. XI в., Златоуструе XII в., Супр. р. и некоторых других памятниках.

В Ж. Н. *гърдѣ* передает греческие имена прилагательные φρικτός, φοβερός: „...и како видѣ га *гърда* добротою и свѣтла бес приклада и веселяше са...“ 347₁₅ (в свободном переводе); „...не ѿвѣрзи мене ѿ лица твоѣго и ѿ застоупления твоѣго великыи *гърдыи* по всей вселенъи...“ 347₂₈; „...бы ѿвнѣзапоу шюмъ *гърдѣ* яко водамъ многомъ мимо текоущемъ...“ 274₂₈, φοβερός (в других списках *грозенъ*, *страшенъ* — прим. Рыстенко); „...вънидохомъ въноутрь и се свѣтъ безмѣрънъ съ *гърдыи* вонами...“ 374₁₈, φρικτός; „... и вшедшема нама въ пресвѣтлыи чъртогъ и потомъ другыи и пакы же друугыи и инѣхъ множество имъ же не бѣ числа дивна и *гърда* дѣла имоущи...“ 374₃₁, φρικτός; „...и бѣ видѣти ино чудо *гърдо*...“ 314₁₁, φρικτός; „...вѣдко страшныи и *гърдыи* иже колѣблеши и трепещють всачьская“ 323₁₄, φρικτός; „...роуцѣ простъръ на высоту молашеса гла *гърдыи* оче...“ 321₂₃, φρικτός.

Для выяснения значения рассматриваемого слова интересно отметить, что греческ. φοβερός в Ж. Н. переводится также прилагательными *страшнъ* 266₂₂ и мн. др. или *притранъ* 327₃. Имени существительному *гърдыни* 282₆, однако, соответствует греческ. ἀλαξονεία.

8. Имя прилагательное *дряхлый* в русском языке издавна значит „старый“, „ветхий“. Таково его значение и в современном русском литературном языке и в диалектах.

В Ж. Н. находим: „...стояше яко обоуень покывая ѿвѣгда съ стенишѣмъ ѿвѣгда *драхлъ* сы...“ 275₁₈ (потέ δε κάτω μετά κατηφείας...); „...видѣхъ оуныла и *дрохла* юго зѣло якоже и пѣтицю въ безмѣрънѣ тихости...“ 373₁ (πάνω κατηφῆ καί τεταλαίπωρημένος...). Ср. *драсьльство*, στυγνότης: „...ѿвѣгда бо яко и шипѣчныи листь боудаше ѿвѣгда же *драсьльствѣмъ* зѣло ѿдържимъ бываше...“ 373₅.

Драхлѣ — „угрюмый“, „печальный“ наблюдается, по данным словарей, в древних переводах книг священного писания, в Пат. Син. XI в., Златоструе, Изб. 1073 г., Палее XIV в., а также в Жит. Андр. Юр. и Феод. Печ. *Драсльство* — в поучениях Кир. Иерус. XII в.

Кроме указанных форм *драхлѣ* и *дроухлѣ*, это имя прилагательное имеет в Ж. Н. вид *драсльѣ* 342₁₅ и *драсельнѣ* 266₁₇ — „унылый“, „печальный“ (ср. *драсльий* в Панд. Ант. XI в.).

Дряхлѣ в значении „унылый“ проникало из старославянского в религиозные жанры древней письменности и в исторические произведения. В Хр. Георг. Ам., например, есть слово *драхлѣ*, передающее греческое *κατηφής* — „скорбный“.

Однако слово в этом значении в литературном русском языке не удержалось.

Р. М. Цейтлин

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИЯХ ПРИИМЕННОЙ ПРИСТАВКИ *па-* В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Учение И. В. Сталина об основном словарном фонде и словарном составе языка выдвигает на одно из первых мест в ряду поставленных им проблем вопросы словообразования. Изучение особенностей словообразования отдельных языков и семей языков должно пролить свет на многие, пока неясные вопросы, поставленные в связи с исследованием закономерностей развития основного словарного фонда языка, его ядра — корневых слов, его взаимоотношений с остальным словарным составом. Изучение словообразовательных аффиксов различных языков имеет также первостепенное значение для построения сравнительно-исторических грамматик.

За последние три года появились очень важные общетеоретические исследования по вопросам словообразования акад. В. В. Виноградова¹, но конкретных описаний отдельных аффиксов почти нет. Особенно мало внимания уделяется изучению префиксов при вполне закономерном большем интересе к суффиксам (безусловно, основному словообразующему аффиксу во многих языках). Между тем ряд, например, славянских приставок совершенно не изучен. Так, можно назвать приименные приставки *из-, о-, па-, паз-, пра-, су-*, исследование которых в той или иной мере представляет интерес для построения сравнительной грамматики и для составления этимологического словаря славянских языков.

Данная статья посвящена изучению основных значений приименной приставки *па-* в общеславянском языке на материале современных славянских языков.

В литературных славянских языках слов с префиксом *па-* сравнительно немного. Так, например, в современном русском литературном языке, если исключить устарелые и специальные, это лишь следующие слова: *паводок, паголенки, паубный, падчерица, пакость, палуба, память, пасека, пасмурный, пасынок, патока, паук*. В современном болгарском литературном языке: *паберки, пауба, пакост, палуба, памет, пастрок, пастроче, пащерица, паяк*. В современном чешском литературном языке таких слов несколько больше: *pačěrky, pablesk, pačesy, pačěra, padouch, padrt', pahorek, pacholek, pachole,*

¹ В. В. Виноградов. Вопросы современного русского словообразования в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. — Журн. „Русский язык в школе“, 1951, № 2; В. В. Виноградов. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка. — „Известия АН СССР ОЛЯ“, т. X, вып. 3. М., 1951; В. В. Виноградов. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. — Сб. „Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию“. М., 1952.

pakliö, pakijñ, palist, palouk, paluba, pamět, pamesek, paroh, paseka, paskuda, pastorče, pastorek, pastorka, patisk, patoky, pavlač, pavlaka, pavouk, pavousy, pazvuk.

В народных говорах состав слов с **па-** более многочислен и разнообразен (если иметь в виду материал по всем говорам одновременно). Так, например, в различных русских говорах отмечены следующие слова с **па-:** *пабережье, пабида, пабирки, пабедки, пабелки, паводь, павозок, паволна, паветвь, паветер, паглинок, пагиль, паголос, пагорок, пагроза, пагруздь, пагряза, пагуба, падворок, падым, пажить, пазевни, пазыбрь, пакисель, паклин, паматерь, памелки, паморось, памороз, панить, паоблако, паобед, паозер, паоспа, паотец, парой, паросль, паростник, парусло, пасербица, пасерб, паскирдок, паскорня, паскуда, пасмешки, пасока, пасолнце, пасевки, пачулки, пащека, пащенок* и мн. др. Часть слов (здесь перечисленных) встречается одновременно во многих русских говорах, отдельные слова были широко известны в древнерусском языке, некоторые слова употребляются теперь или употреблялись раньше в других славянских языках.

Приставка **па-** почти во всех современных славянских языках непродуктивна, с нею, как правило, не образуется новых слов, семантическое значение ее как словообразовательного элемента все более и более стирается (ср., например, в славянских языках слова *пакость, память, палуба, паук* и т. п.), тем не менее префикс **па-** сохраняет в современных славянских языках ряд характерных исторически сложившихся особенностей. Во-первых, **па-** — приставка примененная (за единичными исключениями), она отличается от предлога *по* и глагольной приставки **по-**, ср., например, *пагуба — погубить, память — помнит, пажить — пожить*. Эту особенность отмечал А. Мейе¹. В книге „Общеславянский язык“ (М., 1951, § 184, 195, 434, 575) Мейе пишет: „Там, где имя было связано с глаголом, которому предшествовала приставка, сложения не было, так как приставка была вначале отдельным словом. Слово типа *potasъ* имеет **по-** по образцу *potasати* и не является именным сложным словом. Однако наблюдаются случаи, когда предлог и имя образуют сложение; в этом случае предлог имеет иногда форму, несколько отличную от соответствующей приставки. Говорят: *по-мыѣти* — „помнить“, но *па-мать*; в именном сложении древняя форма **ра-** восходит к **рѣ-*“ (стр. 302). Во-вторых, на **па-** в славянских языках с подвижным ударением всегда падает ударение (за единичными исключениями, которые объясняются фактором аналогии). Акцентологические данные русского и сербского языков свидетельствуют о том, что **па-** было ударным и в древнейшую эпоху существования славянских языков. Место ударения, вероятно, связано с долготой гласного (**па-** из **рѣ-*). В-третьих, слова с префиксом **па-** в значительной своей части характеризуются бессуффиксальным образованием, например: *падым, паволна, пагуба, падуб, паклен, паветвь, паозер, парѣба, расѣл, рапога, парусло, пакинь, ралок, ралич* и т. п. В случаях же префиксально-суффиксального образования наблюдается преимущественно сочетание с суффиксом **-ѣк-** (**-к-**), например: *паводок, паголенки, пагорок, палѣток, пабирки, паколок, паобедки, пасмешки* и т. п. В-четвертых, часть слов, начинающихся приставкой **па-**, известна всем или большинству современных славянских языков, и это,

¹А. Meillet. Etudes sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, Paris, т. I, 1902; т. II, 1905, стр. 88.

обычно, слова основного словарного фонда данных языков, например: *пагуба*, *память*, *падчерица* или *пасторка*, или *пасербка*, *пасынок* или *пасторок*, или *пасерб*, *пакость*, *патока*, *паук*. В-пятых, приставке *па-* соответствует в литовском языке приставка *ро-*, в латышском языке — приставка *ра-*, в ряде же случаев имеют место прямые словарные соответствия, например: лит. *rosūnis* — „пасынок“, лит. *polubis* — „палуба“, лит. *podūkra* — „падчерица“.

Соотоставление всех этих особенностей приставки *па-* в современных славянских языках заставляет предположить, что *па-* как словообразовательный элемент восходит к глубокой древности, вероятно, к эпохе балтийско-славянского языкового единства, что приставка *па-* развивалась на общеславянской основе и входит в основной славянский словообразовательный фонд. Вследствие этого интересно изучить значения приставки *па-* в словах, с нею образованных. Попытка такого предварительного семантического анализа и дается в настоящей статье.

Рассмотрим слова, образованные с приставкой *па-*¹.

пабед (Даль) см. *паобед*.

пабеда (Олонецк. сл.), *пабеда*, *пабедки* (Даль) — неудача, небольшая беда, осложнение как следствие большой беды. *Не такъ бѣды, какъ пабѣдки одољвають. Лиха бѣда бѣдѣ прити, а пабѣдки съ ногъ собьютъ!* (Даль). Ср. *подбѣдка* (Череп. сл.).

пабелка (Даль, пск., твр.) — небольшая побелка.

пабелки (Даль) — остатки белил, мела, извести. *на сем пабелки*.

пабережье (Даль, арх.) — луга, покос по берегу реки. *Куда поѣхалъ косить? А на пабережье* (Доп., арх.).

пабида (Даль, твр., пск.) — досада, огорчение. Из *па-обида*, т. е. слабее, чем *обида*.

пабирки (Даль, пск., твр.), *пабирькъ*, *паберь* и *паберекъ* (б., Гер., б.-р.), *пабирак* (с., Кар., Бак.), *пабирак* (хрв., Ив.), *паберек* (сл., Пл., Хост.), *пабѣрку* (ч., ч.-р., ч.-н., Тр.), *паберкова'* (слвц., слвц.-р.), *пабирькъ* (Микл., Вост.), *пабирькъ*, *пабинокъ*, *пабирь* (Срезн.). Во всех названных языках слово *пабирки* имеет значение: „остатки на поле, на дереве и т. п. после уборки урожая“. В южнославянских языках чаще употребляется в отношении винограда. Геров в своем словаре указывает для болгарского языка также значение „поздние плоды“. Ср. *пабирка* (Доп., пск., твр.) — количество набранного. Например: *пабирка грибовъ* (Доп.).

паblesk (ч., ч.-р., ч.-н., Тр.), *паblesk* (слвц., Мич.) — отражение, слабый отблеск (например, молнии), слабый блеск. Ср. *odblesk* (ч., ч.-р., ч.-н., Тр.).

паболдырь (Даль, Вост.) — ребенок, один из родителей которого.

¹ К сожалению, в данной статье использован лишь материал различных славянских словарей, при этом, в основном, современных, а между тем наиболее показательный фактический материал представили бы литературные и диалектные тексты, старые памятники, изучить которые в данном аспекте не представилось возможным. Все слова приводятся в алфавитном порядке (по русскому алфавиту). Место ударения в слове указывается, если оно указано в словарях. Производные слова указываются только в том случае, если основное слово не обнаружено в данном языке, а также если они помогают уяснить данное значение приставки *па-*. Русские слова даются в современной орфографии, кроме цитатного материала, а также древнерусских слов. В словах остальных славянских языков сохраняется орфография источника. Список условных сокращений языков и словарей см. в конце статьи. Сокращения, принятые в словарях Даля и Срезневского, сохраняются.

— русский, другой — болдырь, „второе поколение помеси“. *Болдырь* (по Далю) — существо, „происшедшее от смеси двух пород или видов“.

па́болки (Даль, вор., тмб.) — то же, что *паволоки* (см.).

па́бородки (укр., Гр.) — 1) складки отвисшей кожи под подбородком; 2) мониста у индюка на шее. Ср. *пабрадѣкъ* (см.).

пабрадѣкъ (Срезн.) — подбородок. Например: „Оузърѣхъ пабрадѣкъ вьсь крѣвавъ“ (Пат. Син. XI в., 231).

паулка (ч., ч.-н.) — маленький прыщик, пупырышек. Ср. *bulka* (ч., ч.-р.) — пупырышек.

пабуса (др., Срезн.) — род судна. Например: „Избиша (Новгородцы) Татаръ множество, товаръ ихъ пограбиша, а съсуды ихъ, кербати, и лоды, и учаны, и пабусы, и струги, то все посѣкоша“ (Троицк. л. 6874 г.). Слово *буса* (т. I) Срезневский также объясняет словами „род судна“. Вероятно все же, *буса* — большое судно, *пабуса* — судно, так же устроенное, но меньших размеров. Ср. „...взяли у нихъ бусу одну, на ней было полтораста человекъ да четыре пушки“ (Никон. л., 7064 г., Срезневский, I, 194).

паведрина (с., Кар., Бак.), *pavedrina* (хрв., Ив.) — прояснение после дождя.

паведщик (Даль, Срезн.) — поверенный. Например: „Приѣхалъ въ Новгородъ съ Москвы павѣдщикъ поповской“ (Новг. II л., 1571; Срезн.).

павѣнес (сл., Пл.) — ботанический термин: подвенчик, неразвившиеся листики у венчика.

павѣга (сл., Пл.) — суеверие.

павѣть (Даль, ол., кур.), *павѣть* (Олонецк. сл.) — вторые ветви, второе разделение ветвей. Ср. укр. *пагілля* (см.).

павѣтер, *павѣтерица*, *павѣтерье* (Сл. 1847 г.; Даль, Доп., пск., твр.) — попутный ветер.

павѣтки (Даль, пск., твр.) — жалобы, укоры. Ср. *извет*, *навет*.

павѣть (Доп., смол.) — сарай. Корень **-вѣт**, ударение на корне. Ср. *повѣть* (Яросл., Труды) — высокий помост для сена.

павѣчерá (с., Кар., Бак.) см. *павѣчерье*.

павѣчерня, *павѣчерница* (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль), *павѣчерница* (бр., Нос.), *павѣчерница*, *павѣчерка*, *павѣчерня* (б., Гер., Дюв.), *павѣсѣрге* (хрв., Ив.), *павѣчерница* (сс., Микл., Вост.), *павѣчерница* (др., Срезн.) — короткая вечерняя церковная служба, краткая вечерня, малое повечерие. Ср. *вечерня*. Дювернуа указывает в этом же значении слово *павѣрка*. Ср. *павѣчера* (Кашинск. сл.). Ср. *павѣчерие* (см.).

павѣчерье (Даль), *павѣчерие* (др., Срезн.) — время, близкое к вечеру, время захода солнца. *Павѣчерня* — церковная служба в это время. Ср.: „По вѣстании же отъ трапезы и мало посѣдѣти клеплютъ павѣчерницу, прѣже захода слнца.“ (Уст. XII в., I; Срезн., II). *Павѣчерничать* (Даль) — закусывать во время заката солнца. *Павѣчера* (с., Кар., Бак.) — вторичная вечерняя еда, закусывание. Ср. *вечеря* (Срезн., I).

павѣчорки (Даль) — 1) темные осенние вечера и 2) работа в избе в это время при огне.

павѣко (укр., Гр.) — веко.

павѣит (б., Гер., Мл., б.-р.), *павѣит* (с., Бак.), *павѣит* (хрв., Ив.) — вьющееся растение, моносон. В болгарском языке также и „хмель“.

павлака см. *паволока*.

паводок I (Донск. сл.) — конец удочки, к которому привязывается крючок.

пáводок II (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль, Уш., Ож.), *пáводки* (бр., Нос.), *пáводок* (укр., р.-укр.) — скопление воды от ливней, от таяния снега, льда. У Даля в том же значении: *пáводь*, *пáводье*. Ср. *наводнение*.

пáвоз (Даль) — новые ячейки, уза, вошина, которые пчелы готовят под мед.

пáвѡзок (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль, Уш.) — большая лодка для перевозки грузов по мелководью. *Пáузиться* (Череп. сл.) — перегружаться. *Пáузок* (Колымск. сл.) — барка. *Пáузок* (Донск. сл.) — маленькая баржа. *Пáузок* (Арханг. сл.) — баржа, всякое небольшое судно. *Пáвозок* (Олонек. сл.) — судно с прямой кормой. *Павозокъ* (др., Срезн.) — род судна с мелкой осадкой.

пáвой то же, что *павит* (см.).

pávola (сл., Пл., Хост.) — хлопчатобумажная ткань. От немецкого *Wolle* — шерсть.

пáволна (Даль) — зыбь, небольшая волна после бури, после больших волн, как их следствие, остаток.

пáволок (Сл. 1847 г., Даль), *паволокъ* (др., Срезн.) — заливной, поемный луг, а также вообще участок земли под пашней или покосом.

пáволока (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль, Уш., Срезн.), *пáволока* (бр., Нос.), *пáвлака* (б., Гер., Мл., б.-р.), *пáвлака* (с., Кар., Бак.), *pávlaka* (хрв., Ив.), *pavłaka* (ч., Тр., ч.-р.), *rawłoka* (п., Кр.) — покров, покрывало, пелена, а также (в современных языках устарелое) название дорогой ткани. В болгарском языке слово *пáвлака* (Гер.) имеет еще значения: 1) бельмо 2) пелена перед глазами от утомления зрения. В сербском языке *пáвлака* означает 1) сливки и 2) чехол, покрывало, наволочка. Последнее значение известно также в чешском языке. В белорусском языке одно из значений слова *паволока* — тонкая пленка на поверхности жидкости. Например: „*Паволока плаваець по водзѣ*.“ „*Паволокою зацягнулся колодезь*.“ (Нос.). Ср. *пáволочень* (Даль) — покрывало, чехол, наволочка. Ср. *pavláča* (сл. Пл.), *pavlač* (ч., ч.-р.) — помост, балкон.

пáволоки (или *пáболки*, *пáболки*) (вор., Даль) — конопля, собранная, после дерганья, граблями, путаная. Ср. *пáволока* (бр., Нос.) — волокно ото льна или пеньки. Ср. *пабирки* (см.).

пáвороз (укр., Гр.) — прицепа у вьющихся растений. Ср. у Даля.

пáвороз (Сл. 1847 г., Даль) — шнурок у мешка, завязка.

павороза (др., Срезн., Микл.) — привязка, петля для привязывания предмета к руке. Например: „Бѣ бо у него (у Мстислава) топоръ с паворозоу на руцѣ“ (Сузд. л. 6724 г.). Ср. совр. *паворозъ* — шнурок, вдеваемый в отверстие кошелька для открытия и закрытия его. См. *поворуза*, *поворозъ*, *повразъ* (Срезн., II, стр. 856). В этом же значении Даль приводит *павороз*. Срезневский приводит также областное *павороз* — поясок (II, стр. 1003). Ср. *павороз* в украинском языке (см.).

пáворотень (Даль) — дождь, прошедший с тучею и вернувшийся.

пáворотъ (сев., Даль) — обратный путь. *Пáворотъ* (пск., твр., Доп.) — 1) ветер, противоположный прежнему; 2) расторопный человек; 3) поворот на дороге. *Въ паворотъ* (Доп.) — обратно.

pávřst (сл., Пл.) — разновидность, подвид, видоизменение.

павук см. *паук*.

pavousv (ч. ч.-р.) — усы, подусники.

págilľa (укр., Гр.) — тоненькие веточки. *Гілля* — ветки. Ср. *паветвь*.

págin (укр., Гр.) — побег, росток, отросток.

páglav (сл., Пл.) — карликовый. *Páglavec* (сл., Пл., Хост.) — 1) кар-

дик; 2) мальчишка-сорванец. *Páglavka* (сл., Пл., Хост.) — 1) карлица; 2) маленькая девочка.

па́глинок (Даль, орл.) — суглинок.

па́гнетки (Даль) — остатки после выжимки чего-либо, жмыхи.

па́гниль (Даль) — перегнившие остатки чего-либо.

па́говог (сл., Пл.) — послесловие.

па́голенок (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль, Уш., Ож.), *пагалёнки* (Донск. сл.), *паглёнок* (Доп., тмб.), *паглинок* (Доп., нижегор.) — часть чулка, охватывающая голень. А. Н. Островский дает следующее объяснение: „Чулки, у которых отрезаны носки“ и приводит пример: „Валяй чулки на паголенки“¹. Н. В. Гоголь дает похожее толкование: „чулки без пят“².

па́гонос (и *погонос*, см. Даль, глагол *поголосила*) — отголосок, отзвук, эхо. Ср. *пазык*, *razvoik* (см.).

па́горок (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль), *пагóрокъ* (бр., Нос.), *пагорок* (укр., Гр., р.-укр.), *pahorek* (ч., ч.-р., Тр.), *pahorok* (славц., Мич., славц.-р.), *pagorek* (п., Бр., п.-р.), *pagórk* (каш., Р.), *pāgorka* (слов., Л.), *pahork* (вл., К., л., Pf.) — пригорок, холм.

па́гроза, *па́грозка* (Даль, сев.) — небольшая гроза (в прямом и в переносном смысле).

па́груздь (Кашинск. сл.) — гриб, похожий на груздь.

па́грязца (Даль) — остатки грязи после дождя, слякоть, мокрая земля.

па́губа (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль, Уш., Срезн.), *пагуба* (укр., Гр., р.-укр.), *пауба* (б., Дюв., Мл., Гер.), *pahuba*, *paguba* (п., Кр.), *пауба* (сс., Вост. Микл.) — гибель. Ср. старое *губа* (Срезн., I, стр. 607) в том же значении.

па́гужки (Олонецк. сл.) — небольшие гужи.

па́дворок (Даль) — надворное строение, сарай. *Па́дворок* (укр., Гр.) — усадьба в предместье города.

padelatel (ч., Тр., Р.) — фальсификатор, человек, подделывающий что-либо.

padélek (ч., Тр., Р.) — фальсификация, подделка.

па́дер (Доп., нижегор.) — издохшая лошадь. Например: „*Промѣняль одра на падера*“ (Доп.). Ср. чешское слово *paděra* (ч.-р.) — живодер.

па́дера (или *падора*) (Сл. 1847 г., Даль) — сильная буря с вихрем. Ср. *падорога* (см.).

па́держина (Доп., пск. твр.) — поношенная вещь.

па́діл (укр., Гр.), *padol* (ч., Тр., Р.), *padól* (п., Кр., Бр.) — долина, низина. В польском также и „овраг“.

па́дорога (Сл. 1847 г., Даль, Срезн.) — плохая дорога, распутица. Например: „Т(о)го же дни изутра была падорога велика, замятня, снѣгъ, а въ обѣдехъ было ведро“ (Новг. II л. 7080 г., Срезневский, II, 859). Преображенский считает более вероятным значение „метель“, „вьюга“ и связывает с *дери*, а не с *дорога*.

padrt (ч., Тр., Р., ч.-р.) — обломки, осколки, опилки.

па́дуб (Сл. Ак. Р., Даль, Уш., Ож.), *па́дуб* (укр., р.-укр.) — порода деревьев. Кочин указывает и *падубок*.

padouch (ч., ч.-н., ч.-р., Тр., Р.), *padouch* (славц., славц.-р.), *paduch* (п., Кр., Дубр.), *paduch* (нл., Мука), *paduch* (вл., К.), *padouch* (л., Pf.) —

¹ А. Н. Островский. Материалы для словаря русского народного языка, Собр. соч., т. XIII. ГИХЛ, М., 1952, стр. 336.

² Н. В. Гоголь. Материалы для словаря русского языка. Собр. соч., т. IX. Изд. АН СССР, М., 1952, стр. 452.

негодяй, злодей, изверг. В нижнелужицком языке имеет также значения „вор“, „ядовитый червяк“; в верхнелужицком языке это слово употребительно в значении „вор, плут“. *Polub* в своем этимологическом словаре и *Krał* в словаре верхнелужицкого языка производят *raduch* от *radati*, что мало вероятно.

па́душина (Даль, пск., твр.) — одышка, удушье.

па́дчерица (Сл. Ак. Р., Даль, Уш., Ож.), в русских говорах известны различные дублеты этого слова: *па́дочка* (Даль, вор.), *па́дчерка*, *па́дчеруха* (Арханг. сл.), *па́дчерка* (Смол. сл.), *па́дчерка* (Донск. сл.); *па́дчерка*, *па́дчерь*, *па́дчарка* (бр., Нос. бр.-р.); *па́дчерка* (укр., р.-укр., Гр.), *па́дчирка* (укр., Гр.); *па́щерица*, *па́щерка* (б., Гер., б.-р.). Срезневский в своем словаре отмечает: *падъщи*, *падъщерица*. Ср. *па-сербица*, *пасторка*.

па́дым, **па́дымок** (Даль) — мгла, морок; дым по ветру от дальних пожаров; дымок.

па́ерок, **па́ерчик** (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль) — знак просодии, род ерика, употреблявшийся в книгах старинной печати. *Па́ерчыкъ* (сс., Микл.).

па́жера (укр., Гр.) — обжора; *pažravec* (слвц., слвц.-р.) — жадина, жадный человек. Ср. *pažerák* (слвц., слвц.-р.) — глотка.

па́жить (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль, Уш., Ож.), — пастбище; слово книжного поэтического стиля речи. *Paít'* (ч., Р.). *Па́жить* (Срезн., Вост., Микл.). А. Мейе¹, *Polub*, Преображенский выделяют приставку **па-** и корень тот же, что в словах *жить*, *жизнь*. Ср. у Срезневского: *жито* (пища, I, стр. 878), *жить* (жизнь; I, стр. 880). Ср. в русских говорах: *пажа* (Даль, ряз., тмб.), *пастбище*; *па́жить* (Даль, Доп., арх., каз.) — имущество, пожитки, то, что нажито в течение всей жизни. Например: „*Большую онъ нажилъ па́жить.*“ (Доп.). Ср. в русском языке название растения — *па́житник*.

pažakúp (сл., Пл.) — субаренда, аренда у арендатора.

па́звук — призывок (отмечено Я. К. Гротом в „Материалах для русского словаря“²); *razvoik* (ч., ч.-р., ч.-н., Тр.) — отголосок, отзвук, слабое звучание как результат сильного (или основного) звука.

па́зевни (Даль, Доп., пск., твр.) — зевки, зевота (несильная). Например: „*Скука такая, андо па́зевни берутъ.*“ (Доп.).

па́земка (Даль) — 1) поземка; 2) земляника. Ср. *пазобника* (см.).

pažlèk (слов., Л.) — сумасбродный, но неплохой человек, а также — услужливый человек.

пазобки (Даль) — объедки, остатки пищи. Например: „*Мы и па́зобками сыты.*“

па́зобника (Даль, ряз., кур.), *пазубника* (Опыт) — земляника. В. И. Даль сопоставляет или с *зобать* (тогда *пазобника* — то, чем закусывают после еды) или с *земля* (см. *паземка*).

па́золки (Даль) — выщелоченная зола. *Па́золки* (бр., Нос.) — вода, протекающая сквозь золу в буче после стирки белья. Например: „*В па́золках онучи помыць.*“ (Нос.) *Па́зілки* (укр., Гр.) — в том же значении.

па́зори — северное сияние (отмечено Я. К. Гротом в „Материалах для русского словаря“³).

па́зыбь (и *позыбь*, см. Даль, глагол *позыбать*) — зыбь, невысокие волны без ветра, после бури. Ср. *паволна* (см.).

¹ A. Meillet. Etudes sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, т. II, стр. 279.

² „Филологические разыскания“. СПб., 1899, стр. 419.

³ Там же.

пáзык (и *позык*, см. Даль, глагол *позычать*) — отголосок, отзвук, эхо. Ср. *пáголос*, *раззвoик* (см.).

пáзьмо (Даль, смб., пен., пск.) — пахотная земля, участок, а также (Доп., Даль, каз.) — усадьба, земля под домом, двором.

пайва („Материалы для словаря русского языка“ Н. В. Гоголя) — маленькая корзинка из дерева.

pajed (ч., р.) — язва. *Pajed* (слвц., слвц.-р.) — личинка. Из *pa-jed*.

пáкасть (Доп., твр.) см. *пакость*.

пáкiл (укр.) см. *паколок*.

пáкинъ (укр., Гр.) — плохой конь, кляча (из сказки).

пáкисель (Даль) — раствор овсяной муки на дрожжах для киселя.

пáклевка (Даль, пск.) — потасовка. Вероятно — небольшая потасовка, небольшая драка. Ср. глагол *клевшить* (Даль, пок.) — хлопать, ударять ладонью.

пáклен (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль, Уш.), *пáклен* (укр., Гр.), *пáklen* (сл., Пл.), *пáklon* (п., Кр.) — разновидность породы деревьев, подвид клена.

пáкленки, *пáколенки* (Арх. сл.) — короткие бревна, идущие на простенки между окнами. Ср. там же *пакленок* — маленький ребенок.

пáклин (Даль) — небольшой или дополнительный клин, клинышек. Например: „Подбить избу клиньями и пáклинками. Сшили юбку изъ клиньевъ и пáклиньевъ“ (Даль). Ср. *пáклинок* (Арханг. сл.) — приспособление в сети для ловли тюленей.

Paclić (ч., ч.-р., ч.-н., Тр.), *pacluć* (вл., К.) — отмычка, приспособление, заменяющее ключ.

пákovina (сл., Пл.) — металлоид. *Kovina* (Пл.) — металл.

пáкол (сл., Пл.) — короткая, суковатая палка.

пáколок (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль) — колышек, которым прибавляется дерн на откосах. *Пáкiл* (укр., Гр.) — колышек.

пáкогунка (ч., ч.-н.) — ботанический термин: „место около лепестка“.

пáкость (Сл. Ак. Рос., Сл. 1847 г., Даль, областн. словари, Уш., Ож.), *пáкoсь* (бр., Нос.), *пáкiсть* (укр., Гр.), *пáкoсть* (б., Дюв., Гер., б.-р.), *пáкoст* (с., Кар., Бак.), *пákōst* (хрв., Ив.), *пákost*, *пákóta* (сл., Пл.), *пákost'* (ч., Тр.), *пákosć* (п.), *пákosć* (нл., Мука), *пákósć* (л. Pf.), *пáкoсть* (Микл., Вост., Срезн. сс.) — гадость, зло, вред, мерзость, нечистоты. В верхнелужицком языке *пákósć* — 1) нездоровый нарост на кости; наколенница (болезнь лошади); 2) палец вора. *пákosćak* — вор, мошенник. А. Мейе¹ и за ним Преображенский сопоставляют это слово с наречием *опако*, *пáкы*, что мало вероятно. Младенов в своем этимологическом словаре болгарского языка выделяет здесь корень *-**кoсть**- и возводит его к индоевропейскому *(s)*kath-ti-s*. Данные верхнелужицкого языка позволяют предположить, что слово из конкретного значения („нарост на кости“, „болезненный, ненормальный нарост“, а также „воровство“, „мошенничество“) развило абстрактное значение. В лужицком языке, вероятно, здесь два слова-омонима. Возможно, что с одним из этих омонимов следует сопоставлять чешское *пákostnice*, словацкое *пákostnica* и польское *пákošnik* в значении „подагра“. Возможно, со словом *пáкoсть* следует сопоставить древнерусское *кoсти* (Срезн. I, стр. 1297) в значениях: 1) тело, останки, 2) поле битвы, 3) род *дани*. Даль сопоставляет русское *пáкoсть* с областным словом *касть* (твр.) — скверна (*кpыса* в этих говорах — *пáкасть*), что опровергается данными других славянских языков.

¹ Etudes sur l'etymologie et le vocabulaire du vieux slave, стр. 330.

- pàkristal** (сл., Пл.) — псевдокристалл.
- pàkròg** (сл., Пл.) — эллипс.
- pàkrògla** (сл., Пл.) — сфероид. Это слово указывает и Л. А. Мича-тек в своем сербско-русском словаре.
- пáкуль** (Даль, арх.) — колпачок, чехольчик.
- ракуй** (ч., ч.-р., Тр.) — гну (род африканских антилоп). В лужицком — *rakón* (Pf.) с тем же значением.
- pàlik** (сл., Пл.) — псевдоморфоза.
- пáлист, пáлисток** (Даль) — мелкие листочки в перистых листьях, образующие лист. *Пáлистья рябины* (Даль).
- palist** (сл., Пл.), *palist* (ч., ч.-р.) — прилистник.
- pàlítóк** (укр., Гр.) — хорошее лето, благоприятное для урожая.
- paľub** (п., Добр.) — пень, колода.
- пáлуба** (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль, Уш., Ож.) — горизонтальное перекрытие в корпусе судна (основное значение), употребляется также в значении „открытое, обычно верхнее, перекрытие судна“. Словарь Академии Российской и Словарь В. Даля указывают также значение „кровля, крыша“. Например: „*Течётъ палуба.*“ „*Подъ палубою*“ (Сл. Ак. Р.). В Словаре украинского языка под ред. Б. Д. Гринченко указываются следующие значения слова: 1) крыша повозки, повозка с верхом; 2) крытый столик на базаре; 3) дульный пень; 4) крыша улья; 5) пустота, впадина. Для большинства славянских языков характерны значения: „верх экипажа, а также крытый экипаж“, „верхняя палуба судна“ — *палуба* (с., с.-н.), *pàluba* (сл., Пл.), *paluba* (ч., ч.-р., Тр.), *paluba* (слвц., слвц.-р.), *paľuba* (п., Кр., Арс.), *paľubja* (вл., К.). Значение „верх экипажа“ указывает также Н. Горбачевский в своем „Словаре древнего актового языка северо-западного края и царства польского“ (Вильна, 1874 г.). Ср. в литовском языке: *polubis* — верх, крыша кареты; карета с верхом; *luba* — потолочина, потолочная доска; *lubos* — потолок.
- palouk** (ч., ч.-р., ч.-н., Тр., Р., Шир) — поляна, лужайка; газон.
- pàlúna** (сл., Пл.) — астрономический термин, „побочная луна“. Ср. *пасолнце* (см.).
- palúža** (сл. Пл.) — объясняется словом *kaluža* — лужа. Ср. в польском языке *kaľuža* — лужа, болото. Вероятно, *paluža* — небольшая лужа, лужица. Ср. в литовском языке: *lūgas* — лужа, болото, топь.
- paluċ** (слвц., слвц.-р.) — отраженный луч; последний луч.
- пáматерь, пáмать** (Даль) — неродная мать, воспитательница приемыша. Ср. *паотеу* (см.). *М.С.С.Х.*
- пáмелки** (Доп., пск., твр.) — „отруски, отолкиши“.
- пáмесец** (с., с.-н.) — астрономический термин. Ср. *pàlúna, пáсолнце* (см.).
- пáмжа** (Даль, твр.) — дремота. Даль производит *памжа* от глагола *мжить* (*межить*).
- paľisek** (ч., Mašin) — лакомство, лакомый кусочек. Ср. *mls*.
- пáмолодок, пáмолодь** (укр., Гр.) — 1) молодые побеги; 2) молодое поколение.
- пáморозь** (укр., Гр.) — иней.
- пáморозь, паморозок** (Даль) — поздний, весенний мороз, утренник. Например: „*Еще чай паморозки не всѣ прошли, гречиху съять рано.*“ (Даль).
- пáморок, пáморока** (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль, Доп., Олонецк. сл.) — пасмурная погода, мелкий частый дождь в виде тумана, изморось. *Пáморока* (укр., Гр.) — туман. *Паморочный* (Срезн.) — пасмурный.
- паморось** (Даль, влд.) — изморось.

па́мрак (Даль) — то же, что *паморок* (см.).

памрак (с., Бак.) — вечерний сумрак.

па́мха (Даль, нвг., твр.) или *памжа* — невзгода, помеха, осложнение. Ср. *мешать, помеха*. См. у Даля *помоха, помха*.

па́мылки (Даль, каз., вят.) — обмылки.

па́мять (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль, Уш., Ож.), *па́мяць* (бр., Нос., бр.-р.), *па́м'ять* (укр., р.-укр.), *па́мять* (б., Гер., б.-р.), *па́мѣт* (с., Кар., Бак.), *ра́мет* (сл., Пл.), *раме́т* (ч., ч.-р., ч.-н., Тр.), *ратиѣс* (п., п.-р.), *ратјас* (каш., Р.), *ра́тјас* (слов., Л.), *память* (др., сс., Срезн., Вост., Микл.) — память, сознание. Ср. *паморок* (кур., Даль), *па́мерки* (Донск. сл.) — способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт; сознание. В древнерусском языке известно также значение „разновидность акта“ (см. у Когина), а во м. числе — „мемуары“ (см. Ф. Буслаяев. Историческая хрестоматия. М., 1861, стр. 738). Ср. литовское: *romėtis*.

па́наследник (с., Бак.) — наследник наследника. П. А. Лавровский переводит словами „второстепенный наследник“.

па́низка (Даль, сев.) — неполная нитка (жемчуга).

па́нить (Даль, сев.) — волокно. Например: „*Па́нити по́скони крѣпче конопляныхъ.*“ (Даль).

папога (сл., Пл., Хост.) — 1) ответвление; 2) отрасль науки, железнодорожная ветка, рукав реки и т. п.; 3) ложноножка гусеницы. Ср. *паножиче* (с., Бак.), *па́нога* (сл., Мич.). *Папога* (слвц., Мич.) — побег, ветка.

па́ногти (Даль, сев.) — заусеницы. Возможно, что в данном слове исконная приставка **паз-**, а не **па-**. Приставка **паз-** известна во всех славянских языках в словах *пазноготь, паздер*.

па́обед (Даль, нвг., сл., твр.) — полдник; 2) время около полудня. Также *па́бед* (из *па-обед*).

па́обедки (Даль, пск., твр.) — 1) то же, что *паобед*; 2) остатки от обеда.

па́облако (Даль, сев.) — низкое облако от подымающегося тумана. Например: „*Вонъ па́облака по горамъ ходятъ.*“ (Даль).

па́обло (сл., Пл.) — сфероид.

па́озер (Даль, нвг., пск.) — житель озерного края, приозерья.

па́озерница, паозерье (Даль) — место около озера. *Па́озерие* (др., Срезн.).

па́озерок (Даль, пск., твр.) — зимний путь по озеру.

па́ондан (хрв., Ив.), *па́ондан* (с., Лавр., Мич.) — послезавтра. Ср. латышское *paĩt* (или *paĩrit* по говорам) в том же значении.

па́ор (с., Кар., с.-н.), *па́ор* (хрв., Ив.) — крестьянин, землепашец, пахарь.

па́орок (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль, сев.) — подросток, помогающий пахать. Ср. *па́ор* (см.).

па́оспа (сев., Даль) — ветрянка, т. е. болезнь, похожая на оспу.

па́отец (Даль) — неродной отец, воспитатель приемыша. Ср. *памасть, паматерь* (см.).

па́пѣрје (с., с.-н.), *па́перје* (слвц. Мич.) — пух, пушок. Ср. *па́пер, па́перко* (слвц., Мич.) — пушинка.

па́пѣрсь, паперсень (Даль, сиб.) — 1) теплый нагрудник; 2) конский нагрудник. Ср. у Срезневского *папърсть* (см.).

папърсть, паперсть (Срезн.) — ремень или тесьма в конском уборе на нижней части конской груди.

па́полза, па́ползень (Даль) — 1) ползающее животное; 2) ребенок, который еще не ходит, а ползает. *Па́полза* (Арханг. сл., Вятск. сл.) —

шалун, непоседа. *Пáполза* (Олонецк. сл.)—1) медленно идущий человек; 2) человек, подкрадывающийся и высматривающий, разведывающий что-либо, шпион.

пáпороть (Даль), *папараць* (бр., бр.-р.), *пáпороть* (укр., р.-укр.), *папрат*, *папрать*, *папрадь* (б., Дюв., б.-р.), *пáпрат* (с., с.-н.), *paprat* (ч., Преобр.), *parroc* (п. р.-п.), *parroš* (вл., Преобр.)—папоротник. Ср. *папороть*, *папортъ* (Срезн.)—лесная заросль. Ср. литовское *parártis*. **parpsek** (ч., Тр., Шир)—луч.

пáработки (Даль, пск., твр.)—плата за работу, заработанное.

párasnâk (хрв., Ив.)—крестьянин.

pârîba (сл., Пл.)—хвостатое земноводное.

пáробок (Сл. 1847 г., Кочин), *парубок* (укр.), *пáрабак* (бр., бр.-р., Нос.)—мальчик; слуга, батрак. Ср. *пахолок* (см.). У Срезневского *паробъкъ*, *паробокъ*—в значениях „мальчик“, „слуга“, „прислужник“.

parow† (л. Pf.)—невысокая насыпь около рва, канавы (из вырытой земли). Ср. *parob* (см.).

пáрогъ (б., Гер. Доп.)—средний маленький зубец в вилах. *Parog* (хрв., Ив.), *pároh* (сл., Пл.), *paroh* (ч., ч.-р.)—зубец, палка с острием на конце. *Paroh* (ч., Тр., Р.)—рог, вырост роговой.

parod (л., Pf.)—преждевременные роды, выкидыш.

пáродок (Сл. Ак. Р., Даль)—1) отросток, отрасль; 2) кислый недозревший плод, чаще о винограде. *Пáродок* (тмб.)—выродок.

пáродной (Даль) только в выражении: *пáродной язык*—второй родной язык.

пародъник (Срезн.)—то же, что *пародъкъ* (см.).

пароженица (Даль, зап.)—роженица, родильница.

пáрожа (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль)—первое испражнение по рождении.

пáрой (Даль), *парій* (укр., Гр.) *párojak* (хрв., Ив.), *pârój* (сл., Пл.), *пáројак* (с.—с.-н.), *parojek* (ч., Р.)—отроек, второе поколение от роя пчел в одно лето. Даль указывает и вторичное значение—мед от второго роя, лучший, ярый.

пáросль, *пáростник*, *пáросник* (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль), *пáросник* (бр., Нос.)—молодой лес, выросший на месте вырубки.

пáрось (Даль, влд.), *пáрось* (бр., Нос.)—изморось, мельчайший дождь. Например: „*Дожджу нема, а парось идзець*.“ (Нос.). Ср. *паросінка* (бр., Нос.)—капелька, росинка. Ср. *паморок* (см.).

пáрост (укр., Гр.)—1) молодой отросток, побег, росток; 2) луч.

paroh см. *парогъ*.

parub (ч., Р.), *parub* (славц., Мич.)—лесосека. Ср. *пасека* (см.).

pârûda (сл., Пл.)—технический термин.

пáрусло, *пáруслина* (Даль)—старое, прежнее русло.

пáсевни, *пáсевки* (Даль, пск., твр., Доп.)—1) остатки семян от посева; 2) гулянье по случаю окончания сева.

пасека (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль, Уш., Ож.), *пасіка* (укр., р.-укр.), современное значение—пчельник, старое значение (указывается словарями XIX в. и Срезневским)—изгородь. *Пáсека* (Даль, нвг.)—часть леса, предназначенная на сруб. Первоначально: пчельник на вырубленном в лесу участке. *Paseka* (ч., ч.-р., Тр., Р., Шир.)—просека, вырубка, прогалина. Ср. *пасик* (тульск., Труды)—пчельник.

пáсек, *пáсечник* (Даль, пск., твр.)—мелкий лес, едва годный на дрова.

пáсерб (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль), *пáсербъ* (бр., Нос.), *пáсербъ* (укр., Гр.)—то же, что *пасынок* (см.).

пáсербица (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль), *пáсербка* (бр., Нос.), *пáсербица*, *пáсербиня* (укр., Гр.), *pasierbica* (п., Кр.), *paseřbica* (каш., Р.) — то же, что *падчерица*. *Пáсербица* (бр., Нос.) — жена пасынка.

пáсэстра (Преобр., севск.) — двоюродная сестра. Ударение на корне, вероятно, под влиянием *сэстрица* (севск.), *сэстрин*. Ср. в сербском языке *сэстра*¹.

пáсечина (Доп., твр.) — межа, обозначенная вырубкой.

пáсечка (Даль, пск., твр.) — серая капуста, обрубленная с кочана для скота, т. е. капустные отбросы.

пáсига (Даль) — погоня.

пáскирдок (Даль) — небольшой скирд, неполный омет.

пáскорня, *пáскорни* (Даль) — оскребки мездры после обработки шкур. Например: „*Пáскорни идутъ на клей.*“ (Даль).

пáскуда (Даль, областн. словари), *пaskuda* (ч., ч.-р.), *пaskuda* (славц., славц.-р.), *пaskuda* (п., Кр.), *пaskuda* (слов., Л.) — бранное слово (грязь, гадость, мерзость, нечистоты; мерзавец, негодяй). Первоначально, несомненно, слово *пaskуда* и его производные не имели в славянских языках бранного значения. Ср. значения областного русского слова *скуда* (Даль) — нужда, бедность, недостаток и нищета; ср. также древнеславянские *скудота*, *скудость* в тех же значениях и старославянское наречие *скудо* в значении „мало“. Ср. у Срезн. *пaskудьный* — бедный, скудный.

пáслика (сл., Пл.) — подражание.

пáсмѣшки (Даль) — последствия шуток, насмешек. Например: „*Хороши смѣшки, да каковы-то будутъ пáсмѣшки.*“ (Даль).

пáсмурный (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль, Уш., Ож.) — сумрачный, невеселый; облачный. Ср. *смурый*, *хмурый*. *Смуры* (др.; Срезн.) — темносерый. *Смурый* (Доп., пск., твр.) — пасмурный.

пáсока (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль, Уш.) — сукровица. В белорусском языке *пáсока* (Нос.) — кровь, идущая из носа после удара. Современный русский ботанический термин! Например: „*И сосуды и трахеиды проводят не только воду с минеральными веществами, но весной и так называемую пасоку, т. е. растворы ферментированных запасных веществ.*“²

пáсо́л (сл., Пл.) — галоид, т. е. похожий на соль.

пáсолнце (Даль) — явление отражения солнца на небе, *paslunce* (ч., Р.). Ср. *pàlúna* (см.).

пáстенок (Даль, юж.) — один пласт сота, стенник.

пáсторок (б., Гер., Младенов) — 1) отчим; 2) пасынок. *Пáсторак* (с., Кар., Бак.), *pástorak* (хрв., Ив.), *pasterek* (сл., Пл.), *pastorek* (ч., ч.-р., ч.-н.) — пасынок.

пáсторка (с., Кар., Бак.), *pastôrka* (хрв., Ив.), *pasterka*, *pastorka* (сл., Пл.), *pastorka*, *pastorkyně* (ч., ч.-р., ч.-н.) — падчерица.

пáстóрче (с., Бак.), *pastorče* (ч., ч.-р.) — ребенок (пасынок или падчерица).

пáстриги, *пáстрижки* (Даль, Уш.) — остатки, обрезки от стрижки.

пáсту́ля (с. Кар.) — мышеловка.

пáсушь (Даль) — пустые сухие соты.

пáсынок (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль, Уш., Ож., областн. словари), *пáсынокъ* (бр., Нос.), *пáсинок* (укр., Гр., р.-укр.) — „неродной сын“. В народных восточнославянских говорах и в сельскохозяйственной

¹ Не путать с *посестра* — названная сестра. Ср. *побратим*.

² П. М. Жуковский. Ботаника. М., 1949, стр. 74.

терминологии слово *пасынок* употребляется также в значении „боковые побеги“. На Дону *пасынки* (Донск. сл.) — молодые, ненужные побеги на виноградных кустах, которые обрезаются. В „Словаре белорусского наречия“ *пасынок* — зародыш у капустного кочана между нижними листьями. *Пасынок* (Доп., волж.) — надставное на мачте дерево. *Пасынок* (Арханг. сл.) — меньшее из двух сросшихся между собой деревьев. В древнерусском языке, помимо основного значения, было известно и значение „княжеский дружинник“ (Срезн., II). Ср. *pasynek* (п.), *pòsūnis* (лит.).

pàtvôr (сл., Пл.) — ненормальное, нездоровое образование в организме; вырождение; уродство.

pàtvorina (сл., Пл.) — подделка, подражание.

pàтерба (Даль, от *теребить*) — страданье, мучение; торможение, хлопоты.

pàtjšk (сл., Пл., Хост.), *patisk* (ч., ч.-р., Р.), *patisk* (славц., Мич.), *pàтисак* (с., с.-н.) — незаконная перепечатка текста, контрафакция. В верхнелужицком языке *paćišć* — вообще перепечатка. *Paćišć je zakazany* (вл., К.) — перепечатка запрещена.

patok (вл., К.) — речка, небольшой поток. Ср. слова *ток* и *поток*.

pàтока (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль, Уш., Ож.), *патока* (бр., бр.-р.), *патока* (укр., р.-укр., Гр.), *pàтока* (хрв., Ив.), *patoka* (сл., Пл.), *patoku* (ч., ч.-р., Р., Шир.), *patoka* (п., п.-р., Кр.), *patokow* (вл., К.), *patoki* (л., Pf.) — отходы при варке сахара; нетопленый, сотовый мед; брага, вино второго слива, плохое, жидкое пиво, бурда. *Паточка* (др., Срезн.) — жидкость, сок.

pàтолоки (Даль) — вытопанное или съеденное пастбище. *Паточоль* (бр., Нос.) — посев, истоптанный домашним скотом.

паточина (др., Срезн.) — овраг (?). Судя по контекстам, приводимым Срезневским, *паточина* — место около болот; место сухое, которым можно пройти, вероятно, место, с которого стекла вода, сухое место, но вряд ли „овраг“. Ср. предположительное толкование Кочным слова *паточина* как „низина, болото“.

pàтрубка (Даль, винокуренный термин) — деревянная короткая трубка, соединяющая воронку на дне деревянного куба с холодильной трубкой. Ср. современное техническое *патрубок* (см.).

pàтрубок (Уш., Ож.) — технический термин: короткая трубка, являющаяся отводом в трубопроводах, резервуарах и т. п.

patuk (л., Pf.) — Adipide. Ср. в лужицких языках *tuk* в значении жир, сало.

патулак (с., с.-н.) — карлик.

pàтяпник (смл., Даль) — мелкий кустарник, то же, что *паростник*.

pàudâr (сл., Пл.) — отдача громового удара, эхо от грома.

pàужив, пàужина (Сл. Ак. Рос., Сл. 1847 г., Даль, областн. слов.) — легкая еда между обедом и ужином.

pàуженки (Доп., пск., твр.) — 1) то же, что *паужин* (см.); 2) остатки от ужина.

pàуздок (Даль, сев.) — недоуздок.

pàузок см. *павозок*.

паук¹ (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль, Уш., Ож.), *павук* (Смол. сл.),

¹ Слово *паук* спорно по своей этимологии (см.: Преображенский, в. X, стр. 27—28; Горяев, стр. 251). Некоторые ученые считают, что *па-* в слове *паук* принадлежит корню, однако это мало вероятно. Ударение не на приставке в русском *паук* — вторичного происхождения. Подробнее об этом слове см.: Ф. Ф. Фортунатов. Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка. Пг., 1919.

см. также
схемы
(см. 630)

паву́к (бр., Нос., р.-бр.), *паву́к* (укр., р.-укр.), *пая́к* (б., Гер, б.-р.) и *паю́кѡ* (б., Гер.), *раук* (хрв., Ив.), *ра́жек*, *равок* (сл., Пл.), *равоук* (ч., ч.-р., ч.-н.), *равик* (слвц., слвц.-р.), *рајѡк* (п., Кр., п.-р.), *раwk* (нл., Мука), *rawk* (вл., К.), *ра́йк* (слов., Л.)—паук.

паучень (Даль, смл.)—ученик, отданный на выучку.

пахмурный (Даль, зап.) см. *пасмурный*. *Пахмура* (Опыт, пск.)—угрюмый человек.

pahorek см. *пагорок*.

пахолка (Даль, сиб.)—нижняя часть задней холки. *пахолок* (б.-р.).

пахолок (Даль, вятск.)—мальчик, парень; батрак; *пахолокѡ* (бр., Нос.—парень, „употребляется шляхтою“), *пахоликѡ* (бр., Нос.—бедняк, батрак), *пахолокѡ* (укр., Гр.—парень, работник), *пахоля* (укр., Гр.—маленький мальчик), *rachole*, *racholik* (ч., ч.-р.—мальчик), *racholek* (ч., ч.-р.)—батрак, *rachole* (п., п.-р.)—мальчик, отрок, *racholek* (п., п.-р.)—слуга, паж; прислужник, подхалим, *racholk* (нл., Мука)—мальчик; рассыльный, *rachalo* (вл., К.)—крестьянский парень, *rachol* (л., Pf.), *rachol* (вл., К.)—мальчик. Брюкнер сопоставляет со словом *chior* (п.), крестьянин. *Пахолок* (Вятск. сл.)—изнеженный, ленивый, нетрудолюбивый парень.

pahrov (л., Pf.)—небольшая насыпь около канавы, рва, ложбины, ущелья (обычно из вырытой земли). Ср. *ragow*.

пацепка (Даль, ярс.)—цепочка.

пацепникѡ (бр., Нос.)—*паростник* (см.), а также дрова из него.

пачеленокѡ (др., Срезн.)—незначительный, маленький член, сустав.

пачеси (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль, областн. словари, Уш.), *пачески* (бр., Нос.), *пачасе* (бр., р.-бр.), *пачоци* (укр., Гр., р.-укр.), *pacesek* (сл., Пл.), *pačesy* (слвц., Мич.), *pačesy* (ч., ч.-р., Гр.), *pačosy*, *pačosky* (л., Pf.)—вторые вычески льна, конопля, очески. *Пачесина* (Олонек. сл.)—льняная материя из *пачесок*.

pačlověk (ч., ч.-н., Гр.)—негодяй, злодей, бесчестный человек.

пачулки (Олонек. сл.)—носки, короткие чулки. Ср. *паголенки* (см.).

пашибок (Даль, пск., твр.)—1) осколок, обломок; 2) сорванец.

paštuba (сл., Пл.)—сушилка (для овощей, льна и т. п.). От нем. *Stube*.

пащека (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль)—челюсть и щека зверя.

Н. В. Гоголь в своем словаре записывает слово во множественном числе и дает объяснение: „зев, пасть, глотка“ (Собр. соч., т. IX, стр. 453). *Пащека* (бр., Нос.)—челюсть, особенно нижняя. *Пащеки* (укр., Гр.)—лицевые скулы; *пащека* (укр., р.-укр., Преобр.¹)—пасть, скулы; *pašteka* (ч., Преобр.²). Ср. в укр. говорах *пащек*—рот.

пащелок (Даль)—затрещина, щелчок.

пащшолок, пащшелок (Вятск. сл.)—бранное слово: молокосос, здоровый подросток, но плохой работник.

пащенок, пащбнок (Даль, областн. слов., Уш.)—бранное слово: щенок, молокосос.

paĵagoda (сл., Пл.)—ботанический термин: ложная ягода.

стр. 259; А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е, М., 1907, стр. 133; Л. А. Булаховский. Об интонационных суффиксальных дублетах в праславянском языке. — ИОРЯС, т. 31, Л., 1926, стр. 327. *Polub* возводит *равоук* к **ра-окъ*, сопоставляет со словом *ješten* (ячмень) и видит здесь общий индоевропейский корень **ank*. Возможно, что корнем является один носовой звук, при условии чередования носовых можно предположить тот же корень, что в *яти*.

¹ Этимологический словарь русского языка, составил А. Преображенский. Выпуск последний (тело—ящур) — „Труды Института русского языка“ т. I, М—Л., 1949.

² Там же.

пáясень (Даль) — разновидность ясеня¹.

Мы рассмотрели более 200 слов, образованных с приставкой **па-**. Почти в каждое из этих слов префикс **па-** вносит свой определенный, отчетливо выраженный семантический оттенок. Ср. русские слова *сын* и *пасынок*, русские областные *волна* и *паволна*, чешские *blesk* и *odblesk* и *pablesk*, старославянские (и древнерусские) *пабиръкъ* (остатки урожая) и *побиръкъ* (собираание остатков урожая).

Большое количество слов с приставкой **па-** в различных славянских языках, общность значений самой приставки **па-**, несмотря на часто различный состав слов с **па-** по языкам, наличие ряда слов, известных большинству славянских языков (*память*, *пасека*, *пакость*, *палуба* и др.) свидетельствуют о том, что приставка **па-** как словообразовательный элемент была известна всем славянским языкам уже на очень ранней ступени их существования, что тогда уже, в общеславянскую эпоху, определились основные ее значения, которые сохранились, а в ряде случаев развились и конкретизировались в период обособленного существования славянских языков.

Сопоставление материала славянских и балтийских языков, бесспорно, свидетельствует об общности основных значений приставки **па-** в этих языках, о принадлежности **па-** как словообразовательного элемента к эпохе балтийско-славянского единства. Сопоставление данных балтийских и славянских языков выходит за пределы темы настоящей статьи, а потому ограничимся выдержкой из работы И. Эндзелина о латышских предлогах:² „Значение „под“ префикс **ра-** вероятно имел первоначально также в тех сложных формах, которые означают что-либо только похожее на именованное понятие, выражаемое несложною формою, суррогат его (ср. р. *подхлбье* — суррогат хлеба, подкорм, подвениок; верхнелуж. *podmalena* „verkümmertes Brombeerstrauch“ Miklosich Vrgl. Gr. IV, 231); *padēlis* (лит. *pósunis*, пр. *passons*) „пасынок“; *remeita* (лит. *pódukra*, пр. *producre*) „падчерица“; *ramāte* (лит. *pāmoté*, пр. *romatre*) „мачеха“; *patēvis* (лит. *patēvis*, пр. *patowelis*) „отчим“; *ramāsa* „сводная сестра“; *raburvis* LP. VII, 657 (*burvis* „ворожей“) „человек, кое-как умеющий ворожить“; *paraglīte* Bf. 1668 (*zagle* „воровка“) „женщина, выказывающая некоторую склонность к воровству“; *pakungs* (Ulmann) „ein halber, nicht ein rechter, eigentlicher Herr; *pakurts* (Ulmann) „Blindling von einem Windhund“ (*kurts*), *paeglis* (*egle*, „ель“) „можжевелик“; *rabērzis* (*bārzs* „береза“) „*rhamnus cathartica*“; *ramers* (*mērs*, „мир“) „перемирие“; *ravardis* „прозвище“; *raval'a* (почти) „свободное от занятий время“; *pasvēdēna* (Ulmann) „ein halber (nicht kirchlich begangener) Feiertag“; *pasala* (Ulmann) „полуостров“; *pagarša* „посторонний вкус“; *pakalns* „холм“; *rabrūkastis* (Вольмар) „еда до завтрака (*brūkastis*); *palaunadze* (Ulmann)³ „Vorkost vor dem launags (-обед)“. Если несложная форма означает понятие времени, то сложенная с **-ра** форма означает время, непосредственно предшествующее: *pavasaris* (лит. *pavāsaris*) весна (собственно: подлетье); *pavakare* (лит. *pavakare*) L. P. VII, 137 подвечерье; loc. *parudzē* (Ulmann) „Zur Zeit, da die Roggenernte nahe ist“⁴.

¹ В данном списке не приводятся некоторые сомнительные по своей этимологии имена существительные, начинающиеся слогом **па-** (например: *павесьмо*, *пазанка*, *пазлонка*, *пакалки*, *паслен*, *пастернак* и т. п.), хотя некоторые этимологи и выделяют в этих словах префикс **па-**.

² Интересно, что Эндзелин **ра-** сопоставляет с русским **под-**, а не с **па-**.

³ Это же слово по Ульману значит также „die Zeit zwischen Vesper (-launangs) und Abendessen“; ср. *part* — послезавтра и лит. *pačesnis* — подпирье, *pópētis* — послеобеденное время и др. [Примечание И. Эндзелина].

⁴ И. Эндзелин. Латышские предлоги, ч. I. Юрьев, 1905, § 53—55.

На материале славянских языков можно выделить следующие основные значения и оттенки значений, которые вносит приставка **па-** в слова, с нею образованные.

I. Значение близости от чего-либо (в пространстве или во времени):

а) значение расположения вблизи чего-либо, около, над, под чем-либо. Например: *паозер* — человек, живущий на берегу озера, *паголенок* — часть чулка, охватывающая голень, *паперсень* — нагрудник, т. е. закрывающий грудь, *пабородки* — складки кожи под подбородком. Сюда относятся слова: *паперсь*, *паозерница*, *паозерок*, *паземка*, *пабережье* и др.;

б) значение близости по времени. Например: *павечерие* — время, близкое к вечеру, на пороге вечера, *паужин* — время, близкое к ужину, *паобед* — время, близкое к обеду. Ср. в литовском языке: *ropiet* — послеобеденное время (*pietūs* обед).

II. Значение результата действия:

а) значение результата действия, события, выраженного тем же корнем. Например: *патолока* — вытопанное поле, *пароботки* — заработок; то, что заработано, *пажить* — в значении: все имущество, нажитое в течение жизни, *пасечина* — межа, *пасека* — то, что получалось в результате вырубки и т. п.;

б) значение следствия, отклика, отголоска основного события, действия, выраженного тем же корнем без приставки. Например: *пабеда* — осложнение, неудача как результат, следствие большой беды, *пагроза* — отголосок большой грозы, *паволна* — небольшая волна после больших волн. Сюда относятся также: *рагбóвог*, *паголос*, *пазыбь*, *развоук*, *пазык*, *пасмешки*, *ралуç*, *раудар*, *падым*, *пагрязца*, *раblesк* и мн. др. Ср. в латышском языке: *patirdzējums* — проблеск (*mīrgas* — блеск);

в) остатки после уборки урожая, какого-либо действия, работы, часто негодные остатки, отбросы. В данном значении приставка **па-**, обычно сочетается с суффиксом **-ък**. Например: *пабелки*, *пабирки*, *пастриги*, *пачеси*, *паволоки*, *пагнетки*, *радрт*, *пазолки*, *памелки*, *пасечка*, *паскорни*, *паобедки*, *пасевки*, *пашибки* и др. Ср. в латышском языке *pabiras* — сенная труха.

III. Значение уменьшения размера, силы сравнительно со словом, выраженным тем же корнем без приставки. Например: *пабуса* — судно меньших размеров, чем *буса*, *пакол* — небольшой колышек. Сюда же относятся слова: *паужжи*, *пазевни*, *пакіл*, *пакленки*, *паколенки*, *паклин*, *паколок*, *ралуža*, *паоблако*, *паорок*, *паробок*, *рагог*, *раchole*, *пачеленок*, *паклевка*, *пагорок*, *пабида*, *рабулка*, *паветки*, *павечерня*, *раglaves*, *паділ*, *паморозь*, *памороз*, *паморок*, *паморось*, *памрак*, *панизка*, *патрубка*, *парог*, *паскирдок*, *пацепка* и т. п.

IV. Значение ответвления, подвида, внешнего сходства, близости:

а) значение ответвления, отростка, отделения в отношении понятия, выраженного соответствующим словом без приставки. Например: *парой* — отросток от основного пчелиного роя, *рапога* (в значении: отрасль, отросток, ответвление). Сюда же относятся слова: *паветвь*, *пагілля*, *пагін*, *памолодок*, *памолодь*, *парост*, *пародок* (в значении: отросток, отрасль), *пасынки* как сельскохозяйственный термин и др.;

б) значение подвида по отношению к виду, выраженному соответствующим словом без приставки **па-**, или значение сходства, близости по виду с понятием, выраженным тем же словом без приставки. Здесь **па-** может быть передано словами: вроде, как бы, внешне похожий. Например: *пагруздь* — гриб, внешне похожий на груздь, *паербк* — значок вроде ерика, *ракій* — антилопа гну, животное, похожее по своему

внешнему виду на коня, но не конь. Сюда можно отнести слова: *падуб*, *паклен*, *паясень*, *pavrst*, *palouk*, *paklič* и др. Это значение приставки *па-* соответствует значению приставки *ро-* в литовском языке в словах: *porūšis* — подвид (*rušis* — сорт, вид), *potipis* — подтип (*tipas* — тип); значению приставки *ра-* в латышском языке в словах: *paveids* — разновидность (*veids* — вид), *pagimene* — подсемейство, *patāls* — суглинок (*māls* — глина) и т. п.;

в) приставка *па-* имеет значение „псевдо-“, „ложно-“, в таких словах-терминах, как, например: *pavēra* — не вера, а суеверие, *pakristal* — псевдокристалл, *pavola* — не шерстяная ткань, а бумажная. Сюда относятся многочисленные термины современного словенского языка: *raboter*, *rakovina*, *paluna*, *pariba*, *paruda*, *pasol*, *pakrog*, *pakrogla*, *pajagoda* и т. п.

Это значение приставки *па-* является, в сущности, дальнейшей конкретизацией предыдущего значения, тесно с ним связано. Ср. в латышском языке *pauglis* — ложный плод (*auglis* — плод);

г) родственные отношения через посредство другого родственника, отсутствие прямого родства. Например: *пасынок* — сын жены (сын мужа) от первого брака, т. е. родственник по жене (по мужу), как бы сын. Сюда относятся слова: *пасынок*, *пасторок*, *пасерб*, *падчерица*, *падочка*, *пасторка*, *пасербка*, *пасестра*, *паматерь*, *паотец* и др. Это значение приставки *па-* соответствует литовской приставке *ро-* в словах: *posūnis* — пасынок (*sunus* — сын), *rovaiakis* — пасынок (*vaiakis* — парень); латышской приставке *ра-* в словах: *padēls* — пасынок (*dēls* — сын), *patāsa* — сводная сестра (*māsa* — сестра), *patāte* — мачеха (*māte* — мать), *pameita* — падчерица (*meita* — дочь)¹;

д) отношения через посредника, отсутствие прямых деловых связей. Например: *панаследник* — наследник наследника, *паведщик* — поверенный кого-либо, *pazakup* — аренда у арендатора.

V. Отрицание значения, выраженного корнем того же слова, т. е. все понятие в целом, выраженное данным словом с приставкой *па-*, определяется в этом случае как бы отталкиванием от смысла корня. Слову в целом часто присущ оттенок осуждения, неодобрения, презрения, иногда слово является бранным. Таковы, например, слова: *раçловек* — негодяй, злодей, *padouch* — изверг, негодяй, злодей, *паполза* — в значении „шпион“, *пащенок* (молокосос), *пародок* — в значении незрелый, кислый плод, а также в значении „выродок“. Сюда также относятся слова: *пакинь*, *patisk*, *пакость*, *паскуда*, *пажера*, *падорога*, *padēlatel*, *padēlak* и др.

Таковы основные значения приставки *па-*. Безусловно, не все перечисленные ее значения являются в одинаковой мере древними или собственными каждому из существующих славянских языков. Некоторые значения, прежде всего конкретные и прямые, мы можем считать древнейшими: например, значение *па-* в словах *пасынок*, *пасестра*, *паотец* и т. п.; другие, прежде всего абстрактные и переносные, — более поздними, например, значение отрицания, осуждения в таких словах, как *пащенок*, *раçловек*, *padouch*. Для окончательного решения этого вопроса необходимы факты конкретного словоупотребления, анализ реальных контекстов.

¹ Подробнее о латышской и литовской приставках *ра-* и *ро-*, об их связях с предлогами *ра* и *ро* см. в указанной выше книге И. Эндзелина, а также Reinhold Trautmann. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.

Многие слова с приставкой **па-** многозначны, в них **па-** может в одном и том же языке или говоре или в разных языках, в разных говорах придавать слову разные значения. Так, например, в одних русских говорах слово *пасевки* употребляется обычно в значении остатков семян после сева, в других — в значении гулянья по случаю окончания сева. Словенское слово *panoga* — в одном значении — ответвление, в другом — ложноножка (гусеница).

Наряду со словами, в которых значение приставки ощущается весьма отчетливо, есть слова, в которых приставка слилась с корнем в единое целое и утратила свое собственное значение. Это наблюдается прежде всего в словах, которые не имеют в данном языке соответствующих слов в близком значении без приставки (ср. обратный случай: *пасынок* — сын, *паволна* — волна, *паклин* — клин, *paklič* — *klič*, *пакинь* — *кинь* и т. п.), а также характеризуется, как правило, бессуффиксальным образованием. К таким словам следует отнести в современных славянских языках слова: *пакость*, *палуба*, *память*, *паук* и др.¹ *Пакость*, по всей вероятности, следует соотносить со словом *кость*, *кости* (см. Срезн., 1, стр. 1297), и тогда **па-** здесь имеет значение, с одной стороны, чего-то ложного, нездорового, излишнего, с другой, значение результата, последствия (см. там же, стр. 16—17). *Палуба* (ср. литовское *polubis* и *luba*) — не всякая крыша, а крыша экипажа, судна, т. е. **па-** вносит в это слово значение *подвида*, конкретизирует, сужает общее значение бесприставочного слова. Слово *память* заставляет предположить слово **mintis* (ср. *atmintis* — память) со значением сознания, восприятия на данный момент, тогда слово *память* следует понимать как результат воспоминания о прошлом, как то, что осталось в сознании от прошлого; недаром в современных славянских языках слово *память* употребляется не только в значении *память*, *воспоминание*, но и в значении *сознание* (ср. *потерять память*, *быть в памяти*, *без памяти*)².

Для большинства современных славянских языков приставка **па-** является пассивным словообразующим элементом, она обычно не выделяется и в научных грамматиках этих языков, посвященных описанию современного состояния языка³. В современных словенском и чешском языках, в отличие от остальных славянских языков, с приставкой **па-** образуются книжные слова — термины различных наук. Эту приставку отмечает Фр. Травничек. „Имена существительные с приставкой **ра-** имеют значение сходства, например: *paklič* — „отмычка“ (заменяющая ключ), профессиональные *pa-komár*, *-kún*, *-list*, *-rovina*; *palouk* — „газон“ (подобный лугу), *pahorek*, *pahrbek* — „холм, пригорок“ (небольшая гора), *pa-roh*,

¹ Эту особенность полного слияния приставки с основой при отсутствии суффикса отметил акад. В. В. Виноградов: „В отличие от глагола у имен существительных приставки, если они не подчеркиваются соотносительными с ними суффиксами (как, например, в словах: *заречье*, *поречье*, *приморье*, *безлошадье*), тяготеют к полному слиянию с основой (например: *огород*, *прибыль*, *убыток* и т. п.)“ („Русский язык“, 1947, стр. 55).

² Доказательством того, что приставка в таких словах, как *память*, говорящими не ощущается, является хотя бы материал, собранный М. И. Сухомлиновым, который характеризует работу над составлением Словаря Академии Российской: „Довольно указать на слова *память* и *воскресение*, для определения которых потребовался целый ряд заседаний, иногда весьма бурных, пока наконец не пришли к тому заключению, что слово *память* происходит от глагола *мню*...“ („История Российской Академии“, вып. 8. СПб., 1888, стр. 141).

³ См., например: „Грамматика русского языка“. Изд-во АН СССР, М., 1952; Л. Андрейчин. Грамматика болгарского языка. М., 1949.

-věda, padělek — „подражание“ с образованным от него глаголом *raoe-lall* — „подражать“¹.

Приставка *па-* переключается по значениям с другими славянскими приставками: *из-* (ср.: *изморозь* и *паморозь*, *изморось* и *паморось*), *от-* (*од-*) (ср.: *odblesk* и *rablesk*), *под-* (ср.: *подбородок* и *пабрадъкъ*, *подбедка* и *пабедка*), *при-* (ср.: *прибрежье* и *пабережье*, *пригорок* и *пагорок*), *су-* (ср.: *суглинок* и *паглинок*, *сугорок* и *пагорок*, *сумрачный* и *пасмурный*). Наличие данных приставок, а также приставки *по-*, исторически связанной с приставкой *па-*, безусловно, повлияло на то, что приставка *па-* не является в большинстве современных славянских языков активным словообразующим аффиксом.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ В НАЗВАНИЯХ ЯЗЫКОВ

б. — болгарский	п. — польский
бр. — белорусский	с. — сербский
вл. — верхнелужицкий	сл. — словенский
др. — древнерусский	славц. — словацкий
каш. — кашубский	слов. — словинский
л. — лужицкий	сс. — старославянский
лтш. — латышский	укр. — украинский
лит. — литовский	хрв. — хорватский
нл. — нижнелужицкий	ч. — чешский

М. Гомежук,
Уч. зап. IV, стр. 278

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРИ (С УКАЗАНИЕМ ПРИНЯТЫХ В ТЕКСТЕ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ)

- Бакотић. Речник српскохрватског књижевног језика (Бак.). Београд, 1936.
 Байкоў М. і Некрашэвіч С. Беларуска-расійскі слоўнік. Минск, 1926 (бр.-р.).
 Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия. СПб., 1901 (Колымск. сл.).
 Болгарско-русский словарь. ОГИЗ, М., 1947 (б.-р.).
 Brüskner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927 (Бр.).
 Váša Pavel a. dr. Trávníček Fr. Slovník jazyka českého. V Praze, 1946 (Тпр.).
 Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка. 1908 (Вятск. сл.).
 Востоков А. Х. Словарь церковно-славянского языка. СПб., т. I, 1858, т. II, 1861 (Вост.).
 Герасимов М. К. Словарь уездного череповецкого говора. — Сб. ОРЯС АН, т. 87. СПб., 1910 (Череп. сл.).
 Геровъ Найдень. Рѣчникъ на българский языкъ, ч. IV. Пловдивъ, 1901 (Гер.).
 Геровъ Найдень. Дополнение на българския рѣчникъ. Събралъ, наредилъ и изтълкувал Т. Панчевъ. Пловдивъ, 1908 (Гер. Доп.).
 Гоголь Н. В. Материалы для словаря русского языка. Собр. соч., т. IX. Изд-во АН СССР, М., 1952.
 Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896 (Гор.).
 Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка, т. III. Киев, 1909 (Гр.).
 Disalović V. und Müller Jakob. Serbisch-Deutsches Wörterbuch. 1922 (с.-н.).
 Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914 (Смоленск. сл.).
 Дополнение к опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858 (Доп.).
 Дювернуа А. Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати, вып. VI. М., 1888 (Дюв.).
 Jveković F. u. Broz J. Rječnik hrvatskoga jezika, т. II. Zagreb, 1901 (Уб.).

¹ Фр. Травничек. Грамматика чешского литературного языка. М., 1950, стр. 255.

- Караџић Вук Стеф. Српски рјечник иступачен њемачким и латинским рјечма. Изд. 4-е, Београд, 1935 (Кар.).
- Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937.
- Kral J. Serbsko-němski slovník horno-lužiskeje řeče. Budyšín, 1931 (К.).
- Krynusky A. и Wl. Niedzwiedzki Słownik języka polskiego, т. IV. Warszawa, 1908 (Кр.).
- Куликовский Г. Словарь областного олонеккого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898 (Олонек. сл.).
- Лавровский П. Сербско-русский словарь. СПб., 1870 (Лавр.).
- Лоренц. Słowinzišches Wörterbuch, ч. I—II. Изд-во АН, СПб., 1908—1912 (Л.).
- Лоя Я. Латышско-русский словарь. ОГИЗ, М., 1942.
- Mažuranić Ve. Prinosi za hrvatski pravnopovjestni rječnik. V Zagrebu, 1902—1922.
- J. Mašín—J. V. Веџка. Stručný slovník českých synonym. Praha, 1947.
- Миртов А. В. Донской словарь. Ростов н/Д., 1929 (Донск. сл.).
- Мичатек Л. А. Словенско-(словацко)-русский словарь. Турчанский Св. Мартин, 1930 (Мич.).
- Miklosich Fr. Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti. Vindobonae, 1850 (с.с., Микл.).
- Miklosich Fr. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865 (с.с., Микл.).
- Младенов С. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941 (Мл.).
- Мука Э. Словарь нижнелужицкого языка и его наречий, т. II. Прага, 1928 (Мука).
- Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870 (Нос.).
- Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852 (Опыт).
- Pful. Lužiskí serbski slovník (Pf.). W Budyšinje, 1866.
- Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar, т. II. V Ljubljani, 1895 (Пл.).
- Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885 (Арханг. сл.).
- Польско-русский словарь. ОГИЗ, М., 1941 (п.-р.).
- Преображенский А. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1910; т. II, М., 1914 (Преобр.).
- Рамулт Стеф. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. 1893 (Р.).
- Ранк J. В. Чешско-русский словарь. Прага, 1902 (Р.).
- Русско-украинский словарь под. ред. М. Я. Калиновича. М., 1948 (р.-укр.).
- Серейский Б. Литовско-русский словарь. Каунас, 1933.
- Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный, ч. IV, СПб., 1822 (Сл. Ак. Р.).
- Словарь русского языка, сост. С. И. Ожегов. Изд. 2-е, М., 1952 (Ож.).
- Словарь словацко-русский. Братислава, 1951 (слав.-р.).
- Словарь церковнославянского и русского языков. СПб., 1847 (Сл. 1847 г.).
- Смирнов И. Т. Кашинский словарь.—Сб. ОРЯС АН, т. 70, СПб., 1902 (Кашинск. сл.).
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I—III (Срезн.).
- Tvrđý P. Slovenský fraseologický slovník. Изд. 2-е, Trnava, 1933 (Тврп.).
- Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. М. 1935 (Даль).
- Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. I—IV. М., 1935—1940 (Уш.).
- Trautmann R. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.
- Труды общества любителей российской словесности. М, 1820., ч. XX (Труды).
- Herzer J. а Prach V. Českoněmecký Slovník. 1916 (ч.-н.).
- Holub Dr. Josef. Stručný slovník etymologický jazyka československého. V Praze, 1937 (Holub).
- Хостник М. Словинско-русский словарь. Горица, 1901 (Хост.).
- Чешско-русский словарь. ОГИЗ, М., 1947 (ч.-р.).
- Шир А. Чешско-русский словарь. Прага, 1951 (Шир.).

Е. В. Немченко

ИМЕННЫЕ ФОРМЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ В ДРЕВНЕЙШИХ ПАМЯТНИКАХ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА¹

§ 1. Значение и синтаксические функции кратких причастий в древнейший период чешского литературного языка устанавливаются нами на материале письменных памятников всех литературных жанров XIV в. Нами использованы следующие произведения:

I. Произведения религиозного содержания, из которых нами используются рифмованная легенда о святом Прокопе, Десять проповедей божьих, Жизнь Иисуса Христа, Пражское евангелие, Пассионал, содержащий прозаические легенды о святых, Пасхальное торжество, Легенда о Пилате, О ниспослании св. духа, Юность Христа, Плач св. Марии, Легенда о св. Дороте, Легенды о св. Анне, Спор души с телом, Легенды о св. Петре, о св. Екатерине, о св. Клименте. Все эти произведения использованы нами в отрывках, так как одни из них и сохранились лишь в отрывках, другие — только в отрывках опубликованы.

Многие из этих произведений написаны образцовым чешским языком. Особенно следует отметить Пассионал и Жизнь Иисуса Христа, которые выделяются отличным прозаическим слогом.

II. Эпический цикл чешских Александрeid, сохранившихся в отрывках в нескольких списках (Святовитский, Индржихоградецкий, Будейовицкий, Будейовицко-музейный, Музейный, Шафарика). Наиболее древний из списков Александрeid — Будейовицко-музейный, относящийся ко второй половине XIII в.; остальные — XIV в.; Святовитский относят к началу XV в. Чешский поэт в качестве образца, как установили историки чешской литературы, пользовался сочинением на латинском языке епископа Готье Шатильонского. Однако на его основе он создал оригинальное произведение, часто отходящее в своей сюжетной линии от образца и воспроизводящее чешскую действительность конца XIII столетия. Для нас важно здесь отметить, что чешский автор не стремился к точному переводу с чужого языка. Приведем один только пример из книги А. Пражака, доказывающий независимость творчества чешского поэта от латинского образца:

Чешский текст: 677, V. *Alexander zveda oblaky, vezře na zoře oblaky, uzřev den, jako sě lěce, vstana, ruče sě oblěče*².

Латинский текст: I, 431. *facili cum umbra sopore solvit Alexander*³.

¹ Глава из кандидатской диссертации „Из истории кратких причастий действительного залога в чешском языке“.

² „Александр, подняв глаза, увидел на заре облака, увидев день . . . встав (по-чешски употреблено деепричастие совершенного вида с основой настоящего времени), быстро оделся“.

³ А. Праžáк. *Staročeská báseň o Alexandru Velikém*. Praha, 1946, стр. 127.

В этом сопоставлении мы отмечаем, что употребленные в чешском тексте причастные формы не имеют себе соответствий в латинском образце.

III. Хроники: рифмованная хроника Далимила и отрывки из прозаической хроники Пулкавы, помещенной в сборнике древнечешских произведений. Хроника Далимила охватывает события до 1310 г. Отражая события XIII в., автор выступает против немецкой колонизации и немецкого засиления во всех областях чешской жизни, выходит за рамки объективного повествования хроники, пропагандирует любовь к чешскому отечеству, чешской культуре, чешскому языку.

Хроника Пулкавы написана во второй половине XIV в. по указанию Карла IV и использует материал хроники Косьмы Пражского и хроники Далимила.

IV. Два произведения из правовой литературы. Одно из них — „Рожмберская книга“, названная так по имени неизвестного пана из Рожмберка, восходит к тридцатым годам XIV столетия. Эта книга представляет собою частное справочное руководство обычного права и ярко отражает нравы и обычаи древних чехов.

Второе произведение — „Толкование земского чешского права“ — написано чешским дворянином Андреем из Дубе в конце XIV в. Автор, свыше 30 лет прослуживший на должности высшего земского судьи, основное назначение своей книги видел в том, что она должна помочь сохранению старинных правовых учреждений, прежнего порядка и правосудия. Как отмечают историки чешской литературы, по ясности и систематичности изложения она стоит на первом месте в чешской правовой литературе.

V. Отрывок пьесы „Шарлатан“ („Mastičkář“). В ней автор, грубо пародируя шарлатанское средневековое торгашеское предприятие, рисует уличную картинку: как слушатели забавляются сальными островами шарлатана и неуклюжей бранью его помощников.

VI. Сочинения Смила Фляшки из Пардубиц: его басня „Новый совет“ (1394) и приписываемые ему дидактическое стихотворение „Совет отца своему сыну“ и басня „Конюх и ученик“, а также написанные неизвестным автором в первой половине XIV в. басня „Лисица и кувшин“ и „Сатира о ремесленниках“.

Наиболее значительным из всех этих произведений является басня „Новый совет“. Ее содержание в основных чертах следующее: молодой король Лев при вступлении на престол созывает всех зверей и птиц, чтобы они дали ему советы для будущего правления. Животные попеременно — четвероногое всегда за птицею — дают советы в обширных, продуманных речах, соответствующих тем их свойствам, которые им придавали средневековые физиологи. Содержание стихотворения обусловило и его форму: написанное в виде диалога между королем зверей и его подданными, оно по своему языку очень близко к чешской разговорной речи.

Басня „Конюх и ученик“ написана в последней четверти XIV столетия также в форме диалога. Господский конюх и бедный ученик встречаются в корчме и начинают полный иронии над ними же самими, полный юмора и острот словесный поединок о преимуществах положения того и другого. Форма диалога, как и в предыдущем стихотворении, обусловила близость языка произведения к разговорной речи.

VII. И, наконец, научная проза Штитного: его „Шесть книг об общих христианских делах“ (1376 г.) и „Дружеские беседы“ („Řeči

nedělní a svatěční“, 1385 г.). Обе книги развивают идеи нравственного усовершенствования человека. Первая из них, наряду с общими теоретическими вопросами о вере, надежде, любви, о совести и искушении, ставит и более конкретные вопросы: о ведении хозяйства — рассуждение „О хозяине, хозяйке и челяди“, трактат „О трех состояниях, о девищем, супружеском и вдовьем“.

„Дружеские беседы“ написаны в форме диалога между отцом и детьми по вопросам метафизических проблем богословия. Для языка произведения характерны образность, применение поэтических сравнений, изречений, пословиц, что свидетельствует о большом мастерстве Штитного как писателя. Литературоведы признают в нем классического творца чешской прозы.

§ 2. Прежде чем перейти к рассмотрению синтаксической роли кратких причастий в памятниках древнечешской письменности, необходимо отметить, какие формы причастий встречались в них. Мы не будем касаться образования тех или иных форм причастий. Нас интересуют уже установившиеся и бытовавшие в языке формы и лишь в связи с тем, какое значение они имели в историческом процессе образования категории деепричастия.

Итак, древнечешскому языку были свойственны краткие формы причастий действительного залога:

а) настоящего времени — в единственном числе для мужского рода — *nes-a, teš-e, trp-ě*; для женского рода — *nesúci, tešúci, trpieci*, позже — *nesouc, tešíc, trpíc*; средний род в более древних памятниках имел общую форму с мужским родом, позже — с женским родом. Во множественном числе для всех трех родов была одна форма: *nesúce, tešúce, trpiece* и позднее: *nesouce, tešíce, trpíce*; при двойственном числе была эта же форма;

б) прошедшего времени — в единственном числе для мужского рода — *přines, tesav, trpěv*; для женского рода — *přinessí, tesavši, trpěvši*; средний род, так же как и в настоящем времени, в более древнюю пору был сходен с мужским родом, позднее — с формой женского рода.

Во множественном числе для всех трех родов была форма общая: *přines-še, tesav-še, trpěv-še*; эта же форма употреблялась и в двойственном числе.

В связи с тем, что причастия настоящего и прошедшего времени имели в языке сходные функции, они рассматриваются нами параллельно.

§ 3. Причастия в функции предиката. Отличительной особенностью кратких причастий древнечешского языка является их предикативность, отмеченная также в истории причастий других славянских языков (русского, польского, сербского).

Прежде всего между глагольным сказуемым, с одной стороны, и причастием — с другой, при одном подлежащем часто употреблялись союзы *i, a*, т. е. в этих случаях причастие выступало как однородный член простого предложения, соотносящийся в нем с глаголом.

1. Причастие, соединенное с глаголом союзом *i*.

а) Причастия настоящего времени:

Přijda chudý člověk k němu, i bude tak říeci jemu (Řemesl., Výb., 1, 216); *Orel toho již nemoha zbyti i je se směle mluviti* (Fl. NR., Výb., 1, 853); *když mohúc věděti, coj Buoh kázal... i netbaji* (Št. Ob. v., 199);

majíc v plně vieru křest'ansku, *i prieli* se k tomu čaróv (ib., 8); aby chom Boha nade uše *milujíc i žádali* dřeve... (ib., 48); strěž se toho byt' Kristus *nepřijda* k tobě v svých údech..., *chtě* od tebe potřebě zdejší, *i nenalezl* tebe tak nerodna (ib., 126); A všakž bych rád, by přijdúc sami k sobě i znamenali... pravduli praví (ib., 133—134); takéž ti zakonníci, ježto *ostanúc* světa, *pustiec* od sbožie *i navratí* se opět k němu (ib.); ...by *jsa* u poslušenství a čistotě *i jměl* také pravú chudobu (ib., 138); ...*vida* tak mnoho bojów protiv sobě... *i oklamal se* (ib., 139); padají mnozí, ktož majíc umění *i nechtie* k tomu táhnúti (ib., 143); ...když *milujíc* jej *i milujem* se spolu (ib., 37); Nevěda (kněz) co učiniti i je se bohu modliti (Dal., 59—126); mohucz to zle slowem uhasyty y dachu zlemu wzhoru gyty (ib., 9—16); ...ti jsu kterziz w srdci dobrém a najlepším *slysecz* slovo bozie *i obdrzie* auzitek (Pr., ev., L. f. 1897, 276); Tento jistý král toho měsiece srpna osmádnácte let w stáři *jsa i žádného dědice neostavil jest* pe sobě (Pulk. kr., Výb., 1, 466); mnich duchovný *vida*, že jest člověk rovný *i poče mluviti* (Hr., 11); Kočka *hrajíc* se psem *i udrasla* ho (Tkadl., Výb., 1, 626); ...l'vový štěnc... *stana i počne* tam chtieti (увидев стадо волон) (Alx. Sv., 191); ...jelen... *přeběhna... i stavi* se na tu skalu (Hr., 6); nade vším světem *vitěze i dáš* se popu přemoci (Pass., 391); ...aby *vzeptajice* se tó věci *i sněli* tu vinu s něho (Pulk. kr., 90); ...aby *vsada* na koň *i jel* s ním (ib., 83); *hledaje* kněz český ...oběda *i utka* jej jeho bieda (Dal., 33); král *ohleduje* meč *i prokla* třiesla jeho (ib., 50); ...abych *pojruč* s sobú svá dva syny *i brala* se přeč (Pass., 287); Swětopleze w swej ohradě, *chtiec* swój rozum powědieti *i káza* jim všem mlčeti (Bas. mr., Výb., 1, 791); ...kdyžby *přemohúc* nás *i pryč jeli* (Tristr., Výb., 1, 807); ...že *jsa* s nín *i byl* v boji... (Rožmb., L. fil. 1880, 276 (124); Ale také jest nemúdrá věc, *nechtiec* prázdnu býti *i činiti* věc nepotřebnú (Št. Ob. v., 106); A pakli *žádáš* odplatu stavu vyššieho, *a jsa* v nižšiem (ib., 171); ...abychom my se *upamatujíc* v svém hubenství, *i žádali* u pokorném duchu smilovanie... (Št. Ob. v., 188); ...súdce uslyšiec *žalobu, i nechtie* slyšeti odpovědi... (ib., 148); když čeled' *widúc*, ano hospodář miluje snažně boha... *i bude* také snažně boha milovati (Št. Ob. v., Výb., 677); ...aby tu, *jsa* pod nami a w naše moci... *i chtěl* se nám tak šeredně protiwiti (Tkadl., Výb., 697); ...aby *poznávajíc* Boha *i jiným* jej *oznamovaly* (Št. Ob. v., 141); ...ktoj vam tu glozu nalezl, aby *obinúc, i složili* v kulku (ib., 135); a již přijda k sobě sám, *i ty se... posmievatí budeš* (Tkadl., Výb., 1, 631).

Один пример с союзом *a*: ...tu bývá vrtkost, když kto *počna* mieti dobrý úmysal a *nedokona* ho (Št. Ob. v., 145).

В примерах, приведенных выше, соединением причастий с глагольным сказуемым подчеркивается их функциональная близость, так как обычно в предложении сочинительными союзами объединяются однородные члены. Таким образом, причастия, наряду с глаголами, с которыми их соединяет союз, выделяются в предложениях как главные члены, т. е. они выступают в качестве сказуемых.

Я. Гебауэр в своей исторической грамматике отмечает такое употребление кратких действительных причастий в древнем языке, указывая на постановку между причастиями и глаголами союзов как на одну из особенностей синтаксического использования первых. Однако автор исторической грамматики чешского языка возражает против мнения А. А. Потебни о том, что такие причастия имеют значение глагольного

сказуемого, и приводит примеры из чешских памятников, не давая им никакого объяснения¹.

Мы считаем, что выводы А. А. Потебни, которые подтверждаются и другими исследователями в области древнерусского синтаксиса², вполне обоснованы. Общее синтаксическое значение причастий заключается здесь именно в его предикативности. Это положение подтверждается также и материалами древнечешского языка.

Остановившись на конкретном анализе приведенных выше примеров, мы замечаем, что глагольное сказуемое является в предложении главным, а сказуемое, выраженное причастием, — второстепенным. В одних случаях это определяется тем, что причастие употреблено как сказуемое в зависимой части предложения, в то время как в главной его части употреблен глагол, например: *padají mnozí, což majíc umění i nechti k tomu tahnúti* (Št. Ob. v., 139) — „падают многие, кто имея искусство и не хотят к этому стремиться“³, — где сказуемое *majíc* определяет подлежащее *mnozí* как сказуемое зависимой части предложения *což majíc umění*; или: *když milujíc jej i milujem se spolu* (Št. Ob. v., 37) — „когда любя его и любим друг друга“, — где в главной части предложения сказуемое выражено глаголом, а в зависимой части — *když milujíc jej* — причастием.

В других случаях такого прямого указания на второстепенность сказуемого, выраженного причастием, нет, но из контекста выясняется, что оно служит целям пояснения глагольного сказуемого. Например, в предложении *nevěda (kněz) co učiniti i je se bohu modliti* (Dal. — 59—126) — „не зная (князь), что сделать, и начал молиться богу“ — главное действие *je se bohu modliti* может поясняться причастием с относящимися к нему членами предложения *nevěda co učiniti*, но не наоборот. То же самое в предложении *orel toho již nemoha zbyti i je se směle mluvíti* (Fl. NR., Výb., 1, 853), где главное сказуемое *je se mluvíti* поясняется второстепенным сказуемым *nemoha* с относящимися к нему членами предложения.

Часть из приведенных нами примеров включает причастия совершенного вида, и в этом случае союз выражает последовательность действий двух сказуемых: *přijda chudý člověk k němu, i bude tak říci jemu* — „сначала бедный человек придет (*přijda*), потом будет говорить“; или: *kdyžby přemohúc nás i pryč jeli* (Tristr., Výb., 1, 807) — „сначала они должны победить (*přemohúc*), а затем прочь ехать“.

Однако большинство примеров — с причастиями несовершенного вида настоящего времени. Необходимо отметить, что в этом отношении в истории кратких причастий в чешском и русском языках наблюдается расхождение. Так, по наблюдениям А. А. Потебни, после причастий настоящего времени союз *и* обычно не употребляется⁴. Это подтверждается наблюдениями Е. С. Истриной над синтаксисом Синодального списка Новгородской летописи, где отмечено всего три предложения с союзом *и* после причастия настоящего времени. На основании этого

¹ См. J. Gebauer. *Historická mluvnice jazyka českého*, díl IV.

² См. Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи. Пг., 1923, стр. 81 и сл.; В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Львов, 1949, стр. 205 и сл.

³ Мы переводим краткие причастия чешского языка на русский язык деепричастиями, в связи с чем лишены возможности обозначать категории рода и числа, выраженные в чешском языке и не свойственные современным русским деепричастиям.

⁴ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. II. Харьков, 1888, стр. 191.

автор исследования делает заключение о том, что союз *i* соединяет последовательные действия (причастие прошедшего времени с глаголом прошедшего времени)¹.

В чешском языке значение союза *i* определяется в зависимости от того, какое причастие употреблено в качестве второстепенного сказуемого. При причастиях настоящего времени союз *i* соединяет не последовательные действия, а одновременные. Так, в примере *kočka hraje se psem i udrasla ho* (Tkadl., Vyb., 1, 626) действия сказуемого, выраженного формой причастия *hraje*, и сказуемого, выраженного глаголом *udrasla*, одновременны: „в то время как кошка играла с собакой, она поцарапала ее“. Или в примере *mohúc věděti, coj Buoh kázal... i netbaji* (Št. Ob. v., 199) причастие *mohúc (věděti)* передает значение „в то время как они могут знать“, т. е. действия сказуемых *mohúc* и *netbaji* одновременны и т. д.

При причастиях совершенного вида, как было указано выше, союз *i* соединяет два последовательных действия.

Как видно из примеров, приведенных выше, при таком порядке, когда причастие предшествует глаголу, как правило, употребляется союз *i*. Другие союзы для таких сочетаний не характерны (нами отмечен только один пример с союзом *a*). То же самое относится и к причастиям прошедшего времени: они, как правило, соединяются с глаголом при помощи союза *i*. Это объясняется тем, что причастия прошедшего времени обозначают действие, предшествующее другому, глагольному, а союз *i* не может объединять действия последующего с действием предшествовавшим. Из всех примеров, приведенных ниже, только в одном случае действия причастия и глагола одновременны: *v svém neštěstí, v svém hoři hnav i polomi čtyry s sobú* (Alx. Sv., 1717) — действие *hnav* (характерно, что употреблено причастие несовершенного вида) не предшествует глаголу *polomi*, а обозначает, что сломил он четырех врагов тогда же, когда и гнал их. Во всех остальных случаях причастия прошедшего времени передают значение действия, предшествующего другому, обозначенному глаголом: *(Maria) wšedši w swój sad i je se plakati* (Jež., Vyb., 1, 390) — „(Мария) сначала вошла в сад, потом стала плакать“; *w ty časy... apoštol do Říma přišed i poče wieru Jesu Kristowu kázati* (Leg. o Pet.) — здесь действие, выраженное причастием *přišed*, предшествует действию глагольному — *poče... kázati* и т. д.

б) Причастия прошедшего времени:

Zatyem sie zrziedyws̄ e, pogidu k oltarzi ta dwa swatá kmety (Kr., ČČM, 1885, 303); ...matka bozie s welikym nabozenwym pokleki, obietowala sweho mileho syna bohu otcí... (ib., 304); pro nesto *nechaw* gich pricz do bethlemie giety, gim rzekl (Pass., ČČM, 1888, 104); To ty Trzie krali od heroda uslyšiewše, pricz gieli (ibid); a w ten duom wšedše, nalezli dyetye gehu milu matku marigy; a yhned pokornye na zemi poklekše, nabozyne se poklonyws̄, gemu se modlili, a swe pokladi otewrzewše, gemu dari offierowali (ib.); (knieže) uzřew tu děwici swatú, inhed ji na mysl wzatú poče je silně milowati (Leg. o Pet., Dor., ČČM, 1859, 23); Slyšewši to swatá děvice, smutivšie sě pade nice (ib.); A potom opět hrazský komorník *šed i pojme* komorníka od toho úřada (Rožmb., Arch., 1, 114); *Kázaw* jemu před bratří státi, *i poče* mu z toho

¹ Е. С. Истрина. Ук. соч., стр. 85.

láti... (Pr. ev., Výb., 1, 200); jedné noci wichr se wztrže, až koráb se o skálu rozrazil i potopi (Leg. o Pet., Výb., 1, 266); jedna žena přistupivši, i poče jej rozprávěti... (ib., 267); ...ale wstawši i poče žebrati... (ib., 267); W ty časy... apostol do Říma přišed, i poče vieru Jesu Kristowu kázati (ib., 267); sv. Petr to uslyšaw, na srdci sobě szaliw, i zaplaka... (ib., 268); ...ihned Sizinus uslyšaw i prozřel (Klim., Výb., 1, 284); Odtad Šimon wstaw, i jide k jednomu učeníku... (Leg. o Pet., Výb., 1, 279); W tu dobu lidé to widěwše... i se psem po Šimonowi... poběhu (ib., 279); ...swolaw Šimon lid Římský i poče jim žalowati... (ib., 279); Ten den opět byv hi minu (Alx. BM, 255); porušiv vše prvnie slova i zamysli práva nová (Alx. Sv., 47); Tehdy Alexander wnda, ohledav kola i vzdviže, uspodejma i pusti níže (Alx. Sv., 1159); šed i sta na jedny hoře (Alx. Sv., 681); ...komorník, šed i pojme komorníka od toho úřada (Rožmb., Arch., 1, 454); V svem neštěstíw svém hoři hnav i polomi čtyry s sobú... (Alx. Sv., 1717); Ta noc byvši hi otjide (Alx. BM, 205); wzněši (liška) jej na jeden březek i pusti jej dolów (Hr., Výb., 1, 228); točiwši se sěmo tamo, i uběže k pustým kamnám (ib., 227); přinessi (žena) i nali pól dieže (Řemesl., Výb., 1, 226); Ona přiskočiwši k němu i wytrže kostky jemu (ib., 214—215); Nawi se (švec) ... w jeho domu i wece krčmaři tomu... (ib., 215); A to řek i poče se sveliceti... (Leg. o Pet., Výb., 1, 278); A ihned mrtvý wstaw i pojide (ib.); kázawši všem poslúchati i poče jim wyprawovati (ib., 279); To znamenaw (baba) psa nakrmiwši, i jide s tiem psíkem k wdowě (Desat. káz., Výb., 1, 244); wšedši w swój sad, i je se plakati (Jež., Výb., 390—97); Uslyšewši to (Maria) ...i je se na to slowo mysliti (ib., 394—95).

В очень редких случаях при таком же порядке (причастие и глагол) ставится союз *a*: *Te snamenaw* král ...*a* se naň hněvivě ohledáše (Leg. o Pet., Výb., 1, 278); (král) ... *zjímaw a vedl* do Babylona (Št. Řn., 174); (Boleslav) *powolav* k sobě syna svehě *a* jej... učil (Pulk. kr., 37).

2. Причастие, присоединенное к глаголу союзом *a*:

...ten *chce* wz-wodu, *a nemoha* (Desat. káz., Výb., 1, 235); jemu *činiš* vieru *a* milost k nemu *jmajíc*, Jako Bóh kázal (Št. Ob. v., 101); *budem* jich *mieti poslúchati a berúc* od nich přiekład (ib., 27); vale skutkem *nepomož*, když uzří nedostatek *či, a moha pomoci* (ib., 37); nemóž opustiti, byt' *měl* své obláštie *a jsa* mnichen (ib., 134); káza se všem hotovati *a chtě* města dobývati (Alx. Sv., 456); ten na mě meč pobrusil *a chtě* by jho mnú pokusil (Alx. BM, 307); ...mohl *spasen byti, a nejso* poddan cierkwi swaté (Št. Ob. v., 32); ...prosíš u mne píti *a jsa* žid (Pr. ev., L. fil., 1897, 357); ...aby čtli u nich, *a porozumievajíc*... (Št. Ob. v., 1); i jiné věci... *činie*... *a* často i Boha se odpowédajíc (ib., 8); plete se a neuměje (Dal., введение); Kochan ke knězi se *připudí a* se všem věren *čině* (Dal., 36); *činiš* se biskupem *a nemoha* dolíčiti (ib., 49); *sta* Vlastislav *a* boj *bera* (ib., 20); (Jež.) *pojde* z hrobu *a nesa* koruhev s sobú (Hr., 121); jěsto *powiedá* něco zlého *a nevěda* (ib., 116); jenž *swědči* křivému *a tratě* právo pravému (ib., 116); Jide před král čstna kmetice *a jmajúci* strachu líce (Alx. M., 36); jděto ku pánu mému *a* o mně nic *nopravic*... (Tristr., Výb., 1, 810); A také... bude někto... smyety jmeno, *a jsa* protiven (Št. Řn., 81); ...snaze jemu bude, než donidž *přemieti* myslí, *a* nevěda co učině (Št. Ob. v., 73).

Сюда же относятся многочисленные примеры, когда при помощи союза *a* с глаголом соединяются причастия *řka, řkúci, řkúce (řkúc)*:

...promluvi k niemu hospodin *a rzka* (Kr., 289/4a); posla svá dva vsedlniki *a rzka* jim (Pr. ev., 187); przigide k niemu prose jeho *arzka* (ib., 2750); klekl jest przed nim *arzka* (ib., 274); mluwiechu mezi sebú arzkuece (ib., 440); Svatý Prokop jemu powědě *ařka* (ib., 1); Kanovníkem na Vyšehradě bieše, ale jinéj proměň chtiěše *a rka* (Hr., 11); poče kněz mluviti a řka (ib., 19); (žena) poče pokorně mluviti a řkúci (Kr., 286); Odpowiediechu jemu arzkueze (Pr. ev., 435); J otazachu jeho arzkucze (ib., 454); lide mluviechu arzkueze (ib., 280); odpovědě jim *ařka* (ib., 220); tehdy on jemu odpovědě *ařka* (ib., 281); odpowiedichu jemu arzkucze (ib., 281); odpovědě jim *ařka* (ib., 282); przikaza jim *arzka* (Pr. ev., 282); nam odpovědě *ařka* (Pass., 245); i poče je tázati (soudce) a *rzka* (ib.) и др.

Как видно из приведенных выше примеров, в них глагольное сказуемое предшествует сказуемому, выраженному причастием, в связи с чем употреблен союз *a*.

Кроме последовательности сказуемых (глагол, затем причастие), здесь важно указать также на то, что при этом употреблялись только причастия настоящего времени, глагол же мог стоять в любом времени. Для большинства примеров действия сказуемых, глагольного и выраженного причастием, одновременны:

а) при глаголе в настоящем времени: *jemu činiš wieru a milost k němu jmajic* (Št. Ob. v., 101) — „ты оказываешь ему веру и в то же самое время милостив к нему“ (последнее сказуемое выражено причастием *jmajic* и относящимся к нему существительным *milost*);

б) при глаголе в будущем времени: *budem jich poslúchati a berúc od nich přiekład* (Št. Ob. v., 27) — „мы будем их слушать и в то же самое время брать с них пример“;

в) при глаголе в прошедшем времени: *sta Vlastislav a boj bera* (Dal., 20) — „Властислав стоял и в то же самое время бой принимал“;

г) при глаголе в повелительном наклонении: *jděte ku pánu mému a o mně nic nepravíc* (Tristr., Výb., 1, 810) — „идите к моему господину, но обо мне ничего не говорите“ и т. д.

В сочетании же глагола прошедшего времени с причастием может быть передана последовательность событий: *klekl jest przed nim arzka* (Pr. ev., 274) — „сначала он упал на колени, а затем сказал“. Но такие примеры единичны. Основное значение причастий настоящего времени состоит в том, что они передают действие, одновременное с действием глагола, с которым они соотносятся.

Строгое разграничение в употреблении союзов *i* и *a* между двумя типами сказуемых (причастие + *i* + глагол; глагол + *a* + причастие) свидетельствует не только о том, что в древнечешском языке значение этих союзов было неодинаковым, но также о том, что в нем различались сказуемое, выраженное глаголом, и сказуемое, выраженное действительным причастием.

Мы не располагаем таким материалом, на основании которого можно было бы сделать общие выводы относительно употребления союзов *i* и *a* в древнечешском языке.

Однако некоторые особенности в употреблении союза *a* по сравнению с современным языком мы можем отметить. Так, союз *a* мог выступать не только как соединительный, но и как противительный: *ten chce wz-wodu a nemoha* (Desat. káz.) — „он хочет в воду, но не может“; *plete se a neuměje* (Dal.) — „ввязывается, а не умеет“ и др.

Кроме того, союз *a* нес на себе, повидимому, большее ударение

по сравнению с союзом *i*. Это предположение основано на следующем: когда причастие ставилось впереди глагольного сказуемого, оно выступало в предложении более самостоятельно и с большей предикативной нагрузкой, по сравнению с тем положением, когда оно стояло после глагольного сказуемого. Поэтому, чтобы подчеркнуть, что и в последнем случае причастие выступает как сказуемое, ставился союз *a*.

Что же касается вопроса о том, почему два сказуемых выражались разными грамматическими формами, то это определяется разным значением передаваемых ими действий. Для того чтобы выразить главное действие, употреблялись личные формы глагола; для выражения действия второстепенного использовались формы действительных причастий. При этом последние относились к числу главных членов предложения, так как характеризовали подлежащее как таковое, не являясь его определением, а выступая в предложении как сказуемое.

§ 4.¹ Причастие как член составного сказуемого. В письменных памятниках XIV в. мы наблюдаем также употребление причастий в качестве именной части составного сказуемого, в котором глагольная форма могла стоять в любом времени и наклонении. Обычно сюда входили различные образования вспомогательного глагола *býti* и глаголов *činiti se*, *mníti*, *přestati*². Рассмотрим сначала образования со вспомогательным глаголом *býti*. Глагольная связка такого сказуемого передавала значение времени действия или наклонения, само же реальное содержание действия заключало в себе причастие. Сочетание типа *byl pomně* мы не можем считать одной формой глагола, как определяет их чешский ученый Фляйшганс¹. Причастия, входящие в составное сказуемое этого типа, не являются неоформленной частью глагола, которая лишь в сочетании со вспомогательным глаголом, не имеющим реального значения, получает свое оформление. В таких сочетаниях причастия относительно самостоятельны и могут иметь при себе второстепенные члены предложения. Так, например, в предложении *a jaz byl so krivě súdě* (Alx. VM, 390) обстоятельство *krivě* относится не ко всему сочетанию *byl súdě*, а лишь к его второй части — к причастию; к нему же относится и дополнение *so*. Кроме того, дальнейшее изменение кратких причастий в деепричастия свидетельствует также о том, что сказуемое типа *byl pomně* представлялось в сознании говорящих как сочетание двух форм, а не как одна неразложимая форма глагола.

Приведем примеры с действительными причастиями в составном сказуемом.

Причастия настоящего времени употреблялись в сочетании с личной формой вспомогательного глагола *býti*:

а) в настоящем времени:

Duch svatý... ani stvořen... , ale jest pochazeje (Št. Ob. v., 15); *Lepí jest sám umra za ny* (Alx. V, 2564); *lidé jsou svého užitku hledajíc...* (Arch., 1, 75); *a pakli jest na cestě jduc pochybeno...* (Št. Ob. v., 286); *jsi za vše hříšné prosieci* (Pass.); *o těch, ještě su svět milující* (Št. Ob. v., 247); *(já, duše) jsem strádajíc* (Pulk.); *tobě (Patronu) na našu čest' radě, zlé ny jest tak s tobú vadě* (Alx. VM, 227); *lepší jsem za to život dada, než bych se v tom pronevěřil* (Št. Ob. v., Vyb., 1, 704);

¹ Flajšhans. Naš jazyk mateřský. Dějiny jazyka českého a vývoj spisovné slovenštiny. Praha, 1924, стр. 188.

б) в имперфекте:

dvě stě junoš vybornějších ... *biechu* mu *pršluhujuće* (Alx. H, 96—98);
в) в аористе:
(Alexander) *sě by* v sirdcu *raduje* (Alx. H, 8, 11); *neby* jeden tu *nepyče* a žalostí *lomě* ruce (Alx. Sv., 833); (Jidáš) *by* všiu věciú *vlada* (Jid., 59); to vše *by* v korabiech *véze* (Alx., 529); (Kovář) *hned by* zloději *ottuše* (Mr., 131b);

г) в перфекте:

Kam chtěl král, kamli *byl jeda* (Alx. BM, 64); že sem *byl* nečstně život *veda* (Alx. BM, 335); Pakli *sem byl* pravdy *bráně* (ib., 341); a jáz byl co krivě *súdě*, mimo právo dary *bera* (Alx. BM, 390); jenzto mi *byl* věrně *slúže* (ib., 324); hi byl swú vlast' tak pohaně (ib., 133); že *jsem* jich čest' vždy *byl pomně* (ib., 138); ... jáz hi mój l'ud *byl upadna* (ib., 129); *nebyli* nic *činiece* (ib., 295); *byli* svych modl *odstupiece* (Alx. B, 235); *byla chtiec* zlému (Št. Ob. v., 112); i *byl* tu trzy dni nic *nevida* ani *pije* ani *jeda* (Pass., 247); Svatý Petr po mnozě skutciech... v nichžto vždy *byl uplákaje*, na tu chvílu vzpomínaje (Ap., Výb., 11, 6); Protož Anna smutna jsúci, *byla* k Bohu *žalující* hi mluvila (Leg. o sv. Anně, Výb. 1, 531); *byl* v tom člověk rozumný odtud mnohé čary věda (Bás. děj., 175); Bratr jeho... *byl*... po lowiech a po pokoji *stoje* (Pulk. Kr., Výb., 1, 460); A ti vši *byli* rytieři... kopie *maje* neruzené (Alx. H, 114);

а) в будущем времени:

...vždy *budeš chtě* onomu, ješto ho doma nenie (Št. Ob. v., 112)
...*bude táž vůle chtiec* dobrému (Št. Řn., 122); ... ješto *budú* bohu *služiec* (Hr., 7); ...s nímž v nebesiech přebýváje, *budeš* se věčně *raduje* (Řemesl., Výb., 1, 223); kdež *budeš* na věky *viezye* (Hr., 129); že on *bude* napokon *súdě* (Sv. D., 41); všakž ho strach *bude odtišče* (Alx. BM, 200); *budete* takúž mudrost wiestby *jmajice* zlé i dobré vidúce (Krist., 233);

е) в условном наклонении:

...*nez by byli chitec* zde pobyti (Št. Řn., 95); gdyž juž mni kto, *by byl zýšče* (Alx. BM, 199); chtěl bych *by* tak všichni *byli*... neženiec se (Št. Ob. v., 67); mniece, *by* tu *byl leže* (Leg. Apošt., 35); páni, pokažte nam listy, nebo jinak ny učinite jisty, *by*, vy Čechové *mohučę* koho *chitec* voliti (Dal. C, 124);

ж) в повелительном наклонении:

...*nebyvaj svět miluje* (Št. Ob. v., 260); takéž *bud'te* i vnukové každý na svůj rod *zpotana* (Alx. Sv., 1493); *bud'* vás každý *slyše* (Kat., 1691); ni se kto *bud'* o tom toče (ib., 357); *nebud'me* milující svět (Št. Mus., 125).

В этих сочетаниях причастия со вспомогательным глаголом, входящим в составное сказуемое, характерно согласование их в числе и роде с подлежащим. Мы отметили только один случай, когда причастие настоящего времени в составном сказуемом не согласуется с подлежащим в числе: *A ti vši byli rytieři... kopie maje neruzené* (Alx. H, 114).

В тех случаях, когда в составное сказуемое входят личные формы глагола *mniťi*, *zdáti se*, *činiti se*, *přestati* с причастиями настоящего времени, последние также согласовывались в роде и числе с подлежащим: (*liška*) *mniece oklamajic čbana* (Báj. o liš., Výb., 1, 229); *Ja mniech učěnika jmaje* (Dět. Jež., 4); *ten zysk, jenžte mni maje* (Alx. BM, 20i); *ač se činiš nevěda* (Tkadl., 178) и др.

Что же касается вопроса о том, характерно ли для чешской письменности XIV в. употребление кратких действительных причастий в составном сказуемом, то мы отвечаем на него отрицательно. Прежде всего незначительно само количество примеров на такое употребление действительных причастий: из тех памятников XIV в., которые нами были использованы, мы нашли всего 71 пример. Из этого количества 25 примеров относится к наиболее древнему списку Александрида и 11 встретилось в произведениях Штитного, т. е. более половины всех случаев употребления причастий в составном сказуемом падает на два произведения. Во всех остальных произведениях такое употребление представлено единичными случаями.

В немногих примерах мы можем отметить употребление причастий прошедшего времени в составном сказуемом (в связи с тем, что количество примеров незначительно, мы их не разграничиваем в зависимости от времени вспомогательного глагола)¹:

Tiem všiem tvój král se oleniv, by všu moc srdce vyplěniv (Alx. B, 273); *By byl j'ho kto t'dy nadtrutiv nebo kterú válkú mutiv, byl by velím více mdleji...* (Alx. B, 285); *... že jej všu hrdost' ukrotiv* (Alx. M, 106); *Bud' ten brzě smrti uživ, ktož jest je s právem zaslúživ* (Alx. BM, 345); *zda by z nich kto cuzích uživ, byl tu, gdež byl dřeve služiv* (Alx. BM, 223); *Hledaj...*, *aby netbav byl svého spasení* (Št. Ob. v.); *...kto nečasto přijímá těla božieho, že tak tbav nebude náboženstvie...* (Št. Ob. v., 224); *ale přístup k ní, želeje toho, žej netbav svého dobrého*² (Št. Ob. v., 225)*; *A nebyl-li jest toho tbav dřeve, aby stál po učení* (Št. Ob. v., 231); *Josias, jenžto bieše na sv. Jakuba hrdlo provaz wzwazaw i wedl, vida ten div před sv. Jakuba nohy padl* (Pass., 353).

Все приведенные выше примеры, за исключением одного, взяты из Александрида или произведений Штитного, т. е. они не характерны для всех памятников древнечешской письменности. Однако малочисленность примеров с причастиями в составном сказуемом в древнечешских памятниках не является свидетельством того, что они были чужды чешскому языку. Наоборот, мы считаем, что в более древний период такие сочетания употреблялись в языке значительно шире. Об этом свидетельствует и тот факт, что в наиболее древнем памятнике (Будейовицко-музейный список Александриды) употребление причастия в составном сказуемом — явление довольно распространенное.

Широкое использование причастий настоящего времени в составном сказуемом было характерно также и для древнерусского языка³, оно известно в древнепольском языке⁴, в сербском, литовском⁵, в древней чакловской письменности⁶.

По словам И. И. Срезневского, соединение действительного причастия настоящего времени с вспомогательным глаголом *быть* было в древнем языке так же обычно, как и соединение с этим глаголом страдательного причастия настоящего времени⁷.

¹ Примеры, обозначенные *, взяты из грамматики Я. Гебауэра.

² К причастию *netbav* относится глагольная связка *jest*, сокращенная в написании с союзом *že*.

³ См. А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. I—II, стр. 128 и сл.

⁴ J. Łos. Krótka gramatika historyczna języka polskiego. Lwów, 1927, стр. 335.

⁵ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, стр. 159.

⁶ M. Škarič. Tvorba i poraba participia (gerundia) presenta aktiva i preterita aktiva I u čakavskoj kniževnosti XV, XVI vijeka, Zagreb, 1901.

⁷ И. И. Срезневский. Мысли об истории русского языка и других славянских наречий. СПб., 1887, стр. 66.

Примеры этого можно найти в памятниках старославянского языка, в Остромировом евангелии: „Бѣ оуѹа въ сѣботы“ и др. Из старославянских памятников приводит примеры предикативного употребления кратких причастий настоящего времени и В. Ягич: „Бѣ бо имѣа сътажѣниѣ“, Мф., 24, 38; „ѣко бо бѣхѣхъ вѣдѣште и пыжѣште“, Мр., 1, 6; „бѣахѣ же единѣ... сѣдѣште и помышлѣхѣште“, Мрк., 2, 18 и др.¹

Правда, в старославянских переводах отмечаются соответствия этих сочетаний подобным же в греческом оригинале. Но наряду с этим приводятся примеры из памятников древнерусского языка, которым было чуждо влияние греческого. Из Повести временных лет, Лавр. сп.: „суть свои языкъ имуще“, 10; „и бѣ обладаа Олегъ Поланѣ и Древлянѣ“, 24; „бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы“, 54² и др.

Примеры, приведенные из чешских памятников, не связанных традицией перевода с греческого языка, также свидетельствуют о том, что употребление действительных причастий в составном сказуемом — явление не заимствованное, а органически свойственное славянским языкам в древний период их развития. Что касается тех причастных конструкций, в которых в качестве вспомогательного глагола выступают глаголы *mníti*, *mysliti*, *přestati*, то они, по наблюдениям В. Ягича, вообще являются исконно славянскими. Сочетаниям в старославянском тексте: „кже аште мнѣнѣса имѣ“, Мф., 25, 29 и под. в греческом оригинале соответствует инфинитив.

В чешских памятниках письменности XIV в., по нашим наблюдениям, отмечаются следующие примеры с личными формами глаголов *mníti*, *zdáti se*, *číniti se*, *přestati* и краткими формами причастий в составном сказуемом:

...ten zisk, jenžte *mní maje* (Alx. BM, 201); *mníš se kupě* u Vltavě (Dal. H, 107); *mníech steпа* všecha kniežata (ib.); kdež *mníš* všecku svou peči *slože*, chovej se tu vlka v ovčí kože (Přísl., Výb., 1, 846); kdež-se *mníš* v čisté trávě *seda* varuj se litého hada (ib.); anděli *su se mě utěšíc* *mněli* (Dal. H, 39); *nečín se mněje*, ale věda (Tkadl., 2,74); ač se *činiš* nevěda (ib.); *činiš* se nedbaje (Karl., Výb., 1, 565); já *mníech* učeníka *jmaje* (Dět. Jež.); *myslech* *leže sám* jediný (Alx. Sv., 863); protož dobré *činice nepřestavajmy* (Ev. 01, 165a); *čín se* toho nevěda (Boh., 348); *čín se* toho *neslyše* (ib.); král *čínil se nevěda* (Pal., 4); *ani se mní uteka* (Prok., 35a); zahrádníci *čric*, kopajíc, branami *drhnúc* . . . *nepřestanú klidíec* zahrady (Št. Řn., 189); (Marie) *plácić nepřestává* (Hr., 35); vse tělo *bera ustalo* (Alx. Sv., 1851); *mní se se mnú* viežě cepy (Jid., 192); (liška) *mníeše oklamajíc čbana* (Báj. o liš., Výb., 1, 229).

В отличие от сочетаний типа *jsou hledajice*, *byl čekaje* в составных сказуемых с личными формами от глаголов *mníti*, *číniti se*, *přestati* последние имеют уже не только формальное значение. Они передают как бы дополнительное действие, при главном действии, выраженном в причастии: (liška) *mníeše oklamajíc čbana* — „(лисица) думала, что обманывает кувшин“; или *zahrádníci. . . kopajíc, branami drhnúc. . . nepřestanú klidíec zahrady* — „садовники, копая, бороня. . . не перестают очищать сады“.

Наряду с этим значением, личная форма глагола заключает в себе и формальные признаки действия (время, лицо, число).

§ 5. Причастия настоящего времени употребляются так же, как сказуемое придаточного предложения, которое связано с главным предложением при помощи относительного слова:

¹ V. Jagić. Beiträge zur Slavischen Syntax. Wien, 1899, стр. 58 и сл.

² Там же, стр. 60.

...neb když v čem bude powada, ani potaz ani rada nenie *kto* čáky *přidada* (Alx. Sv., 477); ...neb by nebyl, *kto posluchaje*, nebyl by také, *kto zpravuje* (Št. Ob. v., 78); ...aby věděl, *co čině a co nechaje* (Št. Ob. v., 137); *Což mohouce*, činite pro Buh (Št. Ob. v., 65); a z pravého úmysla, *kohož mohúc*, k smilné tahnúc nečistotě (Št. Ob. v., 62); Tiem slovem můžem rozuměti, *kterěz chtiec* (Št. Ob. v., 18); plat' me pokáním i skutky dobrými dluhy, *jakž mohúc* (ib., 56); a tiem nebraniecz, ale *kudyž mohúc* pomahajicz... (ib., 65); takež žena nenie mocna... aby tociš, *když chtiec*, nepřipust'ala (ib., 67); snáže jemu bude, než donidž přemieta myslí, a nevěda, co učině (ib., 73); a tak sbožnij se kryjíc, *kdež kto mohúc*... (ib., 92); ...aby syé dietky k dobrému vedly... *kdež mohúc* (ib., 105); nech řku, *což moħa* o tom (ib., 106); ...kobyľnyky ze nemohu chodyty, *kudyz chtyecz* (Rožmb., Arch); Budem si muže voliti, *kdy chtieec* budem je bítí (Dal. C, 30); když nad nimi zvitezimy, *co chtieec* z nich učinim' (ib., 26); Panóm razu múdru býti, *kdež mohuc* pokoj činiti (ib., 204); ...pokažte nám listy, by vy mohuc, *koho chtiec* voliti (ib., 194); Tu se jal jich tupiti, *kdež moħa* (ib.); *kam* kdo věda utikal (ib.); ležiechu prázdny motyky a vzdycháše vól všeliky, ande nenie *kto* jim oře, nebieše *kto* boře, ani křovie *kto kopaje* (Alx. Sv., 2251); Kdež juž nebyl *kto pomoha*, ni *rady přidati moħa* (Alx. H, 167); nebieše živ, *kto* jich *pleta* (Alx. Sv., 2257); I jest vlasti úřad rytieřského stawu, zvláště před násilím brániti... widow, sirotków, prawdu křest'ansku ploditi *kudyž mohúc* w swéw wládaní... (Št. Ob. v., Výb., 11, 733); ...činme, *což chtiec* (ib., 73); to jsú přieliš roztrhané sami v sobě, bořiec a rušiec, *kudyž mohúc* (Št. Ob. v., 145); Protož páni tak mají panovati, jakož je práva vedu, ale *nejakž chtiec* (ib., 151); s těmi *jakž moħa* král se bránieše (Dal. C, 85); ...*jakž mohúce* se sebrachu (Dal. C, 10); *když i chtieec* budem je bítí (ib.); *kdež moħa* — je tupiti (Dal. C, 92); král *jako* chtě hledati (meč) i vze meč ot něho (Dal. C, 50); Ciesar' (nepoznán a na císaře vyptavan) mluvieše *jako* o ciesařovi nic *netbaje* (Dal. C, 39); Heby *kto* se za prawdu postavě ni *kto* českú čest *opravě* (Dal. J, 102); Němá tvář stojí vzdysúce, ...ž' nenie *kto* slovice *přidada* (Alx. M, 84); věda dobře, že řeč kriva, však jí *kakž moħa*, pozbývá (Alx. BM, 253); duch hne tak brzo *kterým chtiec* údem (Št., Rozml., Výb., 1, 660); Všakt' mluvím, *jakž moħa* (ib., 668); dobrá hospodyní má se stříeci před bohem... *což mohúc* dobréhe činies (Št. Ob. v., Výb., 1, 681).

Как видно из приведенных выше примеров, сказуемое придаточного предложения может быть связано со сказуемым главного посредством:

1) относительного местоимения: *nenie, kto čáky přidada* — „нет, кто надежды придавая“, т. е. „придаст“; *by nebyl, kto posluchaje nebyl by také, kto zpravuje* — „если бы не был, кто слушаая, не был бы также, кто исправляая“; *aby věděl, co čině a co nechaje* — „чтобы знал, что делаая и что оставляая“; *tiem slovem můžem rozuměti, kterěz chtiec* — „под этим словом мы можем понимать, которое хотим“;

2) наречия: *aby své dietky k dobrému wedly...*, *kdež mohuc* — „чтобы своих детей к хорошему вели...“, где „мога“; *kdy chtieec budem je bítí* — „когда желая, будем их бить“; *kam, kde věda utikal* — „куда кто зная бítí — бежал“ (здесь наречие сочетается с относительным местоимением);

3) союза: *s těmi, jakž moħa, král se bránieše* — „с теми, как „мога“, король боролся“.

Связь сказуемого придаточного предложения с подлежащим главного сказывается также в том, что оно согласуется с подлежащим

в роде и числе. Форма причастия на **-с** могла уже относиться без различия как к женскому роду единственного числа, так и ко множественному числу любого рода, хотя в последнем случае употреблялась также и форма на **-се**. Тем самым проявляется связь между собой сказуемых главного и придаточного предложений, причем во всех случаях причастие выступает как слово, поясняющее действие, выраженное сказуемым главного предложения. При этом сказуемое придаточного предложения не могло обозначать предшествующего действия (по отношению к главному), в связи с чем мы не можем указать аналогичных конструкций с причастием прошедшего времени в роли сказуемого придаточного предложения.

Аналогичным было употребление кратких причастий действительного залога (причем также только настоящего времени) и в древнерусском языке¹.

Что касается того, насколько широко представлено подобное употребление в памятниках древнечешского языка, то необходимо отметить, что оно встречается главным образом в *Алекса́ндреидах*, *Далимиловой хронике* и сочинении *Штитного*, т. е. в сочинениях различных жанров, но или наиболее ранних по времени или архаичных по языку. Таким образом, и употребление причастий как второстепенных сказуемых в чешской письменности XIV в. не имело широкого распространения и являлось, по нашему мнению, свидетельством более древнего периода языкового развития. Мы полагаем, что для кратких причастий действительного залога настоящего времени уже в более древний период языкового развития было характерно их употребление не только в функции предиката, но также и как обстоятельственных слов (что широко представлено в чешской письменности XIV в.), и оформление грамматической категории деепричастия началось именно в этот период.

Мы считаем, что в связи с этим находится и нарушение согласования кратких причастий с именем, к которому оно относится, что нашло свое отражение в чешской письменности XIV в.

§ 6. Уже в древнейших памятниках чешской письменности краткие причастия настоящего времени только с окончанием на **-с** употреблялись в качестве обстоятельственных слов при подлежащем любого рода и числа. Они использовались:

а) при подлежащем во множественном числе:

...ti již běchu ostali, ...potopy se vezde bojiec, sami sobě v tom *nevěřiec* (Dal. H, 1); ony (dívky) ho ctně pobichu, *řkúc* (ib., 30); Vršovici... tu nemudru radu vzechu, *řkúc* (ib., 74); A wy *nejmajiec* kde býti, musite do jiné země jíti (Prok., Výb., 1, 202); i ti take, ješto mnie, by málo ze světských lidí spaseno bylo, *viduc*, že jsu..., *nedověřiec*, že jest Buoh... (Št. Ob. v., 30); ...kak su koliwěk proti nám mnozí psi *ščekajíc* nás kusali (Klim., Výb., 1, 285); i milosti skutky *činiiec*, štuojsme u wieře čiste (Fl. NR., Výb., 1, 909); *mohúc* nalezti, nehledaji (Št. Ob. v., 199); všudy se *strehúc*, na těch miestech... pilni mame býti (ib., 200); ...abychom *widuc* syna boha swého, ...bychom se s nim spolu sebrali (Marg., ČČM, 1895, 486); sedláci běchu jeho obkličili, *chtiec* jej dobiti (Pulk. kr., Výb., 470); často bývá, že *uzřiec* ano se jiní hrdě u ztraví... ,

¹ См. А. А. Потеня. Из записок по русской грамматике, ч. II, стр. 205 и сл.

in的角度 chcem témuž (Št. Ob. v., 199); ... uchovají je..., panenstvo své zachovajíc (Št. Ob. v., 209); ... těm, ještě bojíjí..., učiec lid pravdě (ib.); *braniec* se jim, odplaty... zaslúžili (Št. Ob. v., 240); ... aby kázali slovo božie, *krťtec* lidi... (Št. Ob. v., 209); ... i riekají, *krťtec* (ib., 211); ... jiní lidé ... klekají před ním, a *jsuc* lidé jako on (ib., 315); vždy jej ctili, jemu se *klanějíc*..., jeho *prosiec*... (ib.); pilní máme býti, při svatě mši *stojiec* (ib., 216); ... nemúďří... kady to přicházie, *chtiec* sstihnúti smyslem..., *nezname majíc* boží moci (ib., 217); Aneb dějí... *nerozmysléc* se (ib.); ... jsú někteří, ještě *vidúc* takú svatost, a podle pravdy *widúc* se neduostojny, i nsmějí často té svátosti přijímati, *neobmysléc*... dobroty... (ib., 223); *Chťiec* křest přijieti, pyčem zšeňenie... (ib.); svatý děj *přijímajíc*..., pyčem těch závin (ib.); ... vždy *jsuc* prázdni, a jen po tom *stojiec*, aby zde měli dobře bydlo, jakož sú jim... vložili v srdce, *radiec* jim, aby pro dobře bydlo byli knezie (ib., 230); i to *widuc*, a w uklidně mysli *điwajíc* se tomu, můžem poznati múdrost boží (Št. Rozml., Výb., 1, 660); A tak vždy *tekúc* řeky, vždy mají, odkudby tekly (ib.); a některě *zajdúc* skuoro, wzejdú po malé chwíli; a druhé dlúho newzejdú *zajdúc* (ib.); oni tu prostřeli cestu, mnohokrát latinský jazyk řeckými slowy *naplacujíc* (ib., 672); tak *dawajíc* všem dobrý příklad, welmě se líbily bohu (ib., 687); abychom *přenechajíc* tělesné práce, také o duši pomyslili (ib., 695); I řku..., aby k bohu jměli své srdce, často naň *pomniec* (ib., 696); mósíme se také někdy utěšiti, *zpiewajíc* neb něco sobě *rozprávějíc* (ib., 698); a wezměte naplněnie duchem swatým, *mluwiec* spolu z žalmów a z chwály božie, a z duchowních piesní *zpiewajíc*, a *wesléc* se hospodinu (ib., 698); wy, *rozumějíc* že máte nad sebú boha, žádate ho srdcem i ústy; také skutkem *činiec*, coj on prikázal, a nechajíc, coj on zapowěděl (ib.); synové boží... pojímachu dcery z plemene Kainowa, *widúc* že jsú byly krásné (ib., 700); čiňte z úmysla... *wědúc*, že... wezměte věcmi odplatu (ib., 703); poslušni bud'te... netolik k oku jim *slúžiec*..., ale činiec wóli boží z úmysla, z dobré wóle, *slúžiec* těm bohu... (ib.); at'jsú jim wěrní, *neškodiec* jim... ani sobě... práce, ... *umenšijíc* (ib., 704); aby byli wěrní..., cti *hledajíc*... pravú milostí... *milujíc* je... skutky *ukazujíc*, jakož buoh kázal... (ib.); přísahú hledají zmatków, boha pokušejíc a řkúc (ib., 712); súdíce pro böh..., nezakupujíc... od úřadu pomoc skrowně berúc... mohli nésti práci... (ib., 713); Inhed se anděli... bohu chwálu wzdachu, řkúc (Jež., Výb., 1, 349); (tři krále) před krále Heroda jidú tiezich (Jež., Výb., 1, 399); lidé leželi w krčmě... *netbajíc* na buoh (Št. Ob. v., Výb., 1, 725); diemy je št'astny, budúli... boha ctíti, jemu se klanějíc, jej *chwale* čest a chwálu boží plodiec... (ib., 732); ... budú teprw št'astni *dojdúc* králowstwie nebeskeho (ib., 733); a jeho sluhy neb rytierstwo, *pomáhajíc* jemu, nebudú křiwi, nébrž křiwi by byli *nepomáhjic* jemu (ib., 700); Poslowé... se pryč obratichu, k Morolotowi *chwátajíc* (Tristr., Výb., 1, 813); Počechu mezi sebú prawiti *řkúc* (ib., 829); Tristramowi čest obranite, něco diwného sobě *wymysléc*, *nechodiec* wice na posteli... (ib., 820); *chtějíc* své diety žiwiti, musiet' oni mnoho wody píti (Swár..., Výb., 1, 930); Téhož léta z Polsky přijeli poslowé, *dawajíc* wědětí, že jest král umřel... (Pulk. kr., Výb., 1, 459—10); I byli jsú poslowé znameniti... poslání, *prosiec* jeho, aby syna swého Wáclawa... jim za krále dal (ib., 461); ... tak *mysliec* jeho wen wypudili, proti němu těžké walky būriechu (ib., 472); Což prosymy na tvej mylosti *jsucz* w swej welkej ubohosty (ib., 255); bych wšickni hotowi, nepřátely *chtiec* odtisknúti (Pulk. kr., Výb., 1, 429); Když mnoho Uhřat bojowati *chtiec*, potřechu se w hromadu s Čechy, Čechowé inhed mnoho jich smrtedlně

ranichu, a druzi *utikajíc* w řece se ztopichu (ib., 437—438); druzí s oné strany *jsúc*, čekachu coby se mělo stati (Pulk. kr., Výb., 1, 438); A jiní *pokusejiecz* jeho hledachu (Pr. ev., L. fil., 1897, 287); I wrátili jsu se *welebiecz achwalecz* hospodina (ib., 191); ...chowaly sebe rozkošně, *pic* a *jedúc* (Št. Ob. v., 84); *widúc* na vítězkých roviech o jich skutciech, o jich slowiech, ...řekú (Alx. Sv., 835); Vzvoliechu (bohyně) ho súdci sobě, *řkúc* (Alx. Sv., 745); přes řeku se přebrachu kromě rozmyšlenie vsého *ne(d)hajíc* na krále svého (Alx. Sv., 1357); k jeho poslušenství a k rozkázanie se strojí, *čekajíc* všichni jeho rozkázanie (Fl. NR., Výb., 1, 8501); Komorníci přidú k dworu, ...*dáwajíc* mu rok wěděti póhonný (Rožmb., Výb., 1, 113); A tak jđem spolu cestú milosti, k tomu vždy *táhnúc* (Št. Rozml., Výb., 1, 644); abychom *diwiewc* se we všem múdrosti boží, chwalili boha... (ib., 652); a druzí budú na mě snad skřipěti zuby, *chtieć* sami jen widěni býti (ib., 653); Tu vše panny... potwrdichu, *řkúc* (Bás. mr., Výb., 1, 799); to jsú přieliš roztrhané sami v sobě, *bořieć* a *rušieć*... pravé súdy vždy *chtieć* jinak, nežli slušie (Št. Ob. v., 145); Proto bylo práwo swobodné... ale juž jest robotné, neb práwo *wedúc*, náklady *činić*, (lidé) pomoci a obrany ot práwa nemají (Ondř., Výb., 1, 974); a druzí (maji) přielišnú, věřieć ve mnohé věci (Št. Ob. v., 8); často, zdrávi jsuc, chcem wiece služiti (ib., 9); ...abychom *poznajíc se*, a odjinud pomoci *nežadajíc* protiv němu, od něho vzeli (ib.); Ptotož hlučně volají na prvé hodině knežie, *řkúc* (ib., 7); žet' su, *milujíc* Boha, práci ... proň nesli (ib., 12); ti také... věřie přieliš, *zďajíc se* sobě múdrejšie, nežli jiní, a *chtieć* i před jinými z toho mieti chlubu, *chtieć* wěděti ... (ib., 9); u wěčné naše poddanie králowstwie Uherské mohli smy porobiti, však smy nechtěli, onoho slowa *poslúchajíc*, ješto riekají... (Pulk. kr., Výb., 1, 432); všickni lidé jako oddechli, radostně se *radujíc* pánu a králi swému (ib., 447); ihned bychu všickni hotowi, nepřátely *chtieć* odtisknutí (ib., 429);

б) при подлежащем женского рода:

...šlechetná mysl k božským věcem... se... rozněcuje, *chtieć* tomu, což věří, porozuměti (Št. Řn., Výb., 1, 671); A tak sem... k wám utekla, ...wašie pomoci *doufajíc* (Pulk. kr., Výb., 1, 474); (hlava) aby vše tělo vedla, zdaleka očima *upatřěć* ušima *uslyšěć* hodné neb nehodné (Št. Řn., Výb., 1, 658); desáta čest, *uřajíc* w to přimiriě, při nás bieše ostala... (Pulk., Výb., 1, 432); Ona poče děkovati, *řkúc* (Remesl., Výb., 1, 212); žena jěmu poče brániti, *řkúc* (ib., 214); (liška) i pusti jej dolów opak, *řkúc* (Báj. o lis., Výb. 1, 229); Toho žehnaj i léhajúc, milá dcerko, i wstáwajúc (ib., 245); (žena) pojme sobě mladého, *netbajuc* spasenie svého (ib., 250); ...aby byla prosebnice ... před swým milým syneni, jehožto tuto obrazky na swej ruce držíš, jeho *napominajíc* po vše časy za vše hřiešne (Kat., Výb., 1, 290); ...wečer nábožně klečieci se *modlec*, opět usnula (ib., 2910); ...swatá Kateřina, ješče přistúpiti *nesmějíc*, na to ... dítě... *hledajíc* stáše (ib.); ...*sáma jsúc*, chceš, at'by na všem bylo wěreno? (ib., 294); Grammatika at'pojide... *majíc* prut ve pravej ruce, Donat držieć v levej ruce (Bás. mr., Ant., 60); (Dialektika) Roztrativši svoje vlasy, nad jiné *majíc* věhľasy, tak pojide velmi hrdě, postavujíc svú řeč tvrdě (ib., 61); (Retorika) počet' krásně mľuviti, *chtieć* vše řeči, oslawiti (ib.); (Musika)... tam přijide, v pravej ruce struny *majíc*, v levej ruce křidlem *hrajíc* (ib.); Astronomia pak bieše, sedma panna ta slowieše, zlaté kolo v ruku *majíc* a v^otom všecy hvězdy *znajíc* (ib., 62); Wěhľasnost... ot hedwabie rúcho *majíc*, nade vše panny smyslem *trajíc*..., wstawši swú řeč (chce) zjewiti

(Bás. mr., Výb., 1, 795); Tak ta panna *stojiec* tiše, wstúpi nade wše panny wyše (ib.); Wsta Rozum ta panna krásna, tři zrcadla w rukú *majíc*, w nich wši múdrost *poznawajíc* (ib., 796); Jednota to uslyšewši, ...božskú krásu w sobě *majíc*, jedné poškwrny *neznajíc*, w drahém rúše welmi stáše... (ib., 797); ciesařowá k tomu *přihlédajíc*, ...poče... prorokowati (Kat., Výb., 1, 298); woda také jde w oblaciech... *táhnúc* se z moře i od zemi (Št., Rozml., Výb., 1, 652); A tak *widúc* od hospodáře, an poslušen, ... (čeled') také bude posluchati (Št. Ob. v., Výb., 1, 676); (žena) *chtiec* také mlada se zdáti, skoro se sstará těmi ličidly (ib., 679); dobrý příklad dala... počstně *chodiec* (ib.); *ostanúc* sama, ...uzří (ib., 681); (žena) milost jemu *ukazujíc*, dobře jemu činiti budeš (ib., 683); často se o to některá s mužem swadí, *chtiec* jmieti mnoho rúcha (ib., 685) и др.;

в) при подлежащем мужского рода:

Na to *romniec* každý... měl by raději s pravdú odsuzen býti (Št. Ob. v., 20); ...krade mnich i kněz wsáký, *dawajíc* šcedré otpustky (Desat. káz., Výb., 1, 254); sam krade..., *nedawajíc* w prawú mieru swého pitie (ib., 257);

г) и, наконец, при глагольных бесподлежащих предложениях:

...byloj' milosrdné, zabludilého člověka... utěšiti, *ukažíc* jemu dobrotu... (Št. Ob. v., 214); Hrozné bezpravie, *widúc* takého pana pokoru taku, i nepokořiti se..., na svú kolenú *padnúc* (ib.); vdaduc se druhé, jest proměna (ib., 227); *upustiec* za rohy nesnadnoj lapati za ocas (ib.); sled *uzříc*, ještěj daleko od poznánie toho, či jest sled (Št., Rozml., Výb., 1, 660); hráti w kostky, *chtiec* wyhrati zbožie cizie jest hříček (ib., 696); vždy slušie... *modlec* se prositi ho (ib., 699); Protož *berúc* dani, třeba opatrnú býti každému pánu (Št. Ob. v., Výb., 1, 725); že jest stwořena na počatce wšeho swěta, *řkúc* na krátce (Swár. Výb., 1, 931); chowaj i nedopúšcej sebe i nás winy, *zamyšlejíc* také noviny (Jež., Výb., 1, 392); ne každý má bratrzi, ne každý jest w manželstwie, protož *wezmucz* to k rozumu duchownyemu každéhot dotkne (Št., Řeč., 16—75); Lépe jest mieti súseda pokojného w swornosti, nežli zkaziti *přemohúc* nesworného a protiwného (Pulk. kr., Výb., 433); Často se to naházie, že *chtiec* k milosti učiniti člověka, učinie bláznem, otraviec jej (Št. Ob. v., 8); čili lépe: nemoc trpěti, od Boha *čakajíc* smilovanie (ib., 9); Lépet' jest nie takého *nevědúc*, všichnu naději...jmieti (ib., 11).

При сопоставлении приведенных выше примеров мы не отмечаем полного смешения форм, какое наблюдалось, например, в более древних памятниках русского языка. В чешских памятниках письменности XIV в. причастия на -с могли относиться главным образом ко множественному числу и к подлежащему женского рода. При имени мужского рода такие формы встречались в виде исключений.

В XIV в. мы наряду со смешением форм встречаем четкое различение по родам и числам причастий, выступающих в функции обстоятельственных слов.

Например, у Штитного: *ktožby zpovíedal...*, *rověda, což se jemu nelibi* (Št. Ob. v., 237) — „кто бы исповедал, говоря, что ему не нравится“; *A tak... hledajice spolu, co by buoh byl, znamenajme ono slovo* — „и так ища вместе, что бы был бог, заметим то слово“; *z něhož by swět učinil, když chťe* (Rozml., Výb., 693) — „из него бы мир сотворил, когда хотя“; ... (žena) *w hanbě bude proto chtiec čest mieti* (Št. Ob. v., Výb., 1, 679) — „(женщина) позором покроется поэтому, желая быть честной“.

И вместе с тем, для всех родов употребляется одна форма: *Na to pomniec každý měl by raději s pravdú odsúzen býti* (Št. Ob. v., 20) — „об этом помня, каждый должен был бы быть осужден по справедливости“; *jsú někteří, ješto vidíc takú svatost, a podle pravdy vidíc se neduostojny, i něsměji často té svatosti přijímati; a druzí (maji) přielišnu, věřiec ve mnohé věci* (ib., 8) — „есть некоторые, которые, видя такую святость, и согласно истине видя себя недостойными, и не смеют часто принимать эту святость, и другие (имеют) чрезмерную, веря во многие вещи“; *(panie) často své vlastnie čeledi mosi se kryti, stydiec se jie v tom* (ib.) — „(госпожа) часто должна скрываться от своей прислуги, стыдясь ее“.

В хронике Пулкавы — форма на **-с** для единственного и множественного числа: *sedláci, běchu jeho obkličili, chtiec jej dobiti* (Výb., 1, 470) — „крестьяне его окружили, желая его добить“; *A tak sem... k vám utekla... wašie pomoci doufajíc* (ib., 474) — „и так я к вам убежала, надеясь на вашу помощь“.

Исходя из наблюдений над языком памятников чешской письменности XIV в., можно сделать следующий вывод об употреблении форм причастий настоящего времени: для м. р. в ед. ч. — причастия на **-а**, **-е** (*nosa, stoje*); для ср. р. в ед. ч. — то же самое (иногда — форма ж. р.); для ж. р. в ед. ч. — причастия на **-с** (*nesouc, stojíc*); для мн. ч. всех трех родов в большинстве случаев была та же форма на **-с**; наряду с нею, но реже употреблялась форма на **-се**.

§ 7. Краткие причастия настоящего времени в функции обстоятельства (деепричастия). Рассмотрим несколько предложений из древнечешского языка (по памятникам XIV в.), в которых нам необходимо будет установить, в каких взаимосвязях находится названная краткая форма причастия с остальными членами предложения и какой член предложения представляет она сама.

В предложении *tu Němci stachu hlediece i slova nepromluvice* при подлежащем *Němci* и сказуемом *stachu* имеются второстепенные члены предложения *hlediece* и *nepromluvice*, синтаксическое значение которых нам надлежит определить. В данном случае, по нашему мнению, однородные члены предложения *hlediece* и *nepromluvice* относятся к сказуемому как обстоятельственные слова, отвечающие на вопрос „как стояли?“

Возьмем для сравнения еще несколько примеров с такою же формой: *...ti ohradichu se přiekopy pomoci naši čekajice* (*Pulkavova kronika*) — здесь при подлежащем *ti* и сказуемом *ohradichu se* есть группа второстепенных членов предложения *pomoci naši čekajice*, в которой слово *čekajice* по своему синтаксическому значению также является связанным с группой сказуемого *ohradichu se přiekopy*: оно поясняет, каким дополнительным действием со стороны подлежащего сопровождалось главное действие. В переводе будет: „эти... оградились рвами, ожидая нашей помощи“.

Или еще: *zli bojice se, varováchu se zlého* (*Pulk.*) — „злые, боясь, остерегались злого“. Слово *bojice se* — второстепенный член предложения, относящийся к сказуемому *varováchu*, поясняет причину этого действия: „Почему остерегались? — Потому что боялись“. При чем действие *varováchu* сопровождалось дополнительным — высказыванием боязни. В предложении *aby vidúce neviděli a slyšiece nerozuměli* (*Pr. ev.*) — „чтобы видя не видели, а слыша не понимали“, слова *vidúce* и *slušiece* поясняют соответственно сказуемые *neviděli* и *nerozuměli*, пере-

давая значение „в то время как они видят, чтобы не видели и в то время как слышат, чтобы не понимали“.

Следовательно, во всех этих примерах наши причастные формы получали в предложении синтаксическое значение обстоятельственных слов, примыкая тем самым к группе сказуемого.

Заметим, что во всех рассмотренных выше примерах слова типа *vidíce* относились к сказуемому во множественном числе.

Обратимся к рассмотрению подобных же причастных форм, относящихся к сказуемому в единственном числе: *To svatý Petr wida, snažně bohu poděkowa* (Leg. о Pet.)—„Святой Петр это видя, . . . бога поблагодарил“.

Главные члены предложения здесь *svatý Petr* и *poděkowa*. Слово *wida* является второстепенным членом предложения, синтаксически связанным со сказуемым, поясняющим сказуемое.

В предложении *zdali by k tomu přišel čestne, hledaje kterak by mohl přelstít*—„едва ли к этому пришел бы честно, ища, как бы смог обмануть“—слово *hledaje* поясняет сказуемое *přišel* и, как член предложения, является обстоятельством.

В предложении *voda také jde v oblacích, táhnúc se z moře i od zemi* (St.)—„вода также идет в облаках, стремясь с моря и с земли“—слово *táhnúc se* как второстепенный член предложения относится к сказуемому *jde* при подлежащем *voda*.

Таким образом, синтаксическое значение причастий *wida*, *hledaje*, *táhnúc se* точно такое же, как и у *hledice*, *čekajíce*, *bojíce se*. Различие заключается лишь во внешнем их оформлении: последние формы употребляются при сказуемом во множественном числе, формы *wida*, *hledaje*—при единственном числе, когда подлежащее мужского рода, и формы *táhnúc*, *viduc* и подобные им относятся также к сказуемому единственного числа, но при подлежащем женского рода. Старая форма причастия, имевшая общие показатели с глаголом—время и залог, сохраняет их, но по своим синтаксическим связям она не является определением для имени и, хотя в единственном числе согласуется с ним в роде, благодаря основному своему использованию в предложении относится уже к другой части речи. Между тем в сравнительных грамматиках славянских языков, в частности, у Миклошича, между полными и краткими причастиями, резко отличавшимися по своей синтаксической функции уже в древних языках, не делается вообще никакого различия. Так, в разделе об атрибутивном использовании причастий у Миклошича приведены примеры только с членными формами, хотя это не оговаривается, а дальше здесь же дается описание предикативного использования уже кратких причастий, но также без указания на существенные различия между первыми и последними¹.

Таким же неосновательным, на наш взгляд, является смешение данных форм причастий в сравнительной грамматике Вондрака². Независимо от того, что это близкие по форме части речи, их нельзя отождествлять, поскольку в языке они получили различное синтаксическое значение.

§ 8. Синтаксическое значение деепричастий настоящего времени, согласуемых с подлежащим в числе

¹ Fr. Miklosich. Vergleichende Syntax der slavischen Sprachen. Wien, 1883, стр. 821—822. Таковы примеры из чешского языка: *spravedlnost ostrha přime chodícího po cestě; Velikýť jest nebe i zemi obsahující svět.*

² W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik. Formenlehre und Syntax. 1928, стр. 401.

и роде. Становясь зависимым членом предложения в группе сказуемого, деепричастие, наряду с тем, что оно само передает значение действия, дополнительно характеризует обстоятельства совершения основного действия, благодаря чему само приобретает обстоятельственный характер. В связи с этим классификацию деепричастий по памятникам XIV в. мы даем в зависимости от их синтаксического значения:

а) деепричастия со значением обстоятельства образа действия:

... moji synové milí... v zboží v hromadě bydlíce a mezi sebou *se nezlíce* přebývajte tam... (Prok., Výb., 1, 203); Tu Němci stachu *hlediece* i slova *nepromluwiece* (ib., 209); to *mluvě*, w ruce berlu držíeše (ib., 210); Liška jednu *běhajici*, jiesti sobě *hledajici* uběže do jedniech pústek (Báj. o liš. Výb., 1, 227); budeš úpiti na své hoře, *plawaje* jako prostřed moře (ib., 229); bydlil jest beze všie žalosti *dobýwaje* sobě všie ctnosti (Tristr., Výb., 1, 804); zdalyby k tomu přišel čestně, hledaje kterak by mohl přelstíti (ib., 805); Tu jeho pan Woliwan zlíba, *napominaje* jeho z driewnieho sliba (ib., 824); tak *stojiece* a *hlediece*... vzezrechme (Pulk., kr., Ant., 67); Przietupichu... pisarzy... *rzkucze* (Pr. ev., L. fil., 1897, 280); vbudichu geg *rzkucze* (ib., 275); I otazachu geho *rzkucze* (ib., 282); aby *widucze* newidieli a *slyšiece* nerozumieli (ib., 276); ...a on *stojie* na dni przikaza (ib., 356); ale on skrze nie *gda* ugide gim (ib., 355); hna přeč (král), nigde *nepostojie* (Alx. BM, 55); takým walem *běžiece*, *dáwiece* se přielišně w hromadu mnoho se jich welmi ztopilo (Pulk. kr., Výb., 1, 482); woda také ide w oblaciech... *táhnúc se* z moře i od zemi (Št., Rozml. Výb., 1, 660); siroba tat' mne již z semě vyžene... všeho *opustě*, všeho dobrého *ostana*, všeho *nechaje* (Tkadl., Ant., 74); A *mina* wšecy jiné přihody, popiš jedno (Tkadl., Výb., 1, 629); jsme drželi vládarstwie, královstwie *polepšujice* (Pulk. kr., Ant., 70); ...aby odienie vaše *wezmuće*... k boji... táhli (ib., 71); ...*postawiece* se pekorně, rcemež (Alx. BM, 14); sv. Václav milosrdie činil, ež pohanské ... děti *kupuje*, k swatému krstu *připrawuje* bohu je dědil (Pulk. kr., Ant., 56); Castot' čaká, aby sám nad sebou pomstil člověk pokáním, *želeje* a milosti *prose* (Št., Výb., I, 730);

б) деепричастия со значением обстоятельства причины:

Wšichni lidé plakachu to *widusze* (Pass., L. fil., 1888, 283); *Chtiece* své řeči užiti, jechu se hrady činiti (Dal. H, 25); *Chťiec* se knieni příslužití, slúbista to učiniti (ib., 59); Swatý otec... *wida* že člověk na těle nezdrawý, poče jeho litowati (Prok., Výb., 1, 201); Tomu se tak silně *bránieci* (Matodiana), umysli sobě (ib., 266); To swatý Petr—*wida* ež hospodin ukázal... snažně bohu poděkowa (Petr., Výb., 1, 281); král, jinak učiniti nemoha, ...k nim řekl (Sv. Jiří, Výb., 1, 301); Tehdy pade (žena)... przed nym *nesmyegycy* mluwity s nym (Sv. Jiří, ČCM, 1887, 93); Nejednen sedláček kupí za halěř koláček, *nevěda* jeho nevěry (Řemesl., Výb., 1, 226); Nevěda nic o dřiewniem úkladu, běže tam pade (Tristr., Výb., 1, 818); i zjednal to, *chtě* tu dievku za jednoho pána... dáti (Pulk. kr., Ant. 65); k vám utekla, vaše pomoci doufajíc (ib., 66); ...obec... *milujic* nás, dachu nám pomoc (ib., 70); a zlí *bojiece* se, varováchu se zlého (ib.); (vlk) *chtě zdráv* býti, slíbil v nemoci masa nejísti (Tkadl., Ant., 72); ...sebou sem i tam točím, pokoje *hledaje* (ib., 74); ...na zemi padl, *prose*, aby račil svoj hněv odpustiti (Pulk. kr., Ant., 56); jemu se pokořil, *slíbujie* jemu (ib., 57); boje se také, aby i žádného člověka krev nevinně nebyla odsúzena, vše šibenice... obořiti kázal (ib.); Rudolfus poslal k němu, *chtě* ho zase mieti (Pulk. kr., Výb., 1, 452); mnozí páni... nadržechu se wedle nich toho bludu, *mnějice* skrze to

hřiechóv odpustěnie mieti (ib., 435); ...pro jiné věci pro pilné sám *nemoha* jíti, Tobiáše biskupa poslal (ib., 435); Otakar, *nevěda*, co by měl učiniti, do svého se jest města, do Wiedně wrátil (ib., 438); Oni *viducze* tu hwiezdú welmi se radowachu (Pr. ev., L. fil., 1897, 273); jich král stáše přede mnú, *chtě* cosi mluviti se mnú (Alx. Sv., 1338); ten zysk otloží, časa *čakaje* (Alx. BM, 200); zde pak čstný kmet'... sedí sám, svých stanov *střeha* (ib., 280); Pakli *nevěda* a *neuměje* rozsúdití, vydá súd křiwý... (Št. Ob. v., Výb., 709); ukruten nebud'..., pomně na to (ib., 678); často se o to některá s mužem swadí, *chtiec* jmieti mnoho rúcha (ib., 685);

в) деепричастия со значением обстоятельства цели:

...páni poslali... tyto... noviny věděti *dávajice* (Pulk. kr., Ant., 67); i přitažechu k nám *řkúce* (ib., 68); ...ti... ohradichu se přiekopy, pomoci naši *čekajice* (ib., 69); (vek)... pojide k potoku, *hledaje* ryb (Tkadl., Ant., 72); sv. Václaw... poslal své posly k svatému papežovi, *prose* (Pulk. kr., Ant., 57); Polská kniežata potkala sú krále Wáclawa míru a pokoje *žádajice* (Pulk. kr., Výb., 1. 455); desata čest... při nas bieše ostala, našeho života *střechúce* (ib., 432).

Деепричастие настоящего времени, передавая второстепенное действие и одновременно поясняя главное действие, может относиться, как это видно из примеров, к глаголам настоящего, прошедшего и будущего времени:

а) главное действие выражено глаголом настоящего времени: *woda také jde w oblaciech...*, *táhnúc se z moře, od zemi* (Št.)— „вода также идет в облаках, тянучись с моря и с земли“; *mluwim... za to maje* (Št.)— „я говорю... полагая...“; *sebú sem i tam točim, pokojě hledaje* (Tkadl.)— „туда и сюда верчусь, ища покоя“;

б) главное действие выражено глаголом прошедшего времени: *k vám utekla, wašie pomoci doufajíc* (Pulk. kr.)— „убежала к вам, надеясь на вашу помощь“; *tu stoje na královu hradu, wyda jim... takú radu* (Tristr.)— „стоя здесь, в королевском замке, дал им такой совет“; *oni viducze tu hwiezdú welmi se radowachu* (Pr. ev.)— „они, видя эту звезду, очень радовались“;

в) главное действие выражено глаголом будущего времени: *budeš upiti na swé hoře, plawaje jako prostřed moře* (Hr.)— „будешь ты жаловаться на свое горе, плавая как среди моря“; *on skrze nie gda ugide gim* (Pr. ev.)— „он, идя между ними, уйдет от них“;

г) главное действие выражено глаголом в повелительном наклонении: *A mina wšecky jiné přihody, popiš jedno* (Tkadl.)— „и, минуя все другие приключения, опиши одно“; *Moji synové milí... v sboží bydlíce a mezi sebú se nezléce, přebywajte tam* (Leg. o Prok.)— „сыны мои милые, живя справедливо и не споря между собой, пребывайте там“.

При сопоставлении количества примеров с деепричастиями, относящимися к глаголам прошедшего времени, и всех остальных, необходимо отметить, что первые встречаются значительно чаще. Так, например, в Легенде о св. Прокопе (Výb., I, стр. 181—212) деепричастия, относящиеся к глаголу прошедшего времени, встретились 64 раза, в других случаях (при глаголах настоящего и будущего времени, повелительного и условного наклонения)—20 раз; в отрывке из хроники Пулкавы (Výb., I, стр. 427—498) деепричастий, относящихся к глаголу прошедшего времени, насчитывается 82, в то время как во всех остальных случаях они употреблены только шесть раз¹. Ограниченность употреб-

¹ Необходимо заметить, что для хроники Пулкавы более характерно употребле-

ления деепричастий при глаголах не прошедшего времени определяется характером памятников, в которых почти всегда речь идет о событиях в прошлом. При сравнении взятых здесь нами легенды и хроники, мы замечаем, что в первой таких примеров больше, так как в ней приводятся поучения, обращения и т. д., а в хронике они встретились только в тексте договоров.

§ 9. Краткие причастия прошедшего времени. Синтаксические функции кратких причастий настоящего и прошедшего времени в древнечешском языке были очень близкими, но полного совпадения их не было. Мы уже отмечали, что предикативное употребление причастий прошедшего времени было гораздо более ограниченным по сравнению с причастиями настоящего времени. Однако употребление первых в функции обстоятельственных слов представлено в древнечешской письменности достаточно широко.

Обратимся к рассмотрению тех примеров, в которых причастия прошедшего времени имеют синтаксическое значение обстоятельственных слов.

В предложении *biskup by welwi rád tomu, swětiw, posla jej do swatého domu* (Leg. о Prok.) — „епископ был очень рад этому, освятив, послал его в святой дом“ — подлежащее — *biskup*, сказуемых при нем два — *by rád* и *posla*. Из второстепенных членов предложения нас интересует только слово *swětiw*, которое здесь вступает в синтаксические связи со сказуемым *posla* — оно поясняет это сказуемое с точки зрения временных отношений: когда послал? — после того, как освятил (*swětiw*).

Предложение *zajtec rychlý přišed ke lwu, uštknuw jej, chtieše uteci* — „заяц быстрый, придя ко льву, укусив его, хотел убежать“ — состоит из главных членов *zajtec* (подлежащее) и *chtieše uteci* (сказуемое), к последнему относятся второстепенные члены предложения — *přišed* и *uštknuw*, поясняющие действие сказуемого: почему заяц хотел убежать? — Потому, что он перед этим пришел ко льву и укусил его...

Еще два примера с краткими причастиями прошедшего времени: *dievka to uslyševši, a na něm tomu porozuměvši... tak to mu jest odověděla* (Pulk. kr.) — „девушка, услышав и поняв это от него, так ему ответила“; *a všickni ti svázavše se anele smluvivše se, učinichu silnú válku* (Pulk. kr.) — „и все они, соединившись или договорившись, открыли сильную войну“.

В них соответственно подлежащие *dievka* и *všickni ti*, сказуемые — *jest odověděla*, *učinichu válku*. Сказуемые поясняются обстоятельственными словами, выраженными в форме кратких причастий прошедшего времени *uslyševši*, *porozuměvši* и *svázavše se*, *smluvivše se* — „после того, как девушка услышала и поняла, она ответила“; „после того, как все они объединились и договорились, они открыли войну“.

Из сопоставления причастий прошедшего времени в приведенных примерах (другие примеры см. ниже) видно, что они, характеризуя как обстоятельственные слова действие сказуемого, имеют также грамматические категории рода и числа: в ед. ч. для ж. р. окончание **-(v)ši** и м. р. **-v** или нолевой показатель (*přišed*), во множественном числе — для всех родов — окончание **-(v)še**. Как и причастия настоящего времени, они согласуются в роде и числе с субъектом действия. Но при этом в причастиях прошедшего времени наблюдается гораздо

ние деепричастий прошедшего времени, чем деепричастий настоящего времени, которые рассматриваются в данном параграфе.

большая последовательность в соблюдении этого принципа согласования. В то время как в причастиях настоящего времени мы отмечаем отраженное в памятниках XIV в. смешение форм, в причастиях прошедшего времени согласование соблюдается строго и последовательно.

§ 10. Синтаксическое значение деепричастий прошедшего времени. Как предикативные обстоятельственные слова, деепричастия прошедшего времени включаются в группу сказуемого (главного действия) и, обозначая действие, предшествующее ему, поясняют его главным образом с точки зрения временных отношений: *uzřew swatého anděla, pusti duši z swého těla* (Pr. ev., Výb., 1, 204); *Powěděw (Prokop) jim to, zahyne...* (ib., 209); *...swětiw, posla jej do swatého domu* (ib., 207); *Wstawši jednoho jitra, muži... powěděla* (Petr., Výb., 1, 226); *...k tomu jej powoliw... za moře ji poslal* (ib.); *To swatý Pawel uzřew, swatému Petru wece* (ib., 280); *Ti se wratiwše do Říma, již sú žádného tam nenalezli* (ib., 267); *tehda swatý Barnabáš do Říma přišed, swatého Klimenta, an u pohanskej wieře rozličnie bludy nalez, dotad jemu o Jezu Kristowi kázal...* (ib., 282); *Tehdy wstaw poczye wolaty* (Jiří, ČČM, 1887, 93); *k němužto sama přistupivši, počě s ním mluvti* (Výb., 1, 289); *když se křest'ani sebrawše, ...wojensky táhniechu...* (ib., 306); *A když se... sstaraw skončal, swú dceru... za sebe ostawil* (Kat., Výb., 1, 288); *A když domuow přijewši, to wše... učinila, tú modlitbú dospěwši... usnula* (ib., 290); *to wše... tomu otci swatému powěděwši, tu ihned ot něho... křest přijala* (ib., 291); *Přistupivši žena k němu, powědě tak muži swému* (Remesl., Výb., 1, 213); *...až domów aby se wrátil, wyswědčiw pohon* (Rožmb., Arch., 1, 451); *(Theodora) s nim přistupivši jich otázá* (Klim., Výb., 1, 283); *Ten člověk...tej řeči svůj čas uhledaw, nikomu věděti nedaw, minuv všu těch zrádec hrózu, přitře se k královu vozu* (Alx., BM, 75); *Tehdy mistr, slyšaw řeč takú... vizi, wece...* (Alx. Sv., 194); *vzdawše hrady i domy, Bohu služili* (Dor., Výb., II, 19); *Slibivši (Dorota) jemu poslati, počet za vše prositi...* (ib., 210); *Skonaw řeč o jerarchii prwé... o druhe mluwiti budu* (Št. Ob. v., Výb., 1, 716); *On ta slova od ní uslyšaw, nastoješe o to silně* (Pulk. kr., Ant., 65); *dievka to uslyšewši a na něm tomu porozuměvši, ..takto mu jest odpowěděla* (ib.); *čas i miesto uhledawši... poradivši se, ten čin vymyslili...* (ib.); *přišedši nalezla ji otevřemu...* (ib.); *usedši na ty koně úprkem se vzdvihla do Nimburka* (ib.); *měštěne obsadivše špitál... tam byli utekli* (ib., 67); *poradiv se... Jindřich...vzdvihl se jest do Korutan...* (ib.); *A všickni ti svázavše se aneb smluwiwše se, učinichu silnú válku* (Pulk. kr., Ant., 67—68); *J vyjede z vlasti, nas ostaviv* (ib., 68); *Tehdy Parmenští... to uslyšewše, sebrali moc svú* (ib.); *Tehda vzemše radu, vyjidechom na pole* (ib.); *...rozpuštivše lid náš, vratichme se do Parmy* (ib.); *...vratichme se do Parmy, poručivše vladařství panu Šimonovi* (ib.); *Uslyšewše panny toto, smluwiwše se rovně o to, pořad spolu se zjednachu* (Bás. mr., Ant., 60); *(Dialektika)... Roztrativši svoje vlasy... tak pojid velmi hrdě* (ib., 1); *Retorika třetie ustavši, a se právě ohledawši, počet' krásně mluwiti* (ib.); *...ctná žena... znamenawši svůj stwor jistě... počě sama se tresktati* (Bás. mr., Výb., 1, 791); *Umysliwši toto wskoře, posla sem tam až do moře...* (ib.); *Uzřewši to Swětopleze..., wede je w svůj dóm mile...* (ib.); *Wěhlasnost... wstawši swú řeč (chce) zjewiti* (ib., 795); *Jednota to uslyšewši, ta krásnice to wzvěděwši, w drahem rúše... stásě, w jednosti to se znamenáše* (ib., 798); *Wěhlasnost to znamenawši s svú wóli k tomu dawši, počě k tomu tak mysliti...* (ib., 790); *Přejew přes moře*

wskáza králi takto (ib., 806); ...Tristram *wzem* šafaře za ruku, jide tam (Tristr., Výb., 1, 808); *Uzřev* to Teofilus *křiče*... (Dor., Výb., II, 22); Sv. Filip... *sezvaav* sbor žakovstva svého, řekl (Leg. o XII apošt., Výb., II, 5); Dyevka, zdwyhši k bohu rucye vecye (Kat., ČČM, 1887, 216); dievka vece *obrativši* svoji plecye... (Marg., ČČM, 1887, 230); A tak na koráb mnoho žakow i jiných lidí s ním *wšedše*, pryč zaplúli (Klim., Výb., 1, 283); *Přiwázawši* čbán k uocasu (liška), wece (Liš., Výb., 1, 229); ona nic nepomeškawši, čbán k ocasu přiwázawši, wzleze wzhoru... (ib.); Tehdy... čbana u wodu wraziwši, wece (ib., 230); Potom swatý Kliment z jeho rukú *wyšed*, Theodoře přikázal (Klim., Výb., 1, 284); Tuť mu žena kwasnic přimče, *dobywši* jich pod kraj hrnce (Remesl., Výb., 1, 225); *umiesiwše*, jidu k stolu (ib., 226); Žena, pomeškawši, vece (ib., 226); Tehda knieže orel... slyšaw swého krále kázanie, sta přede králem (Fl-NR., Výb., 1, 850); To sděw, káza vojem wstátí (Alx. Sv., 703); Král řecký... boje čekáše, *sporiediv* každého k tomu (ib., 1449); *Vzemše* posli listy jeho, nesú je (ib., 1013); *jemše* ho, na kolo zbiehu (ib., 1895); ani *uzemše* radu sprostně, šesti poslom oči zbodú (ib., 2080); *přečkav* tu noc jedinu... (král) vojsce odtad wstátí káza (Alx., Nr., 9); pomeškav rok velmi malý, káza, by se hotovali (Alx. Sv., 510); a ten... *uzem* sobě protivnú radu, zavre se s ní na svém hradu (ib., 100); král lev... *pohleděw* na tu wšichnu družinu děkowa z toho... (ib., 850); *sebraw* wojsko wyjide w cestu... (ČČM, 1895, e 298—Mojž.); To tak zjednaw, slowutně knieže toto zdráw a wesel domów se zase wrátil (Pulk. kr., Výb., 450); Tehda oni mniece, by swatého Klimenta s jeho žáku *swázawše* wlačili, jedny slúpy a kamenie *nawázawše* wlačiechu (Klim., Výb., 1, 284); Takž ten hrabie mluwiv s králem, v službu se přikáza jemu odpowěděw králú swému (Alx., B, 37); sú ztraceni, směle hřešiwše (St., Ob. v., 206); *umřev*, nemohl do nebes (ib., 212); Najprwé dal se poznati andělóm... *ukazaw* jim božstwie (ib., 213); ...pro ny se *narodiv*, umřel... (ib., 214); ...ten jide k swému kopi, *wzem* oř za uzdu... naň skoči, *přijem* k sobě swój štít... (Tristr., Výb., 1, 814); oni powoliwše jeho slowu, tu kladú před lože přitíestichu... (ib., 818); *Přišed* Tristram k swému loži, s pečí se na něm položi (ib., 819); *uslyšev* král Artuš ta slowa, srdečně toho bohu požalowa (ib., 820); Tristram tu požehnaw krále, jede otdud dosti u mále (ib., 824); ...král... *shromáždiw* wojsko wzdwihl se k Krakowu (Pulk. kr., Výb., 1, 485); a když zbyw balach owczie i woly, posla bala-mowr... dary (Mojž., ČČM, 1895, 299); Jehožto zastup knieže Kurimské *potupiv*, s svým zástupem proti němu... vyjewil (Pulk. kr., Anř., 57); sv. Václav... do města *prijew*, kostel ve jmě swatého Víta učinil... (ib.); tak město *obdržaw*, jal Lokétka (Pulk. kr., Výb., 455); Jenž *poradiv* se s pány swými, dal jim syna svého, a oni *přijemše* jeho s velikú radostí, na králowstwie jeho korunowali (ib., 461); tu *wzem* syna svého, domów se jest s ním sčastně wrátil (ib., 462).

Значительно реже деепричастия прошедшего времени получают в предложении значение обстоятельства причины:

To ciesar *uslyšaw*, za to jmaje, welmi se uradowal (Sv. Jiří., Výb., 1, 304); Jehožto oni *uposlúchawše*, města jsú dobyli (ib., 306); To jejie muž *uslyšaw* tomu *uwěřiw*, welmi si užásl (Petr., Výb., 1, 266); Tehdyž král, *daw* běsu obět', musi se wrátiti opěť' (Alx. Sv., 2217); *Zapáliv* se w tom hněwu, přes moře jede (Tristr., Výb., 1, 806); Tehdy král rozhnyewaw se znůwa, káza (Marg., ČČM, 1807, 227); Rozlítiv se pohan lýtý, zamyslił těžké muky (Dor., Výb., 1, 19); Zajiec rychlý přišed ke lvu, *ušt'knúv*

jej, chtieše uteci (Tkadl., Výb., 1, 626); Uzřevši pak obec česká šlechtých mužův, že jsme byli z starého pokolenie králův českých, dachň nám pomoc (Pulk. kr., Ant., 69); Uslyšew zatiem král... smrt krále Wáclawowu, s wojskem welikym přitahl k Čecham (Pulk. kr., Výb., 1, 467).

В значении обстоятельства образа действия деепричастия прошедшего времени встречаются совсем редко (что связано с их основным значением предшествования во времени главному действию):

ač se potom i nad samým pomstil, *utopiw* jej (Št., Výb., 1, 729); ... (smlúwu) potwrzujem, tento list tomu na swědomie *dawše* (Pulk. kr., Výb., 1, 453); ten před ním spadl, *schnuv* nohy (Alx. B, 256); *nepřestav* ve dne ni v noci, množství l'udí život skona (Alx. M. 74);

§ 11. Краткие причастия в роли определения. В качестве определения краткие причастия употреблялись очень редко. Мы можем привести лишь несколько примеров: A tak všickni..., *majíce* zrada tajemně v městech..., řitiechu se na nás (Pulk. kr., Ant., 67); Jest ted' před námi (buoh) *nestoje*, *nesedě*, *neleže*, *nelpě* nikakž, nebo wise, nebo plawaje, nebo léce; ovšem kaks jinak (Št., Rozml., Výb., 1, 674); žena... *chtiec* také mlada se zdáti, skoro se sstará těmi ličidly (Št. Ob. v., Výb., 1, 679); ležiese welmi mnoho lidí menocznic slepich *czekajicze*... (Pr. ev., L. fil., 1897, 281); z toho kuoru také jsú wypadli d'abli, *mohše* swatými anděly býti (Št. Ob. v., Výb., 1, 716); ja jedina... *ostawši* (Pulk. kr., Ant., 65).

Близкими по значению к определению, но с предикативным оттенком выступают краткие причастия настоящего времени на -с, относящиеся в предположении к дополнению:

...tu jeho... blúdice nalezla (Pass., 463); zaslyšal hlas *řkúc* (ib.); (kohož) vdadie oříc nebo *pasúc* nebo plot družiec (Rožmb.); brzo takyto pták výr nad sobú *sedíce* uzříš (Pass., 391); když svého kněze za železným stolem *jedúc* uzříte (Dal., C, 4); juž viziú strážu svého na nosidlých *ležiec* (Alx.); uzřev jeho strastně *ležice* (Krist) nalezl krále Assyrského *bojijic* proti tomu městu (Pror.); I osta tu sám Ježiš a ta žena *stojiecz*... (Pr. ev., L. fil., 1897, 431).

В такой же конструкции встречается иногда причастие, не согласованное с тем именем, к которому оно относится:

kdež usřechu Němce *jdúce*... (Dal., H, 140); uslyšal hlas takto k němu *řkúce* (Pass., L. fil., 1888, 247); když jest syna viděla v chramu *sediece* (Hr., 71); vizi jej na kříži *pniece* (ib., 54a); slyšeli jsme Ježiúše *mluviece* (ib., 825); dokad tě vizi živa *jsúce* (Pass., 310); vidiech ve sně dievku krev *ločice*, v svej zemi jako vzteklú *běhajíce* (Dal., C, 8); uzře tvář jejie *svitiece* (Pass. 343); uzře syna svého... podle sebe *stojiece* (ib., 462); uzřesta ženu *stojiece* (ib., 290); ju (M. Magdalenu) takto *mluviece* uslyšal (ib., 342); mnú *nepomniece* na to bylo jí sbožie otjato (Alx., BM, 325); vizto j'ho na kříži *pniece*, ty těžké muky *trpiece* (Hr., 50); viděch kříž swatý *rostúce* (Marg., 362)*; viděla jsem vieru ktvúce, duši mu radost jmajíce (ib., 358)*; tu swatého Alexandra *stojiece* nalezl (Pass., 393)*.

Трудно определить, в чем заключается причина того, что именно в этих конструкциях краткие причастия действительного залога употребляются в памятниках XIV в. несогласованно. Решение этого вопроса усложняется тем, что здесь они выступают в функции предикативного определения, в то время как в функции обстоятельственных слов краткие причастия (деепричастия) в подавляющем большинстве случаев употребляются согласованно.

Возможно, что в данных примерах представлены формы винительного падежа (ед. и мн. ч.), которые были употребительны, когда определение являлось основной функцией кратких причастий. Но поскольку для данного периода функция определения кратким причастиям была несвойственна, наблюдалось смешение этих форм, несогласованное употребление их.

И, наконец, несколько примеров с причастиями, стоящими в предложении обособленно, не имеющими связи ни с одним из членов предложения. В этих случаях употребляются без различия формы на *-се* и на *-с*:

...co je bylo múdrých lidí, ješto nemúdre řeči ostavili, *mlčíc* o tom, co jsme vidali (Št. Ob. v., 15); *řkúc* pravdu, kto podrži smiernosti, neniet' bohu mil (ib., 203); šestý kór, dolóv *čtúc*... (ib., 94); dalt' sem za tento hřiech více (pokáni), než za vše, pravdu *mluviece* (Hr., 112); nam buoh pravdu *mluviece*, dává darmo velím více (ib., 115).

* * *

Анализ материалов, представленных в данной статье, приводит нас к следующим выводам:

1. Употребление кратких действительных причастий в функции определения памятникам чешской письменности XIV в. было несвойственно. В этой функции употреблялись местоименные формы действительных причастий.

2. В памятниках чешского письма XIV в. отражено, как переходный этап в формировании из причастий категории деепричастия, употребление кратких причастий в качестве сказуемого, а именно: а) второстепенного сказуемого простого или сложно-сочиненного предложения, которое (сказуемое-причастие) присоединяется к глагольному сказуемому при помощи союзов *i*, *a*; б) в качестве именной части составного сказуемого; в) в качестве сказуемого придаточного предложения, связанного с главным при помощи относительного слова.

3. Наибольшее значение в формировании категории деепричастия, по нашему мнению, имело употребление кратких причастий в качестве второстепенных сказуемых, присоединяемых к главному, глагольному сказуемому при помощи соединительных союзов.

4. Процесс перехода кратких причастий в деепричастия, связанный в других славянских языках со смешением их форм и установлением в дальнейшем одной формы деепричастия, в чешском языке развивался несколько иными путями. Мы находим некоторое отражение процесса смешения форм кратких причастий в чешских памятниках письменности XIV в. (для причастий настоящего времени), но полного смешения этих форм не было. В большинстве случаев причастия, в какой бы они функции ни выступали, согласуются в роде и числе с именем, с которым они синтаксически связаны.

5. Основное количество примеров в памятниках чешской письменности XIV в. таких, в которых краткие причастия выступают в функции предикативных обстоятельственных слов, т. е. деепричастий.

В этих случаях они так же согласуются с подлежащим предложения, как согласовались с ним, выступая в функции предиката.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Alx. — Alexandreida, по спискам: Alx. В — Budějovický; Alx. ВМ — Budějovicko-Musejní; Alx. Н — Jindřicho-Hradecký; Alx. М — Musejní; Alx. Sv. (Alx. V) — Svatovitský. Изд. А. Pátery М. Hattaly. Praha, 1881.
- Ant. — Antologie ze staré literatury české, sestavil Josef Jireček. Praha, 1861.
- Ap. (Leg. Apošt) — Zlomky legendy o apoštolích, z doby ok. r. 1300, Výbor z literatury české, I, стр. 1143—1146, Výbor... II, стр. 1—6.
- Arch. — Archiv český, díl I, изд. F. Palackého. Praha, 1845
- Báj. o liš. — Bájka o lišce a čbanu, Výbor z literatury české, I, стр. 227—230.
- Bás. mr. — Básně mravoučné. Antologie ze staré literatury české, стр. 60—63.
- Bás. děj. — Zlomky básní dějpravných, Výbor z literatury české, I, стр. 169—182.
- Boh. — Bohemarius major, slovník a dialogy, r. 1379. J. Gebauer. Historická mluvnice jazyka českého, díl IV, стр. 596 и сл.
- ČČM — Časopis českého Musea, начиная с 1827 г.
- Dal. — Dalimilova kronika; Dal. С — список Кембриджский;
- Dal. Н — изд. Ганки, Praha, 1851.
- Desat káz. — Desátero kázání božích, Výbor z literatury české, I, стр. 231—263.
- Dět. Jež — Versované zlomky o dětství Ježíšovu, ČČM, 1885, стр. 118—123; ČČM, 1889, стр. 455—459.
- Dor. — Legenda o sv. Dorotě, Výbor z literatury české, II, стр. 17—22.
- FL. NR. — Smil Flaška z Pardubic, „Nová rada“, Výbor z literatury české, I, стр. 849—910.
- Hr. — Hradecký rukopis (I pol. XIV st.), изд. А. Pátery, 1882.
- Jež. — Ježíšovo mládí, Výbor z literatury české, I, стр. 387—419.
- Jid. — Zlomek legendy o Jidáši, ČČM, 1888, стр. 94—100.
- Kat. — Legenda o Sv. Kateřině, Výbor z literatury české, I, стр. 288—300.
- Karl. — Život císaře Karla IV, Výbor z literatury české, I, стр. 499—574.
- Klim. — Legenda o sv. Klimentu, Výbor z literatury české, I, стр. 282—283.
- Kr. — Život Krista Pána, L. fil., 1884, стр. 283—292.
- Leg. o Pet. (Pet) — Legenda o sv. Petru, Výbor z literatury české, I, стр. 263—282.
- Leg. o Prok. — Legenda o sv. Prokopu, Výb., 182—211.
- L. fil. — Listy filologické от 1874 г. и сл.
- Marg. — Legenda o sv. Margaretě, ČČM, 1887.
- Mojž. — Legenda o Mojžíšovi, ČČM, 1895.
- Mastičkař — Výbor z literatury české, I, стр. 65—83.
- Ondř. — Ondřeje z Dube výklad na pravo země České, Výbor z literatury české, I, стр. 963—1008.
- Pass. — Staročeský passionál r. 1395, L. fil., 1888, стр. 242—259.
- Pr. ev. — Pražský evangeliář, L. fil., 1897, стр. 187 и сл
- Prísl. — Sbíрка nejstarších přísloví českých, Výbor z literatury české, I, стр. 839—848.
- Prok. (Pr.) — Legenda o sv. Prokopu, Výbor z literatury české, I, стр. 182—211.
- Pulk. kr. — Pulkavova kronika česká, Výbor z literatury české, I, стр. 427—498.
- Řemesl. — Satury o řemeslnících, Výbor z literatury české, I, стр. 211—228.
- Rožmb. — Kniha Rožmberská, L. fil., 1880, стр. 261—293; Arch. i, стр. 451 и сл.
- Swar. — Swar mody s vínem, Výbor z literatury české, I, стр. 927—942.
- Sv. D. — Ducha swatého seslání, Výbor z literatury české, I, стр. 178—180.
- Št. — Štítný, Tomáš;
- Št. Ob. v. — Štítný, Knížky šestery o obecných věcech křesťanských (1376), изд. К. J. Erbena, 1852.
- Št. Řn. — Štítný, Řeči nedělní a svateční (1392), то же изд.
- Tkadl. — Tkadlecěk, Výbor z literatury české, I, стр. 625—634.
- Tristr. — Tristram, Výbor z literatury české, I, стр. 803—824.
- Výb. I, II — Výbor z literatury české, díl I, Praha, 1845; díl II, Praha, 1857.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
<i>Е. Т. Черкасова.</i> Причинные союзы и их значения в старославянском языке	5
<i>В. В. Бородич.</i> К вопросу о видовых отношениях старославянского глагола	50
<i>А. С. Львов.</i> Из наблюдений над лексикой старославянских памятников	139
<i>К. И. Ходова.</i> Из наблюдения над лексикой древнерусского списка „Жития Нифонта“ 1219 г.	182
<i>Р. М. Цейтлин.</i> Об основных значениях приименной приставки <i>па-</i> в славянских языках	205
<i>Е. В. Немченко.</i> Именные формы действительных причастий в древнейших памятниках чешского языка	225

Утверждено к печати институтом Славяноведения Академии Наук СССР

Редактор издательства *Г. А. Лескис.*

Технический редактор *Е. Д. Гракова.*

РИСО АН СССР № 25-44В, Т-04035. Издат. № 135. Тип. заказ № 1057. Подп. к печ. 5.VI 1954 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. Печ. л. 14,73. Уч.-издат. л. 22,5. Бум. л. 7,87. Тираж 3300.

Цена по прейскуранту 1952 г. 15 р.

1-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9-я линия, д. 12.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
6	17 сн.	} F. Jagić	V. Jagić
31	2 сн.		
21	{ 14 сн.	K. Nitsc	K. Nitsch
	{ 14 сн.	H. Ulaszyn	H. Ulaszyn
	{ 6 сн.	ћ. Данићић	ћ. Даничић
	{ 4 сн.	Meretić	Maretić
	{ 2 сн.	У Беру	У Бечу
22	3 сн. и 1 св.	А. А. Дювернуа	А. Л. Дювернуа
34	2 сн.	Данићић	Даничић
184	{ 9 св.	ищитая и	ищитаяи
	{ 2 сн.	si glosar	ši glosar
186	{ 18, 20 св.	πάξιον	πάξιον
	{ 22, 23 св.	ἑπάξιον	ἑπάξιον
187	13 св.	χίχτημένος	хеχтнμένος
191	16 св.	γαστριμαρυία	γαστριμρυία
193	20 сн.	братъ	братъ
197	{ 19 св.	на зѣдъ	на зѣдъ
	{ 10 св.	презеръство	презоръство
199	29 св.	Толгѡв	Толгѡ
202	12 св.	имаѡ	има в

5945